ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ КАЗЕННОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«УФИМСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

ВЕСТНИК
Уфимского юридического института МВД России

№ 4 (110)

BULLETIN
of Ufa Law Institute of MIA of Russia

Издание включено в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертации на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации

The journal is included into the list of the reviewed scientific publications recommended by the Higher Attestation Commission under the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation in which the main results of theses for the degrees of Doctors and Candidates of Sciences must be published

Уфа – 2025

12+

УДК 34

В Е С Т Н И К

№ 4 (110) 2025 Уфимского юридического института МВД России

Научно-практический журнал Издается с июня 1998 года ежеквартально

Учредитель и издатель – ФГКОУ ВО УЮИ МВД России

Главный редактор:

Пожарский Дмитрий Владимирович – доктор юридических наук, доцент, заместитель начальника Уфимского юридического института МВД России по научной работе.

Заместитель главного редактора:

Рахимов Эльдар Харисович – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры гражданско-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Члены редакционной коллегии:

Аничкин Евгений Сергеевич – доктор юридических наук, доцент, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, директор юридического института Алтайского государственного университета.

Анохин Юрий Васильевич – доктор юридических наук, профессор, почетный сотрудник МВД России, заслуженный сотрудник органов внутренних дел Российской Федерации, профессор кафедры конституционного и международного права Алтайского государственного университета.

Баишева Зиля Вагизовна – доктор филологических наук, доцент, заслуженный учитель Республики Башкортостан, профессор кафедры теории государства и права Института права Уфимского университета науки и технологий.

Бакирова Лена Рифхатовна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных и русского языков Уфимского юридического института МВД России.

Беглова Елена Ивановна – доктор филологических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, отличник образования Республики Башкортостан, профессор кафедры иностранного языка и культуры речи Нижегородской академии МВД России.

Безлепкина Ольга Вячеславовна – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры профессиональной подготовки Уфимского юридического института МВД России.

Биккинин Ирек Анасович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры административно-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Васильев Антон Александрович – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права Алтайского государственного университета.

Вилкова Алевтина Владимировна – доктор педагогических наук, профессор, действительный член Академии военных наук, заместитель начальника Научно-исследовательского института ФСИН России.

Газизов Рафаэль Аркадьевич – доктор филологических наук, профессор, и.о. директора Института гуманитарных и социальных наук Уфимского университета науки и технологий.

Гейжан Наталия Федоровна – доктор педагогических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, профессор кафедры педагогики и психологии Санкт-Петербургского университета МВД России.

Грачев Николай Иванович – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры конституционного и административного права Волгоградской академии МВД России.

Григорьев Виктор Николаевич – доктор юридических наук, профессор, почетный сотрудник МВД России, профессор кафедры уголовного процесса Ульяновского государственного университета.

Десятов Михаил Сергеевич – доктор юридических наук, доцент, первый заместитель начальника Омской академии МВД России по учебной работе.

Диваева Ирина Рафаэловна – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института МВД России.

Дизер Олег Александрович – доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина по научной работе.

Ендольцева Алла Васильевна – доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, профессор кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Зайцев Олег Александрович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, главный научный сотрудник центра уголовного и уголовно-процессуального законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации.

Зауторова Эльвира Викторовна – доктор педагогических наук, профессор, член-корреспондент Международной академии наук педагогического образования, профессор кафедры юридической психологии и педагогики Вологодского института права и экономики ФСИН России.

Иванов Дмитрий Александрович – доктор юридических наук, профессор, почетный сотрудник МВД России, начальник кафедры предварительного расследования Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Иванов Петр Иванович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, главный научный сотрудник научно-исследовательского центра Академии управления МВД России.

Илакавичус Марина Римантасовна – доктор педагогических наук, методист службы развития и проектов Петербургского педагогического колледжа имени Н.А. Некрасова.

Ильяшенко Алексей Николаевич – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Кубани, профессор кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора Кубанского государственного университета.

Искандарова Гульнара Рифовна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры иностранных и русского языков Уфимского юридического института МВД России.

Каримова Гульназ Юрисовна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры административно-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Кархалев Денис Николаевич – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского права Юридического инстиута Сибирского Федерального университета.

Ковтуненко Любовь Васильевна – доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедры педагогики и педагогической психологии Воронежского государственного университета.

Кузбагаров Асхат Назаргалиевич – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры.

Латыпов Вадим Сагитьянович – доктор юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного процесса Уфимского юридического института МВД России.

Макарейко Николай Владимирович – доктор юридических наук, доцент, почетный сотрудник МВД России, профессор кафедры административного права и процесса Нижегородской академии МВД России.

Макаренко Илона Анатольевна – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Башкортостан, заслуженный деятель науки Республики Башкортостан, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, заведующая кафедрой криминалистики Института права Уфимского университета науки и технологий.

Маликов Борис Зуфарович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института МВД России.

Мартынов Алексей Владимирович – доктор юридических наук, профессор, почетный работник сферы образования Российской Федерации, заведующий кафедрой административного и финансового права юридического факультета Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского.

Мичурина Оксана Валерьевна – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Морозов Сергей Юрьевич – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, заведующий кафедрой гражданского и предпринимательского права, декан юридического факультета Ульяновского государственного университета.

Муравьев Кирилл Владимирович – доктор юридических наук, доцент, начальник научно-исследовательского центра Академии управления МВД России.

Мухаметов Павел Алексеевич – кандидат исторических наук, доцент, начальник кафедры государственно-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Небратенко Геннадий Геннадиевич – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Академии управления МВД России.

Нугаева Эльвира Дамировна – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры криминалистики Уфимского юридического института МВД России.

Нухов Салават Жавдатович – доктор филологических наук, профессор, отличник образования Республики Башкортостан, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, профессор кафедры зарубежной лингвистики Высшей школы зарубежной филологии лингвистики и перевода Института гуманитарных и социальных наук Уфимского университета науки и технологий.

Овсепян Жанна Иосифовна – доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, академик Российской академии наук, профессор кафедры конституционализма Южного федерального университета.

Орехова Елена Николаевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры современного русского языка имени профессора П.А. Леканта Государственного университета просвещения.

Осокин Роман Борисович – доктор юридических наук, профессор, начальник факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Павличенко Николай Владимирович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, почетный сотрудник МВД России, главный научный сотрудник Научно-исследовательского института ФСИН России.

Петрова Елена Александровна – доктор филологических наук, доцент, отличник образования Республики Башкортостан, заведующий кафедрой иностранных и русского языков Уфимского юридического института МВД России.

Победкин Александр Викторович – доктор юридических наук, профессор, начальник кафедры уголовной политики Академии управления МВД России.

Поезжалов Владимир Борисович – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел Уфимского юридического института МВД России.

Пономарева Екатерина Владимировна – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры административно-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Редько Александр Александрович – доктор юридических наук, доцент, первый заместитель начальника Волгоградской академии МВД России.

Самигуллин Венир Калимуллович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Степанова Айгуль Ахметзямилевна – кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры государственно-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России.

Тарасов Александр Алексеевич – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и процесса Института права Уфимского университета науки и технологий.

Химичева Ольга Викторовна – доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, начальник кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Ходякова Наталия Владимировна – доктор педагогических наук, доцент, почетный сотрудник МВД России, профессор кафедры психологии, педагогики и организации работы с кадрами Академии управления МВД России.

Цуканов Николай Николаевич – доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника Сибирского юридического института МВД России по научной работе.

Шайхуллин Марат Селирович – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института МВД России.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.
Рег. №: ПИ № ФС77-75866 от 24 мая 2019 г.
Журнал входит в базу данных «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ) научной электронной библиотеки «eLIBRARY».
Подписной индекс: распространяется по договору подписки с ООО «Агенство «Книга-Сервис», 39481.
Адрес редакции, издателя, типографии: 450103, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Муксинова, д. 2.
Литературный редактор Л. Р. Байдавлетова. Техническая верстка Л. Р. Байдавлетова.
Телефон/факс: (347) 255-06-66; e-mail: rio_uyi@mvd.gov.ru.
Редакционно-издательский отдел Уфимского ЮИ МВД России.
Подписано в печать: 17.11.2025. Дата выхода в свет: 27.11.2025.
Формат 60x84 1/8. Усл. печ. л. 27. Гарнитура Times. Тираж 1000 экз. Первый завод 50 экз.
Заказ № 87. Цена свободная.

B U L L E T I N
No. 4 (110) 2025 **of Ufa Law Institute of MIA of Russia**

Scientific and practical journal Published since June 1998 quarterly
Founder and publisher – Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

Editor-in-chief:

Pozharsky Dmitry Vladimirovich – Doctor of Law, Associate Professor, Deputy Head of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia for scientific work.

Deputy editor-in-chief:

Rakhimov Eldar Kharisovich – Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of Civil Law Disciplines of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Members of the editorial board:

Anichkin Evgeniy Sergeevich – Doctor of Law, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Director of the Law Institute at Altai State University.

Anokhin Yury Vasilievich – Doctor of Law, Professor, Honorary Officer of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Honored Officer of Internal Affairs Bodies of the Russian Federation, Professor of the Department of Constitutional and International Law at Altai State University.

Baisheva Zilya Vagizovna – Doctor of Philology, Associate Professor, Honored Teacher of the Republic of Bashkortostan, Professor of the Department of Theory of State and Law of the Institute of Law at Ufa University of Science and Technology.

Bakirova Lena Rifkhatovna – Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Foreign and Russian Languages of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Beglova Elena Ivanovna – Doctor of Philology, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Excellent Worker of Education of the Republic of Bashkortostan, Professor of the Department of Foreign Language and Culture of Speech at Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Bezlepkina Olga Vyacheslavovna – Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of Professional Training at Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Bikkinin Irek Anasovich – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Republic of Bashkortostan, Professor of the Department of Administrative Law Disciplines at Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Vasiliev Anton Aleksandrovich – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Theory and History of State and Law at Altai State University.

Vilkova Alevtina Vladimirovna – Doctor of Pedagogy, Professor, Full Member of the Academy of Military Sciences, Deputy Head of the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia.

Gazizov Rafael Arkadievich – Doctor of Philology, Professor, Acting Director of the Institute of Humanities and Social Sciences at Ufa University of Science and Technology.

Geizhan Nataliya Fedorovna – Doctor of Pedagogy, Professor, Honored Worker of Higher School of the Russian Federation, Professor of the Department of Pedagogy and Psychology at St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Grachev Nikolai Ivanovich – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law at Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Grigoriev Viktor Nikolaevich – Doctor of Law, Professor, Honorary Officer of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Professor of the Department of Criminal Procedure at Ulyanovsk State University.

Desyatov Mikhail Sergeevich – Doctor of Law, Associate Professor, First Deputy Head at Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia for academic work.

Divaeva Irina Rafaelovna – Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Law and Criminology at Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Dizer Oleg Aleksandrovich – Doctor of Law, Professor, Deputy Head for Scientific Work at Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin for scientific work.

Endoltseva Alla Vasilyevna – Doctor of Law, Professor, Honored Worker of Higher School of the Russian Federation, Professor of the Department of Criminal Procedure at Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot.

Zaitsev Oleg Aleksandrovich – Doctor of Law, Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Chief Researcher of the Center for Criminal and Criminal Procedure Legislation at the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation.

Zautorova Elvira Viktorovna – Doctor of Pedagogy, Professor, Corresponding Member of the International

Academy of Sciences of Pedagogical Education, Professor of the Department of Legal Psychology and Pedagogy at Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia.

Ivanov Dmitry Aleksandrovich – Doctor of Law, Professor, Honorary Officer of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Head of the Department of Preliminary Investigation at Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot.

Ivanov Petr Ivanovich – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Chief Researcher of the Research Center at the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

Ilakavicius Marina Rimantasovna – Doctor of Pedagogy, Methodologist of the Development and Projects Service of Petersburg Pedagogical College named after N.A. Nekrasov.

Ilyashenko Aleksey Nikolaevich – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of Kuban, Professor of the Department of Criminal Procedure and Prosecutor's Supervision at Kuban State University.

Iskandarova Gulnara Rifovna – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Foreign and Russian Languages at Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Karimova Gulnaz Yurisovna – Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Administrative Law Disciplines at Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Karkhalev Denis Nikolaevich – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Civil Law of the Law Institute of the Siberian Federal University.

Kovtunenko Lyubov Vasilyevna – Doctor of Pedagogy, Professor, Head of the Department of Pedagogy and Pedagogical Psychology of the Faculty of Philosophy and Psychology at Voronezh State University.

Kuzbagarov Askhat Nazargalievich – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Civil Law Disciplines of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office.

Latypov Vadim Sagityanovich – Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Procedure at Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Makareiko Nikolai Vladimirovich – Doctor of Law, Associate Professor, Honorary Officer of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Professor of the Department of Administrative Law and Procedure at Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Makarenko Ilona Anatolyevna – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Republic of Bashkortostan, Honored Scientist of the Republic of Bashkortostan, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Scientific Adviser of the Institute of Law, Head of the Department of Criminalistics of the Institute of Law at Ufa University of Science and Technology.

Malikov Boris Zufarovich – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology at Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Martynov Aleksey Vladimirovich – Doctor of Law, Professor, Honorary Worker of Education of the Russian Federation, Head of the Department of Administrative and Financial Law at the Law Faculty of National Research Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky.

Michurina Oksana Valeryevna – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Procedure at Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot.

Morozov Sergey Yurievich – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Head of the Department of Civil and Entrepreneurial Law, Dean of the Faculty of Law at Ulyanovsk State University.

Muravyov Kirill Vladimirovich – Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Research Center of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Mukhametov Pavel Alekseevich – Candidate of History, Associate Professor, Head of the Department of State Law Disciplines at Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Nebratenko Gennady Gennadievich – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of State Law Disciplines at the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Nugaeva Elvira Damirovna – Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of Criminalistics at Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Nukhov Salavat Zhavdatovich – Doctor of Philology, Professor, Excellent Worker of Education of the Republic of Bashkortostan, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Professor of the Department of Foreign Linguistics of Higher School of Foreign Philology, Linguistics and Translation of the Institute of Humanities and Social Sciences at Ufa University of Science and Technology.

Ovsepyan Zhanna Iosifovna – Doctor of Law, Professor, Honored Worker of Higher School of the Russian Federation, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Professor of the Department of Constitutionalism of the Law Faculty at the Southern Federal University.

Orekhova Elena Nikolaevna – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Modern Russian Language named after Professor P.A. Lekant at the State University of Education.

Osokin Roman Borisovich – Doctor of Law, Professor, Head of the Faculty of Training of Scientific-Pedagogical and Scientific Personnel at Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot.

Pavlichenko Nikolai Vladimirovich – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Honorary Officer of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Chief Researcher at the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia.

Petrova Elena Aleksandrovna – Doctor of Philology, Associate Professor, Excellence in Education of the Republic of Bashkortostan, Head of the Department of Foreign and Russian Languages at Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Pobedkin Aleksandr Viktorovich – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminal Policy at the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Poezzhalov Vladimir Borisovich – Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Operational Investigative Activities of the Internal Affairs Bodies at Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Ponomareva Ekaterina Vladimirovna – Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of Administrative Law Disciplines of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Redko Aleksandr Aleksandrovich – Doctor of Law, Associate Professor, First Deputy Head of Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Samigullin Venir Kalimullovich – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of State Law Disciplines of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Stepanova Aigul Akhmetzyamilevna – Candidate of Law, Associate Professor, Deputy Head of the Department of State Law Disciplines of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Tarasov Aleksandr Alekseevich – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminal Law and Procedure at the Institute of Law of Ufa University of Science and Technology.

Khimicheva Olga Viktorovna – Doctor of Law, Professor, Honored Worker of Higher School of the Russian Federation, Head of the Department of Criminal Procedure at Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot.

Khodyakova Natalia Vladimirovna – Doctor of Pedagogy, Associate Professor, Honorary Officer of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Professor of the Department of Psychology, Pedagogy and Organization of Work with the Staff at the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Tsukanov Nikolai Nikolaevich – Doctor of Law, Professor, Deputy Head at the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia for scientific work.

Shaikhullin Marat Selirovich – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology at Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

The journal is registered with the Federal Service for Supervision of Communications, information technologies and mass communications.
Reg. №.: PI № FS77-758669 24.05.2019.
Included into «Russian Science Citation Index» data base of «eLIBRARY».
The subscription index circulates according to the subscription contract with «Agency «Kniga-Servis», Ltd. 39481.
The address of the editorial office, the editor and the printing house: 450103,
the Republic of Bashkortostan, Ufa, 2, Muksinova street.
The copy editor L. R. Baidavletova. Layout L. R. Baidavletova.
Tel./fax (347) 255-06-66; e-mail: rio_uyi@mvd.gov.ru.
Editorial and publishing department of Ufa Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation.
Signed for publishing: 17.11.2025. Release date: 27.11.2025.
Format 60x84 1/8. Conv. print sheets 27. Typeface Times.
Circulation: 1000 copies. The first plant is 50 copies. Order № 87. Free price.

СОДЕРЖАНИЕ

Уфимскому юридическому институту МВД России – 55 лет
Амиров Р. З., Асеев И. А. Катаев Николай Анатольевич: руководитель, ученый, педагог (к 55-летию образования Уфимского ЮИ МВД России).....12

Теоретико-исторические правовые науки
Пожарский Д. В. Современное государство: ценность, функции, перспективы трансформации..... 18
Васильев А. А., Боловнев М. А. Институты исторической памяти в различных государствах..... 26
Епифанов А. Е. Теоретико-правовое исследование государства как формы политической организации общества.....34

Публично-правовые (государственно-правовые) науки
Георгиева П. А. Сравнительно-правовой анализ зарубежного законодательства об особо охраняемых природных территориях 41
Иванников И. А., Маликов Б. З. Конституционные основы равенства, единства народа России и проявления уголовно-правовых мотивов ненависти и вражды (часть вторая)..... 50
Савраскин С. Н. Роль государственных органов в оптимизации миграционных процессов ...67

Частно-правовые (цивилистические) науки
Макеева И. С., Рахимов Э. Х. Правовые проблемы оборота и защиты прав владельцев криптовалют и иных виртуальных активов 77

Уголовно-правовые науки
Бирюков С. Ю., Трубчанинов А. В. Тактические аспекты применения средств невербальной коммуникации в ходе производства допроса 86
Гаджиалиева А. Т. Проблемы и перспективы совершенствования института приостановления предварительного расследования 96
Мангасаров Р. А., Бурцев А. О. Противодействие актам незаконного вмешательства в деятельность объектов транспортной инфраструктуры..... 109
Москвина Д. Р. Сущностное значение деятельности органа дознания при производстве неотложных следственных действий..... 114
Паутов С. С. Взаимосвязи структурных элементов криминалистической характеристики мошенничества, совершаемого с использованием интернет-сервисов размещения объявлений 122
Сазонов И. С., Биккинин И. А. Вопросы профилактики терроризма в учреждениях общего образования.....136

Общие вопросы языкознания.
Лингводидактика. Юрислингвистика
Алферова Ю.И. Концепты, связанные с профессиональной деятельностью сотрудников полиции: реконструкция ассоциативных полей в языковом сознании носителей португальского, французского и русского языков 147
Долгоржав Д., Петрова Е. А. Контекстно-ориентированный анализ учебных программ по английскому языку для специальных целей 155
Гольцова Т. А., Проценко Е. А. Микрообучение как современный подход к изучению иностранного языка 166
Шашкова В. Н. Специфика обучения адъюнктов аргументативному высказыванию на английском языке.....175

Общая педагогика, история педагогики и образования.
Методология и технология профессионального образования

Бажанов С. А. Укрепление взаимоотношений в семье – одно из условий предупреждения педагогической запущенности учащихся 184
Вилкова А. В., Ковтуненко Л. В., Полякова Я. Н. Подготовка научных кадров высшей квалификации для уголовно-исполнительной системы: проблемы и стратегии развития 189
Казберов П. Н. Формирование референтного отношения к классному коллективу у педагогически запущенных школьников 196
Субботин А. Н. Формирование цифровой компетентности в системе профессионального образования сотрудников органов внутренних дел 203

Памятка 213

CONTENTS

Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia is 55 years old
Amirov R. Z., Aseev I. A. Kataev Nikolay Anatolyevich: leader, scientist, teacher (to the 55th anniversary of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia).....12

Theoretical and historocal legal sciences
Pozharsky D. V. The modern state: functions, value, prospects for transformation..... 18
Vasiliev A. A., Bolovnev M. A. Institutions of historical memory in various countries 26
Epifanov A. E. Theoretical and legal study of the state as a form of political organization of society.....34

Public law (state law) sciences
Georgieva P. A. Comparative legal analysis of foreign legislation on specially protected natural areas 41
Ivannikov I. A., Malikov B. Z. Constitutional foundations of equality, unity of the people of Russia and manifestations of criminal-legal motives of hatred and enmity (part two)..... 50
Savraskin S. N. The role of government agencies in optimizing migration processes 67

Private law (civil law) sciences
Makeeva I. S., Rakhimov E. Kh. Legal issues of circulation and protection of rights of owners of cryptocurrencies and other virtual assets. 77

Criminal law sciences
Biryukov S. Yu., Trubchaninov A. V. Tactical aspects of the use of non-verbal communication tools during an interrogation..... 86
Gadzhialieva A. T. Problems and prospects for improving the institution of suspension of preliminary investigation..... 96
Mangasarova R. A., Burtsev A. O. Countering acts of illegal intereference in the activities of transport infrastructure facilities 109
Moskvina D. R. Essential significance of the investigative body's activities in carrying out urgent investigative actions 114
Pautov S. S. Interrelations of structural elements of forensic characteristics of fraud committed using Internet advertisement services..... 122
Sazonov I. S., Bikkinin I. A. Issues of terrorism prevention in general education institutions.....136

General issues of linguistics.
Linguodidactics. Legal linguistics
Alferova Yu. I. Concepts related to the police officers' professional activities: reconstruction of associative fields in the linguistic consciousness of Portuguese, French and Russian speakers 147
Dolgorjav D., Petrova E. A. Context-oriented analysis of English for specific purposes curriculums..... 155
Goltsova T. A., Protsenko E. A. Microlearning as a modern approach to learning a foreign language 166
Shashkova V. N. Specificities of teaching adjuncts argumentative speech in English.....175

General pedagogy, history of pedagogy and education.
Methodology and technology of professional education
Bazhanov S. A. Strengthening family relationships is one of the conditions for preventing pedagogical neglect of students.....184
Vilkova A. V., Kovtunenko L. V., Polyakova Ya. N. Training of highly qualified scientists for the criminal-executive system: problems and development strategies..... 189

Kazberov P. N. Formation of reference attitude to the class collective in pedagogically neglected schoolchildren 196
Subbotin A. N. Formation of digital competence in the system of professional education for law enforcement officers 203

Instruction 213

УФИМСКОМУ ЮРИДИЧЕСКОМУ ИНСТИТУТУ МВД РОССИИ – 55 ЛЕТ

Обзорная статья
УДК 378.124:378.6.351.74(470.57-25)

КАТАЕВ НИКОЛАЙ АНАТОЛЬЕВИЧ: РУКОВОДИТЕЛЬ, УЧЕНЫЙ, ПЕДАГОГ (К 55-ЛЕТИЮ ОБРАЗОВАНИЯ УФИМСКОГО ЮИ МВД РОССИИ)

Рустем Загирович Амиров[1], Игорь Анатольевич Асеев[2]
[1, 2] Уфимский юридический институт МВД России, Уфа, Россия
[1] amirov_rus@bk.ru, [2] aseev60@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена многогранной деятельности профессора Н. А. Катаева в качестве ученого, педагога и руководителя Уфимской высшей школы МВД России. Рассматриваются основные этапы его профессионального пути, вклад в развитие истории и теории государства и права, методики формирования образовательных программ и достижения в области управления вузом. Исследование основано на анализе научных трудов, архивных документов и воспоминаний коллег. Результаты демонстрируют уникальный синтез академической и управленческой экспертизы, подтверждая значительную роль Н. А. Катаева в создании и становлении Уфимской высшей школы МВД России. Научная деятельность Н. А. Катаева способствовала теоретическому осмыслению проблем разграничения полномочий между центром и регионами и стала одним из главных направлений его научных интересов, которые в том числе касались наиболее сложных вопросов теории и истории пенитенциарного законодательства Российской Федерации.

Ключевые слова: Высшая школа, Министерство внутренних дел, кафедра историко-правовых дисциплин, преподаватель.

Для цитирования: Амиров Р. З., Асеев И. А. Катаев Николай Анатольевич: руководитель, ученый, педагог (к 55-летию образования Уфимского ЮИ МВД России) // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2025. № 4 (110). С. 12–17.

Review article

KATAEV NIKOLAY ANATOLYEVICH: LEADER, SCIENTIST, TEACHER (TO THE 55TH ANNIVERSARY OF UFA LAW INSTITUTE OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA)

Rustem Z. Amirov[1], Igor A. Aseev[2]
[1, 2] Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ufa, Russia
[1] amirov_rus@bk.ru, [2] aseev60@mail.ru

Abstract. The article explores the multifaceted work of Professor N. A. Kataev as a scholar, educator, and Head of Ufa Higher School of the Ministry of Internal Affairs of Russia. It examines the key stages of his professional career, his contributions to the history and theory of state and law, his methods for developing educational programs, and his achievements in university management. The study is based on the analysis of scholarly works, archival documents, and colleagues' memoirs. The results demonstrate a unique synthesis of academic and managerial expertise, confirming N. A. Kataev's significant role in the creation and development of Ufa Higher School of the Ministry of Internal Affairs of Russia. N. A. Kataev's research contributed to a theoretical understanding of the delimitation of powers between the center and the regions and became one of the main areas of his research interests, which included the most complex issues in the theory and history of penitentiary legislation in the Russian Federation.

Keywords: Higher School, Ministry of Internal Affairs, Department of Historical and Legal Disciplines, lecturer.

© Амиров Р. З., Асеев И. А., 2025

For citation: Amirov R. Z., Aseev I. A. Kataev Nikolay Anatolyevich: leader, scientist, teacher (to the 55th anniversary of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia) // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. No. 4 (110). P. 12–17. (In Russ.)

Николай Анатольевич Катаев родился 22 ноября 1939 года в городе Сокол Вологодской области в рабочей семье. Детские годы он провел в Казахстане, куда они с матерью были эвакуированы в годы войны. Уже в раннем возрасте у него проявились способности быстро усваивать школьный учебный материал.

После окончания средней школы работал разнорабочим на рыбоконсервном комбинате в городе Гурьеве. Освоил ряд рабочих профессий, которые, по его словам, не только помогли ему в жизни, но и научили ценить людей – профессионалов своего дела.

Безусловно, в жизни молодого Николая Катаева несколько важных факторов сыграли определяющую роль. Прежде всего это огромное желание учиться, стремление к знаниям и самосовершенствованию, а также тот факт, что преподаватели, с которыми его свела жизнь в стенах Саратовского юридического института, оказали огромное влияние на его личность и дальнейший жизненный путь.

Как вспоминал сам Николай Анатольевич, профессора И. Е. Фарбер, М. С. Байтин, В. Б. Виленский, И. С. Ной, А. Л. Цыпкин, Ц. М. Каз, Н. И. Химичева, Н. Б. Зейдер, читавшие лекции по юридическим дисциплинам, безусловно, повлияли на его решение связать свой жизненный путь с юриспруденцией.

Эти факторы определили жизненные и научные интересы Николая Катаева. Настойчивость и целеустремленность, проявленные им в годы учебы, сформировали характер будущего ученого и педагога. Уже в первых своих научных работах Н. А. Катаев проявил качества исследователя, который на основе разбора источников, обосновывал собственные суждения по научным проблемам. Придерживаясь методов историко-юридической школы, он в то же время старался не ограничиваться формально-юридической интерпретацией документов, а пытался понять их социальную обусловленность и значимость. Профессора М. И. Байтин и Б. В. Виленский обратили внимание на молодого студента, проявившего качества исследователя: целеустремленность и настойчивость.

В целом выпуск 1964 года Саратовского юридического института особо выделялся по своему научно-преподавательскому потенциалу. Сокурсниками Н. А. Катаева были В. Г. Кутушев, С. П. Щерба, Л. В. Сердюк, С. А. Черноморец и др., которые в будущем стали широко известны в научном сообществе.

По окончании аспирантуры Всероссийского юридического заочного института Н. А. Катаев под руководством профессора З. М. Черниловского подготовил и успешно защитил в сентябре 1970 года кандидатскую диссертацию на тему «Развитие государства и права Болгарии в 1919–1923 гг.».

С 1971 года Н. А. Катаев связал свою судьбу с высшими учебными заведениями Министерства внутренних дел нашей страны. За четверть века он прошел все ступени вузовского работника: занимал должность старшего преподавателя, начальника кафедры Рязанской высшей школы МВД СССР, заместителя начальника по учебной и научной работе Высших курсов МВД СССР в Саратове, начальника Уфимской высшей школы МВД России. Значительным этапом его биографии стала работа в Уфимской высшей школе МВД СССР [1, с. 44].

Необходимо отметить такие качества Н. А. Катаева, как умение поддерживать и помогать талантливым молодым специалистам, вступающим на сложный путь научных изысканий. Слова благодарности от будущих докторов и профессоров К. Б. Толкачева, А. С. Комарова С. А. Мордовца – это признание таланта ученого, педагога и наставника.

25 января 1989 года на коллегии МВД СССР Н. А. Катаев был утвержден

начальником Уфимской Высшей школы МВД СССР.

Перед ним стоял ряд серьезных задач. Во-первых, создание материально-технической базы института, ремонт старых зданий, строительство общежития и спортивного комплекса. Во-вторых, строительство жилья и обеспечение им сотрудников и приглашенных специалистов высшей школы. В-третьих, подбор молодых специалистов для работы в дальнейшем в Уфимской высшей школе, среди которых были и выпускники первого набора, закончившие впоследствии адъюнктуру и продолжившие свою работу в качестве преподавателей в стенах родного учебного заведения. В Москве при непосредственном участии профессора Р. С. Мулукаева был подготовлен ряд специалистов для работы в Уфимской высшей школе. К началу 2018 года в Уфимском юридическом институте работало более 30 докторов наук и 127 кандидатов наук.

В должности начальника Уфимской высшей школы МВД России Н. А. Катаев проявил себя как ответственный и профессиональный руководитель. Для исправительно-трудовых учреждений Урала, Сибири и Дальнего Востока были подготовлены высококлассные специалисты. В последующие годы в стенах уже Уфимского юридического института МВД России готовились кадры для милиции и полиции страны.

Профессорско-преподавательский, начальствующий состав и курсанты Уфимской высшей школы МВД России принимали участие в ликвидации последствий железнодорожной катастрофы, произошедшей в 1989 году на Транссибирской магистрали в Иглинском районе Башкирской АССР на перегоне Аша – Улу-Теляк. В 1990 году произошло обострение межнациональных противоречий между Арменией и Азербайджаном по вопросу о статусе Нагорного Карабаха, что привело к дестабилизации общественного порядка в этом регионе. В нормализации обстановки в феврале – апреле 1990 года принимал участие сводный батальон Уфимской высшей школы МВД СССР.

Как депутат и член Президиума Верховного Совета Республики Башкортостан, он принимал непосредственное участие в разработке и принятии законов республики, в том числе Конституции и Декларации о государственном суверенитете, входил в состав делегации Республики Башкортостан по подписанию Федеративного договора.

Научная деятельность Н. А. Катаева была связана с исследованием проблем общей теории государства и права и истории государства и права зарубежных стран. Он занимался исследованиями, связанными с ролью и значением законодательства субъекта федерации в общей структуре правового пространства России. Теоретическое осмысление проблем разграничения полномочий между центром и регионами стало одним из главных направлений его научных интересов, а также анализ наиболее сложных вопросов теории и истории пенитенциарного законодательства Российской Федерации. Им был написан ряд учебных пособий и хрестоматий по истории государства и права зарубежных стран, курс лекций по теории государства и права в соавторстве с В. В. Лазаревым.

В период работы на кафедре историко-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России Николаем Анатольевичем Катаевым было выполнено диссертационное исследование на соискание ученой степени доктора юридических наук на тему «Политика, власть и право в воззрениях Александра Стамболийского». Александр Стамболийский был одним из видных политических лидеров в истории Болгарии первой четверти XX века. Он возглавлял одну из ведущих политических сил страны – партию Болгарского земледельческого народного союза (далее – БЗНС). Как политический лидер, он непосредственно формировал партийную идеологию на основе собственных политико-правовых воззрений революционного демократа. В роли государственного деятеля А. Стамболийский явил себя также политическим реформатором. Во многом благодаря его политическим реформам закладывались основы современ-

ной болгарской государственности [2, с. 3]. При этом имело место отсутствие комплексных научных исследований, объектом которых являлись бы правовые воззрения А. Стамболийского и соответствующая их реализация в политике болгарского государства в период нахождения БЗНС у власти в 1919–1923 гг. В связи с этим Н. А. Катаевым была поставлена цель подготовить соответствующее комплексное историко-правовое исследование, работе над которым он посвятил более трех десятков лет своей научной деятельности. В качестве объекта исследования им были определены политико-правовые процессы, происходившие в Болгарии в конце XIX – начале XX в. Прежде всего было уделено внимание процессам зарождения «крестьянского социализма» как политической идеологии и образования партии БЗНС, а также обусловившим данные процессы общественным отношениям. В качестве объекта также было определено выявление закономерностей эволюции политических идеологий в периоды политических и социально-экономических кризисов.

Политико-правовое учение А. Стамболийского как единая система взглядов на государство и право было рассмотрено Н. А. Катаевым в качестве предмета научных изысканий, основное содержание которого представляет эволюция политико-правовых взглядов А. Стамболийского в период его политической деятельности, реализация программных положений БЗНС и теоретических воззрений в практике государственного управления. Н. А. Катаевым они были определены как «болгарский вариант крестьянской идеологии», складывающейся на рубеже XIX–XX вв. Данная идеология являлась одним из проявлений мелкобуржуазного радикализма. Она отражала особенности социально-политических условий балканской страны и лежала в основе формирования локальной модели общества, находящегося в поиске некапиталистического пути развития с болгарской спецификой.

В процессе научного анализа программных положений БЗНС, в основе своей отражающих политико-правовые взгляды А. Стамболийского, было выявлено их определенное отличие по целям, путям и способам их достижения от идей западноевропейских и российских социалистов, обусловленное как особенностями ментальности болгарского крестьянства, так и сложившимися политическими условиями и социально-экономическим строем Болгарии в рассматриваемый исторический период [2, с. 5].

В научном труде Н. А. Катаевым был сделан вывод о том, что исследуемые идеологические установки во многом были схожи с политической программой эсеров, примерявших на себя на роль идеологических лидеров российского крестьянства. В отличие от них партия БЗНС теоретические программные положения реализовала в практике деятельности исполнительной власти. Проведенное научное исследование позволило раскрыть роль политических и социально-экономических процессов в Болгарии в рассматриваемый исторический период в формировании локальной модели антикапиталистической идеологии. Особую значимость научная работа Н. А. Катаева представляет в связи с тем, что в ней был осуществлен анализ попыток реализации политико-правовых взглядов А. Стамболийского в практике государственного строительства в период самостоятельного правления БЗНС. Это позволило восполнить определенный пробел в политической истории Восточной Европы первой четверти XX века.

Впервые в отечественной историко-правовой науке Н. А. Катаевым было осуществлено систематическое исследование политико-правовых взглядов А. Стамболийского как единой системы, их реконструкция посредством анализа выступлений, статей руководителя БЗНС, исторических документов, публикаций, статистических материалов, работ отечественных и зарубежных исследователей по исследуемой проблематике. В подготовленном научном труде была прослежена эволюция этих взглядов в процессе практической деятельности по государственному строительству в Болгарии в 1919–1923 гг. Также Н. А. Катаевым

впервые были проанализированы и обобщены теоретические основы, законодательные и организационные формы деятельности правительства А. Стамболийского по осуществлению демократических реформ в Болгарии. В частности, это касается использования правовых механизмов с целью ускорения экономического и социально-политического развития страны. В проведенном научном исследовании было раскрыто значение политики правительства БЗНС как фактора, повлиявшего на последующую перспективу развития политической системы Болгарии.

Поднятый Н. А. Катаевым круг проблем определил теоретически важный аспект анализа политической идеологии как основы государственной политики легитимно пришедшей к власти правящей партии, позволил выделить общее и особенное в практике государственного строительства в европейских странах, выявить систему причин и факторов, способствующих обострению кризисных явлений в государстве и обществе. Результаты исследования существенным образом оказали влияние на многие представления, сложившиеся по рассматриваемой проблеме в российской и болгарской исторической науке, и могут восприниматься как базовые в новом научном направлении изучения истории болгарского государства и права. Проведенное Н. А. Катаевым исследование позволило установить философские и социально-экономические основы политико-правовой доктрины А. Стамболийского, определить роль и значение сословной теории в ее формировании, определить экономические приоритеты А. Стамболийского в теории и практике «земледельческого» правления, проследить эволюцию его взглядов на парламентаризм, исследовать реализацию политико-правовых воззрений А. Стамболийского в законотворческой деятельности правительства БЗНС, дать характеристику важнейших социально-экономических, уголовно-правовых и судебно-процессуальных законодательных актов, принятых в период нахождения БЗНС у власти; актуализировать в теоретическом и практическом плане проблемы, связанные с изучением влияния воззрений и реформ А. Стамболийского на правовую систему и государственное устройство современной Болгарии.

В 1994 году Н. А. Катаеву было присвоено ученое звание профессора. В 2004 году была успешно защищена диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук. В 2006 году был издан учебник «История государства и права зарубежных стран» под редакцией Н. А. Катаева и Ф. Б. Мухаметшина, в котором им был написан ряд глав и проведена значительная редакторская работа.

В Уфимском юридическом институте МВД России в разное время работали ученики Н. А. Катаева, успешно защитившие кандидатские диссертации: А. С. Масалимов, Е. А. Баранова и др. Николай Анатольевич Катаев, доктор юридических наук, профессор генерал-майор внутренней службы, прошел путь от преподавателя до начальника одного из крупнейших учебных заведений МВД России – Уфимской высшей школы, которой он руководил с 1988 по 1996 г.

Трудовые заслуги Н. А. Катаева были высоко оценены, он удостоился высоких званий. Был награжден орденом Почета, ему было присвоено звание «Заслуженный юрист Республики Башкортостан», отмечен медалями «Ветеран труда», «70 лет Вооруженных Сил СССР». Будучи депутатом и членом Президиума Верховного Совета Республики Башкортостан, принимал непосредственное участие в разработке законопроектов республики, в том числе Конституции Республики Башкортостан и Декларации о государственном суверенитете БССР, входил в состав делегации по подписанию Федеративного договора [3, с. 32]. Указом Президента Башкортостана от 20 августа 2014 года № 221 Н. А. Катаев был награжден орденом Салавата Юлаева.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Храня традиции и ускоряя шаг: Образовательному учреждению МВД России в г. Уфе 35 лет / Ф. Б. Мухаметшин, А. Х. Султанов, С. Х. Хакимов, А. И. Казамиров. Уфа: Уфимский юридический институт МВД России, 2006. 218 с.

2. Катаев Н. А. Политика, власть и право в воззрениях Александра Стамболийского: монография. Уфа: РИО БашГУ, 2002. 288 с.

3. Уфимский юридический институт МВД Российской Федерации: страницы истории / С. В. Егорышев и А. Д. Смиян; отв. ред. К. Б. Толкачев. Уфа: Уфимский юридический институт МВД России, 2001. 214 с.

REFERENCES

1. Keeping traditions and accelerating the pace: The educational institution of the Ministry of Internal Affairs of Russia in Ufa is 35 years old / F. B. Mukhametshin, A. Kh. Sultanov, S. Kh. Khakimov, A. I. Kazamirov. Ufa: Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2006. 218 p. (In Russ.)

2. Kataev N. A. Politics, power and law in the views of Alexander Stambolisky: monograph. Ufa: RIO BashGU, 2002. 288 p. (In Russ.)

3. Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation: pages of history / S. V. Egoryshev and A. D. Smiyan; resp. ed. K. B. Tolkachev. Ufa: Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2001. 214 p. (In Russ.)

Информация об авторах:

Р. З. Амиров, кандидат юридических наук, доцент;

И. А. Асеев, кандидат исторических наук, доцент.

Information about the authors:

R. Z. Amirov, Candidate of Law, Associate Professor;

I. A. Aseev, Candidate of History, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 01.10.2025; одобрена после рецензирования 10.10.2025; принята к публикации 17.11.2025.

The article was submitted 01.10.2025; approved after reviewing 10.10.2025; accepted for publication 17.11.2025.

Научная статья
УДК 321.01

СОВРЕМЕННОЕ ГОСУДАРСТВО: ЦЕННОСТЬ, ФУНКЦИИ, ПЕРСПЕКТИВЫ ТРАНСФОРМАЦИИ

Дмитрий Владимирович Пожарский
Уфимский юридический институт МВД России, Уфа, Россия
dimapozharskiy@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-9971-3697

Аннотация. В статье рассматривается феномен государства в призме его ценностного содержания, функций и перспектив трансформаций на современном этапе. В числе главных функций государства, обеспечивающих непрерывное и безопасное развитие общества, анализируется охранительная и созидательная деятельность. Автор анализирует размышления известных авторов о будущем государства и его трансформациях на современном этапе.

Ключевые слова: государство, публичная власть, безопасность, правопорядок, принуждение, ценность государства, функции государства, будущее государства, трансформации государства.

Для цитирования: Пожарский Д. В. Современное государство: ценность, функции, перспективы трансформации // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2025. № 4 (110). С. 18–25.

Original article

THE MODERN STATE: VALUE, FUNCTIONS, PROSPECTS FOR TRANSFORMATION

Dmitry V. Pozharsky
Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ufa, Russia
dimapozharskiy@yandex.ru, ORCID 0000-0002-9971-3697

Abstract. This article examines the phenomenon of the state through the lens of its value content, functions, and prospects for transformation in the modern era. Among the main functions of the state, ensuring the continuous and safe development of society, protective and creative activities are analyzed. The author analyzes the reflections of renowned authors on the future of the state and its transformations in the modern era.

Keywords: state, public authority, security, law and order, coercion, value of the state, functions of the state, future of the state, state transformation.

For citation: Pozharsky D. V. The modern state: value, functions, prospects for transformation // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. No. 4 (110). P. 18–25. (In Russ.)

Введение

Будущее государства, в том числе теоретическое осмысление перспектив его развития и трансформаций, во многом зависит от воплощения социального назначения государства, восприятия его ценности и функций обществом и каждым человеком. Увеличение технологических скоростей и в целом непрерывно обновляющаяся (не всегда в лучшую сторону) среда функционирования социума по-прежнему гарантируют спрос на правопорядок, в обеспечении которого государству нет равных.

Методы

Выводы автора построены на основе диалектической методологии, последовательно разворачивающейся в системном подходе, анализе и синтезе различных тео-

© Пожарский Д. В., 2025

ретических положений с учетом принципа историзма. Рассуждая о ценности государства и его будущем, автор применял метод метафизики.

Результаты

Необходимость в развитии теоретических основ публичного целеполагания и функционирования государства сохраняется, а в условиях российской действительности приобретает принципиальный, если не судьбоносный характер. Что-то похожее уже встречалось в отечественной истории. Например, в отчетном докладе И. В. Сталина на XVIII съезде партии о работе ЦК ВКП (б) [1, с. 28] содержался раздел «Некоторые вопросы теории», в котором вопрос о государстве вообще, особенно о социалистическом государстве, был обозначен в качестве имеющего серьезное практическое значение. Функции Советского государства в настоящее время интересны прежде всего с точки зрения существующих противоречий как внутри России, так и на «внешнем контуре». Российское государство уже не первый раз защищает свое место на исторической карте мира и выступает активным сторонником создания справедливой международной системы. И тогда, и сейчас государство является предметом острой идеологической борьбы, в том числе деструктивной идеологии, направленной на подрыв доверия к институтам российского государства, которое на международной арене создает образ хранителя и защитника традиционных общечеловеческих духовно-нравственных ценностей[1]. «Наша битва за суверенитет, за справедливость носит без всякого преувеличения национально-освободительный характер, потому что мы отстаиваем безопасность и благополучие нашего народа, высшее, историческое право быть Россией – сильной, независимой державой, страной-цивилизацией»[2].

Стоим ли мы на пороге другого государства или качественно иной политической теории, сложно сказать. Пока очевидно одно – современное государство проходит серьезный экзамен на прочность в теоретическом и тем более в практическом плане. Разумеется, история не дает нам примеров беззаботных эпох. Однако уровень концентрации государственно-правовой энергии, активность государства в социальном управлении, в том числе в правовом регулировании, на современном этапе истории высоки как никогда. В основном это объясняется тем, что во множестве субъектов экономической и политической жизни только государство способно противостоять вызовам XXI века или минимизировать их последствия. Представляя общество и выступая его «орудием», государство способно обеспечить в настоящем и будущем социальные интересы, в очередной раз оправдать свою историческую состоятельность и ценность.

Ценность государства.

В самом обобщенном плане ценности – это то, что определяет поведение [2, с. 226]. В этом смысле ценность государства неразрывно связана с тем, что делает государство, чем занимаются носители публичной власти, какие поступки они совершают. Как известно, функции государства обусловлены определенными целями, стоящими перед ним на том или ином историческом этапе. В ряде случаев ценности и цели отождествляются, к примеру, используется термин «ценность-цель» [3, с. 11; 4, с. 19]. Таким образом, цель государства и его ценность имеют много общего и связаны множеством теоретических и практических нитей. Развитие личности, так же как и развитие обще-

[1] Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 46. Ст. 7977.

[2] Выступление Владимира Путина в формате видеоконференции на Пленарном заседании Всемирного русского народного собора 28 ноября 2023 года // Официальный сайт Президента Российской Федерации. URL: http://kremlin.ru›events/president/news/72863 (дата обращения: 18.03.2025).

ства, в целом предполагает наличие ценностей, выступающих ориентиром, предметом стремления общества и непрерывно воспроизводящиеся в его материальном и духовном творчестве.

Государство как продукт, созданный обществом, также предполагает аксиологическое измерение и способно к сохранению и воспроизводству социальных ценностей, прежде всего в сфере права и политики. Ценность государства, находящегося в статике, скрыта и социально не воспринимается, она проявляется только в функциях государства, раскрывающих его созидательную и охранительную роль. При этом не следует забывать, что государство – это не «организация общества», а «организация внутри общества», выступающая продуктом его развития [6, с. 152]. Государство – универсальный инструмент обеспечения целостности и развития системы, частью которой оно является. Разумеется, этой системой выступает социум. Именно по этой причине ценностные свойства государства прежде всего и главным образом проявляются в его функциях по отношению к обществу и вне функциональной характеристики не могут быть осмыслены и объяснены.

Важнейшей ценностью государства, выражающей его сущность, является способность в самых разнообразных формах, при помощи различных средств оказывать социально-преобразующее воздействие в целях обеспечения развития социума (благосостояние) в условиях порядка (безопасности). Вольно или невольно, сознательно или бессознательно люди воспринимают государство как власть, силу, в решающей степени воздействующую (позитивно или негативно) на всю их жизнь. И это не просто субъективное восприятие, это объективный факт: все «начала и концы» жизнедеятельности отдельного человека и целых народов имеют непосредственную связь с государством» [6, с. 14]. У российского народа эта связь особенная, его государственность «…представляет собой самостоятельную и независимую от человека сущность, через которую воплощается высший смысл бытия» [7, с. 346]. Степень и эффективность воплощения этой способности составляют основу социальной оценки публичной власти и ее носителей.

Особенно рельефно ценностное содержание государства проявляется в периоды потрясений (вооруженные конфликты, экономические кризисы, экологические катастрофы, пандемии и т. п.) и тем более в судьбоносные исторические моменты.

Необходимо видеть разницу между ценностью государства (объективное, неизменное) и его оценкой (субъективно-желаемое, ситуативно-вариативное и изменчивое). Ценность государства отражает его постоянные свойства, которые сложно мыслить иначе. К числу таковых констант следует отнести: публичную власть, закон и законность, правопорядок, принуждение и юридическую ответственность. Оценка государства субъективна и фрагментарна, она не способна отразить всей многогранности оцениваемого объекта в его целостности. Полагаю, что оценка государства может иметь три формы: чувственное восприятие; логическое осмысление; праксиологическая оценка (оценка деятельности).

На чувственном уровне диапазон оценок государства весьма широк, и то, что очевидно для одной части общества, может отвергаться другой. Для одних государство – венец творения или, как писал Г. В. Ф. Гегель, «шествие бога на земле», для других – машина угнетения. В данном случае соглашусь с мнением Г. Еллинека: «Необходимость государства может быть доказываема только путем тщательного изучения существующего мира и тех людей, для которых оно предназначено. В ней невозможно убедить тех, кто принципиально отвергает мир и историческую эволюцию, т. е., например, крайних фанатиков анархизма и тех нигилистов, которые стремятся лишь к разрушению, а не к созиданию и отказываются от всякого обсуждения того, что они замышляют. Их также трудно убедить в ценности государства,

как решившегося на самоубийство – в ценности жизни» [8, с. 228].

Функции государства.

Основу теории функций государства образуют следующие методологические составляющие: *онтология и гносеология* функций (теоретическое познание функций государства, выявление и объяснение их сущности, содержания, форм, структуры, системности); *аксиология* функций (проявляется двояко: учение о ценностно-смысловых аспектах общественных отношений, выступающих объектом функций государства; ценность государства, проявляющаяся главным образом в его деятельности, т. е. в функциях); *телеология* функций (познание целей и задач, обусловливающих систему функций государства, их содержание и структуру); *праксиология* (теория и методология деятельности: формы, методы, принципы, организационные и правовые основы, средства, ресурсы и т. д.).

Функции государства представляют собой имманентные направления и виды публично-властной деятельности государства, обусловленные целями и задачами, выражающие его сущность и ценность. Благосостояние и порядок (безопасность), являются главными ценностями и целями, которые государство «берет на себя», определяют общую базовую систему (систему первого уровня), ядро его функций. Следует отметить, что возможности государства в обеспечении благосостояния людей велики, но не столь значительны по сравнению с его потенциалом в сфере обеспечения безопасности и правопорядка. Во-многом, это объясняется тем, что главным источником благосостояния все-таки является труд, раскрывающий творческие способности личности и общества. Государство может этому всячески содействовать, но заменить собой труженика, производителя оно не в состоянии. Как известно, публичная власть относительно обособлена от общества и производства и предназначена для управления. Другое дело правопорядок и безопасность – сфера, в которой государство преуспевает больше, чем иные субъекты, обладая монополией на правовое регулирование и принуждение.

Государственное воздействие на общественные отношения, включая правовое регулирование, в современных условиях становится всеохватным. Любая сфера социума, включая частную жизнь, не застрахована от угроз и рисков. Как показывает исторический опыт, только государство способно поддержать жизнедеятельность общества, человечества, следовательно, и частную жизнь, смысл которой без общественной жизни теряется [9, с. 41].

Таким образом, главными элементами функциональной системы государства являются те, которые взаимосвязаны между собой, обеспечивают целостность и развитие общества. Таких функции две – охранительная, направленная на обеспечение безопасности и правопорядка, и созидательная (организаторская), направленная на развитие общества, организацию его творческого потенциала. Указанные функции обладают следующими свойствами:

– имманентность и постоянство (осуществляются государством всегда, являются тем, чем государство не может не заниматься);

– комплексность (сложная структура, наличие подфункций – относительно самостоятельных и предметно обособленных, но объединенных общим смыслом направлений государственной деятельности);

– адаптивность структуры (возникновение или исчезновение отдельных подфункций в зависимости от исторических условий).

Созидательная функция представляет собой материально-производственную, организационно-творческую, идеологическую, информационную и т. д.) деятельность государства, направленную на обеспечение устойчивого и непрерывного развития общества. Комбинации и приоритеты в ее содержании и структуре определяются конкретными историческими, социально-экономическими и политическими условиями. Кроме того, результативность созидательной функции

обусловлена эффективностью охранительной деятельности государства. Структура и содержание созидательной и охранительной функций российского государства во многом обусловлены национальными целями[1], а также интересами и стратегическими приоритетами в области обеспечения национальной безопасности и устойчивого развития Российской Федерации на долгосрочную перспективу[2]. Следует отметить, что гарантированное сдерживание потенциального противника от агрессии против Российской Федерации и (или) ее союзников относится к числу высших государственных приоритетов, обусловливающих содержание охранительной функции государства на современном этапе.

Перспективы трансформации современного государства.

Судьба государства, его роль в преобразовании общества всегда беспокоит тех, кто его изучет. Перед соблазном заглянуть «за горизонт» удерживаются единицы исследователей публичной власти и права. Это вполне объяснимо, поскольку государство, пожалуй, самое древнее изобретение человечества, за исключением гораздо более скромных продуктов первобытной эпохи. Государство – универсальный социально-политический институт, который однажды возникнув, уже не уступит свое место какой-либо другой организации.

И тем не менее его безусловная ценность или необходимость так или иначе во все времена ставились под сомнение. Достаточно вспомнить У. Годвина, П. Ж. Прудона, М. Штирнера, великого Л. Н. Толстого и многих других, отрицавших всякое принуждение и принудительный порядок.

Достаточно логичной (хотя и небезупречной) является теория отмирания государства. Ф. Энгельс и В. И. Ленин полагали, что государство вынуждено будет отмереть, поскольку буржуазное государство все более и более превращая большинство населения в пролетариев, создает силу, которая вынуждена совершить переворот, то есть взять государственную власть и превратить средства производства в государственную собственность. Тем самым пролетариат уничтожает себя как класс, уничтожает классовые противоположности и борьбу, а вместе с тем и государство как орудие насильственного подавления эксплуатируемого класса. На место управления лицами становится управление вещами и руководство производственными процессами [10, с. 334–345].

Похожую точку зрения в начале прошлого века озвучил немецкий социолог Ф. Оппенгеймер: «Тенденция в развитии государства безошибочно приводит его к единственно возможному исходу: если рассматривать его в сущности, государство со временем полностью перестанет быть «развитым политическим средством» и станет «свободным гражданством свободных людей… содержание известных до сих пор государств изменит свой жизненно важный элемент в результате исчезновения экономической эксплуатации одного класса другим» [11, с. 233–234].

Развивая теорию отмирания государства, В. И. Сталин был более реалистичен и прагматичен. Поддерживая в целом эту идею, он обозначил два главных условия отмирания государства, на которые Ф. Энгельс не обратил внимания. Задаваясь вопросом о правильности теории Ф. Энгельса, он рассуждал: «Да, правильно, но при одном из двух условий: а) если вести изучение социалистического государства с точки зрения только лишь внутреннего развития страны, заранее отвлекаясь от международного фактора, изолируя страну и государство для удобства исследования от международной обстановки, или б) если предположить, что социализм уже победил во всех странах или в большинстве стран, вместо капиталистического окружения имеется налицо окружение социалистическое, нет больше угрозы нападения извне, нет больше нужды в усилении армии и государства.

[1] Российская газета. 2024. 11 мая.

[2] Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 27. (Ч. II). Ст. 5351.

Ну, а если социализм победил только в одной, отдельно взятой стране, и отвлекаться, ввиду этого, от международных условий никак невозможно, – как быть в таком случае? На этот вопрос формула Энгельса не дает ответа. Энгельс собственно и не ставит себе такого вопроса, следовательно, у него не могло быть ответа на этот вопрос. Энгельс исходит из того предположения, что социализм уже победил… Из этого следует, что нельзя распространять общую формулу Энгельса о судьбе социалистического государства вообще на частный и конкретный случай победы социализма в одной, отдельно взятой стране, которая имеет вокруг себя капиталистическое окружение, которая подвержена угрозе военного нападения извне» [1, с. 30–31].

Во взглядах современных западных ученых, размышляющих о государстве, преобладают иные, более пластичные формулировки. Здесь позволю себе некий литературный коллаж и приведу выдержки из известных современных произведений о государстве.

М. ван Кревельд (Израиль): «В конце второго тысячелетия жители Европы и развивающихся стран не столько служат государству, сколько терпят его. Прошли те дни, когда государство, как в эпоху тотальных войн могло предъявлять себя в качестве земного божества…».

«Функция обеспечения безопасности, со времен Т. Гоббса считавшаяся главной функцией государства, снова будет разделена между различными организациями… Сделка с дьяволом, заключенная в XVII в., согласно которой государство предлагало своим гражданам намного лучшую повседневную защиту в обмен на их готовность пожертвовать собой ради государства в случае надобности, возможно будет расторгнута…» [12].

Р. Лахман (США): «…Неизбежность краха гегемонии США и дробление мира на блоки региональных держав в условиях дефицита ресурсов и экологических проблем сделают государства прочнее… <…> Государства не станут слабее из-за транснационального капитала, не впадут они и в анархию, они не сольются в одно мировое правительство и не откажутся от еще каких-то сторон своего суверенитета… Единственным исключением будут небольшие страны, находящиеся под влиянием таких региональных держав, как Китай и Россия» [13].

Б. Джессоп (Великобритания): «Тенденции, ограничивающие развитие ведущих капиталистических государств:

1) усиление экологических кризисов из-за приоритета накопления капитала, включая войны за ресурсы несостоятельных государств;

2) антагонизмы мировой экономики, включая растущую поляризацию богатства и доходов;

3) продолжающийся упадок США, порождающий попытки спасти ситуацию путем: а) установления полувоенного полицейского контроля внутри страны и б) усилению вмешательства в дела других стран. Это вызовет все виды ответной реакции, в том числе интеграцию Китая с Россией для доминирования в евразийском регионе;

4) усиление транснациональных властных механизмов, которые служат интересам транснационального капитала и маргинализуют общество…

Сумма прописью – будущее государства не предполагает конца государства как особой формы территориализации политической власти. Будут доминировать сложные формы многопространственного метауправления, организованного в тени сильных национальных государств» [14].

Ф. Фукуяма (США): «Страны должны быть в состоянии создавать государственные институты не только внутри собственных границ, но и в других, менее организованных и более опасных странах. В прошедшие годы они сделали бы это, просто вторгнувшись в такую страну и административно добавив ее к своей империи. <…> В любом случае искусство построения государства будет ключевой составляющей национальной силы, столь же важной, как способность развертывать

традиционную военную мощь для поддержания мирового порядка» [15].

А. Л. Маскару (Бразилия): «Развитие капитализма, пронизанного социальными, экономическими, правовыми и идеологическими формами, не может выйти за пределы своего содержания – эксплуатации и господства. Многообразие кризисов капиталистического государства не позволяет найти ни единого политического ответа, ни единой модели их преодоления… Только будущая, неизбежно социалистическая динамика может породить новые социальные механизмы…».

А. Д. Керимов (Россия): «Во-первых, буржуазный уклад постепенно изживает себя естественным образом, медленно, но неотвратимо умирает…

Во-вторых, на смену этому устаревающему порядку своим чередом, пусть неспешно, но твердо и неминуемо идет ярко выраженный, отчетливо заявляющий о себе антибуржуазный уклад…» [16].

Заключение

На фоне этой, вовсе не полной картины можно сделать некий общий, предварительный вывод и отметить некоторые основные тенденции.

Во-первых, государство никуда не исчезает, а возрастает, количество государств растет, а стремление к обретению или сохранению суверенитета является предметом стремления многих народов.

Во-вторых, возрастает объем исполнительно-распорядительных и правоохранительных функций.

В-третьих, развивается система институтов публичной власти (механизм государства), создаются новые звенья для решения новых задач и противостояния новым угрозам.

При этом необходимо понимать, в какой плоскости идет разговор: о будущем государства вообще (как такового) либо о перспективах государства определенного типа, конкретного национального государства, существующего в конкретный исторический период.

Полагаю, что сегодня налицо кризис государства, основанного на внешней (глобальной) эксплуатации. То, что буржуазные революции делали с феодальными перегородками и местными порядками во имя национального рынка, глобализация стремилась сделать во имя рынка мирового. Преградой стали суверенитет и феномен национального государства. Вопреки логике глобализационных процессов, ведущей тенденцией на политической арене (если говорить образно) становится возвращение к государству и суверенитету, который в юридическом смысле понимается как способность формировать стратегию правового порядка и обеспечивает государству статус незаменимого социального института и гаранта прав и свобод человека.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Отчетный доклад т. Сталина на XVIII-ом съезде партии о работе ЦК ВКП(б) // Советская Арктика. 1939. № 4. С. 3–36.

2. Карпичев В.С. Организация и самоорганизация социальных систем: словарь. М., 2009. 282 с.

3. Варламова Н.В. Аксиологический аспект правопонимания / Проблемы ценностного подхода в праве: традиции и обновление. М., 1996. С. 11–14.

4. Рукавишников Д. В. Современные ценности и их влияние на правомерное поведение: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2011. 30 с.

5. Лейст О. Э. Сущность права. Проблемы теории и философии права. М., 2011. 352 с.

6. Жуков В. Н. Государство как ценность // Государство и право. 2009. № 9. С. 14–26.

7. Синюков В. Н. Российская правовая система. Введение в общую теорию. М., 2010. 672 с.

8. Еллинек Г. Общее учение о государстве. СПб., 2004. 750 с.

9. Головкин Р. Б. Правовое и моральное регулирование частной жизни в современной России: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2005. 57 с.

10. Маркс К., Энгельс Ф. Избранные сочинения. В 9 т. Т. 5. М., 1986. 779 с.
11. Оппенгеймер Ф. Государство: переосмысление. М., 2020. 255 с.
12. Кревельд ван М .Расцвет и упадок государства. М., Челябинск, 2019. 544 с.
13. Лахман Р. Государства и власть, М., 2020. 352 с.
14. Джессоп Б. Государство: прошлое, настоящее, будущее. М., 2019. 504 с.
15. Фукуяма Ф. Сильное государство. Управление и мировой порядок в XXI веке. М., 2006. 220 с.
16. Керимов А. Д. Перспективы и современное состояние конституционного развития России в свете возрождения социалистического общественного порядка: очерк. М., 2025. 60 с.

REFERENCES

1. Comrade Stalin's report at the 18th Party Congress on the work of the Central Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) // Sovetskaya Arktika. 1939. No. 4. P. 3–36. (In Russ.)
2. Karpichev V. S. Organization and self-organization of social systems: dictionary. Moscow, 2009. 282 p. (In Russ.)
3. Varlamova N. V. Axiological aspect of understanding law / Problems of the value approach in law: traditions and updates. Moscow, 1996. P. 11–16. (In Russ.)
4. Rukavishnikov D. V. Modern values and their influence on lawful behavior: abstract of cand. of Law. Moscow, 2011. 30 p. (In Russ.)
5. Leist O. E. The essence of law. Problems of theory and philosophy of law. Moscow, 2011. 352 p. (In Russ.)
6. Zhukov V. N. The State as a value // State and law. 2009. No. 9. P. 14–26. (In Russ.)
7. Sinyukov V. N. Russian legal system. Introduction to general theory. Moscow, 2010. 672 p. (In Russ.)
8. Jellinek, G. General Theory of the state. St. Petersburg, 2004. 750 p. (In Russ.)
9. Golovkin, R. B. Legal and moral regulation of private life in modern Russia: abstract of dissertation ... Doctor of Law. Nizhny Novgorod, 2005. 57 p. (In Russ.)
10. Marx K., Engels F. Selected works. In 9 volumes. Vol. 5. Moscow, 1986. 779 p. (In Russ.)
11. Oppenheimer, F. The state: a rethinking. Moscow, 2020. 255 p. (In Russ.)
12. Creveld van M. The rise and decline of the state. Moscow, Chelyabinsk, 2019. 544 p. (In Russ.)
13. Lachman R. States and Power. Moscow, 2020. 352 p. (In Russ.)
14. Jessop B. The state: past, present, future. Moscow, 2019. 504 p. (In Russ.)
15. Fukuyama F. A Strong state: governance and world order in the 21st century. Moscow, 2006. 220 p. (In Russ.)
16. Kerimov A. D. Prospects and current state of constitutional development in Russia in light of the revival of the socialist public order: an essay. Moscow, 2025. 60 p. (In Russ.)

Информация об авторе:
Д. В. Пожарский, доктор юридических наук, доцент.

Information about the author:
D. V. Pozharsky, Doctor of Law, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 10.10.2025; одобрена после рецензирования 15.10.2025; принята к публикации 17.11.2025.
The article was submitted 10.10.2025; approved after reviewing 15.10.2025; accepted for publication 17.11.2025.

Научная статья
УДК 351.853.1(100)

ИНСТИТУТЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ В РАЗЛИЧНЫХ ГОСУДАРСТВАХ[1]

Антон Александрович Васильев[1], Михаил Алексеевич Боловнев[2]
[1, 2] Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия
[1] anton_vasiliev@mail.ru, [2] slovak92@mail.ru
[1] ORCID: 0000-0003-3122-531X, [2] ORCID: 0000-0002-1797-2936

Аннотация. В статье предпринята попытка проанализировать созданные и функционирующие в различных государствах институты национальной памяти, определить их статус, включающий в себя особенности организации, полномочия, функции, гарантии и другие составляющие. Кроме того, обозначены модели их работы, предложены классификация и критерии для нее. На основе анализа схожих учреждений в странах Восточной и Центральной Европы выявлены общие и уникальные черты. Рассмотрен Национальный центр исторической памяти при Президенте Российской Федерации с выделением положительных черт, характеризующих его статус. Установлено, что в мировой практике реже встречаются институты памяти с комплексным характером работы и, напротив, чаще те, которые имеют задачи работать с одним или несколькими историческими периодами.

Ключевые слова: историческая память, национальная память, институты памяти, политика памяти, исследование истории.

Для цитирования: Васильев А. А., Боловнев М. А. Институты исторической памяти в различных государствах // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2025. № 4 (110). С. 26–33.

Original article

INSTITUTIONS OF HISTORICAL MEMORY IN VARIOUS COUNTRIES

Anton A. Vasiliev[1], Mikhail A. Bolovnev[2]
[1, 2] Altai State University, Barnaul, Russia
[1] anton_vasiliev@mail.ru, [2] slovak92@mail.ru
[1] ORCID: 0000-0003-3122-531X, [2] ORCID: 0000-0002-1797-2936

Abstract. This article attempts to analyze the national memory institutions established and operating in various countries and determine their status, including organizational features, powers, functions, guarantees, and other components. Furthermore, models of their operation are outlined, and a classification and criteria for it are proposed. Based on an analysis of similar institutions in Eastern and Central European countries, common and unique features are identified. The National Center for Historical Memory under the President of the Russian Federation is examined, highlighting the positive features characterizing its status. It is established that, in international practice, memory institutions with a comprehensive approach are less common, while those tasked with addressing one or more historical periods are more common.

Keywords: historical memory, national memory, memory institutions, memory politics, historical research.

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда № 24-28-01416 «Мемориальное право и политика памяти: теоретико-правовые аспекты» // Российский научный фонд. URL: https://rscf.ru/project/24-28-01416/.

© Васильев А. А., Боловнев М.А., 2025

For citation: Vasiliev A. A., Bolovnev M. A. Institutions of historical memory in various countries // Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. No. 4 (110). P. 26–33. (In Russ.)

Введение

Вопросы сохранения исторической памяти крайне дискуссионны [1]. Однако в дискуссионном массиве одним из наиболее однозначных аспектов являются желание и стремление различных государств обеспечить механизм сохранения, восполнения исторической национальной памяти, для чего в механизме государственного аппарата создаются и функционируют различные институты. Между тем степень эффективности работы с исторической памятью разнится. Этим обусловливаются необходимость и потребность изучения моделей функционирования данных институтов, опыта различных государств для возможного создания оптимальной модели и нивелирования отдельных трудностей, возникающих при реализации функций обозначенных институтов.

Однако прежде следует сделать оговорку о соотношении исторической и национальной памяти. Данные категории будут рассматриваться в тандеме, но не как тождественные, ибо вне зависимости от субъекта или субъектов, которым важны подобные вопросы, они будут оставаться историческими. Указание на национальную заинтересованность в данном случае просто будет говорить о внутригосударственной работе. При этом межгосударственные учреждения и коммуникации могут рассматриваться лишь косвенно и в контексте.

Достаточно сдержанным и в целом лояльным может выступать определение политики памяти, сформулированное А. Миллером: данная категория представляет собой «набор приемов и методов, с помощью которых находящиеся у власти политические силы, используя административные и финансовые ресурсы государства, стремятся утвердить определенные интерпретации исторических событий как доминирующие», представляют собой историческую политику [2, с. 7].

Говорить о важности сохранения и транслирования памяти государства и нации не приходится. При этом общественные институты и учреждения демонстрируют хотя и безусловную важность, но при этом нехватку финансирования, организационных ресурсов и правовых отношений в силу отсутствия у них государственных функций и полномочий.

Методы

Несмотря на то, что любому классифицированию предшествует детальное изучение признаков объектов, в рамках данной работы представляется возможным уже на начальном этапе в силу неоспоримости и известности факта произвести группировку создаваемых в разных странах органов на те, функции которых направлены на знания об одном или нескольких взаимосвязанных исторических событиях, и те, функции которых связаны с сохранением исторической национальной памяти в целом. Забегая вперед, отметим, что вторые на практике различных государств почти не встречаются. Связано это с тем, что мотивы создания подобных институтов находятся в политической плоскости.

Одной из задач исследования, очевидно, является установление того, в каких случаях происходят реинтерпретация исторических знаний и их модернизация, а в каких – пополнение знаний и их обогащение. Кроме того, подлежит установлению относительно объективный критерий для проведения подобного «водораздела». Наконец, еще одной задачей является определение моделей работы органов с исторической памятью, а именно определение того, выборочно ли подсвечиваются отдельные эпизоды или используется комплексный массив памяти.

Результаты

Наличие или отсутствие одного специализированного органа в стране, занимающегося вопросами сохранения исторической памяти, зависит от перечня задач, которые

приходится решать. Если вести речь о сохранении памятников культуры, которые послужат «учебником» для многих поколений, то целесообразно наделить соответствующими функциями несколько органов. Так, например, в России на северной стороне Севастополя вблизи железнодорожной станции Мекензиевы Горы находится высота с отметкой 60.0. Именно на этой высоте в 1942 году держала оборону 365 зенитная батарея, прикрывавшая северную сторону города и Севастопольскую бухту на протяжении всей героической обороны Севастополя. Однако при этом некоторое время назад в информационно-телекоммуникационной сети Интернет появилась информация о том, что вблизи территории, где располагалась 365 зенитная батарея, начинается некое строительство частными лицами.

С точки зрения правового регулирования наблюдается всесторонний «охват» отношений в данной области. Правовое регулирование «приводится в жизнь», обеспечивая сохранение объектов культурного наследия. Доподлинно неизвестно, соответствует ли действительности появившаяся в глобальной сети Интернет информация о некоем строительстве вблизи Высоты Героев (60,0), однако, несмотря на это, известно, что Управлением охраны объектов культурного наследия города Севастополя в 2020 году направлено письмо – предостережение о недопустимости нарушений законодательства в области охраны объектов культурного наследия – в адрес собственника одного из близлежащих земельных участков. Все это говорит о том, что если и впредь будут наблюдаться действия незаконного характера, то допустимо ожидать их пресечения, тем более ресурсы к тому имеются.

Механизм правового регулирования общественных отношений в области охраны памятников истории носит достаточно комплексный и системный характер, позволяющий обеспечить защиту объектов культурного наследия на различных этапах и стадиях. Любые же недобросовестные действия могут быть связаны не только и не столько с содержанием правовых норм, сколько с практикой их применения. Однако если предположить, что возможны отдельные некорректные действия со стороны государственных органов, то следует отметить, что это практически исключено, т. к. требуется, чтобы нарушений не усмотрели сразу несколько государственных органов, в т. ч. из различных ветвей власти Российской Федерации: Правительство Российской Федерации, Минкультуры Российской Федерации, Минобороны Российской Федерации, Росреестр, органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации [3].

Как видим, в данном случае ситуация положительно решается путем реализации дискретно расположенных полномочий различных органов. Но во многом это связано с тем, что данный кейс активно сопряжен с охраной общественного порядка и реализацией норм гражданского, земельного права, а также отдельных законодательных актов. Во многих иных случаях требуется орган – «координатор», вырабатывающий и транслирующий основные идеи сохранения национальной памяти. Опыт создания, безусловно, непростой, однако практика мировых государств знает такие примеры, которые подлежат нашему дальнейшему анализу.

Изначально важно учитывать исходные цели, для которых в стране создаются соответствующие органы. Таковые имеются, например, в Польше, Венгрии, Чехии, Словакии, Боснии, Герцеговине. Определенная комплексность наблюдается в Польше. Там создан Институт национальной памяти. Правовое регулирование обеспечивается Законом «Об Институте национальной памяти – Комиссии по расследованию преступлений против польского народа» от 18 декабря 1998 г. Как видно из названия, а также вытекает из преамбулы, исходной целью польского государства стала определенная самореабилитация. Потребовался комплекс мер для того, чтобы организовать политику в области восстановления прав человека, которые претерпевали ущемления со Второй мировой войны. Сразу сделаем оговорку: в данной статье мы не интерпретируем и не оцениваем исторические события,

а также не выбираем одну исключительно верную версию истории. Мы лишь говорим о том, какие задачи и какое видение были внутри государств.

К решению вопроса законодатель подошел решительно, указав, что одной из задач правового регулирования является защита доброго имени Республики Польши и польского народа. Отсюда вытекает достаточно серьезный статус Института национальной памяти. В основном он ограничен расследованием преступлений против польского народа, но во многом это объясняется тем, что в этом Правительство Польши видело наиболее болевую точку. Статус характеризуется, в частности, полномочиями, а полномочия данного института многогранны и разноплановы и включают в себя: обработку и публикацию документов органов государственной безопасности, деятельности в области народного образования и многое другое, что говорит о выстраивании комплексной работы по получению, обработке и транслировании исторических знаний. Следует заметить, что это очень важная функция.

Важной чертой с точки зрения статуса является финансирование Института национальной памяти из государственного бюджета. Как мы отмечали выше, общественные институты, некоммерческие образования в различных странах, имея благие цели и намерения, не могут решить стоящие перед ними задачи ввиду ограниченности финансирования и ресурсов. При этом прямо оговаривается в упомянутом выше законе, что при исполнении своих обязанностей президент Института национальной памяти не зависит от органов государственной власти.

Польским государством признается научное значение деятельности института, а также придается весомое значение репутационному фактору. Так, президентом института может быть лицо, имеющее ученое звание доктора или профессора.

Неоднозначной остается политикоориентированность рассматриваемого института. Была выработана государственная политика, принят закон, заложены основные идеи. Одновременно с этим обеспечена определенная автономность. Закреплено, что президент института не может принадлежать к политической партии, профсоюзу или заниматься несовместимой общественной деятельностью, в связи с чем сохраняется актуальность вопроса о реальной реализации ряда положений.

Статья 18.1 рассматриваемого акта закрепляет структуру института. Ее анализ показывает, что в состав органа входят те подразделения, основные задачи которых связаны с поиском информации, ее проверкой, исследованием и обеспечением связи с образованием. Кроме того, институт занимается поиском и идентификацией. Ключевыми функциями обладают ведомственные комиссии по уголовному преследованию за преступления против польского народа. С одной стороны, такое положение корреспондирует исходным идеям, с другой – все более дискуссионным становится вопрос о взаимодействии с государственными органами и о полной объективности.

Важным полномочием директора института выступает возможность осуществить запрос министру внутренних дел, министру юстиции, прокурору и другим должностным лицам о предоставлении недостающих документов. Достаточно логичным с точки зрения статуса института выглядят обязанность органа и элемент ответственности предоставления ежегодного отчета Сейму и Сенату. Такое практикуется во многих государствах и является частью механизма государственного аппарата.

Схожий институт функционирует в Словакии. В переводе на русский язык имеет идентичное наименование. Проблема исторической памяти и вопрос ее политизации актуальны для Словакии в той же степени, в какой они актуальны для всех стран Восточной Европы [4, с. 49]. Словакия для себя определила основные угрозы, официально их представила, в частности, в разделе института на сайте правительства. Работа института строится в соответствии с официально закрепленной политикой. Основным источником правового регулирования

является Закон «О раскрытии документов, касающихся деятельности органов государственной безопасности в период 1939–1989 годов, и об учреждении Института национальной памяти, а также о внесении изменений в некоторые законы (Закон о национальной памяти)».

Как и в случае с Польшей, правительство Словакии видело угрозу в конкретных режимах, притеснявших народ во время и после Второй мировой войны [5, с. 22]. Отсюда вытекает основная задача, собственно озвученная в документе, – устранить ущерб, причиненный тем, кто пострадал от государств, нарушавших права и свободы. Закон прямо определяет Институт памяти наций в качестве института публичного права в виде юридического лица. Организационно-правовая форма не должна вводить в заблуждение, привычная практика для определения статуса различных, в том числе государственных органов во многих странах. Куда важнее указание на институт публичного права. Тем самым предопределена аффилиация с государством, в частности собираемая информация передается органам государственной власти.

Как и в случае с Польшей, словацкий Институт памяти наций осуществляет регистрацию, сбор, раскрытие, публикацию, управление и использование документов органов безопасности. Эта, а также такие функции, как опубликование данных об «исполнителях преследований», систематизация и профессиональное документирование всех видов информации реализуются, по всей видимости, для того, чтобы достигнуть одну из ключевых задач – «полная и беспристрастная оценка периода угнетения, в частности анализ причин и способов утраты свободы». По сути, можно сказать, что данный институт выполняет роль интерпретатора исторических событий. В данном случае можно говорить о том, что знания об истории не просто обобщаются и преподносятся, но и конструируются в отдельном, не исключено, что в субъективном ключе. После этого Институт памяти наций знакомит общественность с результатами своей деятельности, в частности публикует и рассекречивает информацию и другие документы о том или ином периоде. Как следствие, население, с одной стороны, получает информацию, которую ранее не могло получить в силу ее засекреченности, с другой стороны, отсутствует полное убеждение в несомненной объективности полученного итога.

Естественно, функционирует институт не только с просветительскими функциями, он важен для государства, поскольку имеет право подавать ходатайства о возбуждении уголовного преследования за преступления и уголовные правонарушения. В совокупности данные обстоятельства свидетельствуют о смешанном статусе и характере учреждения, которое выполняет хотя и важные функции, но интерес в них как минимум двуединый. Вне зависимости от сведений, обнаруживаемых работниками Института памяти наций, последние должны преследовать заранее установленную цель. Хотя формально имеется ограничительный критерий – соответствие уровню добросовестности. Последняя является как ориентиром, так и итогом деятельности.

Достаточно важной особенностью института в Словакии, отличающей его от многих других, является нетривиальное для подобного рода учреждений полномочие привлекать к административной ответственности.

Точно так же как и Институт национальной памяти Польши, в Словакии Институт памяти наций представляет годовой отчет и после обсуждения в правительстве проект бюджета и годовую финансовую отчетность в Национальный совет Словацкой Республики для утверждения.

В целом стоит отметить, что в странах Восточной и Центральной Европы созданные учреждения однотипны и имеют схожие цели и установки. Так, например, похожий институт создан и функционирует в Болгарии [6, с. 60]. По типу организации, структуре он схож с рассмотренными выше. Однако отличает то, что он является негосударственным. Как минимум это сказывается на источнике финансирования и,

как следствие, на выбираемых механизмах исследования истории. Кроме того, в силу негосударственного характера болгарский Институт памяти лишен властных полномочий, в частности по самостоятельному привлечению к ответственности.

Не осталась в стороне и Венгрия, где в 2013 году был создан Комитет национальной памяти. В отличие от институтов других государств работа аналога в Венгрии отличается значительной фрагментацией [7, с. 17]. Хотя формально существует в виде некоммерческой организации, реально выполняет задачи, обусловленные целями политических лидеров (бывших или действующих) в зависимости от их правового положения и преследуемых ими целей. Конкретные лица существенно определяют идеи, которые транслируются Комитетом национальной памяти. Официально Комитет призван «оберегать память о жертвах, формировать культуру памяти, общественный дискурс и передавать исторические знания новым поколениям». На самом деле заложенный принцип выбран неспроста, поскольку как раз в силу фрагментирования истории у населения Венгрии отсутствовало единое понимание исторической преемственности и идентичности. Было решено устранить имевшуюся, на взгляд правительства страны, ситуацию исторического забвения. Организации музеев, выставок оказалось недостаточным, в связи с чем потребовался институт для интерпретации и преподнесения знаний об исторических событиях.

Настало время поговорить об учреждениях истории в России. Как было показано выше на иллюстративном примере, в нашей стране отсутствует единый централизованный государственный орган в области охраны и развития исторической памяти. Различные функции по нормотворчеству в соответствующей области, контролю, надзору, привлечению к ответственности дискретно присущи различным органам. Между тем общие идеи работы с исторической памятью вырабатываются профильными органами исполнительной власти и закрепляются законодателем, реализуясь впоследствии на федеральном, региональном и муниципальном уровнях.

Огромная заслуга на начальном этапе развития и последующих в рассматриваемой области принадлежит историкам, правоведам, научным сотрудникам, преподавателям, общественным деятелям, неравнодушно относящимся к национальной памяти. При помощи немногочисленных финансовых, организационных и правовых ресурсов, но благодаря невероятному энтузиазму, затраченным силам и времени проделали и проделывают огромную работу по объединению единомышленников, сохранению и восстановлению исторических памятников, препятствованию незаконной деструктивной деятельности.

После оценки всего огромного потенциала и степени его важности в 2023 году на основании Указа Президента Российской Федерации был учрежден Национальный центр исторической памяти. Центр объединил вокруг себя как раз упомянутых выше историков, членов научного и преподавательского сообществ, а также активистов общественных организаций. Среди характеризующих статус черт отмечается следующее. Центр создан в форме некоммерческой организации. Учредителем является Управление делами Президента Российской Федерации. Источники финансирования различны, как это часто бывает у некоммерческих организаций: бюджет государства, добровольные взносы и пожертвования, а также самостоятельно зарабатываемые средства.

Важной особенностью является исходная цель создания центра – то, на предмет чего анализировались нами и зарубежные институты. Здесь проявляется принципиальное отличие. Целью деятельности организации является реализация Стратегии национальной безопасности Российской Федерации в части сохранения и защиты традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти, а также реализации общественно значимых проектов и инициатив. Как видим, отсутствует сужение до работы с одним или несколькими историческими со-

бытиями. Это означает, что отечественный центр – один из немногих в мире, классифицируемых как те, функции которых связаны с сохранением исторической национальной памяти в целом. Одной из ключевых задач являются сбор, выявление, поддержка и распространение лучших методик и форматов формирования гражданского самосознания. Данное обстоятельство говорит о том, что при таком подходе не допускается фрагментация официальных данных.

Одновременно с тем, что реализуется не только функция по формированию знаний, но и просветительская, свое развитие получает достаточно необычная и непохожая на зарубежные практика определения лучших методик и практик проведения исследований. При этом полномочия не дублируются с полномочиями государственных органов, что в мировой практике имеет место не всегда. Вырабатываются рекомендации, проводятся совместные мероприятия, однако центр не наделен властными полномочиями по осуществлению непосредственного контроля и надзора за деятельностью различных субъектов, а также по привлечению к ответственности.

Заключение

Таким образом, как видим, во многих случаях организация институтов памяти выстроена на схожем базисе: это юридические лица, имеющие публичную природу, формальную автономность и самостоятельность, финансируемые за счет государственного бюджета и иных источников учреждения. Между тем принципы, задачи и функции отличаются, в отдельных случаях нося конкретный и узконаправленный характер, а в других – комплексный и многоаспектный.

В некоторых странах Восточной и Центральной Европы наблюдаются реинтерпретация и модернизация исторических знаний. Реже обнаруживаются пополнение и обогащение национальной истории. Заявленный в начале работы критерий «водораздела» напрямую связан с исходными идеями и мотивами, выражающимися в нормативно закрепленных функциях институтов. Кроме того, установлено наличие различных моделей работы органов с исторической памятью, а именно выборочное подсвечивание отдельных эпизодов и использование комплексного массива памяти.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Котляров И. В. Историческая память как важнейший фактор цивилизационного кода (социологический дискурс) // Доклады Национальной академии наук Беларуси. 2018. Т. 62. № 3. С. 364–373.

2. Миллер А. И. Россия: Власть и история // Pro et Contra. 2009. № 3–4. С. 6–23.

3. Боловнев М. А. Держим «Высоту 60.0» // Военно-мемориальное наследие: инновационный опыт организационно-правового проектирования. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2021. № 1. С. 54–57.

4. *Медушевский* Н. *А.* Политика памяти в Словакии на современном историческом этапе // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2021. № 3. С. 36–51.

5. Кирчанов М. В. «Институты памяти» Чехии и Словакии и формирование образов Второй мировой войны // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2022. Т. 28. № 2. С. 17–26.

6. Кирчанов М. В. «Институты памяти» как форма исторической политики в Центральной и Юго-Восточной Европе // Славяноведение. 2022. № 5. С. 51–64.

7. Кирчанов М.В. Историческая политика и мемориальная культура современного венгерского общества // Вестник Пермского университета. Политология. Т. 17. 2023. № 3. С. 12–20.

REFERENCES

1. Kotlyarov I. V. Historical Memory as the Most Important Factor of the Civilizational Code (Sociological Discourse) // Reports of the National Academy of Sciences of Belarus. 2018. Vol. 62. No. 3. P. 364–373. (In Russ.)

2. Miller A. I. Russia: Power and History // Pro et Contra. 2009. No. 3–4. P. 6–23. (In Russ.)

3. Bolovnev M. A. Maintaining “Height 60.0” // Military Memorial Heritage: Innovative Experience of Organizational and Legal Design. Barnaul: Altai State University Publishing House, 2021. No. 1. P. 54–57. (In Russ.)

4. Medushevsky N. A. Politics of Memory in Slovakia at the Current Historical Stage // Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series “Political Science. History. International Relations”. 2021. No. 3. P. 36–51. (In Russ.)

5. Kirchanov M. V. “Institutions of Memory” in the Czech Republic and Slovakia and the Formation of Images of World War II // Bulletin of Samara University. History, Pedagogy, Philology. 2022. Vol. 28. No. 2. P. 17–26. (In Russ.)

6. Kirchanov M. V. “Institutions of Memory” as a Form of Historical Policy in Central and Southeastern Europe // Slavic Studies. 2022. No. 5. P. 51–64. (In Russ.)

7. Kirchanov M. V. Historical Policy and Memorial Culture of Contemporary Hungarian Society // Bulletin of Perm University. Political Science. Vol. 17. 2023. No. 3. P. 12–20. (In Russ.)

Информация об авторах:

А. А. Васильев, доктор юридических наук, доцент, член-корреспондент Академии военных наук;

М. А. Боловнев, кандидат юридических наук.

Information about the authors:

A. A. Vasiliev, Doctor of Law, Associate Professor, Corresponding Member of the Academy of Military Sciences;

M. A. Bolovnev, Candidate of Law.

Статья поступила в редакцию 10.10.2025; одобрена после рецензирования 21.10.2025; принята к публикации 17.11.2025.

The article was submitted 10.10.2025; approved after reviewing 21.10.2025; accepted for publication 17.11.2025.

Научная статья
УДК 321.01

ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ГОСУДАРСТВА КАК ФОРМЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА

Александр Егорович Епифанов[1, 2]
[1] Государственный университет управления, Москва, Россия
[2] Московский городской педагогический университет, Москва, Россия
mvd_djaty@mail.ru, ORCID: 0000- 0002-5686-5770

Аннотация. В статье проводится комплексный теоретико-правовой анализ государства как формы политической организации общества с применением системного методологического подхода. Исследуются фундаментальные характеристики государственности, механизмы функционирования государства и его взаимодействие с иными элементами политической системы. Рассматриваются современные вызовы, связанные с процессами глобализации, информатизации и демократизации, требующие переосмысления роли государства в условиях развивающихся политических систем. Делается вывод о том, что эффективность выполнения государством системообразующей роли определяет характер и перспективы развития политической системы в целом.

Ключевые слова: общество, политическая система, общественные отношения, государство, правовой институт, государственные механизмы, политико-правовая система.

Для цитирования: Епифанов А. Е. Теоретико-правовое исследование государства как формы политической организации общества // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2025. № 4 (110). С. 34–40.

Original article

THEORETICAL AND LEGAL STUDY OF THE STATE AS A FORM OF POLITICAL ORGANIZATION OF SOCIETY

Alexander E. Epifanov[1, 2]
[1] State University of Management, Moscow, Russia
[2] Moscow City Pedagogical University, Moscow, Russia
mvd_djaty@mail.ru, ORCID: 0000- 0002-5686-5770

Abstract. The article provides a comprehensive theoretical and legal analysis of the state as a form of political organization of society using a systematic methodological approach. It explores the fundamental characteristics of statehood, the mechanisms of the state's functioning, and its interaction with other elements of the political system. The current challenges associated with globalization, informatization, and democratization, which require a re-evaluation of the state's role in evolving political systems are examined. The author concludes that the effectiveness of the state's system-forming role determines the nature and prospects of the political system's development as a whole.

Keywords: society, political system, social relations, state, legal institution, state mechanisms, political and legal system.

For citation: Epifanov A. E. Theoretical and legal study of the state as a form of political organization of society // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. No. 4 (110). P. 34–40. (In Russ.)

Введение

В современную эпоху глобальных трансформаций политическая система общества претерпевает существенные изменения, что особенно ярко проявляется в эволюции роли и функций государства. Политическая

© Епифанов А. Е., 2025

система представляет собой сложный, многоуровневый комплекс институтов, норм и отношений, посредством которых осуществляется политическая власть и управление обществом. В центре этой системы находится государство – универсальная политическая организация, обладающая суверенной властью на определенной территории и выполняющая ключевые функции по обеспечению целостности и стабильности общества.

Актуальность исследования места и роли государства в политической системе обусловлена рядом факторов. Во-первых, в условиях глобализации и цифровизации происходит трансформация традиционных функций государства, меняется характер его взаимодействия с другими элементами политической системы. Во-вторых, возникают новые вызовы и угрозы (международный терроризм, экологические проблемы, пандемии), требующие переосмысления роли государства в их преодолении. В-третьих, наблюдается тенденция к усилению влияния негосударственных акторов (транснациональных корпораций, международных организаций, глобальных СМИ) на политические процессы, что ставит вопрос о пределах государственного суверенитета. Целью настоящего исследования являются комплексный теоретико-правовой анализ государства как системообразующего элемента политической организации общества, выявление его сущностных характеристик, функциональных особенностей и роли в обеспечении социальной стабильности и развития.

Методы исследования

В данном исследовании используется комплекс общенаучных и специальных методов, позволяющих всесторонне рассмотреть государство как центральный элемент политической системы общества. Так, был использован системный метод для анализа государства как элемента целостной политической системы, выявления его взаимосвязей с другими компонентами системы и определения функциональной роли в обеспечении стабильности политической системы в целом; структурно-функциональный анализ позволяет исследовать внутреннюю структуру государства, функции его отдельных элементов и их взаимодействие в процессе реализации государственной политики; историко-сравнительный метод используется для изучения эволюции представлений о государстве в политической мысли, а также для сопоставления различных моделей государственного устройства в разных странах и исторических периодах. Комплексное применение указанных методов позволяет обеспечить всесторонний анализ государства как центрального элемента политической системы и сформулировать обоснованные выводы о тенденциях его развития в современных условиях.

Результаты исследования

Политическая сфера общества представляет собой целостную, сложноорганизованную подсистему, которая включает совокупность политических институтов, отношений, процессов и норм. Основное их назначение – установление и функционирование политической власти в обществе.

В основе политической сферы лежит власть как основной механизм регулирования общественных отношений. При этом важную роль играют политические институты, главными среди которых являются государство, партии и общественные организации, а также политические отношения между социальными группами, политическое сознание, культура, нормы и традиции[1].

Государство как системообразующий элемент политической организации общества представляет собой сложный многофункциональный институт, обеспечивающий единство, стабильность и эффективность функционирования политической системы. Данный феномен характеризуется комплексной внутренней структурой и многогранностью социально-политических взаимодействий [3, с. 37]. По мнению А. Б. Венгерова: «Политическая организа-

[1] Морозова Л. А. Теория государства и права: учебник. Изд. 3-е, перераб. и доп. М.: Эксмо, 2021. С. 141.

ция общества немыслима без государства как ее организующего начала, определяющего правила политической игры и механизмы их реализации»[1].

Системообразующий характер государства раскрывается через его способность координировать и направлять общественное развитие. Государственные институты выступают своеобразным каркасом политической системы, обеспечивающим ее устойчивость и динамическое равновесие.

Важным аспектом системообразующей функции государства является и обеспечение национальной безопасности. Государственные институты формируют комплексную систему защиты от внутренних и внешних угроз, что предполагает не только военно-силовой компонент, но и развитие превентивных механизмов социальной стабильности. Современные государства все чаще используют дипломатические, экономические и информационные инструменты для предотвращения конфликтов и поддержания международной безопасности.

Легитимность государственной власти выступает критическим фактором эффективности политической системы. Демократические процедуры формирования государственных институтов, прозрачность принятия политических решений, механизмы общественного контроля создают основу для устойчивого развития социума. Государство трансформируется из жесткой иерархической структуры в гибкую систему взаимодействия с гражданским обществом[2].

Важным аспектом системообразующей роли государства является его функция обеспечения политической стабильности и преемственности. Государство выступает как институт, обеспечивающий непрерывность политического процесса и сохранение основных параметров политической системы в условиях смены политических лидеров и изменения политической конъюнктуры. Конституционные механизмы, процедуры передачи власти, система сдержек и противовесов – все эти элементы государственного устройства направлены на обеспечение стабильности политической системы и предотвращение политических кризисов[3].

Как пишет М. Н. Марченко, «государство как сложная система характеризуется структурной организацией, иерархичностью, целостностью и способностью к саморегулированию в рамках политической организации общества»[4]. Посредством государственных институтов осуществляется регулирование общественных отношений, реализация стратегических целей развития и поддержание социальной стабильности. Политическая система, интегрируя различные социальные группы и институты вокруг государства, создает устойчивую платформу для взаимодействия власти и общества, что позволяет эффективно решать внутренние и внешние задачи социального развития. Таким образом, государство не просто элемент политической системы, но ее системообразующее ядро, определяющее направления политического процесса и обеспечивающее динамическое равновесие социальных отношений.

Механизмы государственного управления создают необходимые условия для реализации стратегических целей общественного развития, адаптации социальных

---

[1] Венгеров А. Б. Теория государства и права: учебник для юридических вузов. 3-е изд. М.: Юриспруденция, 2000. С. 118.

[2] Марченко М. Н. Теория государства и права. Элементарный курс: учебное пособие. М.: Норма, 2018. С. 121.

[3] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 01.07.2020 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 31. Ст. 4398.

[4] Марченко М. Н. Теория государства и права. Элементарный курс: учебное пособие. М.: Норма, 2018. С. 145.

структур к изменяющимся внутренним и внешним условиям[1]. Особую значимость приобретает способность государства аккумулировать и перераспределять социальные ресурсы. Через бюджетную, налоговую и социальную политику государство создает механизмы горизонтальной и вертикальной мобильности, обеспечивает баланс интересов различных социальных страт. Например, в современных демократических системах государство выступает гарантом социальной справедливости, реализуя программы поддержки малообеспеченных групп населения и создавая условия для равного доступа к образовательным и медицинским услугам.

Государство реализует властные полномочия через систему органов законодательной, исполнительной и судебной власти. Разделение властей выступает фундаментальным принципом организации современного демократического государства. Каждая ветвь власти обладает собственной компетенцией и автономией в принятии решений. Система сдержек и противовесов предотвращает концентрацию власти в одних руках.

Легитимность государственной власти является необходимым условием стабильности политической системы. Государство должно обладать признанием со стороны граждан и международного сообщества. Легитимность обеспечивается через демократические процедуры формирования органов власти. Выборы выступают основным механизмом легитимации государственной власти в современных политических системах.

Основным признаком, который характерен для государства, на наш взгляд, стоит признавать наличие особого аппарата управления. Особый аппарат управления важен для любого государства. Обусловлено это прежде всего тем, что перед обществом зачастую стоят достаточно сложные задачи. Конкуренция между различными слоями общества требует самостоятельности в решении определенных задач [2, с. 26].

Государственный аппарат представляет собой комплексную систему, включающую в себя законодательные, исполнительные, судебные и надзорные органы, функционирующие в рамках единой институциональной структуры. Данные элементы образуют целостный механизм осуществления государственной власти, обеспечивающий реализацию политических решений.

Территориальный принцип является фундаментальной характеристикой государства, определяющей пространственные пределы осуществления властных полномочий. Данный принцип обуславливает дифференциацию компетенций органов государственной власти и устанавливает юрисдикционные границы. Территория государства представляет собой детерминированное географическое пространство с установленными демаркационными линиями, в пределах которого реализуется государственный суверенитет.

Налогообложение выступает неотъемлемым атрибутом государственности, обеспечивающим материальную основу функционирования государственных институтов. Посредством фискальных механизмов осуществляется поддержание экономической, транспортной и социальной инфраструктуры. Эмпирические данные свидетельствуют о том, что бюджетные системы большинства современных государств более чем наполовину формируются за счет налоговых поступлений [4, с. 155].

Право является имманентным признаком государства, представляющим собой систему формализованных, общеобязательных нормативных предписаний. Правовая система выступает в качестве регулятора общественных отношений, устанавливающего границы свободы и определяющего модели допустимого поведения субъектов социального взаимодействия. Суверенитет как атрибутивная характеристика государства проявляется в двух аспектах: внутреннем, выражающемся в верховенстве государ-

[1] Морозова Л. А. Теория государства и права: учебник. Изд. 3-е, перераб. и доп. М.: Эксмо, 2021. С. 98.

ственной власти в пределах национальных границ, и внешнем, заключающемся в независимости при осуществлении международных отношений [5, с. 27].

Государство как управленческий аппарат реализует комплекс функций, направленных не только на разрешение внутренних социальных противоречий, но и на обеспечение территориальной целостности, защиту от внешних угроз и сохранение культурной идентичности общества. Данные аспекты государственности находятся в диалектическом единстве, отражая многогранность феномена государства. Их комплексное рассмотрение необходимо для формирования адекватной научной концепции государства как политического института [6, с. 19]. По мнению Л. А. Морозовой, «государство выступает интегрирующим фактором политической системы, обеспечивая координацию деятельности всех политических институтов и поддержание общественного порядка»[1].

Функции государства условно можно разделить на внешние и внутренние. Внутренние функции государства направлены на решение задач внутри страны. К ним можно отнести решение вопросов в экономической, социальной, правоохранительной и культурно-воспитательной сферах. Они также направлены на решение экологических проблем, связанных с государством.

Внешние функции государства обеспечивают его взаимодействие с другими странами и международными организациями. Проявляются они через оборонную, дипломатическую, внешнеэкономическую деятельность, а также через международное сотрудничество[2].

Хочется отметить, что современное государство сталкивается с новыми вызовами и внешними угрозами, среди которых, на наш взгляд, международный терроризм, транснациональная организованная преступность, киберпреступность занимают первое место. Так, международный терроризм по праву можно назвать одной из наиболее серьезных угроз для современных государств в XXI веке. Террористические организации отличает то, что они действуют вне государственных границ, используют современные технологии для коммуникации и финансирования своей деятельности. Особую опасность международный терроризм представляет тем, что его участники активно используют цифровые технологии для координации своих преступных действий, вербуют сторонников и практикуют кибератаки. При этом террористические организации все чаще действуют по сетевому принципу без явного центра управления [1, с. 76]. Борьба с транснациональной преступностью требует координации усилий правоохранительных органов различных стран, гармонизации законодательства, создания международных механизмов сотрудничества.

Заключение

Итак, на основании изложенного мы установили, что общество по своей природе имеет сложную структуру и состоит из различных взаимосвязанных компонентов. Взаимосвязанная работа всех элементов обеспечивает стабильность работы общества в целом. Центральное место, на наш взгляд, занимает политическая система общества, включающая в себя как государственные органы, так и неправительственные организации, политические партии и движения, которые взаимодействуют друг с другом в рамках сложной системы власти. Поскольку политическая система общества – это комплексный механизм управления общественными процессами, а также отношениями, возникающими в различных социальных группах, можно утверждать, что она играет фундаментальную роль в организации социума.

Государство занимает центральное место в политической системе общества, выступая в качестве ключевого политического института, обладающего уникальными характеристиками и функциями. Данный

[1] Морозова Л. А. Теория государства и права: учебник. Изд. 3-е, перераб. и доп. М.: Эксмо, 2021. С. 187.

[2] Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права: учебник. М.: Дело, 2020. С. 148.

правовой институт представляет собой сложную, многоаспектную социально-политическую систему, которая выступает ключевым механизмом организации и регулирования общественных отношений.

Установлено, что государство обладает рядом имманентных признаков, среди которых особое значение имеют: наличие специализированного аппарата управления, территориальная организация, суверенитет, правовая система и фискальные механизмы. Каждый из этих признаков отражает сущностные характеристики государства как политического института и обеспечивает его способность к эффективному управлению социальными процессами.

Функциональная природа государства раскрывается через комплекс внутренних и внешних функций. Внутренние функции направлены на решение социально-экономических, правовых и культурных задач, в то время как внешние функции обеспечивают международное взаимодействие, дипломатическую деятельность и национальную безопасность. Диалектическое единство этих функций свидетельствует о системной целостности государства как политического образования.

Современные трансформационные процессы актуализируют необходимость переосмысления роли государства в условиях глобализации и нарастания новых вызовов. Особую значимость приобретают проблемы противодействия международному терроризму, транснациональной преступности и киберугрозам, что требует от государства разработки комплексных стратегий адаптации к изменяющимся геополитическим реалиям. Принципиальное значение для эффективного функционирования государства имеет легитимность власти, которая обеспечивается демократическими процедурами, соблюдением прав и свобод граждан, прозрачностью политических институтов. Легитимность выступает фундаментальным условием стабильности политической системы и социального консенсуса. Теоретический анализ показал, что государство является динамичной системой, способной к самоорганизации и адаптации. Его развитие детерминировано комплексом внутренних и внешних факторов, включая социально-экономические трансформации, культурно-исторический контекст и международные отношения.

Проведенное исследование подводит нас к выводу о том, что в современных условиях роль государства подвергается трансформации, но не уменьшается. Происходит постепенная адаптация государственных институтов к новым реалиям. Такие явления, как международный терроризм, транснациональная организованная преступность, экологические проблемы, пандемии, существенно отличаются от традиционных проблем безопасности. Возникшие вызовы и угрозы имеют международный характер, именно это затрудняет их эффективное решение в рамках отдельных национальных государств. Государству приходится становиться более гибким в своих механизмах, постепенно, мягко интегрироваться в многоуровневые системы управления, развивать новые формы взаимодействия с гражданским обществом, бизнесом и международными организациями.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Байтин М. И. Механизм современного российского государства // Правоведение. 2021. № 3. С. 76–81.

2. Климик В. С. Государство: проблемы понятия, признаков, социальной природы // Фестиваль права: сборник трудов 4-й Всероссийской научной молодежной конференции. Ставрополь: Северо-Кавказский университет, 2016. С. 26–28. (In Russ.)

3. Котелевская Т. Н. Роль государства в политической системе общества // Новые парадигмы общественного развития: экономические, социальные, философские, политические, правовые, общенаучные тенденции и закономерности: сборник статей международной научно-практической конференции. Энгельс, 2016. С. 36–37.

4. Епифанов А. Е. К вопросу о преодолении пробелов и коллизий действующего законодательства в правоприменительном процессе // Парадигмы управления, экономики и права. 2020. № 2. С. 153–162.

5. Епифанов А. Е., Баев Р. Р., Джумагулов А. С. Федеральное вмешательство как институт федеративного государства (вопросы теории государства и права). Волгоград: Издательство ВАГС, 2011. 168 с.

6. Епифанов А. Е., Джамбалаев Я. Р. Становление и развитие особых государственно-правовых режимов в Советском государстве (1917–1930-е гг.) // Закон и право. 2011. № 5. С. 18–21.

REFERENCES

1. Baytin M. I. The mechanism of the modern Russian state // Jurisprudence. 2021. No. 3. P. 76–81. (In Russ.)

2. Klimik V. S. The state: problems of concept, features, social nature // Festival of law: collected works of the 4th All-Russian scientific youth conference. Stavropol: North Caucasus University, 2016. P. 26–28. (In Russ.)

3. Kotelevskaya T. N. The role of the state in the political system of society // New paradigms of social development: economic, social, philosophical, political, legal, general scientific trends and patterns: collected articles of the international scientific and practical conference. Engels, 2016. P. 36–37. (In Russ.)

4. Epifanov A. E. On the issue of overcoming gaps and collisions of the current legislation in the law enforcement process // Paradigms of management, economics and law. 2020. No. 2. P. 153–162. (In Russ.)

5. Epifanov A. E., Baev R. R., Dzhumagulov A. S. Federal intervention as an institution of a federal state (issues of the theory of state and law). Volgograd: VAGS Publishing House, 2011. 168 p. (In Russ.)

6. Epifanov A. E., Dzhambalaev Ya. R. Formation and development of special state and legal regimes in the Soviet state (1917–1930s) // Law and Right. 2011. No. 5. P. 18–21. (In Russ.)

Информация об авторе:

А. Е. Епифанов, доктор юридических наук, профессор.

Information about the author:

A. E. Epifanov, Doctor of Law, Professor.

Статья поступила в редакцию 25.03.2025; одобрена после рецензирования 09.09.2025; принята к публикации 17.11.2025.

The article was submitted 25.03.2025; approved after reviewing 09.09.2025; accepted for publication 17.11.2025.

Научная статья
УДК 342.951

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ЗАРУБЕЖНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ОСОБО ОХРАНЯЕМЫХ ПРИРОДНЫХ ТЕРРИТОРИЯХ

Полина Александровна Георгиева
Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Россия
filyshastepa@yandex.ru

Аннотация. В статье представлен комплексный сравнительно-правовой анализ законодательства различных стран в сфере регулирования особо охраняемых природных территорий (далее – ООПТ). Исследование охватывает международные стандарты охраны окружающей среды и их имплементацию в национальную правовую систему. Автор рассматривает особенности регулирования ООПТ в различных регионах мира, выделяя характерные черты североамериканской, европейской, африканской и азиатской моделей управления природоохранными территориями. Особое внимание уделяется анализу правовых механизмов создания и функционирования ООПТ, включая вопросы финансирования, управления и взаимодействия с местными сообществами. На основе проведенного анализа автор формулирует рекомендации по совершенствованию правового регулирования ООПТ, включая возможность внедрения гибридных моделей управления и развития экотуризма. Исследование демонстрирует, что эффективность системы ООПТ зависит от баланса между государственным контролем и участием местных сообществ, а также от способности законодательства адаптироваться к меняющимся экологическим и социально-экономическим условиям.

Ключевые слова: биоразнообразие, законодательство, охраняемые природные территории, угроза, сохранение, система, экосистема.

Для цитирования: Георгиева П. А. Сравнительно-правовой анализ зарубежного законодательства об особо охраняемых природных территориях // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2025. № 4 (110). С. 41–49.

Original article

COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS OF FOREIGN LEGISLATION ON SPECIALLY PROTECTED NATURAL AREAS

Polina A. Georgieva
Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia
Saint Petersburg, Russia, filyshastepa@yandex.ru

Abstract. The article presents a comprehensive comparative legal analysis of the legislation of various countries in the field of regulation of specially protected natural areas. The study covers international environmental standards and their implementation in national legal systems. The author examines the specifics of the regulation of protected areas in various regions of the world, highlighting the characteristic features of the North American, European, African and Asian models of management of protected areas. Special attention is paid to the analysis of the legal mechanisms for the creation and functioning of protected areas, including issues of financing, management and interaction with local communities. Based on the analysis, the author formulates recommendations for improving the legal regulation of protected areas, including the possibility of introducing hybrid management models and ecotourism development. The study demonstrates that the

© Георгиева П. А., 2025

effectiveness of a protected area system depends on the balance between state control and the participation of local communities, as well as on the ability of legislation to adapt to changing environmental and socio-economic conditions.

Keywords: biodiversity, legislation, protected natural areas, threat, conservation, system, ecosystem.

Для цитирования: Georgieva P. A. Comparative legal analysis of foreign legislation on specially protected natural areas // Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. No. 4 (110). P. 41–49. (In Russ.).

Введение

В условиях растущего воздействия человека на окружающую среду, сохранения глобальных экологических проблем и необходимости сохранения биоразнообразия вопрос об особо охраняемых природных территориях становится все более актуальным. ООПТ представляют собой участки земли или водного пространства, которые имеют особое природоохранное, научное, культурное, эстетическое, рекреационное и оздоровительное значение, изъятые решениями органов государственной власти полностью или частично из хозяйственного использования и для которых установлен режим особой охраны[1]. В данной статье проводится сравнительно-правовой анализ законодательства об ООПТ в нескольких зарубежных странах с целью выявления общих тенденций и различий в подходах к охране природы.

В современном мире вопросам создания и управления особо охраняемых природных территорий в каждом государстве уделяется особое внимание [1]. Практически у любого государства есть многолетний опыт построения такой системы охраны и управления. При проведении сравнительно-правового анализа зарубежного законодательства особо охраняемых природных территорий других стран нас больше всего будут интересовать страны, которые в той или иной степени приближены по масштабам территории к Российской Федерации.

Недавний глобальный кризис общественного здравоохранения, вызванный COVID-19, подчеркнул важность охраняемых территорий как для смягчения распространения болезней, так и для решения растущих проблем, связанных с благополучием человечества. Эту глобальную пандемию частично объясняют утратой биоразнообразия экосистем. Физическое и психическое здоровье человека в условиях создавшихся ограничений, вызванных COVID-19, положительно коррелирует с доступом к открытым природным ландшафтам. Кроме того, экономические последствия COVID-19 негативно сказались на поддержке охраняемых территорий. Учитывая растущую важность сохранения биоразнообразия и экосистем, эффективное управление охраняемыми территориями становится все более важным.

Методы исследования

Для проведения сравнительно-правового анализа законодательства об ООПТ были использованы следующие методы: сравнительный метод – сопоставление и анализ законодательства в области ООПТ в разных странах; системный подход – рассмотрение законодательства как целостной системы, состоящей из взаимосвязанных элементов; анализ нормативных актов – изучение законодательства, регулирующего деятельность ООПТ.

Результаты исследования

Практическая значимость работы заключается в возможности использования полученных результатов для совершенствования российского законодательства в области охраны окружающей среды и развития системы особо охраняемых природных территорий.

Несмотря на универсальные принципы, закрепленные в международных соглашениях, национальные правовые системы демонстрируют разнообразие подходов к

[1] Об особо охраняемых природных территориях: федеральный закон от 14 марта 1995 г. № 33-ФЗ (преамбула). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

регулированию таких зон. Это обусловлено различиями в экологических приоритетах, экономических условиях и культурных традициях.

В каждой стране вне зависимости от ее территориального расположения приняты свои нормативные акты, направленные на защиту и охрану ООПТ, однако существуют международные документы, которые регламентируют природоохранную деятельность во всех странах: Конвенция о биологическом разнообразии (CBD), Рамсарская конвенция о водно-болотных угодьях (Ramsar Convention), Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия (World Heritage Convention), Конвенция о международной торговле видами дикой фауны и флоры, находящимися под угрозой уничтожения (CITES), Конвенция о водно-болотных угодьях, имеющих международное значение (Ramsar Convention in force), Конвенция по сохранению мигрирующих видов диких животных (CMS), Боннская конвенция о сохранении мигрирующих видов диких животных (Bonn Convention) [2, с. 61]. Все перечисленные международные документы отражают основные принципы, на основании которых каждая страна издает свою природоохранную законодательную базу:

1. Признание ценности биоразнообразия: международное сообщество признает биоразнообразие как ключевой элемент устойчивости экосистем и источник множества экологических, экономических и социальных выгод. Это признание находит отражение в международных соглашениях и конвенциях, направленных на сохранение биоразнообразия.

2. Международное сотрудничество: сотрудничество между странами в области ООПТ способствует обмену опытом, технологиями и ресурсами, что позволяет более эффективно решать задачи по сохранению природных территорий.

3. Устойчивое развитие: развитие международного законодательства об ООПТ направлено на достижение баланса между сохранением природных территорий и удовлетворением потребностей современного общества. Это предполагает поиск путей минимизации негативного воздействия на окружающую среду при одновременном использовании природных ресурсов.

4. Финансирование и поддержка: международное законодательство предусматривает механизмы финансирования и поддержки ООПТ, включая гранты, кредиты, техническую помощь и обмен опытом.

Далее мы обратимся, в соответствии с заявленным предметом исследования, к законодательству зарубежных стран в сфере ООПТ.

В США законодательство в области ООПТ регулируется Законом о национальных парках (National Park Service Organic Act) от 25 июля 1916 года и Законом об охране дикой природы (Wilderness Act) от 3 сентября 1964 года. Закон о национальных парках устанавливает правовой режим национальных парков и других федеральных ООПТ, определяет их цели и задачи, а также порядок управления ими[1]. Закон об охране дикой природы устанавливает правовой режим дикой природы, которая является частью национальных лесов, национальных парков и других федеральных земель[2].

Плановая система управления ООПТ США включает: долгосрочные планы развития (10–15 лет); стратегические планы (3–5 лет); ежегодные рабочие планы; бизнес-планы для отдельных территорий. Система финансирования ООПТ США регулируется: специальным фондом Конгресса США; 150 некоммерческими партнерскими

[1] Summary of the National Environmental Policy Act // U.S. Environmental Protection Agency. URL: https://www.epa.gov/laws-regulations/summary-national-environmental-policy-act (дата обращения: 10.05.2025).

[2] Complete text of the wilderness act Public Law 88-577 (16 U.S.C. 1131-1136) 88th Congress, Second Session September 3, 1964 // National Park Service. URL: https://www.nps.gov/subjects/wilderness/upload/W-Act_508.pdf (дата обращения: 10.05.2025).

организациями; программой привлечения волонтеров; механизмами государственно-частного партнерства [3, с. 172].

Комплексный подход к правовому регулированию ООПТ США включает: экологическую защиту территорий; культурно-историческую сохранность; образовательные программы; развитие именно экотуризма (в России до настоящего времени понятие «экотуризм» законодательно нигде не закреплено, распространено повсеместно «туризм»).

Система мониторинга деятельности ООПТ США регулируется: регулярными инспекционными проверками; отчетом о состоянии территорий; контролем за соблюдением природоохранного режима; надзором за туристической деятельностью [4, с. 494]. Таким образом, в совокупности такая деятельность обеспечивает многоуровневый и комплексный подход к управлению особо охраняемыми территориями США, сочетая при этом федеральные, региональные и локальные механизмы регулирования.

В Канаде законодательство в области ООПТ регулируется Законом об охране дикой природы (Wilderness Act) от 3 сентября 1964 года и Законом об охране окружающей среды (Environment Act) от 20 декабря 1985 года. Закон об охране дикой природы устанавливает правовой режим дикой природы, которая является частью национальных лесов, национальных парков и других федеральных земель[1]. Закон об охране окружающей среды устанавливает общие принципы охраны окружающей среды, включая охрану природных ресурсов и биоразнообразия[2].

Механизмом защиты окружающей среды Канады является экологический контроль, который включает: меры по предотвращению деградации среды; требования к предотвращению ущерба флоре и фауне; ответственность за нарушение природоохранного режима и компенсацию расходов на восстановление экосистем.

Источники финансирования особо охраняемых природных территорий Канады: федеральный бюджет (основной источник финансирования), региональные программы, грантовая поддержка, частные инвестиции, государственно-частное партнерство [5, с. 38], дополнительные источники (платежи от посетителей, доходы от экотуризма, научные исследования). Механизмом распределения средств является их целевое использование. Средства направляются на сохранение природных территорий, восстановление экосистем, защиту редких видов, развитие экотуризма [6, с. 106].

В Германии законодательство в области ООПТ регулируется Законом об охране природы (Naturschutzgesetz) от 26 сентября 1976 года и Законом о национальных парках (Bundes-Naturparkgesetz) от 15 декабря 1970 года. Закон об охране природы устанавливает общие принципы охраны природы, включая охрану природных ресурсов, биоразнообразия и ландшафтов. Закон о национальных парках устанавливает правовой режим национальных парков и других ООПТ, находящихся под управлением федеральных земель [7, с. 57].

Механизм управления ООПТ Германии предполагает систему зонирования (строго охраняемые зоны, зоны ограниченного использования, зоны рекреационного использования, зоны традиционного использования). Правовой режим ООПТ Германии предполагает обязательную экологическую экспертизу, систему разрешений на использование территорий, экологический мониторинг, контроль за соблюдением природоохранного законодательства [8, с. 172]. Источники финан-

[1] About the Canada Wildlife Act // Canada.ca. URL: https://www.canada.ca/en/environment-climate-change/services/environmental-enforcement/acts-regulations/about-wildlife-act.html (дата обращения: 11.05.2025).

[2] Overview of Canadian Environmental Protection Act // Canada.ca. URL: https://www.canada.ca/en/environment-climate-change/services/canadian-environmental-protection-act-registry/general-information/overview.html (дата обращения: 11.05.2025).

сирования особо охраняемых природных территорий Германии подразделяются на государственное финансирование и частные инвестиции [9, с.29].

Во Франции законодательство в области ООПТ регулируется Законом о национальных парках (Loi sur les parcs nationaux) от 28 марта 1963 года и Законом о защите окружающей среды (Loi relative à la protection de l›environnement) от 10 июля 1976 года. Закон о национальных парках устанавливает правовой режим национальных парков и других ООПТ, находящихся под управлением государства. Закон о защите окружающей среды устанавливает общие принципы охраны окружающей среды, включая охрану природных ресурсов и биоразнообразия [10, с. 194].

Особенности правового регулирования ООПТ Франции заключаются: в сочетании централизованного управления с региональным самоуправлением [11, с. 117]; в активном участии местных сообществ в управлении; в развитии экотуризма как инструмента сохранения территорий; в внедрении экономических механизмов поддержки ООПТ; в тесной интеграции с европейской системой Natura 2000[1].

Источники финансирования особо охраняемых природных территорий Франции подразделяются на государственное финансирование, частные инвестиции, средства, вырученные от экотуризма и гранты международных организаций. Данная нормативная правовая база обеспечивает комплексный подход к сохранению природных территорий, сочетая природоохранные меры с социально-экономическим развитием регионов и участием местного населения в управлении ООПТ.

В Китае законодательство в области ООПТ регулируется Законом о защите дикой природы (Wildlife Protection Law) 1988 года и Законом об охране окружающей среды (Environmental Protection Law) 1989 года, а также другими нормативными правовыми актами, регулирующими деятельность конкретного ООПТ. Закон о защите дикой природы регулирует вопросы охраны и использования дикой природы, включая редкие и находящиеся под угрозой исчезновения виды[2]. Закон об охране окружающей среды устанавливает общие принципы охраны окружающей среды и регулирует использование природных ресурсов[3].

В Китае сформирована многоуровневая система управления ООПТ, которая подразделяется на: государственный уровень (Министерство экологии и окружающей среды); региональный уровень (местные органы власти); оперативный уровень (администрации конкретных ООПТ). Источниками финансирования особо охраняемых природных территорий в Китае являются: государственное финансирование, частные инвестиции, инновационные механизмы поддержки природоохранной деятельности.

В Кении законодательство об ООПТ регулируется основополагающими нормативными правовыми актами: Законом об охране окружающей среды (Environmental Management and Coordination Act, EMCA) и Законом о дикой природе (Wildlife Conservation and Management Act). Закон об охране окружающей среды регулирует: создание и управление ООПТ; лицензирование деятельности на охраняемых территориях; мониторинг состояния окружающей

[1] Naturalness and conservation in France // ResearchGate. URL: https://www.researchgate.net/profile/Annik-Schnitzler/publication/225727118_Naturalness_and_Conservation_in_France/links/540078690cf29dd7cb526eb2/Naturalness-and-Conservation-in-France.pdf (дата обращения: 11.05.2025).

[2] Wildlife Protection Law of the People's Republic of China // Food and Agriculture Organization of the United Nations. URL: https://faolex.fao.org/docs/pdf/chn173552.pdf (дата обращения: 13.05.2025).

[3] Environmental Protection Law of the People's Republic of China // Congressional-Executive Commission on China. URL: https://www.cecc.gov/resources/legal-provisions/prc-environmental-protection-law (дата обращения: 13.05.2025).

среды; контроль за соблюдением природоохранного законодательства[1].

Закон о дикой природе определяет: правовой статус диких животных; режимы охраны и использования диких животных; порядок создания заповедников и национальных парков; меры по борьбе с браконьерством[2]. Данная нормативная правовая база обеспечивает комплексный подход к охране природных территорий Кении, учитывая как международные обязательства, так и местные особенности управления природными ресурсами.

Управление ООПТ Кении осуществляется на нескольких уровнях: национальном (правительство Кении); региональном (графства); местном (сообщества и управляющие организации) и частном (владельцы частных заповедников). Основными источниками финансирования ООПТ Кении являются: государственное финансирование, частные инвестиции и альтернативные источники дохода.

В Южно-Африканской республике (далее – ЮАР) законодательство об ООПТ регулируется: Национальным законом об охране окружающей среды (1998 г. с поправками 2009 г.), который является основополагающим законодательным актом по охране окружающей среды[3]; Законом об охраняемых территориях (2003 г. с поправками 2014 г.), который регулирует: создание и управление охраняемыми территориями; режимы охраны природных объектов; порядок управления территориями; взаимодействие с органами управления; Законом о биоразнообразии (2004 г. с поправками 2014 г.), который регулирует: сохранение биологического разнообразия; защиту редких и исчезающих видов; управление природными ресурсами, и Стратегией расширения охраняемых территорий (2008 г., пересмотрена в 2016 г.), которая определяет: цели развития сети ООПТ; приоритеты расширения охраняемых территорий; механизмы реализации стратегии.

Механизмы управления охраняемыми природными территориями основаны на соглашениях об управлении с различными органами и ведомствами (CapeNature**,** Южноафриканские национальные парки (SANParks), Ezemvelo KZN Wildlife, Управление парка водно-болотных угодий и Симангалисо (IWPA)). Департамент охраны окружающей среды, лесного хозяйства и рыболовства осуществляет общее руководство.

Система управления охраняемыми территориями ЮАР осуществляется через Департамент охраны окружающей среды, лесного хозяйства и рыболовства. Финансирование деятельности осуществляется через национальный бюджет ЮАР. Данная нормативная правовая база обеспечивает комплексный подход к управлению особо охраняемыми территориями ЮАР, учитывая как внутренние, так и международные стандарты охраны окружающей среды.

На основе анализа и оценки зарубежных правовых норм возможно выделить ключевые позиции зарубежного положительного опыта, а именно:

1. Международные стандарты и их имплементация. Международное право задает общие рамки для создания ООПТ, однако их реализация зависит от национальных законодательств. Например, Рамсарская конвенция акцентирует защиту водно-болотных угодий, но, помимо этого, ее положения дополняются директивами, формирующими сеть Natura 2000. Эта система охватывает 27 тыс. объектов, интегрируя охрану природы с устойчивым использованием ресурсов [12, с. 69].

---

[1] Environmental Management and Coordination Act // Kenya Law. URL: https://new.kenyalaw.org/akn/ke/act/1999/8/eng@2022-12-31 (дата обращения: 14.05.2025).

[2] The Wildlife Conservation and Management Act // InforMEA URL: https://www.informea.org/en/content/legislation/wildlife-conservation-and-management-act (дата обращения: 14.05.2025).

[3] National Environmental Management Act 107 of 1998 // South Africa Government. URL: https://www.gov.za/documents/national-environmental-management-act (дата обращения: 12.05.2025).

2. Национальные модели управления ООПТ.

Северная Америка: в США и Канаде преобладает федеральный контроль над ключевыми территориями, такими как национальные парки [13, с. 95]. Законодательство строго ограничивает промышленную деятельность, но поощряет научные исследования и экотуризм. Например, в Йеллоустонском парке запрещена добыча полезных ископаемых, что снижает антропогенное давление на окружающую природу.

Европа: модель Natura 2000 сочетает централизованное планирование с региональной адаптацией. В Германии и Франции местные власти участвуют в управлении ООПТ через программы софинансирования, что повышает эффективность природоохранных мер.

Африка: в Кении и ЮАР развита система частных резерватов, где некоммерческие организации и коммерческие структуры берут на себя охрану экосистем. Это позволяет привлекать инвестиции в экотуризм, но требует жесткого контроля за соблюдением экологических стандартов.

Азия: в Китае создание ООПТ часто сопровождается переселением местных сообществ, что вызывает социальные конфликты. Однако такой подход способствует восстановлению деградированных ландшафтов, как в случае с заповедником «Трех параллельных рек» [14, с. 35].

Заключение

Проведенный анализ зарубежного опыта позволяет провести сравнение с российской системой особо охраняемых природных территорий, на основании которого можно сформулировать следующие выводы:

1. Международно-правовой аспект.

В России, как и в других странах, действует система международных конвенций по охране природы. Однако отсутствует комплексный механизм имплементации международных стандартов в национальное законодательство.

2. Модели управления ООПТ.

В России преобладает централизованная модель управления, в то время как в других странах успешно применяются гибридные модели. При этом в России, в отличие от других стран, отмечается отсутствие эффективного взаимодействия между федеральным центром и региональными властями в управлении ООПТ.

3. Финансирование ООПТ.

В зарубежных странах активно используются механизмы государственно-частного партнерства [15, с. 59], в то время как в России недостаточно развиты альтернативные источники финансирования (экотуризм, волонтерство, частные инвестиции).

4. Правовые механизмы.

В российском законодательстве отсутствует четкое закрепление понятия «экологический туризм». При этом недостаточно развиты механизмы вовлечения местных сообществ в управление ООПТ.

5. Система мониторинга.

В зарубежных странах действует более совершенная система контроля за туристической деятельностью. При этом в России отсутствует комплексный подход к оценке эффективности управления ООПТ.

В рамках проведенного исследования выработаны рекомендации по совершенствованию российской системы особо охраняемых природных территорий:

– во-первых, необходимо постепенно внедрить гибридные модели управления с участием частного сектора. Гибридная модель управления предусматривает комплексный подход к управлению ООПТ и сочетает в себе различные формы и методы управления (многоуровневая система управления, различные формы источников финансирования, механизмы реализации нацелены на долгосрочную перспективу и планирование);

– во-вторых, разработать комплексную систему финансирования ООПТ (на данный период времени ООПТ федерального значения, помимо государственного финансирования, прикладывают все необходимые усилия для получения грантов на обеспечение своей деятельности);

– в-третьих, закрепить на законодательном уровне понятие «экологический туризм»

и механизмы его развития, а также на основании этого внести изменения в статью 5.2 Федерального закона «Об особо охраняемых природных территориях», заменив понятие «туризм» на «экологический туризм». В рамках XI Невского международного экологического конгресса (май 2025 года) развитие экотуризма на ООПТ обсуждалось в который раз, однако на практике происходит подмена понятий, и чтобы этого избежать, необходимо законодательно разграничить оба понятия;

– в-четвертых, создать систему мониторинга эффективности управления ООПТ, опираясь на опыт зарубежных стран.

Такой комплексный подход позволит повысить эффективность управления особо охраняемыми природными территориями в России, сочетая отечественный и международный опыт.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Яковлева И. А. Актуальные вопросы развития системы особо охраняемых природных территорий // Фундаментальные исследования. 2015. № 12. С. 438–443.

2. Покрищук Д. В. Особо охраняемые природные территории в Европе // Современная наука. 2017. № 1. С. 60–65.

3. Куксова М. А. Анализ зарубежного и российского опыта финансирования ООПТ // Вестник института дружбы народов Кавказа (теория экономики и управления народным хозяйством). Экономические науки. 2008. С. 170–176.

4. Щербатая Е. Н., Мисинева И. А. Международный опыт управления особо охраняемыми природными территориями // Актуальные проблемы авиации и космонавтики. 2019. С. 493–495.

5. Торопушина Е. Е. Государственно-частное партнерство в социальной сфере арктических территорий США и Канады // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера: Вестник Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета. 2020. № 3. С. 37–49.

6. Жуковский А. Ю. Обзор зарубежного опыта создания и управления системой ООПТ на примере Канады // МНИЖ. 2020. № 2-1 (92). С. 105–107.

7. Стеблов А. Л., Вайсман Я. И. Экологическое право Российской Федерации и стран Европейского сообщества: учебное пособие. Пермь: Пермский государственный технический университет, 2008. 285 с.

8. Жданова Р. В., Рассказова А. А., Хватыш Н. В., Соколова Т. А., Хуторова А. О. Роль государственного мониторинга окружающей среды в экологической оценке особо охраняемых природных территорий // Московский экономический журнал. 2024. Том 9. № 2. С. 167–182.

9. Ермакова А. П. Green financing in Germany: regulatory issues // Журнал Белорусского государственного университета. Право. 2020. № 2. С. 28–34.

10. Денисенко А. А. Тенденции развития французского природоресурсного права // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2022. Vol. 4-2 (67). С. 193–196.

11. Батыршина Г. Ф. Сравнительно-правовой анализ организации особо охраняемых природных территорий в странах Европы // ВЭПС. 2024. № 1. С. 114–117.

12. Туркина Д. А. Правовая охрана особо охраняемых природных территорий в Российской Федерации и Европе: сравнительно-правовой анализ // Уральский журнал правовых исследований. 2021. № 4 (17). С. 68–76.

13. Сокольникова Е. А. Проблемы и практика правового регулирования охраны объектов животного мира при пользовании недрами на особо охраняемых природных территориях // Пробелы в российском законодательстве. 2020. № 7. С. 92–97.

14. Тарасова О. Е., Николаева Е. А. Правовой режим особо охраняемых природных территорий в России и зарубежных странах // Environmental Law. 2023. № 5. С. 34–37.

15. Янкевич К. А., Цыплакова Е. Г., Янкевич Ю. Г., Синько Г. И. Механизмы государственно-частного партнерства в сфере эксплуатации особо охраняемых природных территорий // Инновации и инвестиции. 2021. № 11. С. 59–62.

REFERENCES

1. Yakovleva I. A. Topical issues of development of the system of specially protected natural territories // Fundamental research. 2015. No. 12. P. 438–443.

2. Pokrishchuk D. V. Specially protected natural territories in Europe // Modern science. 2017. No. 1. P. 60–65. (In Russ.)

3. Kuksova M. A. Analysis of foreign and Russian experience of financing protected areas // Bulletin of the Institute of Friendship of the Peoples of the Caucasus (Theory of Economics and National Economy Management). Economic sciences. 2008. P. 170–176. (In Russ.)

4. Shcherbataya E. N., Misineva I. A. International experience of managing specially protected natural territories // Actual problems of aviation and cosmonautics. 2019. P. 493–495. (In Russ.)

5. Toropushina E. E. Public-private partnership in the social sphere of the Arctic territories of the USA and Canada // Corporate governance and innovative development of the Northern economy: Bulletin of the Research Center for Corporate Law, Management and Venture Investment of Syktyvkar State University. 2020. No. 3. P. 37–49. (In Russ.)

6. Zhukovsky A. Yu. Review of foreign experience in creating and managing a system of protected areas using the example of Canada // MNIZH. 2020. No. 2-1 (92). P. 105–107. (In Russ.)

7. Steblov A. L., Vaisman Ya. I. Environmental law of the Russian Federation and the countries of the European Community: a textbook. Perm: Perm State Technical University, 2008. 285 p. (In Russ.)

8. Zhdanova R. V., Rasskazova A. A., Khvatysh N. V., Sokolova T. A., Khutorova A. O. The role of state environmental monitoring in the environmental assessment of specially protected natural areas // Moscow Economic Journal. 2024. Vol. 9. No. 2. P. 167–182. (In Russ.)

9. Ermakova A. P. Green financing in Germany: regulatory issues // Journal of the Belarusian State University. Law. 2020. No. 2. P. 28–34. (In Russ.)

10. Denisenko A. A. Families in the development of French natural resource law. International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2022. Vol. 4-2 (67). P. 193–196. (In Russ.)

11. Batyrshina G. F. Comparative legal analysis of the organization of specially protected natural areas in European countries // VEPS. 2024. No. 1. P. 114–117. (In Russ.)

12. Turkina D. A. Legal Protection of Specially Protected Natural Areas in the Russian Federation and Europe: A Comparative Legal Analysis // Ural Journal of Legal Research. 2021. No. 4 (17). P. 68–76. (In Russ.)

13. Sokolnikova E. A. Problems and Practice of Legal Regulation of the Protection of Wildlife during Subsoil Use in Specially Protected Natural Areas // Gaps in Russian Legislation. 2020. No. 7. P. 92–97. (In Russ.)

14. Tarasova O. E., Nikolaeva E. A. Legal Regime of Specially Protected Natural Areas in Russia and Foreign Countries // Environmental Law. 2023. No. 5. P. 34–37. (In Russ.)

15. Yankevich K. A., Tsyplakova E. G., Yankevich Yu. G., Sin'ko G. I. Mechanisms of public-private partnership in the field of exploitation of specially protected natural areas // Innovations and Investments. 2021. No. 11. P. 59–62. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 08.06.2025; одобрена после рецензирования 09.09.2025; принята к публикации 17.11.2025.

The article was submitted 08.06.2025; approved after reviewing 09.09.2025; accepted for publication 17.11.2025.

Научная статья
УДК 343.34(47)"1850/1917"

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ОСНОВЫ РАВЕНСТВА, ЕДИНСТВА НАРОДА РОССИИ И ПРОЯВЛЕНИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ МОТИВОВ НЕНАВИСТИ И ВРАЖДЫ (ЧАСТЬ ВТОРАЯ)

Иван Андреевич Иванников[1], Борис Зуфарович Маликов[2]
[1] Сочинский филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)», Сочи, Россия
[2] Уфимский юридический институт МВД России, Уфа, Россия
[1] freiheit2061@gmail.com, [2] malikov_bz@mail.ru

Аннотация. В первой опубликованной части статьи авторы сформулировали свое видение и основные оценки сложных и противоречивых процессов в истории становления государственности и социума России, в которых имели место проявления вражды, ненависти, насилия, криминального экстремизма. Во второй части статьи внимание читателей и исследователей обращено на то, что единственные и первые в мире, а также в истории человечества новые государственно-политические образования – Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика (далее – РСФСР), а также образованный на ее основе Союз Советских Социалистических Республик (далее – Советский Союз или СССР) открыли миру новый формат цивилизации человечества. Это был никому неведомый ранее политический, экономический и социальный строй социализма, который стал поистине глобальным и объединительным политико-социальный проектом в реальном его воплощении в новом формате общесоциальных ценностей для трудящегося народа.

Авторы отмечают, что постсоветская действительность в России породила на ином социальном и экономическом уровне свою капиталистическую реальность и основанную на ней противоречивую культуру. В этом ряду социальных перемен советский человек и гражданин быстро стал ментально изменяться, а его доверчивое отношение к институтам государства и социума нещадно использовалось в схемах капиталистических манипуляций. Особенности этнических, национальных, религиозных и интернациональных истоков и сил в обществе были обращены на использование в частных и узкопрактичных целях и интересах, что обнажило наличие целого ряда противоречий. Кроме переименования милиции в полицию, общество не отметило для себя серьезных изменений в организации правопорядка, правоохраны, в содержании уголовной политики, правосудия. Рельефно при этом обнажились и обострились в поведении некоторых индивидов и групп проявления экстремистского характера, в основе которых лежат прежние (досоциалистические) межэтнические, межнациональные, межрелигиозные противоречия, а также негативы межсоциального размежевания.

Все это требует правильного и адекватного переосмысления, в том числе взглядов и подходов на роль и значение в уголовной политике мер противодействия деяниям с наличием экстремистских мотивов и целей. В этом ряду актуальных деяний стоит, в частности, и состав преступления «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства» – ст. 282 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ).

Ключевые слова: социализм, СССР, РСФСР, неравенство, социальное размежевание, капиталистические отношения, прибыль, истоки несправедливости, вражды и ненависти, социальные противоречия, семья, многоженство, мотивы, цели, экстремизм, возбуждение агрессии, милитаризм и войны, мир и согласие.

Для цитирования: Иванников И. А., Маликов Б. З. Конституционные основы равенства, единства народа России и проявления уголовно-правовых мотивов ненависти и вражды (часть вторая) // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2025. № 4 (110). С. 50–66.

© Иванников И. А., Маликов Б. З., 2025

Original article

CONSTITUTIONAL FOUNDATIONS OF EQUALITY, UNITY OF THE PEOPLE OF RUSSIA AND MANIFESTATIONS OF CRIMINAL-LEGAL MOTIVES OF HATRED AND ENMITY (PART TWO)

Ivan A. Ivannikov[1], Boris Z. Malikov[2]
[1] Sochi branch of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia)", Sochi, Russia
[2] Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ufa, Russia
[1] freiheit2061@gmail.com, [2] malikov_bz@mail.ru

Abstract. In the first part of the article, the authors formulated their vision and main assessments of complex and contradictory processes in the history of the formation of Russian statehood and society, in which there were manifestations of hostility, hatred, violence, and criminal extremism. In the second part of the article, the authors draw the attention of readers and researchers to the fact that the only and first in the world, as well as in the history of mankind, new state and political entities – the Russian Soviet Federative Socialist Republic, as well as the Union of Soviet Socialist Republics formed on its basis opened a new format of human civilization to the world. This was a previously unknown political, economic and social system of socialism, which became a truly global and unifying political and social project in its real embodiment in a new format of general social values for the working people.

The authors note that the post-Soviet reality in Russia gave birth to its own capitalist reality at a different social and economic level, and a contradictory culture based on it. In this series of social changes, the "Soviet" man and citizen quickly began to change mentally, and their trusting attitude towards the institutions of the state and society was mercilessly used in the schemes of capitalist manipulation. The peculiarities of ethnic, national, religious and international sources and forces in the society were turned to use for private and narrowly practical purposes and interests, which revealed a number of contradictions. In addition to renaming the militia to the police, the society did not note any serious changes in the organization of law and order, law enforcement, in the content of criminal policy, justice. At the same time, manifestations of an extremist nature in the behavior of some individuals and groups, which are based on the previous (pre-socialist) interethnic, interreligious contradictions, as well as the negatives of intersocial demarcation, were clearly exposed and exacerbated.

All this requires a correct and adequate rethinking, including views and approaches on the role and importance of measures to counter acts with extremist motives and goals in criminal policy. In this series of relevant acts, there is, in particular, the crime of "Incitement of hatred or enmity, as well as humiliation of human dignity" – Article 282 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: socialism, USSR, RSFSR, inequality, social division, capitalist relations, profit, sources of injustice, enmity and hatred, social contradictions, family, polygamy, motives, goals, extremism, incitement of aggression, militarism and wars, peace and harmony.

For citation: Ivannikov I. A., Malikov B. Z. Constitutional foundations of equality, unity of the people of Russia and manifestations of criminal-legal motives of hatred and enmity (part two) // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. No. 4 (110). P. 50–66. (In Russ.)

Введение

Современная Россия с большим напряжением трудового народа через череду войн, социальных потрясений медленно уходила от своей прошлой истории со слабой динамикой социального движения, большим грузом политико-экономических противоречий в механизме самодержавного управления и сложных феодально-буржуазных отношений во второй половине XIX века и начала XX века. Ее многомиллионный многоконфессиональный народ с разными этническими, национальными корнями и убеждениями за ничтожно малый период времени (80 и более лет) после октября 1917 г. попытался выйти из своего сложного поли-

тико-социального тупика и общемирового формата социального движения[1].

Трудящийся народ России революционным путем в опоре на собственные убеждения и силы стремился подняться на более высокий уровень социального развития в мировой практике – реального построения государства нового советского и социалистического типа. В этом проявилось всемирное значение социальных достижений и динамики социализма в СССР, который стал неординарным процессом открытого и честного вовлечения масс в организацию своей власти в стране, социалистическое строительство, разные формы интернационального братского единения народов, советское трудовое новаторство. Все эти меры, поддержанные народом, породили небывалый прилив его активности и всеобщего воодушевления, а также небывалые экономические и социальные достижения.

После победы в Великой Отечественной войне СССР стал ядерной державой, что свело на нет возможности военного давления на него со стороны США и стран Западной Европы. В этих условиях стране были навязаны холодная война и участие в локальных войнах. Они преследовали цели дискредитации советской и социалистической системы, порождения сомнений у народа в дальнейшие успехи социализма и внедрения в сознание советских граждан мысли о том, что ослабление экономики станы – это закономерный процесс истощения потенциала социализма и предвестник самораспада СССР. В первой опубликованной части нашего материала отмечено, каким образом была достигнута цель США и некоторых стран Западной Европы по ликвидации в Европе социалистического лагеря и военной коалиции стран Варшавского договора, а также показаны истоки и средства развала Советского Союза.

В представлениях и оценках политиков Запада социализм как бы был навязан российскому народу и народам СССР в качестве трансцендентного неверного субъективно ошибочного решения элиты коммунистической партии, представители которой в дальнейшем фактически существенно влияли на организацию государственной власти в стране. В целом социализм буржуазными политиками рассматривался как волюнтаристское вмешательство в социальный объективный процесс, обреченный изначально на самоликвидацию. Ими он рассматривался в качестве результата политики классового иного по своей сущности и неприемлемого по целям, чуждой всему и вся по своей неестественной природе, всему процессу развития прошлого эволюционного социального движения жизни в мире и в России. В таком предвзятом оценочном подходе кроется порождение надуманно сформированного неверия в созидательную, творческую и гуманитарную потенцию и способность народа страны в его стремлении создать достойную жизнь для себя и будущих поколений. Ведь к началу XX века всемирные противоречия капитализма стадии империализма уже достигли своего предельного уровня самосохранения, за которым следовал кризис глобальной войны, выразившийся в развязывании Первой мировой войны. Социалистическую революцию, советский строй и социализм в России, мировой империализм, который не справился с решительным устремлением трудящихся великой страны к новой жизни, с порога отверг и сейчас продолжает его отвергать как своего непримиримого оппонента и нового лидера на успешность утверждения в мире.

Для разноликого народа России актуальным был и остается вопрос национальных и этнических отношений, более тесного сочетания и взаимопроникновения культур больших и малых народов, а главное – проявления основной и определяющей, а также устойчивой тенденции реального сближения самих народов, пронизанного духом доверия и чувством взаимного уважения и добра. Первые реальные шаги в этом направлении

[1] Для сравнения: религиозно-церковная идеология и культура мировых религий утверждались более 2000 лет путем применения методов принуждения и убеждения.

сделала еще советская власть, сформировав Российскую Федерацию и национальные государственно-территориальные образования в ее составе. Но это было лишь политическое решение, за которым должны были стоять реальные и значимые дела самих народов в преодолении пережитков недоверия, былого отчуждения и вражды, протеста в форме национальной или этнической закрытости, отчужденности и неприятия.

Советская Россия, Советский Союз и их народы самостоятельно выдерживали экономическую и социальную международную блокаду, а также рецидивы военной агрессии, занимаясь делами построения социализма и новой общей интернациональной культуры. В постсоветское время по-новому ориентированная капиталистическая экономика и переформатированный социум Российской Федерации оказались в сложных социальных измерениях и условиях, начиная с наличия недружественного окружения империалистических держав, как и в отношении Советского Союза в XX веке. Однако наиболее остро проявились капиталистические противоречия в наличии явных черт социального расслоения населения по материальным признакам, этническим, национальным, религиозным, политическим предпочтениям, а также иным свойствам личной и групповой раздражительности и даже нетерпимости.

Все эти сложности, противоречия и трения проистекают из разноуровневых порядков и характеров процессов возникновения и формирования этносов и культур народов, а также исторических предпосылок и условий их взаимодействий, которым историей и судьбой было предначертано стать к началу XVIII века единым Отечеством – Россией и ее единым народом. Только в советский период были сделаны решительные шаги и значимые организационно-политические и экономические предпосылки по формированию и возвышению общей культуры народа СССР и интернационализации взаимодействий и отношений всех наций и этносов.

Однако такое негативное социальное явление, как личностный, этнический, национальный и религиозный эгоизм, во все времена истории человечества преследовал его в различных своих формах проявлений. Он препятствовал формированию как нормальных и эффективных общественных отношений в целом, так и достижению большей согласованности в развитии культур отдельных социальных групп, рас, этносов, наций на основе общего социального движения. Его негативные проявления не вписывались в формат нарождающейся общей социальной культуры, делали менее подвижными и эффективными сами социальные рамки.

История России свидетельствует, что отношения напряженности в социуме предопределяют отчасти этнические, национальные и религиозные барьеры, форматирующие закрытость разных групп народов якобы от размывания внутренне устойчивых и благородных устоев этноса или групп людей. Однако в России были еще и малые народы с низкой общей культурой и социальной развитостью, которые нуждались в сильной и длительной опеке государства. Отмеченные виды эгоизма, как правило, своим консерватизмом норм, обычаев и традиций затормаживали поступательный ход объективного развития социума либо вносили в него элементы противоречивости, а следовательно, и социальной напряженности.

Капиталистические отношения со своей агрессивной сущностью рынка, конкуренции и беспредельной свободы демонтировали советский и социалистический объединительный коллективизм, свели на нет позитив формата культуры интернационализма, что существенно изменило содержание и качество социальных отношений, а некоторые из них довели до накала криминального поведения. Ведь до настоящего времени у некоторых обывателей и управленцев разных уровней никак не формируются относительно должное понимание и представление о сущности и характере этнических, национальных и иных групповых отношений, их внутреннего проявления и внешних взаимодействий. Таковые нередко упираются в представления о благе преимущественно только для своего круга общения

и жизни, своего народа и этноса, своего клана. Это проявляется в наличии ограниченности доступа к групповым и этническим интересам, в некоторой закрытости для чужого и внешнего участия. Этническая оболочка самосохранения от негатива влияния других народов, групп и социума дополняется конфессиональными интересами по формированию и сохранению своих приходов, форм и способов обеспечения устойчивости религиозно-церковных форматов культур и воздействий.

В вопросах выработки и принятия комплекса общесоциальных, организационных, специально-предупредительных мер по сдерживанию экстремизма необходимо всесторонне учитывать интересы наций, этносов, народов разной веры в выборе мер стимулирования и поддержки объединительных начал на основе общих социальных ценностей и единой богатой и разносторонней культуры социума народов России. Действительно, и в настоящее время следует преодолевать веками формировавшиеся негативы деформированных отношений между этносами, нациями, народами и религиозной частью населения страны. Особое место в качестве фактора и основы, глобального социального катализатора разобщенности людей занимает капиталистическое устройство экономики России, которое и формирует все современные отношения и взаимодействия людей и общества в целом.

Экстремизм как способ неординарного действия заложен и в механизм конкурентной борьбы в экономике, политике и социальной организации капитализма. Это также один из ведущих принципиальных агрессивных по духу и внешнему проявлению обязательных методов конкурентной организации капиталистической экономики и соответствующего ему социального уклада в целях получения и извлечения максимальной прибыли и сверхприбыли любым способом. Поэтому в капиталистических экономических отношениях требования морали, а также особенности солидарности всех слоев общества на основе всеобщего интереса отходят на самый задний план, уступая передние позиции частным интересам, разделяя и отделяя людей друг от друга, сводя на нет и сами общие интересы.

В механизме большинства общественно опасных деяний имеет место проявление именно агрессии экстремизма – противоправной несдержанности, виновно навязанного стиля и формы аморального поведения, причиняющего вред интересам личности, обществу, государству. Это закономерно порождает ответную правовую реакцию государства в форме должной репрессии лишь при виновном проявлении конкретным субъектом преступления общественной опасности, при преодолении им критического порога уголовно-правового запрета, за которым следует применение правоохранительных мер пресечения и уголовно-судебного преследования.

Пределы уголовной ответственности в России, в том числе и за экстремистские деяния, предопределяются нормами Конституции Российской Федерации, а детализируются в УК РФ, в уголовно-правовых механизмах защиты наиболее значимых социальных ценностей путем установления запретов, санкционированных различными видами наказаний и иными мерами уголовно-правового характера за конкретные деяния (ч. 2. ст. 2 УК РФ). С позиции отмеченных уголовно-правовых подходов и оценок опубликованного материала в первой части настоящего теоретического труда авторы предлагают свое видение решения проблемы противодействия уголовно-правовыми средствами экстремистской деятельности, выраженной в конкретном составе преступления ст. 282 УК РФ «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства».

Основная часть

Состав преступления ст. 282 УК РФ «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства» отнесен законодателем к экстремистскому виду преступления. Видовым объектом данного посягательства являются интересы защиты основ конституционного строя и безопасности государства

(гл. 29 УК РФ), а основным непосредственным объектом – интересы и права человека на достойную личностную определенность и самореализацию независимо от убеждений, вероисповедования, социального положения, принадлежности к расе, этносу, нации, полу, использования языка.

Чтобы наиболее полно и верно понять проблему современного криминального экстремизма, проявляющегося в сфере межличностных и межгрупповых, межэтнических, межнациональных, межконфессиональных отношений, порожденных соответствующими противоречиями, а также низкой культурой определенной части социума России, следует отметить, что в советский период вопросы ненависти, вражды, нетерпимости не были объектом уголовно-правовой охраны.

В Уголовном кодексе РСФСР 1960 г. (далее – УК РСФСР) были закреплены лишь некоторые виды преступлений, основой которых выступали этнические, национальные, религиозные противоречия. Достаточно высокую общественную опасность несло в себе деяние как наиболее реакционное по своей сущности и экстремистское по характеру проявления – состав ст. 74 УК РСФСР «Нарушение национального и расового равноправия», поэтому он был включен в категорию иных государственных преступлений.

Среди преступлений иных категорий общественной опасности были деяния главы 11 УК РСФСР, составляющие пережитки местных обычаев, которые в определенной мере несли в себе элементы современной вражды, нетерпимости, пренебрежительности и унижения личности. К этим видам преступлений законодателем отнесены: ст. 231 «Уклонение от примирения», ст. 232 «Уплата и принятие выкупа за невесту», ст. 233 «Принуждение женщины к вступлению в брак или воспрепятствование вступлению в брак», ст. 234 «Заключение соглашения о браке с лицом, не достигшим брачного возраста», ст. 235 «Двоеженство или многоженство», ст. 236 «Пределы действия главы одиннадцатой настоящего Кодекса». Кроме того, к позорящему составу можно отнести и деяния ст. 131 «Оскорбление», а нарушающий конституционный принцип равноправия – состав ст. 134 «Воспрепятствование осуществлению равноправия женщин». Вопросы вероисповедания и деятельности религиозных организаций обеспечивалась уголовно-правовой охраной: ст. 142 «Нарушение законов об отделении церкви от государства и школы от церкви», ст. 143 «Воспрепятствование совершению религиозных обрядов», ст. 227 «Создание группы, причиняющей вред здоровью граждан». Отмеченные нормы или применялись крайне редко, или они оставались лишь нормами предупредительного свойства и охранительного функционального значения.

Девяностые годы для России и ее народа были периодом государственно-политического перехода от социалистического к капиталистическому устройству, что сопровождалось отсутствием нормативно-правового регулирования практически всех сторон жизни общества и деятельности государства. Почти до завершения 1993 года отсутствовал основной закон страны – Конституция Российской Федерации. Правовой дефицит в форме отсутствия базовых системных федеральных законов растянулся почти на десятилетие. Все это было периодом «бесправия», породившего коррупцию, а также привело на местах к проявлению идей широкой автономии национальных республик, «параду» президентов и наличию суверенитета автономий. Усиление религиозной активности привело к резкому росту церковных организаций за счет увеличения приходов и возрастанию в них количества служителей со своеобразной религиозной подготовкой и способностями к служению.

Ослабление влияния христианства в XXI веке на состояние культуры общества в ряде европейских государств отдельными политиками в России оценивается как фактор, диктующий необходимость сохранения высокой значимости православия в нашей стране. На этот аспект обратил внимание

член Совета по правам человека К. Кабанов, поясняя, какие мигранты нужны России[1]. Думается, что данная оценка социальной роли православия не в полной мере соответствует положениям ст. 14 Конституции Российской Федерации. Ведь в ней закреплены два важных принципиальных положения о самостоятельности деятельности религиозных организаций и их равенстве между собой в социальном поле, а также равнозначном позиционировании по отношению к государству. Сейчас в России действует достаточно масштабная и достойная система социальных институтов, способных утверждать и развивать высокий уровень культуры в обществе на основе богатого наследия жизни, деятельности, творчества и самопожертвования ради единого Отечества всех народов многонационального и разноэтничного населения страны. Следует лишь создать должные материальные возможности для стабильного роста благосостояния людей, на основе чего и стимулировать их уверенное стремления именно к благополучию в жизни, достойному уровню личной культуры.

В современной России атеизм и безбожие как формы допустимого легального социального и личного позиционирования, проявления мировоззрения, образа мышления и основ поведения стали блокироваться целым мощным набором религиозно-церковных дел, мероприятий, праздников и торжеств по возвышению их значимости в истории и культуре страны. Тем самым вытесняются на задний план научные исследования и дискуссии, познавательные дебаты и просто информативные посылы в общество на эту тему. Повестка атеизма на фоне возвышения роли церкви и религии в делах социума и государства стала не актуальной и малозначимой. Сами атеисты ощутили на себе молчаливое давление – порицания религиозной части населения страны, ставя их в положение проводников, не востребованных в современном обществе антирелигиозных знаний и учений.

В последние три десятилетия все это порождало не вполне верные и даже искаженные ментальные, этнические, национальные и религиозные посылы народу, что также было достаточно сильно сопряжено с негативами процесса криминального передела социалистической государственной собственности. В результате этих процессов население страны было дифференцировано на богатых, обездоленных, бедных и нищих, духовно ослабленных, социально дезориентированных. В образовавшихся социальных нишах-пустотах и духовных «провалах» социума церковь обретала для реализации своих интересов сторонников из числа лиц, страждущих защиты и успокоения, а для особо религиозной части сограждан – обретение сильного духовного начала для несветской самореализации.

Одновременно на фоне снижения роли светских учреждений культуры в социуме широко практиковались использование лжи, силовых методов воздействия, манипулирование сознанием бывших советских людей, призывы к переходу на сомнительные ценности капитализма. Все эти приемы и методы воздействия на людей формировали и основу экстрима экономических и социальных отношений, не ориентированных на общие интересы, а также блага всего общества.

В доктрине советского уголовного права и криминологии четко не были обозначены и не проявлены такие аморальные понятия, как ненависть, вражда, унижение достоинства человека, выражение исключительности, превосходства либо неполноценности человека или групп лиц. Мы сделали выше ссылку на нормы УК РСФСР, которые в своей совокупности и в отдельности не отражали наличие в РСФСР проблемы социального и личного экстремизма. Ведь народы советской страны все вместе строили единое госу-

[1] Черных Д. Бегство из Европы: почему Россию выбирают для переезда // В фокусе. URL: https://vfokuse.mail.ru/article/begstvo-iz-evropy-pochemu-rossiyu-vybirayut-dlya-pereezda-66094515/ (дата обращения: 13.05.2025).

дарство, единое социальное пространство, а молодежь в учебных заведениях и в Вооруженных силах СССР проходила интернациональную закалку.

В настоящее время социум стал более сложным, в нем возросло напряжение между различными недостаточно равными по социальным возможностям согражданами и иными лицами. В УК РФ появилась особая группа экстремистских преступлений и новых правовых категорий: ненависть, вражда, нетерпимость и др. Самих же четких понятий этих категорий в УК РФ законодатель не раскрыл. Не раскрывают смысл этих понятий Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ[1], а также содержание Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации от 29 декабря 2024 г. № 1124[2]. Мы полагаем, что эти понятия должны иметь именно уголовно-правовое выражение в целях большей определенности для квалификации деяний, а также по оптимизации уголовной политики в обеспечении защиты интересов личности, общества и государства в сфере противодействия экстремистским деяниям.

Что касается самих понятий и социальных проявлений ненависти, вражды, унижения достоинства человека, то они в теории уголовного права пока еще не получили определенного своего научного обоснования. Мы же предлагаем свою формулировку этих понятий сложных социальных и межличностных отношений:

1. Ненависть – это устойчивое негативное межличностное и социальное отношение, выражающее не только межсубъектное неприятие или отвержение возможных взаимодействий, но и несущих в себе потенциал взаимной упречности, отрицания, раздражительности, а также возможность применения агрессии друг против друга как на вербальном уровне, так и в физической форме.

2. Вражда – это негативный социальный процесс или наличие длительных непримиримых отношений между сторонами, выраженных в дистанцировании друг от друга по явным негативным или надуманным причинам, а также взаимным претензиям, выраженным в активных и агрессивных действиях в прошлом и настоящем времени, сопряженных с причинением к своим оппонентам морального, материального, физического вреда, с возможностью обострения подобного рода состояния отношений и действий. Целью вражды агрессора с древних времен чаще всего были совершение набегов и захват чужих ресурсов, рабов и ценностей как основы выживания неоседлых племен, этносов и народов. Это порождало ответную реакцию вражды противодействия. Вражда, как правило, порождала наращивание у сторон злобы, поиска проблем и изъянов друг у друга, сосредоточения своего внимания на физических, интеллектуальных и иных негативах личной культуры противника. Раздражителем могли выступать внешность, непонятный язык, странные обычаи, религия, многобожие и др.

3. Унижение достоинства человека – стремление отрицать наличие достоинства человека, как такового, данного ему природой и судьбой, в особой форме своей естественной, биологической, интеллектуальной сущности, а также низводить его уровень развития и естественного качества до признаков, не присущих человеку (животным или неодушевленным предметам), либо наделять конкретного человека или лиц качествами, не присущими естеству рода человеческого вообще, чинить в публичной форме в отношении конкретного человека (лиц) унизительные действия и процедуры либо оскорбительные выпады.

В УК РФ основным составом по противодействию экстремизму стал состав статьи

[1] О противодействии экстремистской деятельности: федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 29 декабря 2024 г. № 1124. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

282 УК РФ «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства», в который неоднократно вносились изменения в 2003, 2011, 2014, 2016 годах. Кроме этого, УК РФ стал дополняться новыми составами деяний, запрещающими виды экстремистской и террористической деятельности в современных их проявлениях с установлением соответствующих форм уголовной ответственности.

По смыслу примечания 2 статья 282.1 УК РФ «Организация экстремистского сообщества», состав ст. 282 УК РФ отнесены к экстремистскому виду преступлений. Видовым объектом состава преступления ст. 282 УК РФ являются интересы защиты основ конституционного строя и внутренней безопасности государства, а основным непосредственным объектом – сохранение стабильно позитивных и непоколебимых социальных отношений между представителями разных народов, наций, этносов, рас, религий, языковых предпочтений и возможностей, а также между лицами, отличающимися разным материальным достатком и доходами.

Что касается состава ст. 282 УК РФ, то в нем законодателем в качестве признаков объективной стороны деяния закреплены действия, направленные на возбуждение ненависти и вражды либо на унижение достоинства человека или группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе. Подобные действия влекут уголовную ответственность только в порядке административно-правовой преюдиции. Тем самым законодатель усматривает в повторном негативном поведении виновного лица попытки публично или с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть Интернет, возбудить ненависть и вражду или допустить акт унижения достоинства человека по мотиву ч. 1 ст. 282 УК РФ, что и признается законом как проявление уголовно наказуемой общественной опасности. Это означает, что виновное лицо ранее уже привлекалось за подобное деяние к административной ответственности по ст. 20.3.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) и вновь совершило подобное правонарушение в течение одного года после привлечения к данному виду ответственности. Тем самым вредоносность деяния достигла характера и степени уголовно наказуемой общественной опасности. Деяния, направленные на возбуждение ненависти и вражды, а также унижение достоинства человека по признакам ч. 1 ст. 282 УК РФ, уже сами реакционны по своей сущности и экстремистские по своему характеру.

Состав деяния ч. 1 ст. 282 УК РФ нормативно выстроен на основе административно-правовой преюдиции. Для административно-правового проступка и ответственности достаточно словесного устного или письменного выпада в форме негативного оскорбительного экстремистского выпада. Однако просто повторный оскорбительный выпад не повышает общественную опасность содеянного, не меняет ее социальную природу, если в себе не несет прямую угрозу личности или ее иным правам и интересам. К примеру, в деянии хулиганства важны внешние проявления виновного лица. Он, как правило, грубо нарушает общественный порядок своим внешним проявлением. Хулиган несет в себе и реализует во вне потенцию психического или физического негативного воздействия не только на неопределенный круг лиц. Хулиганское проявление может быть реализовано и в качестве посягательства на личность или чужое имущество, а также может быть направлен на случайных конкретных лиц, на которых пал индивидуальный выбор хулигана. В акте возбуждения нетерпимости и вражды к иным лицам по экстремистским мотивам виновным обнажается негативная личная и социальная позиция самого виновного лица в отношении неопределенного круга потерпевших лиц (категории, классу, группе или индивидам как их представителям). Вместе с тем виновным лицом осуществляются действия по склонению иных лиц к явному отрицанию

и дистанцированию от «чужих» и «чуждых» лиц по мотивам личной неприязни или социальной отстраненности.

Инициирование по личной или иной воле, то есть путем проявления в публичной форме активных действий по возбуждению вражды и ненависти, способом подачи экстремистской информации в режиме прямого воздействия на аудиторию без возможности внешнего вмешательства по прекращению этого процесса извне, без возможности проявления элементов внешнего возражения,либо контрмер по ее отвержению в принципе, характеризует такое деяние как реакционное, мотивированное, эгоистичное, агрессивное и, как правило, затаенное (скрытое от официального контроля или должного социального реагирования). Подобные деяния законодатель вправе запрещать под угрозой уголовной ответственности, придавая им соответствующий уровень общественной опасности посредством наказания.

Виновное лицо в процессе доведения до аудитории такой экстремистской информации действует умышленно, способно осознавать ее общественно опасный характер и стремится, чтобы она стала истоком ненависти и вражды либо влекла унижение достоинства человека. Деяние считается оконченным с момента публичного обращения к неопределенному кругу лиц с экстремистской информацией для побуждения у них ненависти и вражды без реальных действий по непосредственной ее реализации в форме проявления межличностной и межгрупповой агрессии. Она должна быть принята и усвоена именно только на уровне ее подачи в качестве возможного катализатора возбуждения у слушателей чувства розни, ненависти и вражды либо воспринята как выпад, направленный на унижение достоинства человека. Субъект такого деяния должен являться физическим вменяемым лицом, достигшим возраста 16 лет.

Такие лица для подтверждения и оправдания своей экстремистской позиции, как правило, и соответствующего мотива обращаются к фактам прошлого – не самым радужным отношениям в истории народов различных рас, этносов, наций и народностей, к проявленной агрессии и насилию между различными социальными группами общества, а также к убеждениям по поводу того, чья вера наиболее правильная. Все это и есть формы проявления и реализации экстремистского мотива и цели. Выраженные во вне в соответствующем деянии они способны формировать у людей повышенный накал негативных страстей до уровня побуждения – готовности принять навязанную оценку чужой, чуждой, реакционной по своей сущности, искаженной социальной позиции, влечь дестабилизацию социальных отношений. Ведь таковые исторически формировались сложно, долгое время не вполне благополучно, с проявлениями высокомерия и нетерпимости, межличностного напряжения и страха, затаенной обиды и злобы, с предъявлением взаимных претензий, обвинений, упреков, применения принуждения и насилия, разного рода противодействия и сопротивления мерам принуждения.

По этим причинам экстремистский мотив несет в себе негативную энергию общественной опасности для целей нагнетания в социуме недоверия между людьми, разжигания нестабильности социальных отношений и правопорядка. Такой мотив способен обострять состояние социальной нестабильности до уровня повышенной опасности, готовности и активности отрицательной и криминально ориентированной части социума к экстремистской агрессии. Потребителями экстремистски заряженной, то есть мотивированной, информации выступают, как правило, невежественные люди, отличающиеся низким уровнем или деформированным форматом личной культуры, руководствующиеся искаженными представлениями о равенстве или неравенстве людей, наций, этносов или их дифференциации по признакам неравенства или же превосходства.

Люди с достаточно высокой культурой, правомерной ориентацией страдают от такого аморального, агрессивного и противоправного экстремистского воздействия, которым причиняется моральный, психический, психологический, идейный и поли-

тико-идеологический вред, тем самым наносится удар по конституционным основам формирования и охраны межэтнических, межнациональных и межличностных отношений, отношениям в сфере реализации права на свободу слова и свободу вероисповедания, на равенство всех между собой, перед законом и правосудием.

Для определения наличия экстремистского мотива в процедуре исследования обстоятельств уголовного дела следует оценивать именно наличие такового по признакам, указанным в ч. 1 ст. 282 УК РФ. Мы полагаем, что экстремистский мотив в значении деяния ст. 282 УК РФ реализуется непосредственно в стремлении виновного лица к побуждению ненависти и вражды у иных лиц, а также в достижении цели унижения достоинства человека либо группы лиц. Цель унижения достоинства человека либо группы лиц достигается путем разного рода и видов словесных (текстовых по форме) выпадов и измышлений, вызывающих у адресатов чувство оскорбления, необоснованных обвинений в бескультурии, наделения негативными оскорбительными личными либо социальными качествами представителей отдельных народов и целые группы народов.

Как отмечено в постановлении Пленума Верховного суда Российской Федерации[1], Конституция Российской Федерации, гарантируя свободу мысли и слова, запрещает пропаганду или агитацию, возбуждающие социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть и вражду, пропаганду социального, расового, национального, религиозного или языкового превосходства (ст. 29). Исходя из положений примечания 2 к статье 282[1] УК РФ, к числу преступлений экстремистской направленности относятся преступления, совершенные по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, предусмотренные соответствующими статьями Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации (например, ст.ст. 280, 280[1], 282, 282[1], 282[2], 282[3] УК РФ, пунктом «л» ч. 2 ст. 105, п. «е» ч. 2 ст. 111, п. «б» ч. 1 ст. 213 УК РФ), а также иные преступления могут быть совершены с наличием мотивов, указанных в пункте «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ в качестве обстоятельств, отягчающих наказание. В одних случаях такие экстремистские мотивы составляют общий конструктивный признак деяния, как в ч. 1. ст. 282 УК РФ; в других – квалифицирующий признак, как в п. «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ, в п. «е» ч. 2 ст. 111 УК РФ и других составах; в третьих – являются признаками иных деяний неэкстремистского характера, например, состава ст. 136 УК РФ «Нарушение равенства прав и свобод человека и гражданина», но несущих в себе признаки дискриминации, нарушения прав, свобод и законных интересов человека и гражданина. Казалось бы, одна и та же негативная мотивация, взращенная в социальном поле на основе извращенных и искаженных представлений и оценок о представителях разных наций, этносов, рас и народов, гендерных признаков и социального положения человека, проявляется по-разному в неоднозначных областях социальных отношений, но влекущих одинаково унизительный противоправный характер. Для квалификации соответствующих деяний одни и те же мотивы имеют непосредственно прямое значение и действие (п. «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ, ст. 136 УК РФ), а других, например, ст. 282 УК РФ, – проявление правонарушающей неоднократности с возрастанием общественной опасности по правилам административной преюдиции. Кроме того, вполне обоснованно С. Бадамшин указывает на возможную уголовно-правовую достаточность, в качестве элемента отражения и оценки социальной опасности самого экстремистско-

[1] О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности: постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 28 июня 2011 г. № 11. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

го мотива, его закрепления как обстоятельства, отягчающего наказание в п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ, без необходимости придания ему качества конструктивного признака объективной стороны деяния[1].

В качестве обязательного признака его субъективной стороны в ч. 1 ст. 282 УК РФ обозначена мотивация действий, характеризующихся наличием устойчивого интеллектуально-психологического состояния неприязни и отвержения чужих и чуждых лиц, иного личного, духовного и социального склада. Для данного состава деяния обозначенный мотив имеет конструктивное значение. Именно он лежит в основе действий, направленных на побуждение ненависти либо вражды, а равно на унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе, как и для ряда других квалифицированных деяний против личности. Однако законодатель не ограничивает возможность проявления данного мотива и при совершении виновным лицом иных деяний. Для таких случаев нормативно предусмотрен второй вариант повышения ответственности при проявлении данных мотивов, но не путем формирования на его основе квалифицированных составов деяний, а за счет отягчения наказания при его назначении судом, по смыслу нормативности этого мотива, ссылкой на п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ.

В преступлениях против личности, мы полагаем, законодатель верно признал данный мотив нетерпимости в проявлениях ненависти и вражды либо цели унижения достоинства человека в процессе совершения убийства, причинения вреда здоровью и других деяний в качестве обстоятельств, повышающих ответственность виновных лиц, тем самым подчеркивая значение обозначенных для людей отмеченных ценностей и благ, а следовательно, закономерно подлежащих повышенной уголовно-правовой защите посредством выражения их в квалифицированных составах деяний.

Проблема доктринального понимания уголовно-правового мотива экстремистского дистанцирования в форме ненависти и вражды либо цели унижения достоинства человека еще пока не получила в достаточно устоявшемся и приемлемом варианте для практики правоохраны и процессуального применения в квалификационной деятельности, а также своего определенного и должного уровня выражения. Как мы уже отметили, сам мотив экстремистской нетерпимости нормативно выражен в ряде статей как Общей части (п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ), а также в составах деяний Особенной части соответственно: ст. 105 УК РФ (п. «л» ч. 2); ст. 111 УК РФ (п. «е» ч. 2); ст. 112 УК РФ (п. «е» ч. 2); ст. 115 УК РФ (п. «б» ч. 2); ст. 116 УК РФ (ч. 1); ст. 117 УК РФ (п. «з» ч. 2); ст. 119 УК РФ (п. «а» ч. 2); ст. 213 УК РФ (п. «б» ч. 1).

Нормативное выражение данного мотива в Особенной части УК РФ текстуально совпадает с его содержанием п. «е» ч. 1 ст. 63 Общей части УК РФ: «совершение преступления по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы». Условно этот мотив и его разновидности мы объединили одним понятием – мотив социальной экстремистской нетерпимости.

Однако в ч. 1 ст. 282 УК РФ этот мотив в измененном виде использован как обязательный признак субъективной стороны деяния в качестве цели – «возбуждения ненависти либо вражды, а также унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо

[1] Бадамшин С. Утратила изначальное предназначение. Статья 282 УК стала инструментом злоупотребления и беззакония со стороны правоохранительных органов // Адвокатская газета. URL: https://www.advgazeta.ru/mneniya/utratila-iznachalnoe-prednaznachenie/ (дата обращения: 21.03.2025).

социальной группе». Достижение указанной цели в данном деянии невозможно без наличия у виновного лица соответствующей по своему смыслу мотивации. В этом составе деяния выражение мотива по объему и особенностям признаков не совпадает с подобным мотивом, выраженным в п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ и в других составах преступлений против личности экстремистского характера. Мы полагаем, что подобная мотивация в деяниях, указанных выше, и в системе обстоятельств, отягчающих наказание, не должна иметь никаких нормативных разночтений. Ведь политические и идеологические мотивы криминальных деяний так или иначе отражают межличностные, межэтнические, межгрупповые, межрелигиозные противоречия, которые порождают соответствующее состояние при наличии мотива экстремистской нетерпимости. Поэтому в содержании мотивов деяний ст. 282 УК РФ политические и идеологические аспекты должны присутствовать. Это позволит более конкретизировать и уточнить в целом представления об общем и едином негативном формате и характере мотивов экстремизма с разными причинными истоками. Они одинаково вредоносны и направлены на раскол общества, на наличие местечковых замкнутых (уединенных) культур, псевдокультур, иных форматов обособленности либо отдельных групп социума с выраженными интересами, не всегда вписывающихся в общую для всех народов культуру России, да и в официально признанные формы мировоззренческого, духовного и идеологического выражения.

Политические и идеологические дискуссионные площадки сфер науки, политики, культуры и социума в целом должны быть не только открыты для конструктивной, содержательной, многоплановой и системной работы с населением страны, но и однозначно сфокусированы на цели допустимого и реального уровня откровения, правды, искренности, исключения при этом всех форм лицемерия, группового эгоизма и просто раздачи «социального бальзама» в форме демагогии лжи. Это необходимо для продвижения идеи толерантности на основе уяснения сущности единства и принципиальной однозначности реальной обыденной и творческой деятельности любого человека на протяжении всей его жизни. Мы полагаем, что в таком подходе применительно к современным особенностям социального развития России кроется смыл диалога власти с народом, различными его социальными группами и образованиями во имя реализации цели сглаживания межличностных и межгрупповых противоречий, во избежание прямых криминальных и воинствующих столкновений представителей разнополярных идей и взглядов, в содержании которых усматриваются истоки непримиримой активности.

Применительно к составу убийства в теории уголовного права данный экстремистский мотив (п. «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ) трактуется по-разному. Например, Л. А. Андреева характеризует его как «...побуждения, основанные на негативной оценке конкретной расы, нации (народа) либо религии...», что получает реализацию в данном деянии, в котором проявляется стремление «...подчеркнуть неполноценность потерпевшего в силу принадлежности его к той или иной расе, национальности или религии либо пропагандировать путем убийства исключительность своей национальности, расы, религии»[1].

Видимо с таким толкованием реализации экстремистского мотива нетерпимости при убийстве и в других преступлениях против личности согласиться сложно. Ведь при посягательствах против личности энергия агрессии формируется до уровня конкретного результата, как правило, в процессе самого деяния, а мотивы лишь «диктуют» сам формат отношения к жертве как представителю определенной социальной группы или общности. Они могут влиять на выбор средств психического и физического воз-

[1] Андреева Л. А. Квалификация убийств, совершенных при отягчающих обстоятельствах: учебное пособие. СПб., 1998. С. 40.

действия, а также на остроту накала самой агрессии.

В квалифицированных составах экстремистский мотив выделен законодателем в качестве признака субъективной стороны, существенно повышающего уровень общественной опасности деяний и, соответственно, уголовной ответственности. У самого виновного лица его установки на нетерпимость достигают уровня ненависти и вражды, как правило, уже сформированными на основании его деформированных жизненных «ценностей», приобретенных и усвоенных, а также в процессе искажений в семейном, школьном, религиозном воспитании, а также, возможно, негативного влияния асоциального ближайшего окружения и среды общения. В поведении таких лиц подобные мотивы проявляются в отрицании ими мировоззренческих и обыденных позиций иных лиц, не разделяющих конкретные эгоистичные и нигилистические взгляды на социальные ценности и организацию жизни, прав и интересов людей в силу принадлежности таковых к иной, чем они, национальности, расе, социальной группе, или имеющих свои предпочтения в исповедании конкретной религии.

Профессор Л. Л. Кругликов в комментарии к составу убийства по мотиву национальной, расовой, религиозной ненависти или вражды либо кровной мести (п. «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ) отметил, что этот мотив в какой-то мере – отражение «пережитков прошлого». Он несет в себе «...несколько квалифицирующих обстоятельств, одного из которых при убийстве достаточно для вменения данного пункта. <...> Первые три обстоятельства характеризуют нетерпимость к лицам другой национальности, к расе, религии и ее представителям, основанную на идеологии превосходства своей и, напротив, о неполноценности всех иных наций, рас, конфессий. <...> Важно, чтобы на этой почве существовали вражда или ненависть (по крайней мере, со стороны виновного) в момент посягательства и чтобы именно это послужило мотивом убийства»[1]. Мы полагаем, что это наиболее верная и точная теоретическая оценка данного мотива. Единственно следует отметить, что данный «пережиток прошлого», видимо, будет существовать и проявлять свой криминальный негатив, пока более менее не выровняются по наиболее значимым показателям уровни жизни и культур преобладающей части населения России, ближайших соседних и дружественных государств.

Другие авторы, исследуя проблемы экстремизма состава ст. 282 УК РФ и других составов преступлений, в которых значимым для квалификации деяния является либо экстремистский мотив, либо сам экстремистский характер деяния, выраженные в его объективной стороне, чаще односторонне подходят к оценке проявления экстремизма либо в самом деянии, либо в мотиве, либо в субъекте преступления.

Профессор А. И. Рарог отмечает, что в ст. 282 УК РФ объективная сторона характеризуется тремя видами действий, направленных на: а) возбуждение ненависти; б) возбуждение вражды; в) унижение достоинства отдельного лица или группы лиц. Однако, характеризуя вину данных деяний, проблему мотива таковых не оценивает[2]. Закономерно возникает вопрос: «А что может являться и выступать в социуме для конкретного лица побудителем ненависти, вражды, поводом для унижения достоинства человека или проявления высокомерия?». Видимо, виновное лицо должно само быть носителем «вируса» ксенофобии, шовинизма, обладать деформированной чем-либо личной культурой, несдержанной волевой установкой по отношению к иноверцам и

[1] Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: (постатейный) / В. К. Дуюнов и др., отв. ред. Л. Л. Кругликов. Волтерс Клувер, 2005. URL: http://lawcanal.ru/html.acti.kommentskodeks.html (дата обращения: 15.04.2025).

[2] Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. 14-е изд., перераб. и доп. / отв. ред. А. И. Рарог. М.: Проспект, 2025. С. 796.

лицам иной социальной традиции, нормативности и успешности. Поэтому мы полагаем, что ненависть, вражду и нетерпимость способно выражать и тиражировать (побуждать и распространять) лишь лицо, само сильно мотивированное на такое поведение. При этом виновное лицо обязательно обнажает свой мотив несдержанности и агрессии экстремизма в процессе достижения цели побуждения других лиц непременно принять его личную негативную и реакционную социальную позицию в отношении им определенных конкретных категорий лиц,как единственно верный и должный вариант поведения и действий.

Мы полагаем, что мотив ненависти и вражды, носителями которого являются индивиды и группы лиц, категорично отрицающие равенство людей всех рас, наций, этносов, социальных групп или имеющие предпочтение к исповеданию конкретной религии либо ориентацию на нереакционное «свое мировоззрение», иные идейные предпочтения, в социуме сщществует не одно тысячелетие. Причинами серьезных противоречий между людьми были и остаются прежние: а) противоборство за выживание; б) конкуренция за предпочтительные условия и блага жизни; в) борьба за властообладание; г) стремление к своему «величию» через эксплуатацию иных лиц и др. Поэтому отмеченные противоречия возникли не случайно, они обладают постоянной устойчивостью в социуме, лишь трансформируясь в зависимости от изменений условий жизни.

Реакционный мотив может сохраняться в качестве агрессивного начала. Ложась на «болевые» жизненные проблемы конкретных людей и их групп, он способен приводить в движение истоки негатива конкретной личности и групп лиц до готовности к экстремистским действиям, оправдываемым «великими идеями, идеалами и помыслами», стремлением сохранения и использования «властных вершин» (во имя своих ценностей, святынь, богов, персонального благополучия и т. д).

Почему теория права и государства и уголовно-правовая наука должны дать более четкий ответ на постановку вопросов о сущности ненависти и вражды, унижения достоинства человека. Дело в том, что человек, его жизнь и благополучие – это основная социальная ценность, не подлежащая никаким переоценкам. Эта ценность общезначимая, постоянная, принятая однозначно всем мировым сообществом как таковая и другой быть не может. Никакие личные, групповые, государственные интересы или контексты особого мировоззрения, обосновывающие иной оценочный взгляд на человека, не приемлемы и поддержаны быть не могут. Эта ценность требует особой и постоянной защиты со стороны самого реального человека и всего человечества, признающего объективную реальность и самого себя в ней в качестве главной и одушевленной, наполненной жизнью и духовностью частицы этой реальности.

Отмеченные уголовно-правовые мотивы, цели и обязательные субъективные признаки в ряде объективных проявлений конкретных деяний против личности должны оцениваться не просто как понятия теории права или отраслевые категории. Они являются реальными проявлениями криминальной деятельности человека, а следовательно, интеллектуальными и волевыми характеристиками вины экстремистских проявлений, формирующих конкретный вид уголовной ответственности. Они отражают сущность сложных отношений и взаимодействий людей, сложившихся в процессе формирования всеобщих форматов культур, псевдокультур и субкультур социума, а также содержание его прогрессивного движения либо достижения тупиковых и разрушительных состояний.

Учитывая отмеченные сложности правового регулирования состава ст. 282 УК РФ для целей правильной и однозначной квалификации закрепленных в ней деяний, следует отметить, что высшая судебная инстанция России пока не достаточно полно и основательно обобщила судебную практику по уголовным делам и не дала исчерпывающих разъяснений по объективным признакам вражды и ненависти. Не дано также четкого

толкования признаков экстремистского мотива применительно состава ст. 282 УК РФ. Нет пока иного официального однозначного оценочного толкования по определению отмеченных понятий и категорий. При этом следует понимать, что агрессия с наличием отмеченных признаков и мотивов в сферах и форматах по противодействию им и в судебном преследовании достаточно отрицательно и обостренно воспринимается виновной стороной и активной частью ее сторонников, что дестабилизирует правопорядок. Такая не совсем четкая и определенная, основанная на нормативных положениях закона ситуация не в полной мере позволяет правильным образом с позиции конституционных начал блокировать развитие экстремистских проявлений, а запретами уголовного закона оптимизировать вид и форму ответственности, дать этим деяниям адекватную правовую и социально-политическую должную оценку.

Заключение

Недопустимость переформатирования взгляда и оценок на основополагающие общепризнанные социальные, национальные, этнические ценности всегда охранялась социумом и сейчас охраняется в стране на основе норм Конституции Российской Федерации и федерального законодательства. Процесс реализации провокативных устремлений в межличностных, межобщинных, межрелигиозных некорректных и противоправных деяниях или взаимодействиях противоборства за псевдоидею и псевдоценности нередко приводит к совершению преступлений в формате экстремизма, в которых получают свое выражение ничем не обоснованная ненависть и вражда в форме предъявления «претензий» на свою истину и правильность убеждений, сопряженные с унижением достоинства человека, проявлением высокомерия, диктата своей искаженной воли, которые якобы «обязан» усвоить, знать и выполнять оппонент.

Ненависть и вражда – это исторически сложившийся тип деформированных отношений, аморальных по своей социальной природе, порождающих и в ряде случаев противоправный тип деяний с проявлением агрессии, насилия, элементами явного неуважения к обществу, социальным ценностям, сопряженными с унижением достоинства человека. В современной действительности все эти социальные негативы являются результатом неуспешного на разных исторических этапах развития социума, а также уровнях организации работы по обеспечению социальной гармонии и успешности на основе высокого качества жизни и общего хорошего благосостояния населения страны, не в полной мере эффективного действия механизмов становления и развития общей и личной культуры, недостаточной обеспеченности безопасности личности и собственности.

Конечно же, правовые и принудительные меры государства по противодействию экстремизму должны иметь место, применяться строго на правовой основе. В настоящее время проводится подготовительная работа по внесению изменений в ч. 1 ст. 282 УК РФ. Сейчас наказание за указанное деяние назначается только в том случае, если виновное лицо уже привлекалось к административной ответственности за совершение аналогичного правонарушения. Предполагается, что в новой редакции ответственность будет наступать без механизма административной преюдиции. В 2024 году из 734 административных дел по ст. 20.3.1 КоАП РФ (возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства) почти в половине случаев (313) дела возбуждались за одобрение или пропаганду применения насилия к человеку в Интернете[1].

Противодействие экстремистским проявлениям обретает актуальное и важное значение в политике, организации правоохраны и безопасности России. В настоящее

[1] Суринская Я., Ширяев Н. Статью 282 УК хотят ужесточить // Ведомости. URL: https://www.vedomosti.ru/society/articles/2025/01/21/1087348-minyust-predlagaet-uzhestochit-otvetstvennost-za-vozbuzhdenie-nenavisti (дата обращения: 05.05.2025).

время государство и народ проходят сложный этап решения экономических задач и социальных преобразований по укреплению своего суверинетета в международных делах, обеспечению защиты «Русского мира» в России на фоне широкого привлечения в страну трудовых мигрантов. В условиях возрастания против России применения ограничительных и экстремистских мер со стороны стран Западной Европы увеличивается необходимость укрепления в стране состояния безопасности, правопорядка и законности существенного повышения благосостояния, культуры всех этносов и народов многонационального государства. Особое в этом направлении деятельности имеет место формирование наиболее точных для целей эффективного предупреждения экстремистских преступлений правовых механизмов ответственности и мер принуждения, совершенствования правоохранительной и судебной практики по противодействию экстремизму и современным вызовам и угрозам.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Иванников И. А. Славянские народы и их союзы: государственно-правовой аспект: монография. Ростов-на-Дону – Таганрог, 2024. 180 с.

2. Иванников И. А. Государственный суверенитет России в условиях внешних угроз // Экономика. Право. Общество. 2024. Т. 9. № 4 (40). С. 21–26.

3. Маликов Б. З. Уголовно-правовое понятие вредительства и ответственность за таковое в советский и постсоветский периоды истории России // Уголовная политика: вчера, сегодня, завтра: материалы III Международной научно-практической конференции. Рязань, 2025. С. 56–59.

REFERENCES

1. Ivannikov I. A. Slavic peoples and their unions: state and legal aspect: monograph. Rostov-on-Don – Taganrog, 2024. 180 p. (In Russ.)

2. Ivannikov I. A. State sovereignty of Russia in the context of external threats // Economy. Law. Society. 2024. Vol. 9. No. 4 (40). P. 21–26. (In Russ.)

3. Malikov B. Z. Criminal-legal concept of sabotage and responsibility for it in the Soviet and post-Soviet periods of Russian history // Criminal policy: yesterday, today, tomorrow: proceedings of the III International scientific and practical conference. Ryazan, 2025. P. 56–59. (In Russ.)

Информация об авторах:

И. А. Иванников, доктор юридических наук, доктор политических наук, профессор;

Б. З. Маликов, доктор юридических наук, профессор.

Information about the authors:

I. A. Ivannikov, Doctor of Law, Doctor of Political Sciences, Professor;

B. Z. Malikov, Doctor of Law, Professor.

Статья поступила в редакцию 04.06.2025; одобрена после рецензирования 02.09.2025; принята к публикации 17.11.2025.

The article was submitted 04.06.2025; approved after reviewing 02.09.2025; accepted for publication 17.11.2025.

Научная статья
УДК 351.756(470)

РОЛЬ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНОВ В ОПТИМИЗАЦИИ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

Сергей Николаевич Савраскин
Уральский юридический институт МВД России
Екатеринбург, Россия, savraskinsn@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена такой насущной проблеме, как миграционные процессы. Предметом исследования в работе является совокупность научных трудов, нормативных правовых актов, регулирующих правовое положение иностранных граждан и лиц без гражданства на территории Российской Федерации, общественных отношений, возникающих в ходе выполнения иностранными гражданами и лицами без гражданства правил пребывания на территории Российской Федерации. Рассматриваются общественные отношения, возникающие в ходе выполнения иностранными гражданами и лицами без гражданства правил пребывания на территории России. Учитывая тот факт, что под определение миграционной политики подпадает большое количество субъектов, данная сфера требует пристального внимания. Это важно по той причине, что каждое государство обладает ограниченным количеством ресурсов, с помощью которых может обеспечить жизнь своих граждан. В статье особое внимание уделяется вопросам деятельности субъектов миграционной политики, представленных на различных уровнях, в том числе деятельности правоохранительных органов, их роли в системе контроля и надзора за состоянием миграции.

Ввиду опасности бесконтрольности миграции, данная тема остается максимально актуальной на современном этапе развития Российской Федерации. Практическая ее значимость состоит в том, что изученный материал может быть положен в основу совершенствования данного института, в том числе стать основой для формирования законодательной инициативы в целях совершенствования деятельности правоохранительных органов в сфере миграционной политики.

Ключевые слова: миграция, государство, проблемы, развитие, правонарушения, ответственность.

Для цитирования: Савраскин С. Н. Роль государственных органов в оптимизации миграционных процессов // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2025. № 4 (110). С. 67–76.

Original article

THE ROLE OF GOVERNMENT AGENCIES IN OPTIMIZING MIGRATION PROCESSES

Sergey N. Savraskin
Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ekaterinburg, Russia
savraskinsn@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to such an urgent problem as migration processes. The subject of research in the work is a set of scientific papers, regulatory legal acts regulating the legal status of foreign citizens and stateless persons in the territory of the Russian Federation, and public relations arising during the implementation of the rules of stay on the territory of the Russian Federation by foreign citizens and stateless persons. The article examines the social relations that arise during the implementation of the rules of stay on the territory of the Russian Federation by foreign citizens and stateless persons. Given the fact that a large number of subjects fall under the definition of migration policy, this area requires close attention. This is important because each State has a limited number of resources with which it can ensure the lives of its citizens. The article pays special attention to the issues of the activities of subjects of migration policy,

© Савраскин С. Н., 2025

represented at various levels, including the activities of law enforcement agencies, their role in the system of control and supervision of migration.

Due to the danger of uncontrolled migration, this topic remains as relevant as possible at the current stage of development of the Russian Federation. The practical significance of this topic lies in the fact that the studied material can be used as a basis for improving this institution, including becoming the basis for the formation of legislative initiatives to improve the activities of law enforcement agencies in the field of migration policy.

Keywords: migration, state, problems, development, offenses, responsibility.

For citation: Savraskin S. N. The role of government agencies in optimizing migration processes // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. No. 4 (110). P. 67–76. (In Russ.)

Введение

На жизнедеятельность государств влияет достаточное количество факторов и явлений. Это могут быть географическое положение, экономическое развитие, демографическая ситуация, природные факторы, миграция и многое другое. В настоящее время наша страна столкнулась с таким фактом, как миграционные процессы, охватившие, как правило, наиболее развитые экономические страны в мировом сообществе.

Масштабы международной миграции значительно расширились за последние годы и превратились в поистине глобальное явление, охватившее по оценкам более 200 миллионов людей, которые живут за пределами страны происхождения[1]. В реалиях современности заслуживает внимания такое явление, как миграция, которая исторически появилась достаточно давно и стала основой заселения планеты Земля, когда 2 миллиона лет назад древние люди из Африки стали переселяться в другие регионы нашей планеты.

Безусловно, необходимо разобраться в том, что такое миграция. В мире существует множество организаций, занимающихся различными сферами жизни. Основополагающей, конечно же, является Организация Объединенных Наций (далее – ООН), которая обеспечивает миропорядок. Она имеет многоступенчатую структуру организации, в которую включена Международная организация по миграции (далее – МОМ). Эта организация появилась только в 1951 году, и это логично, так как в послевоенное время было много государств, пострадавших от событий 1939–1945 годов, что привело к активизации миграционных потоков и, как следствие, возникновению проблемных вопросов. В МОМ входит 175 государств-членов, еще 8 стран имеют статус наблюдателя. МОМ в большей степени направлена на работу с правительствами 8 стран-наблюдателей, куда входит Российская Федерации.

В качестве функций данной организации можно выделить следующие:

– помощь отдельным гражданам или группам граждан, нуждающимся в международной миграционной поддержке;

– контроль за деятельностью правительств государств в аспекте соблюдения прав как эмигрантов, так и иммигрантов;

– создание кампаний по наиболее продуктивному использованию положительных сторон миграции в целях развития состояния государств;

– помощь государствам в борьбе с нелегальной миграцией;

– пребывание в качестве источника информации миграционного характера и другие [1, с. 9].

Таким образом, можно сделать вывод, что МОМ – это одна из ключевых узконаправленных организаций именно международного характера по разрешению миграционных вопросов, причем в своей деятельности она помогает и России, которая может воспользоваться уже наработанными методами и средствами, апробированными на практике другими странами. Возможно опереться на определение мигранта, которое сформулировала МОМ. Так, мигрантом является чело-

[1] Организация Объединенных Наций: сайт. URL:https://www.un.org/ru/fight-racism/vulnerable-groups/migrants (дата обращения: 15.02.2025).

век, который либо пересек границу государства, либо поменял место жительства, при этом не имеют значения, каким юридическим статусом он обладает, добровольно или недобровольно человек переместился, причины переезда, а также время пребывания.

В случае если государство относится к данному вопросу халатно и не обращает внимания на «миграционные потоки», может возникнуть ситуация, при которой ресурсов для обеспечения жителей не хватит, что, в свою очередь, приведет к массовым недовольствам, а возможно, и к военным действиям. Кроме того, бесконтрольность таких «потоков» может привести к всплеску преступности в районе дислокации мигрантов. С такой проблемой столкнулись страны Европы, которые «открыли двери» в 2015 году для беженцев из Сирии. Так, только за 2015 год Германия впустила к себе около миллиона мигрантов. Естественно, такое количество человек при небольшом промежутке времени очень сложно контролировать. Это привело к тому, что мигранты чаще относительно других становились участниками таких преступлений, как кражи, разбои, грабежи, а также самое настораживающее – изнасилований. Аналогичная ситуация была, например, и во Франции. В конечном итоге Министр иностранных дел Жан-Ив ЛеДриан заявил, что они заняли жесткую позицию в вопросе депортации нежелательных лиц и установили пристальный надзор за их жизнедеятельностью[1].

Наряду с зарубежными странами с проблемой миграции сталкивается и Российская Федерация. Так, первый заместитель министра внутренних дел генерал-полковник полиции Александр Горовой заявил, что в настоящее время на территории России нелегально находятся 670 тыс. человек[2].

По различным источникам, в России на 2024 год находится свыше 6,5 млн иностранцев, среди них и нелегалы. Несмотря на ужесточение миграционной политики, количество приезжих в Россию в 2024 году только возросло[3]. По мнению различных экспертов, число нелегальных мигрантов даже чуть больше, чем число легальных, т. е. примерно еще 6,5 миллионов человек. Итого число мигрантов в России примерно 12,5 миллионов человек, большая часть которых приехала из стран Средней Азии. Опасность данного явление кроется прежде всего в совершении такими лицами противоправных действий на территории нашей страны. Так, по данным Следственного комитета Российской Федерации, только за восемь месяцев 2024 года Иностранцы совершили более 26 тыс. преступлений[4]. Учитывая вышесказанное, можно заметить, что ввиду опасности бесконтрольности миграции данная тема остается максимально актуальной на современном этапе развития Российской Федерации.

Методы

В качестве методологической основы используется комплекс общих и конкретно научных методов исследования государственно-правовых явлений. Применялись системный, сравнительно-правовой, конкретно-исторический, структурно-функциональный методы, анализ и синтез, дедукция и индукция, а также принцип связи исторического и логического, эмпирического и рационального.

Результаты

В связи с государственным устройством нашей страны возникает возможность рассмотреть миграционную политику на раз-

[1] Франция призывает «циничную» Италию пересмотреть свою позицию в отношении судна с мигрантами // Reuters. URL: https://www.reuters.com/article/world/france-urges-cynical-italy-to-rethink-stance-on-migrant-ship-idUSKBN1J81JL/ (дата обращения: 17.02.2025).

[2] Александр Горовой, МВД: В России нелегально находятся 670 тысяч человек // Комсомольская правда. URL: https://www.kp.ru/online/news/6210039/ (дата обращения: 17.02.2025).

[3] МВД впервые озвучило число мигрантов в РФ // URA.RU: информационное агентство. URL: https://ura.news/news/1052840088 (дата обращения: 17.02.2025).

[4] СКР: в 2024 году преступность среди нелегальных мигрантов выросла почти втрое // Коммерсантъ. URL: https://www.kommersant.ru/doc/7197764 (дата обращения: 17.02.2025).

личных уровнях. Что касается законодательного уровня, стоит отметить относительно свежую новеллу, изменившую статус международных договоров и решений межгосударственных органов в аспекте соотношения с Конституцией Российской Федерации. Так, в соответствии с пунктом «в» части 1 статьи 34 Федерального закона от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации», если решение МОМ, направленное в сторону России, будет противоречить ее Конституции, то Конституционный Суд Российской Федерации может признать такое решение не соответствующим нашему основному закону, что, в свою очередь, освободит нас от исполнения такого решения[1].

Следующим уровнем влияния, естественно, является федеральный. На этом уровне выделим несколько субъектов миграционной политики. Одним из них и, наверное, ключевым в России является Президент Российской Федерации. В соответствии с частью 3 статьи 80 главы 4 Конституции Российской Федерации он обладает такой прерогативой, как определение курса внешней и внутренней политики как в долгосрочной, так и в краткосрочной перспективе[2]. Примером может служить Указ Президента Российской Федерации от 31 октября 2018 г. № 622 «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы», который определил краткосрочные задачи по урегулированию миграционной ситуации в России[3].

Следующим субъектом на этом уровне можно считать законодательный орган Российской Федерации – Федеральное Собрание, состоящее из Совета Федерации и Государственной Думы. Исходя из признака, который указан выше, несложно догадаться, что основной функцией этих субъектов является создание и инициирование нормативных правовых актов для регулирования большинства сфер жизни людей в России, а также в сфере миграции. Именно для таких целей в Федеральном Собрании созданы комитеты по различным направлениям, в том числе миграции.

В качестве ключевого субъекта на федеральном уровне, не относящегося к правоохранительной сфере, можно отнести Правительство Российской Федерации. Этот орган является представителем исполнительной ветви власти, и по своей сути он предназначен для реализации тех направлений, которые выбрал Президент России, в частности в соответствии с пунктом 10 статьи 18 Федерального конституционного закона от 6 ноября 2020 г. № 4-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации» обеспечивает ту миграционную политику, которая была избрана в нашем государстве[4].

Кроме этого, существует определенная схожесть с Федеральным Собранием в аспекте наличия специализированного подразделения. Если в первом случае, это комитет по вопросам миграции, то во втором – орган правительства. В соответствии с Постановлением Правительства Российской Федерации от 26 мая 2009 г. № 450 «О Правительствен-

---

[1] О международных договорах Российской Федерации: федеральный закон от 1 5июля 1995 г. № 101–ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL:http://pravo.gov.ru (датаобращения:17.02.2025).

[2] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[3] О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025годы: указ Президента Российской Федерации от 31 октября 2018 г. № 622 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 17.02.2025).

[4] О Правительстве Российской Федерации: федеральный конституционный закон от 06 ноября 2020 г. № 4 – ФКЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 15.02.2025).

ной комиссии по миграционной политике» создана специализированная комиссия[1].

В данном аспекте основными функциями Правительства Российской Федерации в плане влияния на федеральные органы исполнительной власти являются:

– определение главных целей внешней миграции;

– утверждение целевых программ;

– получение информации в виде доклада от уполномоченных в этом представителей федеральных органов исполнительной власти и другие [2, с. 161].

Отдельным субъектом на федеральном уровне выделяется Генеральная Прокуратура Российской Федерации с ее системными подразделениями, выполняющими функции на территориях ее субъектов [3, с. 21]. Стоит отметить, что в сфере миграции прокуратура выполняет надзор по двум основным направлениям:

1) за деятельностью наделенных в соответствии с российским законодательством властными полномочиями в сфере миграционной политики субъектов;

2) за деятельностью субъектов, хоть и не наделенных властными полномочиями, но связанных с миграционной политикой (индивидуальные предприниматели и юридические лица, принимающие на работу нелегальных мигрантов, и другие).

В первом аспекте стоит отметить наиболее часто встречаемые нарушения, выявляемые после проведения прокурорской проверки [4, с. 169]. К таким можно отнести следующие случаи:

– правоохранительные органы, уполномоченные привлекать к административной ответственности юридических лиц, использующих труд нелегальных мигрантов, налагают санкцию в виде административного штрафа не на юридическое лицо, а на должностное, которое выполняет свои функции от имени юридического лица. Данная ситуация является определенным пробелом, позволяющим избежать большего административного штрафа, предусмотренного Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) для юридических лиц;

– правоохранительные органы не предпринимают достаточных мер для исполнения административной санкции субъектом, привлеченным к ответственности за нарушение миграционного законодательства Российской Федерации [5, с. 49].

Во втором аспекте можно выделить правонарушения в сфере миграции, совершаемые субъектами без властных полномочий, то есть теми, на кого в большей степени действуют ограничения:

– нарушение мигрантом порядка пребывания в Российской Федерации;

– нарушение порядка трудоустройства мигрантами;

– регистрация в «резиновых квартирах»[2] и другие.

Стоит отметить также тот факт, что Прокуратура Российской Федерации акцентирует внимание на проблемных вопросах миграции. Подтверждением этому является Приказ Генпрокуратуры России от 1 июля 2015 г. № 343 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства в сфере миграции», в соответствии с пунктом 1.2 которого определены цели в сфере миграции. Одной из них является недопущение привлечения к трудовой деятельности нелегальных мигрантов[3].

Таким образом, исходя из вышеизложенного, можно сказать, что Прокуратура Российской Федерации как всеобъемлющий

[1] Правительственная комиссия по миграционной политике // Официальный сайт Правительства России. URL: http://government.ru/department/432/about/ (дата обращения: 15.02.2025).

[2] Суд вынес приговор прописавшему более 9 тыс. мигрантов екатеринбуржцу // РБК. URL: https://realty.rbc.ru/news/5ba8a5479a79478acc8fd696 (дата обращения: 15.02.2025).

[3] Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства в сфере миграции: приказ Генпрокуратуры России от 1 июля 2015 г. № 343 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 15.02.2025).

субъект контролирует деятельность различного рода субъектов по соблюдению миграционного законодательства.

Многие из представителей власти уже высказали свое мнение по поводу возможного решения данной проблемы. Так, например, Президент России В. В. Путин на заседании коллегии МВД России 17 февраля 2022 года предложил применять депортацию либо административное выдворение в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства, совершивших правонарушение на территории Российской Федерации[1]. В настоящее время Президентом подписан закон, по которому должностные лица МВД России получат полномочия самостоятельно принимать решения об административном выдворении из страны иностранных граждан и лиц без гражданства за ряд правонарушений с февраля 2025 года.

После назначения данного наказания возникает вопрос, кто будет финансировать процедуру административного выдворения. По общему правилу, указанному в части 1 статьи 34 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 115, оплата расходов налагается на иностранного гражданина, на которого было наложено данное наказание. Но в случае если у него такой финансовой возможности нет, финансирование возлагается на Российскую Федерацию[2].

Стоит отметить, что на данный момент идут предпосылки по снижению нелегальной миграции и приобретению гражданства. Статистика показывает, что количество лиц, не учитывая граждан новых регионов, которые приобрели гражданство, снижается[3]. Например, еще в 2021 году мэр Москвы С. С. Собянин поручил уменьшить количество мигрантов, получающих визы в целях осуществления трудовой деятельности, в частности в сфере строительства, в целях увеличения количества рабочих мест для граждан Российской Федерации[4].

Ужесточением политики в аспекте привлечения мигрантов к трудовой деятельности занимаются и губернаторы в своих субъектах. Так, например губернатор ХМАО – Югры Н. В. Комарова ограничила возможность привлечения к работе иностранных граждан в отдельных видах трудовой деятельности в следующих сферах: торговле, перевозке пассажиров, образовании, общественном питании и других[5]. Схожего мнения придерживается и Министерство труда России, пресс-служба которого сообщила о предло-

---

[1] Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства в сфере миграции: приказ Генпрокуратуры России от 1 июля 2015 г. № 343 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 15.02.2025).

[2] Об утверждении Правил расходования средств на мероприятия по депортации либо административному выдворению иностранных граждан и лиц без гражданства за пределы Российской Федерации при невозможности установления приглашающей стороны: постановление Правительства Российской Федерации от 24 октября 2002 г. № 769 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 15.02.2025).

[3] Аналитическая справка о результатах деятельности подразделений по вопросам миграции территориальных органов МВД России за январь – октябрь 2024 года // МВД России: сайт. URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/dejatelnost/statistics/migracionnaya/item/57172708/ (дата обращения: 15.02.2025).

[4] Собянин поручил уменьшить количество мигрантов на стройках программы реновации в Москве // ТАСС: информационное агентство. URL: https://tass.ru/ekonomika/12949855 (дата обращения: 17.02.2025).

[5] Об установлении на 2022 год запрета на привлечение хозяйствующими субъектами, осуществляющими деятельность в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре, иностранных граждан, осуществляющих трудовую деятельность на основании патентов, по отдельным видам экономической деятельности: постановление Губернатора Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 14декабря 2021 г. № 169 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 15.02.2025).

жении Министерства сократить количество мигрантов по рабочей визе на 14 %[1].

Актуальной проблемой являются профессиональные и личностные качества тех субъектов, которые пребывают к нам из-за рубежа. Так, председатель комитета Госдумы по информационной политике, ИТ и СМИ А. Е. Хинштейн (в настоящее время врио губернатора Курской области) высказался о проблеме нахождения на территории Российской Федерации в большем количестве малограмотных и профессионально неподготовленных мигрантов, способных зачастую выполнять работу, связанную только с физическим трудом[2].

Кроме того, инициативу проявляют и представители других силовых структур. Например, Председатель Следственного комитета Российской Федерации А. И. Бастрыкин отметил необходимость реформирования деятельности МВД России в направлениях:

1) упрощения привлечения к ответственности иностранных граждан в аспекте освобождения от временных рамок рассмотрения дел;

2) пополнения списка критериев для отнесения мигранта к статусу нежелательного пребывания;

3) пополнения списка обязанностей предпринимателей, принимающих мигрантов на работу в целях предоставления последним большего числа гарантий;

4) нахождения баланса в распределении мигрантов в целях недопущения угрозы этнокультуре региона и др.[3].

Наиболее приближенным по своему функционалу субъектом в сфере миграционной политики является МВД России со своими подразделениями и прежде всего Главное управление по вопросам миграции (далее – ГУВМ МВД России).

Стоит отметить принадлежность отдельных субъектов правоохранительных органов к местному уровню деятельности, к которым представляется возможным отнести:

– прокуратуру субъектов, городов, районов [6, с. 61];

– управления (отделы) по вопросам миграции МВД России по субъектам Российской Федерации [7, с. 5];

– органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность [8, с. 143], в том числе подразделения по противодействию экстремизму и терроризму [9, с. 32];

– подразделения государственной инспекции безопасности дородного движения МВД России [10, с. 190];

– подразделения участковых уполномоченных полиции территориальных органов МВД России [11, с. 35].

Еще с 2017 года ГУВМ МВД России лоббирует законопроект, который позволит внедрить в России бальную систему отбора иностранных граждан, желающих въехать на ее территорию[4]. Данная система предполагает наличие важных критериев отбора, которые позволят повысить качество миграционных потоков в нашу страну. К таким критериям планируется отнести:

1) возраст;

2) образование;

3) наличие профессии (специальности);

4) осуществление трудовой или предпринимательской деятельности и иной не запрещенной законом экономической деятельности в Российской Федерации;

5) уровень адаптации.

Соотнося перечень критериев, предложенных еще в 2017 году, и высказывания

[1] Минтруд предложил уменьшить количество мигрантов на 14 % // URA.RU: информационное агентство. URL: https://ura.news/news/1052512698 (дата обращения: 16.02.2025).

[2] В России задумали обновить критерии «нежелательности» мигрантов // Lenta.ru: интернет-издание. URL: https://lenta.ru/news/2022/02/06/migrrr/ (дата обращения: 16.02.2025).

[3] Бастрыкин обратился к Путину из-за преступлений мигрантов // Lenta.ru: интернет-издание. URL: https://lenta.ru/news/2022/02/07/bastrykin_putin/ (дата обращения: 06.02.2025).

[4] О внесении изменений в Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» в части совершенствования института вида на жительство в Российской Федерации: проект Федерального закона . Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

представителей власти уже в 2024 году, можно сделать вывод, что присутствует очевидная схожесть между ними. Данный факт свидетельствует нам о том, что ГУВМ МВД России работает на перспективу и качественно анализирует нынешнюю миграционную ситуацию в стране, при этом не забывая о прогнозировании. Таким образом, данный орган подтверждает свою значимость в нормотворческой деятельности в сфере миграции [12, с. 69].

Так, ГУВМ МВД России выполняет координацию органов исполнительной власти как на федеральном, так и на уровне субъектов по реализации Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Россию соотечественников, проживающих за рубежом.

Данная программа была утверждена еще 14 лет назад Указом Президента России от 22 июня 2006 г. № 637 «О мерах по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом»[1].

С 2020 года на практике данную программу стабильно применяют подразделения по вопросам миграции МВД России во взаимодействии с другими органами государственной власти на территории 84 субъектов Российской Федерации. Исключением являются 5 оставшихся:

– Республика Крым;
– Московская область;
– Москва;
– Санкт-Петербург;
– Севастополь.

Данным субъектам предоставлено право самим решать, использовать данную программу либо нет в целях развития экономики с помощью переселенцев [13, с. 10].

Заключение

Нам пришлось достаточно подробно проанализировать функциональную сторону деятельности субъектов миграционной политики государства. Таким образом, с учетом того, что Россия по площади своей территории является самой крупной в мире, во всех сферах управления возникает проблема подконтрольности всей территории страны. В данных целях существует система создания подразделений конкретных органов на различных уровнях. Для МВД России характерна подробная структуризация, которая заключается в наличии почти у каждого направления деятельности узконаправленного подразделения. Таким подразделением является ГУВМ МВД России, которое осуществляет свою деятельность на федеральном уровне, контролируя и координируя работу подчиненных ему подразделений. На уровне субъекта Российской Федерации создаются управления (отделы) по вопросам миграции. На городском и районном уровнях – отделы по вопросам миграции. Таким образом, мы можем заметить, что на каждом уровне (федеральном, региональном, города и района) создаются подразделения конкретного вида.

Стоит отметить, что направление в сторону ужесточения ответственности мигрантов, на наш взгляд, является правильным. Так, с целью попытки «успокоить» поведение мигрантов предлагается, наряду с уголовной ответственностью, внедрить практику обязательного назначения в качестве наказания административного выдворения в случае совершения мигрантом умышленного административного правонарушения за определенный период времени. В целях реализации данного предложения необходимо часть 1 статьи 4.3 КоАП РФ, определяющую обстоятельства, которые отягчают административную ответственность, дополнить пунктом 7 в следующей редакции: «7) совершение двух умышленных административных правонарушений иностранным гражданином или лицом без гражданства в течение: 90 суток либо за время действия

[1] О мерах по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом: указ Президента Российской Федерации от 22 июня 2006 г. № 637 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 10.02.2025).

визы – для временно пребывающих иностранных граждан в Российской Федерации; 3 года – для временно проживающих в Российской Федерации; 5 лет – для постоянно проживающих в Российской Федерации».

Учитывая вышесказанное, можно заметить, что ввиду опасности бесконтрольности миграции данная тема остается максимально актуальной на современном этапе развития Российской Федерации. Практическая значимость исследования состоит в том, что предложенный материал может быть положен в основу совершенствования данного института, в том числе стать основой для формирования законодательной инициативы в целях повышения эффективности деятельности правоохранительных органов в сфере миграционной политики.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Минигулова И. Р. Международно-правовое регулирование миграции в рамках деятельности организации Объединенных Наций и международной организации по миграции // Международное право и международные организации. 2019. № 4. С. 9–15.

2. Куракин А. В., Акимова С. А. Деятельность органов государственной власти по предупреждению незаконной миграции // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 4. С. 160–163.

3. Хасанова Р. В. Прокурорский надзор за исполнением миграционного законодательства // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2018. № 1. С. 21–25.

4. Туников М. И., Григорьев Д. В. Противодействие незаконной миграции – актуальное направление надзорной деятельности прокуратуры // Инновации и инвестиции. 2014. № 5. С. 267–270.

5. Бессарабов В. Г. Деятельность российской прокуратуры по явному прокурорскому надзору в сфере миграции // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2013. № 1. С. 47–55.

6. Булатов Р. Т. Роль прокуратуры в защите прав иностранных граждан // Образование. Наука. Научные кадры. 2024. № 1. С. 61–64.

7. Прудников А. С. Деятельность подразделений органов внутренних дел по вопросам миграции. Правовые и организационные аспекты / А. С. Прудников и др. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2018. 215 с.

8. Богданов А. В., Хазов Е. Н. Роль, место и значение оперативно-розыскной деятельности по противодействию организованной преступности в сфере незаконной миграции на территории России // Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 5. С. 142–145.

9. Ульянов М. В. Противодействие незаконной миграции в системе специальных мер профилактики экстремизма // Мониторинг правоприменения. 2018. № 1. С. 31–34.

10. Кочеткова Н. Д. Деятельность сотрудников дорожно-патрульной службы по реализации миграционного законодательства // Государственная служба и кадры. 2021. № 2. С. 190–191.

11. Богданов А. В., Хазов Е. Н., Озеров К. И. Взаимодействие участковых уполномоченных полиции и подразделений уголовного розыска по предупреждению, выявлению и раскрытию преступлений // Вестник Белгородского юридического института МВД России. 2020. № 4. С. 35–41.

12. Грипп Э. Х., Патрикеев В. Е. Направления совершенствования правового регулирования деятельности МВД России в миграционной сфере // Образование. Наука. Научные кадры. 2021. № 2. С. 68–70.

13. Зинченко Е. Ю., Хазов Е. Н. Реализация Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, и перспективы ее совершенствования. М., 2021. С. 7–11.

REFERENCES

1. Minigulova I. R. International legal regulation of migration in the framework of the activities of the United Nations and the International Organization for Migration // International law and international organizations. 2019. No. 4. P. 9–15. (In Russ.)

2. Kurakin A. V., Akimova S. A. Activities of state authorities to prevent illegal migration // Bulletin of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2016. No. 4. P. 160–163. (In Russ.)

3. Khasanova R. V. Prosecutor's supervision of the implementation of migration legislation // The Skiff. Questions of student science. 2018. No. 1. P. 21–25. (In Russ.)

4. Tunikov M. I., Grigoriev D. V. Countering illegal migration is an urgent area of the prosecutor's office's supervisory activities // Innovations and investments.2014. No. 5. P. 267–270. (In Russ.)

5. Bessarabov V. G. The activities of the Russian Prosecutor's Office for explicit prosecutorial supervision in the field of migration // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Legal Sciences. 2013. No. 1. P. 47–55. (In Russ.)

6. Bulatov R. T. The role of the prosecutor's office in protecting the rights of foreign citizens // Education. Science. Scientific staff. 2024. No. 1. P. 61–64. (In Russ.)

7. Prudnikov A. S. Activity of divisions of internal affairs bodies on migration issues. Legal and organizational aspects / A. S. Prudnikov et al., Moscow: UNITY-DANA, 2018. 215 p. (In Russ.)

8. Bogdanov A. V., Khazov E. N. The role, place and significance of operational investigative activities to combat organized crime in the field of illegal migration in Russia // Bulletin of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2014. No. 5. P. 142–145. (In Russ.)

9. Ulyanov M. V. Countering illegal migration in the system of special measures for the prevention of extremism//Law enforcement monitoring. 2018. No. 1. P. 31–34. (In Russ.)

10. Kochetkova N. D. Activities of employees of the highway patrol service for the implementation of migration legislation // Civil Service and personnel. 2021. No. 2. P. 190–191. (In Russ.)

11. Bogdanov A. V., Khazov E. N., Ozerov K. I. Interaction of district police officers and criminal investigation units for the prevention, detection and disclosure of crimes // Bulletin of Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. No. 4. P. 35–41. (In Russ.)

12. Gripp E. H., Patrikeev V. E. Directions for improving the legal regulation of the activities of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the migration sphere // Education. Science. Scientific staff. 2021. No. 2. P. 68–70. (In Russ.)

13. Zinchenko E. Yu., Khazov E. N. Implementation of the State Program to assist the voluntary resettlement of compatriots living abroad to the Russian Federation and prospects for its improvement. Moscow, 2021. P. 7–11. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 27.06.2025; одобрена после рецензирования 30.09.2025; принята к публикации 17.11.2025.

The article was submitted 27.06.2025; approved after reviewing 30.09.2025; accepted for publication 17.11.2025.

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

Научная статья
УДК 347.122.03:[336.747.5:336.763]:004.6

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБОРОТА И ЗАЩИТЫ ПРАВ ВЛАДЕЛЬЦЕВ КРИПТОВАЛЮТ И ИНЫХ ВИРТУАЛЬНЫХ АКТИВОВ

Ирина Сергеевна Макеева[1], Эльдар Харисович Рахимов[2]
[1] Уральский юридический институт МВД России, Екатеринбург, Россия
[2] Уфимский юридический институт МВД России, Уфа, Россия
[1] i.suhanova@bk.ru, [2] kaf_gpd_mail@mvd.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию проблем оборота криптовалют и иных виртуальных активов в современном российском законодательстве и практике его применения. Авторы анализируют сложившийся в данной сфере понятийно-терминологический аппарат, действующие нормативные правовые акты, судебную практику, предлагают комплекс мер по совершенствованию правового регулирования гражданских правоотношений, возникающих в отношении виртуальных активов. В частности, поднимается вопрос о создании специального реестра владельцев криптокошельков и иных виртуальных активов. Реестр должен будет фиксировать право собственности на виртуальные активы и обеспечивать легитимность оборота и различных правоотношений с виртуальными активами. В дальнейшем функционал подобного реестра может быть расширен до участия в вопросах налогообложения виртуальных активов, оценки их стоимости и внедрения механизмов восстановления утраченных активов (прав на них).

Ключевые слова: гражданские правоотношения, криптовалюта, виртуальные активы, токены, цифровые активы, цифровые деньги.

Для цитирования: Макеева И. С., Рахимов Э. Х. Правовые проблемы оборота и защиты прав владельцев криптовалют и иных виртуальных активов // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2025. № 4 (110). С. 77–85.

Original article

LEGAL ISSUES OF CIRCULATION AND PROTECTION OF RIGHTS OF OWNERS OF CRYPTOCURRENCIES AND OTHER VIRTUAL ASSETS

Irina S. Makeeva[1], Eldar Kh. Rakhimov[2]
[1] Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ekaterinburg, Russia
[2] Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ufa, Russia
[1] i.suhanova@bk.ru, [2] kaf_gpd_mail@mvd.ru

Abstract. This article examines the circulation of cryptocurrencies and other virtual assets within current Russian legislation and its application. The authors analyze the existing conceptual and terminological framework, current regulations, and judicial practice in this area, and propose a set of measures to improve the legal regulation of civil legal relations arising in relation to virtual assets. Specifically, the issue of creating a special registry of owners of crypto wallets and other virtual assets is raised. The registry would record ownership of virtual assets and ensure the legitimacy of their circulation and various legal relations. The functionality of such a registry could be expanded to include participation in matters of virtual asset taxation, valuation, and the implementation of mechanisms for restoring lost assets (or rights to them).

Keywords: civil legal relations, cryptocurrency, virtual assets, tokens, digital assets, digital money.

© Макеева И. С., Рахимов Э. Х., 2025

For citation: Makeeva I. S., Rakhimov E. Kh. Legal issues of circulation and protection of rights of owners of cryptocurrencies and other virtual assets // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. No. 4 (110). P. 77–85.

Введение

В настоящее время распространение технологий привело к появлению новых форм имущества, имущественных прав, таких как криптовалюта и иные виртуальные активы, что ставит перед юридической наукой и практикой ряд серьезных проблем, касающихся их оборота.

По оценкам экспертов, объем рынка только цифровых финансовых активов в 2025 году может превысить 1 трлн руб.[1], объем рынка всех виртуальных активов значительно превышает это значение. Сами же виртуальные активы представляют собой сложный юридический феномен, связанный с рядом особенностей, среди которых особого внимания заслуживают проблема установления правового статуса самих виртуальных активов, отсутствие прозрачности и стандартизированных методов передачи соответствующих прав, а также сложность доказывания принадлежности таких объектов конкретному лицу. Возникающие юридические коллизии создают существенные препятствия для нормального функционирования рынка виртуальных активов и защиты прав заинтересованных сторон[2]. Данная проблематика уже длительное время находится в фокусе научных исследований. Например, В. В. Смолиным выделены такие проблемы отсутствия законодательного регулирования виртуальных активов, в частности криптовалют, как риски экономической безопасности, снижение возможности государства в получении потенциального дохода в виде недополученных налогов, а также защита прав и законных интересов участников оборота с такими активами [1, с. 83].

Угрозы и риски, связанные с виртуальными активами, анализируются также в контексте противодействия легализации доходов, добытых преступным путем и финансированием терроризма[3].

Данное исследование направлено на выявление наиболее острых правовых проблем, возникающих в ходе оборота виртуальных активов, проведение анализа действующих правовых конструкций, применяемых в указанной сфере, и разработку научно-обоснованных предложений по оптимизации соответствующих норм. Работа основывается на исследовании положений российского законодательства, анализе существующей судебной практики, а также доктринальных источников о правовом регулировании криптовалют и иных виртуальных активов.

Материалы и методы

Объектом настоящего исследования являются общественные отношения, возникающие в процессе оборота виртуальных активов, предметом же выступает совокупность законодательных актов, определяющих основания возникновения, порядок осуществления и защиты прав субъектов данных отношений. Гипотеза исследования предполагает наличие значительных противоречий и несоответствий в действующем законодательстве, препятствующих эффективному осуществлению и защите прав на виртуальные активы.

Теоретико-методологическая основа работы базируется на применении традиционных научных подходов и методов научного

[1] Горгадзе В. Тренды криптовалют и блокчейна в 2025 году. Что ждать от цифровых активов // РБК Крипто. URL: https://ru.tradingview.com/news/rbc_crypto:385fded4d67b8:0/ (дата обращения: 24.09.2025).

[2] Центральный Банк Российской Федерации. Информационно-аналитический отчет о состоянии рынка виртуальных активов в России. Москва, 2023. С. 45.

[3] Отчет Росфинмониторинга о национальной оценке рисков легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем (2022) // Министерство финансов Российской Федерации. URL: https://minfin.gov.ru/ru/document?id_4=301473 (дата обращения: 25.09.2025).

познания, таких как диалектический метод и сравнительно-правовой анализ, позволяющих всесторонне изучить объект исследования и выявить возможные пути решения обозначенных проблем.

Элементами научной новизны представленной работы можно считать сами объекты исследования, правовой статус которых либо не определен, либо находится на стадии разработки, а также предложения по формированию адекватного и эффективного механизма правового регулирования изучаемой сферы общественных отношений.

Практическая значимость проведенного исследования выражается в возможности разработки комплекса законопроектных инициатив, направленных на устранение обнаруженных пробелов и коллизий, повышение степени защищенности участников гражданских правоотношений, связанных с владением, пользованием и распоряжением виртуальными активами.

Результаты

Под термином «виртуальные активы» принято понимать объекты гражданских прав, существование которых обусловлено технологиями распределенного реестра (блокчейна) и специальными компьютерными технологиями (протоколами). Эти активы имеют имущественное значение, поскольку позволяют совершать сделки купли-продажи, передавать право собственности другим лицам и получать доход.

Следует согласиться с мнением А. Д. Шакаловой, отметившей, что особенностью виртуальных активов является способ их фиксации (объективизации) и распространения, и подчеркнуть тезис о необходимости создания правового механизма подтверждения прав на виртуальные активы [2, с. 221].

Согласно Федеральному закону от 27 июня 2018 г. № 161-ФЗ «О цифровых финансовых активах»[1] (далее также – Закон о ЦФО), под цифровыми финансовыми активами понимается имущество, которое существует исключительно в электронной форме и удостоверяется соответствующим образом посредством криптографического ключа и записи в реестре цифровых транзакций. Важно отметить, что указанный закон вводит специальное понятие «цифровой финансовый актив», однако оно охватывает далеко не все виды виртуальных активов.

Некоторыми авторами используется термин «криптоактив». По мнению А. В. Крупочкина, под криптоактивом следует понимать различные цифровые активы, использующие технологию криптографии. К ним относятся не только криптовалюты, но и невалютные активы (невзаимозаменяемые токены, токены безопасности и служебные токены), а также стейблкойны и токены-права [3, с. 121].

Помимо цифровых финансовых активов, выделяются криптовалюты, токены и иные формы цифровых активов. Среди них определяют три основных типа:

1. Криптовалюты – активы, функционирующие на принципах децентрализации и анонимности. Они существуют вне рамок традиционных банковских систем и обеспечиваются механизмом криптографического алгоритма (например, Bitcoin, Ethereum).

2. Токены – цифровые единицы учета, выпускаемые специализированными компаниями для привлечения инвестиций либо предоставления определенных благ владельцам токенов (например, акции компаний, выпущенные в электронном виде).

3. Цифровые деньги – формы электронных денег, хранящиеся в специализированных платежных системах (Яндекс.Деньги, WebMoney и др.).

Кроме указанных основных типов виртуальных активов, можно также выделить «цифровые товары» в компьютерных играх и социальных сетях, внутриигровую валюту, бонусы, баллы, мили в различных программах лояльности [4, с. 346]. Так, исследователи Н. А. Смирнова и В. О. Казанцева отмечают тот факт, что хоть внутриигровая валюта

[1] О цифровых финансовых активах: федеральный закон от 27 июня 2018 г. № 161-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

и является виртуальной, но она может быть приобретена за реальные средства, что требует внимания к вопросам оборота такой валюты со стороны законодателя, в том числе для обеспечения прав ее владельцев [5, с. 497].

Можно выделить следующие признаки виртуальных активов:

– электронную форму существования;

– отсутствие физического воплощения;

– наличие уникального идентификационного номера (ключа или адреса);

– запись о владении и совершении операций хранится в распределенном реестре (для криптовалют и токенов);

– возможность совершения сделок и передачи третьим лицам.

Представляется обоснованным предложенное Ю. С. Харитоновой разделение виртуальных активов на две группы – легализованные (цифровые финансовые активы, утилитарные цифровые права) в соответствии Законом о ЦФО и нелегализованные [6, с. 77], к которым относятся имеющиеся фактически, но не оформленные законодательно аккаунты в социальных сетях, внутриигровое имущество и др.

Законодательство лишь частично охватывает природу виртуальных активов. Так, Закон о ЦФО определяет понятие «цифровые финансовые активы», но многие категории виртуальных активов остаются неопределенными и зачастую оказываются вне правового поля, что может негативно сказываться на защите прав их владельцев.

Для того чтобы выявить типичные проблемы правового регулирования оборота виртуальных активов, рассмотрим подробнее конкретные дела по спорам, связанным с оборотом криптовалюты или иных виртуальных активов, по материалам судебной практики.

Решение Арбитражного суда г. Москвы по делу № А40-243242/2021-521679 от 5 октября 2022 г.[1]. Это судебное дело связано с требованием взыскания криптовалюты в форме USDT. Истец заключил соглашение о расторжении договора поставки, согласно которому ответчик обязан был вернуть неосновательное обогащение – 78 525 USDT. Как указал суд, Tether (USDT) является криптовалютным токеном – это единица учета, не являющаяся криптовалютой, предназначенная для представления цифрового баланса в некотором активе, иными словами, выполняющая функцию «заменителя ценных бумаг» в цифровом мире. В судебном определении также указывается на то, что цифровые валюты и цифровые финансовые активы изъять принудительно в натуре невозможно по следующим причинам: в настоящий момент цифровую валюту и цифровые финансовые активы нельзя принудительно изъять у владельца цифрового кошелька; невозможно установить цифровые кошельки, которые находятся во владении должника, кроме тех, которые он самостоятельно раскрыл (к примеру, указал в договоре), по этой причине исковые требования выражены в денежном эквиваленте. Однако ввиду отсутствия надлежащих доказательств принадлежности криптовалюты истцу суды обеих инстанций отказались удовлетворять иск.

Этот пример иллюстрирует проблему признания и удостоверения права собственности на криптовалюту, которая возникла вследствие анонимности и специфичности криптосистемы, что говорит о необходимости для сторон при обороте с криптовалютой документировать все обстоятельства, подтверждающие вашу связь с определенным кошельком.

Дело № А40-164942/2019[2]. Товарищество «Краудвиз» попыталось взыскать более 1 млн долл. в качестве неосновательного обогащения, вызванного неправомерным удержанием ответчиком токенов. Согласно

[1] Решение Арбитражного суда г. Москвы по делу № А40-243242/2021-521679 от 5 октября 2022 г. // Гражданское законодательство Российской Федерации. URL: https://lawnotes.ru/sudpraktika/arbitrazh/reshenie-_-a40-243242_2021-52-1679-ot-05.10.2022-as-goroda-moskvy (дата обращения: 24.09.2025).

[2] Дело № А40-164942/2019 // ГАС РФ «Правосудие»: интернет-портал. URL: https://sudrf.ru (дата обращения: 24.09.2025).

материалам дела, средства были привлечены путем публичной подписки на проект, оператором которой выступил ответчик («Криптон»), впоследствии обвиняемый в неосновательном обогащении. По мнению суда, истцом не предоставлено доказательств того, что криптовалюта конкретных типов в определенном количестве принадлежит либо принадлежала истцу, а также, что криптовалюта в указанном размере, полученная упомянутым способом, фактически перешла в распоряжение ответчиков, а ее количество и тип соответствуют указанным в исковом заявлении.

Важно учитывать, что российское законодательство допускает признание криптовалюты имуществом (а именно – имущественными правами) ввиду диспозитивности гражданского законодательства и открытого перечня объектов гражданских прав (ст. 128 ГК РФ), но юридически полноценная защита возможна только при правильном оформлении соответствующих документов, которые могли бы в дальнейшем быть приняты судом в качестве доказательств по делу.

Апелляционное определение Московского городского суда (№ 10–573/2021)[1]. Истец перевела 1 миллион рублей на счет ответчика в банке, предполагая покупку биткоинов. Однако ответчик не исполнил свое обязательство. Иск о взыскании неосновательного обогащения был удовлетворен судом. Пример демонстрирует успешное разрешение спора в пользу физического лица, столкнувшегося с нарушением обязательств по покупке криптовалюты.

Санкт-Петербургский городской суд (№ 22-2616/2022)[2]. Дело № 22-2616/2022 Санкт-Петербургского городского суда стало важным прецедентом, в котором суд признал криптовалюту частью материального ущерба, причиненного потерпевшим. Это означает, что в случаях кражи или иного причинения вреда, связанного с криптовалютой, она может быть учтена как вещественное доказательство и стоимость утраченного имущества. В рамках указанного дела суд впервые признал криптовалюту (в данном случае биткоины) частью материального ущерба, нанесенного потерпевшему. Суд признал, что криптовалюта является материальным объектом, который может быть предметом хищения или причинения вреда, и, следовательно, его стоимость должна быть возмещена.

Постановление Арбитражного суда Московского округа от 12 марта 2021 г. по делу № А40-185323/2020[3]. Компания пыталась взыскать убытки, возникшие вследствие утраты криптовалюты в результате взлома криптокошелька. Ответчик, обслуживающий криптокошелек, заявил, что компания несет полную ответственность за сохранность своих цифровых активов. Иск оставлен без удовлетворения, так как истец не представил доказательств халатности со стороны оператора кошелька. Напротив, оператор предоставил политику конфиденциальности и меры безопасности, принятые им для защиты клиентских средств. Суд пришел к выводу, что инцидент произошел по вине самого владельца кошелька, не соблюдавшего элементарные меры предосторожности.

Решение Арбитражного суда города Москвы от 2 сентября 2021 г. по делу № А40-218563/2021[4]. Гражданин обратился в суд с требованием включить криптовалюту в конкурсную массу при процедуре банкротства. Банкрот столкнулся с проблемами, так как

[1] Апелляционное определение Московского городского суда № 10–573/2021 // ГАС РФ «Правосудие»: интернет-портал. URL: https://sudrf.ru (дата обращения: 24.09.2025).

[2] Дело Санкт-Петербургского городского суда № 22-2616/2022 // ГАС РФ «Правосудие»: интернет-портал. URL: https://sudrf.ru (дата обращения: 24.09.2025).

[3] Постановление Арбитражного суда Московского округа от 12 марта 2021 г. по делу № А40-185323/2020 // ГАС РФ «Правосудие»: интернет-портал. URL: https://sudrf.ru (дата обращения: 24.09.2025).

[4] Решение Арбитражного суда города Москвы от 2 сентября 2021 г. по делу № А40-218563/2021 // ГАС РФ «Правосудие»: интернет-портал. URL: https://sudrf.ru (дата обращения: 24.09.2025).

изначально криптовалюта не учитывалась в списке активов, поскольку отсутствовали точные доказательства владения ею. Требования истца удовлетворены частично, суд учел факты добросовестного поведения истца и принял доказательства принадлежности криптовалюты. Несмотря на анонимность большинства криптовалютных активов, суд признал обоснованность включения их в конкурсную массу для погашения долгов кредиторов.

Решение Первомайского районного суда г. Красноярска от 1 октября 2021 г. по делу № 2-2143/2021.[1] Потерпевший гражданин пытался оспорить законность сделки по продаже криптовалюты, совершенной злоумышленником от его имени. Было установлено, что злоумышленник использовал поддельные документы и украденные ключи доступа. Сделка признана недействительной, поскольку доказано, что истинный владелец криптовалюты не давал согласия на ее продажу. Суд обязал продавца возместить пострадавшему всю сумму проданной криптовалюты.

Постановление Девятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 25 мая 2021 г. по делу № А40-281456/2020.[2] Организация предъявила претензии партнеру по контракту, который передал ей криптовалюту, но впоследствии оказался вовлеченным в схемы незаконного вывода средств. Организация полагала, что партнер нарушил обязательства и незаконно распорядился средствами.

Спор разрешен в пользу организации. Суд признал, что полученная криптовалюта действительно поступила незаконным путем, следовательно, партнер не имел права распоряжаться ею. Партнер обязан компенсировать организации понесенные убытки.

Как отмечалось ранее, основная сложность в обороте виртуальных активов связана с отсутствием объективных доказательств принадлежности активов конкретному лицу. Чаще всего единственным доказательством выступает ключ или пароль от электронного кошелька, которым владеет владелец. Тем не менее передача этого ключа третьему лицу возможна без ведома самого собственника. Следовательно, возникает риск оспаривания сделок и принятия неправомерных решений судом.

В частности, проанализируем случай, рассмотренный Московским городским судом (дело № 33-14798/2022)[3], где заявитель пытался доказать факт наличия биткоинов у умершего родственника. Суд отказался удовлетворить иск именно по причине того, что заявителем не были представлены доказательства, подтверждающие владение умершим лицом данным видом виртуальных активов.

Эта ситуация подчеркивает важность разработки законодательно утвержденных процедур удостоверения правомочий собственников виртуальных активов. В этой связи весьма дискуссионным, но представляющим интерес является предложение Р. Ю. Закирова и Э. А. Хаяровой о законодательном закреплении понятия «аккаунт» в качестве одного из видов цифровых прав в ключе возможности его включения в наследственную массу [7, с. 101].

Еще одна серьезная проблема – техническая невозможность передачи криптоактивов путем простого завещательного акта. Ведь даже при наличии волеизъявления наследодателя передать тот или иной актив сам механизм передачи доступа остается неясным. Передача пароля сама по себе противоречит нормам информационной

[1] Решение Первомайского районного суда г. Красноярска от 1 октября 2021 г. по делу № 2-2143/2021 // ГАС РФ «Правосудие»: интеренет-портал. URL: https://sudrf.ru (дата обращения: 24.09.2025).

[2] Постановление Девятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 25 мая 2021 г. по делу № А40-281456/2020 // ГАС РФ «Правосудие»: интернет-портал. URL: https://sudrf.ru (дата обращения: 24.09.2025).

[3] Дело Московского городского суда № 33-14798/2022 // ГАС РФ «Правосудие»: интернет-портал. URL: https://sudrf.ru (дата обращения: 24.09.2025).

безопасности, так как конфиденциальность паролей должна соблюдаться независимо от намерений наследодателя. Следовательно, необходимы специальные механизмы передачи контрольных сведений таким образом, чтобы обеспечить сохранность данных и защиту законных интересов сторон.

Заключение

На сегодняшний день можно сделать вывод о том, что имеющиеся юридические конструкции недостаточны для эффективного правового регулирования оборота виртуальных активов. Проведенный анализ показал, что основными причинами возникновения споров и сложностей в обороте виртуальных активов являются:

1. Отсутствие адекватного юридического оформления виртуальных активов в действующем законодательстве.

2. Недостаточное развитие механизмов контроля и доказывания фактов владения виртуальными активами.

Одним из вариантов решения данной проблемы можно предложить создание специального реестра владельцев криптокошельков и иных виртуальных активов. Функционал реестра будет доступен лишь тем участникам оборота виртуальных активов, которые пожелают пройти процесс идентификации. Однако, как известно, если субъект требует защиты у государства, то он, в свою очередь, должен играть по его правилам.

Реестр должен будет фиксировать право собственности на виртуальные активы и обеспечивать легитимность оборота и различных правоотношений с ними. В дальнейшем функционал подобного реестра может быть расширен до участия в вопросах налогообложения виртуальных активов, оценки их стоимости и внедрения механизмов восстановления утраченных активов (прав на них). Как отмечает М. М. Долгиева, в нашей стране пока не известны случаи уголовного преследования за уклонение от уплаты налогов в криптовалюте, однако это не говорит о том, что налоговые преступления с использованием подобных средств не совершаются [8, с. 76]. Механизм уголовного преследования также вынужден подстраиваться под несовершенство правового регулирования оборота виртуальных активов. Например, криптовалюта конфискуется только после контролируемой конвертации в фиатные деньги в ходе уголовного дела [9, с. 143], что также говорит о правовом вакууме в регулировании отношений в сфере виртуальных активов.

Как справедливо отмечено Е. А. Чумаченко и К. П. Безрукавой, цифровые системы и активы являются инновационным инструментом, способным удовлетворить потребности экономических субъектов в надежности и эффективности расчетов и платежей, обеспечить ускорение цифровизации экономики, укрепить финансовую систему и обеспечить национальную, экономическую безопасность [10, с. 146]. Реалии сегодняшнего дня наглядно показывают, что у виртуальных цифровых активов и технологий, лежащих в их основе, есть огромный, в том числе экономический, потенциал, для реализации которого необходима взвешенная законодательная политика, грамотно сочетающая частное и публичное правовое регулирование [11, с. 135].

Применительно к рассматриваемым отношениям вполне уместно еще раз вспомнить о работах известного американского экономиста, лауреата Нобелевской премии по экономике (1991 г.), автора теоремы «трансакционных издержек» Рональда Коуза, который справедливо отмечал, что «рынок требует утверждения правовых норм, которые бы определяли права и обязанности тех, кто осуществляет трансакции» [12, с. 10]. Им также отмечалось, что в условиях необходимости соблюдения баланса частных и публичных интересов, когда участников рыночных отношений множество и интересы каждого различны, как это имеет место в розничной и оптовой торговле, установление и поддержание частной системы правовых норм оказывается очень трудным делом. И поэтому деятельность на этих рынках должна зависеть от правовой системы государства [12, с. 11].

Как мы видим, утверждения Р. Коуза

вполне уместно применить и к современному рынку – рынку виртуальных цифровых активов. Тем более, что криптовалюта позволяет участникам рыночных отношений сделать расчеты более дешевыми и быстрыми. В этой связи правовое регулирование цифровых финансовых активов должно проходить вдумчиво, без излишней поспешности. Прежде всего, на наш взгляд, необходимо определить объекты правового регулирования, сделать простыми и понятными правила игры с приоритетом диспозитивного регулирования.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Смолин В. В. Вопросы законодательного регулирования оборота криптовалюты в Российской Федерации // Московский юридический журнал. 2023. № 4. С. 81–86.

2. Шакалова А. Д. Цифровые активы и цифровой контент // Форум молодых ученых. 2024. № 12 (100). С. 219–222.

3. Крупочкин А. В. Цифровые активы: классификации и определение // Вестник РЭА им. Г. В. Плеханова. 2024. № 6. С. 114–122.

4. Савельев А. И. Электронная коммерция в России и за рубежом: правовое регулирование. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2016. 638 с.

5. Смирнова Н. А., Казанцева В. О. Игровое имущество как объект гражданского оборота // Вестник науки. 2024. № 11 (80). С. 490–499.

6. Харитонова Ю. С. Наследование легализованных цифровых активов: коллизии и возможные направления совершенствования российского законодательства // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2024. Том 17. № 2. С. 74–94.

7. Закиров Р. Ю., Хаярова Э. А. Перспектива включения аккаунта в социальной сети в наследственную массу // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2023. № 2. С. 99–104.

8. Долгиева М. М. Цифровые активы как средство уклонения от уплаты налогов // Имущественные отношения в Российской Федеарции. 2023. № 7 (262). С. 76–83.

9. Рощупкина А. В. Проблемы изъятия, ареста и замораживания виртуальных активов в России и за рубежом // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2025. № 1. С. 140–145.

10. Чумаченко Е. А., Безрукавая К. П. Развитие цифровых финансовых активов: возможность или угроза // Мир науки и мысли. The World of Science and Ideas. 2023. № 2. С. 141–146.

11. Рахимов Э. Х., Морин А. В. К вопросу о правовом регулировании цифровых финансовых активов // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2019. № 4 (86). С. 134–137.

12. Коуз Р. Фирма, рынок, право. Бумажное русскоязычное издание. М.: «Дело ЛТД» при участии изд-ва «Catalaxy», 1993. 192 с.

REFERENCES

1. Smolin V. V. Issues of legislative regulation of cryptocurrency circulation in the Russian Federation // Moscow law journal. 2023. No. 4. P. 81–86.

2. Shakalova A. D. Digital assets and digital content // Forum of young scientists. 2024. No. 12 (100). P. 219–222.

3. Krupochkin A. V. Digital assets: classifications and definitions // Bulletin of the Plekhanov Russian Academy of Economics. 2024. No. 6. P. 114–122.

4. Savelyev A. I. Electronic commerce in Russia and abroad: legal regulation. 2nd ed., revised and enlarged. Moscow: Statut, 2016. 638 p.

5. Smirnova N. A., Kazantseva V. O. Game property as an object of civil turnover // Bulletin of science. 2024. No. 11 (80). P. 490–499.

6. Kharitonova Yu. S. Inheritance of legalized digital assets: collisions and possible directions for improving Russian legislation // Law. Journal of the Higher School of Economics. 2024. Vol. 17. No. 2. P. 74–94.

7. Zakirov R. Yu., Khayarova E. A. Prospects for including a social network account in the inheritance //

Legal Bulletin of Dagestan State University. 2023. No. 2. P. 99–104.

8. Dolgieva M. M. Digital assets as a means of tax evasion // Property relations in the Russian Federation. 2023. No. 7 (262). P. 76–83.

9. Roshchupkina A. V. Problems of seizure, arrest, and freezing of virtual assets in Russia and abroad // Bulletin of Udmurt University. Series "Economics and Law". 2025. No. 1. P. 140–145.

10. Chumachenko E. A., Bezrukavaya K. P. Development of digital financial assets: opportunity or threat // The world of science and ideas. 2023. No. 2. P. 141–146.

11. Rakhimov E. Kh., Morin A. V. On the issue of legal regulation of digital financial assets // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. No. 4 (86). P. 134–137.

12. Coase, R. Firm, market, law. Russian-language paper edition. Moscow: Delo LTD, with the participation of Catalaxy publishing house, 1993. 192 p.

Информация об авторах:

И. С. Макеева, кандидат юридических наук, доцент;

Э. Х. Рахимов, кандидат юридических наук, доцент.

Information about the authors:

I. S. Makeeva, Candidate of Law, Associate Professor;

E. Kh. Rakhimov, Candidate of Law, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 01.10.2025; одобрена после рецензирования 10.10.2025; принята к публикации 17.11.2025.

The article was submitted 01.10.2025; approved after reviewing 10.10.2025; accepted for publication 17.11.2025.

Научная статья
УДК 343.132:316.772.2

ТАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРИМЕНЕНИЯ СРЕДСТВ НЕВЕРБАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ В ХОДЕ ПРОИЗВОДСТВА ДОПРОСА

Святослав Юрьевич Бирюков[1], Алексей Викторович Трубчанинов[2]
[1] Волгоградский государственный университет, Волгоград, Россия
[2] Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия
[1] bir.slav@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-7277-1926
[2] trav34rus@mail.ru, ORCID: 0009-0006-2316-8422

Аннотация. Статья посвящена тактическим аспектам применения средств невербальной коммуникации в ходе производства допроса между лицом, ведущим производство по уголовному делу, и подозреваемым (обвиняемым) в целях установления психологического контакта с допрашиваемым, повышения информационной составляющей показаний и адекватного понимания передаваемой последним вербальной информации. В статье рассмотрены следующие средства невербальной коммуникации: телесный контакт, дистанция между общающимися, пространственная ориентация последних относительно друг друга, внешний вид, положение или поза, жестикуляция, взгляд и пр. Установлено, что невербальные способы общения играют важную роль в психологическом воздействии на лицо, подозреваемое или обвиняемое, и могут значительно повысить убедительность аргументов, представляемых субъектом расследования; применение невербальных методов общения значительно усиливает эффективность работы субъекта расследования, открывая новые горизонты для достижения требуемых результатов.

Ключевые слова: субъект расследования, следователь, предварительное расследование, коммуникация, общение, невербальная коммуникация.

Для цитирования: Бирюков С. Ю., Трубчанинов А. В. Тактические аспекты применения средств невербальной коммуникации в ходе производства допроса // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2025. № 4 (110). С. 86–95.

Original article

TACTICAL ASPECTS OF THE USE OF NON-VERBAL COMMUNICATION TOOLS DURING AN INTERROGATION

Svyatoslav Yu. Biryukov[1], Alexey V. Trubchaninov[2]
[1] Volgograd State University, Volgograd, Russia
[2] Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Volgograd, Russia
[1] bir.slav@yandex.ru, ORCHID: 0000-0002-7277-1926
[2] trav34rus@mail.ru, ORCHID: 0009-0006-2316-8422

Abstract. The article is devoted to the tactical aspects of using non-verbal communication tools during an interrogation between a person conducting criminal proceedings and a suspect (accused) in order to establish psychological contact with the interrogated person, increase the information component of the testimony and an adequate understanding of the verbal information transmitted by the latter. The article considers the following means of non-verbal communication: a body contact, a distance between communicating people, their

© Бирюков С. Ю., Трубчанинов А. В., 2025

spatial orientation to each other, appearance, a position or pose, gestures, gaze, etc. It has been established that non-verbal communication methods play an important role in the psychological impact on a suspect or accused person and can significantly increase the persuasiveness of arguments presented by the subject of the investigation; the use of non-verbal communication methods significantly enhances the effectiveness of the work of the subject of the investigation, and opens up new horizons for achieving the required results.

Keywords: subject of investigation, investigator, preliminary investigation, communication, non-verbal communication.

For citation: Biryukov S. Yu., Trubchaninov A. V. Tactical aspects of the use of non-verbal communication tools during an interrogation // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. No. 4 (110). P. 86–95. (In Russ.)

Введение

В настоящее время вопросы невербальной коммуникации не оставляют равнодушными и специалистов в области криминалистики. Важность невербальных средств общения на различных стадиях уголовного судопроизводства, особенно во время допроса, была освещена в работах многих ученых-криминалистов [1; 2; 3; 4]. Однако, к сожалению, зачастую обсуждение значимости невербальной коммуникации ограничивается лишь общими утверждениями, а судебно-следственная практика не во всяких случаях предполагает их внедрение [5].

Вместе с тем важность невербальной коммуникации обусловлена тем, что в результате проведенных исследований в психологии однозначно доказано, что невербальное общение в подавляющем большинстве случаев имеет приоритет над вербальным [6, с. 65]. Невербальная коммуникация представляет собой глубинное проявление смыслового мира личности и служит непосредственным способом трансляции ее субъективных значений.

Методы

В основу настоящего исследования положены общенаучные методы синтеза, анализа, что позволило в достаточной степени рассмотреть тактические аспекты применения невербальных средств коммуникации между следователем и подозреваемым (обвиняемым) в ходе производства предварительного расследования по уголовному делу.

Результаты

На данный момент в теории психологии и криминалистики не существует единой общепризнанной классификации инструментов невербальной коммуникации, в связи с чем в основу нашей работы мы положили классификацию, предложенную М. Аргайлом, которая, по нашему мнению, более легко адаптируется для целей деятельности следователя [7]. В этой классификации выделяются несколько основных элементов, каждый из которых предоставляет уникальные возможности для адекватного понимания человеческого взаимодействия.

Основываясь на данной дифференциации невербальных средств общения, рассмотрим способы ее использования в практической деятельности следователя в ходе коммуникации с такими участниками уголовного судопроизводства, как подозреваемые и обвиняемые.

В условиях конфликта, имеющего место на различных стадиях уголовного процесса, существует множество способов, с помощью которых субъект расследования может оказывать психологическое влияние на лицо, подозреваемое в совершении уголовно-наказуемого деяния, или обвиняемого и наоборот. Одним из таких методов является демонстрация различных видов отношений между ними. При этом важно понимать, что, например, в ситуациях конфликта нередко проявляются не те отношения, которые действительно имеют место, а те, которые необходимо показать в той или иной конкретной ситуации для достижения желаемых изменений в поведении и восприятии собеседника [8, с. 381].

Демонстрация отношений представляет собой столь деликатный инструмент оказания влияния на психику оппонента, что порой трудно четко выделить и соотнести не-

вербальные средства, использующиеся для выражения своего позитивного отношения в ситуациях налаживания психологического контакта, и те, что сигнализируют об отрицательном отношении в контексте имеющихся конфликтов. В существующей практике взаимодействия между лицом, ведущим расследование, и, например, подозреваемым лицом или обвиняемым, как при установлении психологического взаимопонимания между ними, так и в момент психологической борьбы, активно применяются средства демонстрации, которые могут отражать как положительное, так и отрицательное отношение. Однако ключевое отличие состоит в том, что в указанных ситуациях наблюдаются различные закономерности: когда происходит налаживание психологического взаимопонимания, подчеркивается одобрительное отношение к лицу в целом, в то время как негатив направлен на его действия и поступки. В контексте конфликтного взаимодействия, напротив, наблюдается обратный процесс – негатив акцентируется на личности, а положительное отношение, как правило, отступает в тень.

Приближение и удаление. В теории психологии еще в начале XX века был обоснован тезис о том, что реакции приближения к объекту или отдаления от последнего относятся к группе самых первичных и инстинктивных ответов организма. Эти реакции представляют собой глубоко укорененные в эволюции состояния [9, с. 182]. Учитывание филогенетической природы реакций приближения и удаления дает нам уверенность в том, что эти сигналы могут служить надежным индикатором отношения лица, подвергнутого допросу, к лицу, допрашивающему, а также показывает эффективность этого метода в процессе психологического воздействия на того или иного участника уголовного процесса.

Исследования, проведенные в середине XX века, позволили сформулировать интересный вывод о том, что характер взаимодействия и межличностные отношения напрямую влияют на комфортную дистанцию, которую субъекты общения выбирают для этого. Было выделено три специфических дистанции или зоны, в центре которых находится субъект взаимодействия и в пределах которых происходит его взаимодействие с тем или иным оппонентом.

Первая дистанция или зона, т. н. интимная, которая охватывает расстояние от 0 до 45 см. Эта зона предназначена и является оптимальной для общения с самыми близкими и дорогими людьми.

Следующая дистанция или зона – это личная зона, которая простирается от 45 до 120 см. Эта дистанция подходит для повседневного общения со знакомыми или друзьями. И, наконец, т. н. социальная (или деловая) дистанция (зона), охватывающая расстояние от 120 до 400 см, является предпочтительной для взаимодействия с малознакомыми, неприятными людьми или в официальных встречах и мероприятиях.

Следует отметить, что ученые, проводившие указанное исследование, подчеркивали, что выбор оптимальной дистанции или зоны для различных форм общения осуществляется индивидом в подавляющем большинстве случаев на подсознательном уровне. Однако, независимо от этого, лицо практически всегда определенным образом реагирует на случаи, когда эти пространственные границы нарушаются собеседником, что свидетельствует о глубоком укоренении этих предпочтений в человеческой природе и их значимости для успешного межличностного взаимодействия [10, с. 91].

В рамках российской культуры принято, что расстояние, характеризующее официальное общение, соответствует протянутым рукам, а более близкие, дружественные отношения предполагают уменьшение этого расстояния [11, с. 72]. 67 % опрошенных сотрудников следственных подразделений, имеющих стаж профессиональной деятельности более 5 лет[1], отмечали, что определе-

[1] Было опрошено 356 сотрудников следственных подразделений МВД России из различных регионов Российской Федерации, которые проходили повышение квалификации на базе Волгоградской академии МВД России в период с 2023 по 2025 г.

ние более близкой дистанции в ходе допроса способствовало получению ими более обширных и достоверных сведений.

В этом контексте важным является рекомендация о том, что на начальных этапах взаимодействия лицо, осуществляющее расследование, должно осознанно устанавливать коммуникацию в пределах личной зоны общения, что способствует установлению доверительного контакта.

Следовательно, стремление того или иного участника уголовного процесса определить расстояние в общении с субъектом расследования может быть интерпретировано как диагностический признак его отношения к данному взаимодействию. Такое понимание межличностной динамики является актуальным для повышения эффективности следственных действий, в т. ч. и допросов, а также улучшения взаимодействия всех участников следственного действия в рамках уголовного судопроизводства.

Одним из менее традиционных, но при этом весьма информативных индикаторов положительного отношения тех или иных участников уголовного судопроизводства является телесный контакт. Проявление такого рода контактов может не только свидетельствовать о присутствии доверительных отношений между людьми, но и служить ценным инструментом в профессиональном арсенале лица, ведущего расследование. Так, авторами в ходе своей следственной практики использовался такой прием, когда вначале следственного действия следователь демонстрирует дружелюбие и как бы ненамеренно устанавливает дистанцию к собеседнику несколько ближе, чем обычно; кладет руку на стол, создавая этим предпосылки для возможного телесного контакта. И если участник уголовного процесса реагирует положительно, успокаивается, начинает поддерживать более открытый зрительный контакт, не отодвигается, это говорит о его положительном отношении к лицу, ведущему расследование. Однако, если реакция допрашиваемого отрицательная, это свидетельствует о наличии у него определенного конфликта со следователем. В такой ситуации субъекту расследования необходимо увеличить дистанцию и изменить тактику поведения, чтобы не давить на допрашиваемое лицо.

Ориентация. Ориентация в процессе общения субъектов играет крайне важную роль, что необходимо иметь ввиду и субъекту расследования в своей профессиональной деятельности. В зависимости от стоящих перед следствием задач ему необходимо умело выбирать положение относительно собеседника, с которого целесообразно начинать взаимодействие.

Так, в ходе проводимых авторами исследований с участием работников следственных подразделений было отмечено, что расположение допрашиваемого четко напротив следователя не способствует установлению психологического контакта между ними, однако смещение данного положения следователя к участнику уголовного процесса вправо или влево от него создает более непринужденную атмосферу. Другими словами, установление психологического контакта с тем или иным участником уголовного процесса становится намного проще, если следователь займет место по диагонали от этого человека.

Однако в условиях конфликта, когда обострение взаимодействия становится неизбежным, целесообразнее всего будет выбрать место напротив такого собеседника. Эта стратегия, в свою очередь, имеет свои нюансы, поскольку связана с концепцией «силы личности». Конечно, определить сильную личность в конкретном участнике уголовного судопроизводства бывает непросто, тем не менее следователь, даже не имея достаточного профессионального опыта, зачастую инстинктивно может ее распознать. Взаимодействие в позиции «напротив» может быть результативным только в том случае, если именно следователь обладает доминирующей позицией в данной ситуации. Если же роль доминирующей личности принадлежит его оппоненту, это может существенно затруднить процесс коммуникации, например производства допроса, и привести к нежелательным последствиям. Поэтому

умение выбирать правильное расположение в зависимости от контекста взаимодействия представляет собой важный аспект работы следователя.

Поза. Поза человека, подвергающегося допросу, представляет собой важный аспект его невербального поведения. В отличие от мимики или голоса, которые тем не менее легче контролируются индивидуумом, поза зачастую выражает внутренние чувства и отношения на более глубоком уровне. Исследование позы человека, в т. ч. и участника уголовного процесса, можно разделить на несколько ключевых параметров.

Одним из основных элементов, по которому можно судить о раскрепощенности человека, являются ассиметричные свободные положения его рук и ног; если человек наклоняется вбок или сидит, откинувшись назад, это может свидетельствовать о его расслабленности, причиной которой зачастую выступает осознание лицом своего доминирующего положения в конкретной ситуации или более высокого статуса. Однако эти признаки не всегда однозначны. В частности, проведенные авторами исследования показали, что в ходе производства допросов, когда в ходе указанного следственного действия взаимодействуют мужчины, например следователь и свидетель, невысокая степень раскрепощенности чаще всего указывает на настороженность и напряженность, возникающие из-за давления субъекта расследования. В таких случаях даже небольшие изменения в позе могут быть значительными индикаторами внутреннего состояния допрашиваемого и его восприятия ситуации.

Наклон тела к собеседнику, направленный вперед, свидетельствует о положительном настрое лица. Интересно, что если человек общается с приятным для себя партнером, его позиция становится более прямой, в то время как с теми, кто вызывает дискомфорт, наблюдается заметное смещение. В контексте взаимодействия, особенно в условиях сотрудничества, дистанция между участниками диалога сокращается, а угол поворота тела становится менее резким. Поэтому, чтобы выразить положительное отношение к тому или иному участнику уголовного процесса, лицу, ведущему расследование, стоит придерживаться ощущения сдержанности, избегая раскованности, слегка наклониться вперед и повернуть корпус, создавая диагональную проекцию.

Наоборот, если субъект расследования отклоняется назад, выглядит слишком расслабленно или располагается прямо напротив допрашиваемого, это говорит о его негативном отношении к другому участнику процесса. В данном случае речь идет о демонстрации своего превосходства. Аналогичные проявления невербального поведения со стороны оппонента следователя также откроют завесу над его чувствами и настроением по отношению к последнему.

Взгляд и глаза всегда имели особое значение в восприятии характера, настроений и намерений человека. Еще в работах античных философов акцентировалось внимание на том, как различные движения глаз могут говорить о внутреннем мире личности. Аристотель, например, утверждал, что глаза могут колебаться, быть неподвижными или занимать промежуточное положение; и каждое из этих состояний несет в себе определенный смысл: колеблющиеся глаза выдают неуверенность, неподвижные – свидетельствуют о бесстыдстве, а те, что находятся посередине, могут говорить о доброте [9, с. 188].

В ходе допроса следователь должен учитывать, что установление психологического контакта с участником уголовного процесса, дающим показания, требует не только искреннего интереса, но и активного поддержания зрительного контакта [12, с. 126]. Результативность коммуникации во многом детерминирована степенью вовлеченности и заинтересованности лиц, участвующих в диалоге, и в этой связи зрительный контакт может быть воспринят как знак уважения и заинтересованности.

Так, например, субъект расследования, начиная следственное действие, внимательно смотрит на допрашиваемого, поддерживает с ним зрительный контакт. Это может способствовать осознанию этим участником уголовного процесса важности, значимости его пока-

заний для следствия. И, наоборот, отсутствие зрительного контакта может привести допрашиваемого к мысли о несущественности передаваемой им информации и в конечном счете к негативным результатам допроса.

Так же и в случае, когда допрашиваемый начинает колебаться, отвечая на вопросы лица, ведущего расследование; постоянный зрительный контакт последнего будет демонстрировать его заинтересованность, готовность выслушать, что очевидно повысит эффективность следственного действия.

В то же время важно понимать, что в определенных случаях такого рода внимание может быть воспринято лицом как некое давление или предвзятое к нему отношение. Внешние проявления внутреннего состояния индивида, участвующего в коммуникации, такие как опущенные веки или отвлеченный взгляд, зачастую красноречиво говорят о его отношении, характеризующемся недоверием или настороженностью к лицу, ведущему следствие. Так, наклон головы вниз в сочетании с косым взглядом в сторону может являться внешним проявлением чувства угнетенности или ожидания негативной оценки. А растерянность допрашиваемого лица может найти свое выражение в частом и быстром моргании, а это, в свою очередь, создает впечатление внутреннего смятения и напряженности.

Выражение лица, или мимика, играет ключевую роль в передаче невербальной информации. Важно отметить, что лицевые мышцы могут находиться под сознательным контролем. Позитивные эмоции и принятие личности лучше всего передаются именно через мимику, а не через голосовые интонации. Это делает выражение лица более информативным и надежным индикатором отношения, чем звук голоса. Следует также учитывать, что в целом отрицательные эмоции передаются и воспринимаются проще, чем положительные, через мимику и голос. В конфликтных ситуациях негативные чувства зачастую оказываются более ярко выраженными в невербальных каналах. Для субъекта расследования это значит, что в напряженных ситуациях необходимо контролировать свои неосознанные проявления негативного отношения к допрашиваемому [13, с. 11]. Установление психологического контакта требует минимального проявления искреннего интереса и доброжелательности, поскольку люди обладают интуицией и способны чувствовать фальшь [14, с. 346]. Так, в ходе допроса подозреваемого Ш. следователь всячески старался делать вид, что заинтересован и верит даваемым Ш. показаниям, однако при этом у него на лице периодически появлялась легкая саркастическая усмешка и отсутствие подлинного интереса в глазах. Такой контраст между вербальными и невербальными сигналами вызвал у допрашиваемого недоверие к следователю, после чего он резко прекратил дачу показаний и впоследствии отказался от продолжения допроса[1]. Неискренность всегда запоминается и не прощается, и лицо, ведущее расследование, должно быть внимательно к своим мимическим проявлениям, чтобы не разрушить тот психологический контакт, который установился в ходе допроса.

Кивки представляют собой действенный инструмент психологической поддержки, который способен оказывать значимое влияние на поведение участника уголовного процесса, находящегося на допросе. Когда мы говорим о кивке головой, мы имеем в виду способ выразить согласие или выказать уважение к лицу, дающему показания, а это является знаком позитивного отношения и готовности к взаимодействию. И наоборот, если собеседник наклоняет голову в сторону, это как правило говорит о его несогласии или сомнении в услышанном. Так, 87 % опрошенных сотрудников следственных подразделений отмечали, что неоднократно сталкиваются в своей практической деятельности с такого рода неконтролируемыми внешними сигналами, которые в той или иной мере противоречат дающимся при этом показаниям и которые существенно влияют на дальнейшее ведение следственного дей-

[1] Уголовное дело № 3/1-63/2024 // Архив Волжского районного суда г. Саратова.

ствия. И действительно, важность, значимость таких внешних сигналов заключается в том, что они чаще всего возникают на уровне подсознания, соотносясь с эмоциями и предшествуя словам, которые, возможно, и не будут произнесены по каким бы то ни было соображениям [15, с. 67]. Эти жесты становятся своего рода эмоциями, которые передают многие нюансы общения, создавая дополнительный уровень понимания между людьми и облегчая процесс взаимодействия.

Внешний вид играет значительную роль в восприятии людей, и его можно рассматривать через призму двух ключевых аспектов – социального и психологического. Существует распространенный стереотип о следователе, который ассоциируется с определенной «формой» – строгостью в одежде, например, классическим костюмом с галстуком. Одежда следователя, соответствующая этому стереотипу, в значительной степени способствует формированию позитивного отношения к нему. Однако стоит отметить, что 39 % опрошенных сотрудников следственных подразделений указали на имевшие в их практике ситуации, когда такая «униформа» затрудняет построение доверительных отношений с участниками уголовного процесса, что подчеркивает, насколько контекст может изменять восприятие.

С психологической точки зрения внешний вид отражает не только субъективные качества, но и индивидуальные особенности личности. Таким образом, внешний облик как лица, ведущего расследование, так и допрашиваемого становится важным сигналом, который можно считывать. Общеизвестные риски, а также потенциальные возможности, связанные с социально одобряемыми или порицаемыми аспектами внешности, явно стоит отметить; именно они формируют первое впечатление о человеке. Ведь именно в этом первом знакомстве внешний вид становится решающим фактором, и следователю следует внимательно учитывать его значимость, не игнорируя этот важный элемент коммуникации.

Жесты занимают важное место в системе невербальной коммуникации и рассматриваются в рамках социальной психологии как ключевые элементы моторики, имеющие четкое, поддающееся восприятию выражение. В данном контексте жесты включают в себя широкий спектр движений, охватывающих мимику, пантомимику и жестикуляцию [16, с. 217]. Эти аспекты невербального общения способны передавать значительное количество информации и существенно обогащают процесс взаимодействия между индивидами.

Следует отметить, что жесты в основном связаны не столько с когнитивными процессами, сколько с эмоциональными реакциями, что делает их важным индикатором душевного состояния. Они функционируют как механизм, выражающий как действие, так и эмоциональную составляющую этого действия [16, с. 221]. Такие жесты представляют собой уникальную возможность «чтения» не только предстоящих действий, но и скрываемых эмоциональных состояний, тем самым обогащая психологический опыт индивидуума.

В контексте задач, которые стоят перед лицом, осуществляющим расследование в плане психологического воздействия на подозреваемое лицо или обвиняемое, крайне важно отметить, что большинство жестов, которые есть в арсенале среднестатистического индивида, имеют свои корни в его физической активности, будь то профессия или какая-то бытовая повседневная деятельность [17, с. 86]. Это объясняет, почему жесты зачастую оказывают гораздо более существенное воздействие на личность, нежели слова.

Из теории психологии и биологии нам известно, что кинетическая активность индивида в контексте осуществляемых им функций дифференцируется на две категории: жестикуляцию и самостимулирование [18, с. 49]. Жестикуляция, как социальный феномен, возникает преимущественно в процессе коммуникации между людьми. И в этой связи субъекту расследования важно помнить о том, что любая коммуникация состоит из нескольких взаимообусловленных способов передачи информации: вербального и невербального, при чем именно

жестикуляция зачастую несколько опережает вербальную [17, с. 139].

Интересно, что жесты обладают диагностической ценностью, так как они проявляются спонтанно и непосредственным образом: участник уголовного процесса, дающий показания, как правило, не понимает, что он использует жестикуляцию, что делает анализ этих жестов особенно важным.

Жестикуляция лица, подвергающегося допросу, представляет собой важный визуальный индикатор его психологического состояния и степени комфорта во взаимодействии с субъектом расследования. Данные показывают, что степень выраженности жестикуляции значительно возрастает в условиях эмоционального подъема или волнения, что подчеркивает серьезность данной ситуации для допрашиваемого [19, с. 335]. В противовес этому негативное восприятие лица, ведущего расследование, отсутствие заинтересованности вступать с ним в контакт опосредует ограниченную жестикуляцию или отсутствие таковой.

Наличие доречевых жестов, то есть жестов, предшествующих речевым высказываниям, служит диагностическим признаком психологической дистанции между следователем и допрашиваемым. Присутствие таких жестов указывает на наличие доверия и взаимопонимания в коммуникации, тогда как отсутствие последних говорит об обратном.

Исследование невербальных жестов, таких как кивки головы, направление взгляда и целенаправленные движения руками, представляет собой значимый аспект оценки отношения лица, подвергающегося допросу, к субъекту расследования. Эти жесты-эмблемы [17, с. 141], выполняющие функцию регуляторов общения, способны характеризовать не только эмоциональное состояние индивида, но и его субъективное восприятие взаимодействия в контексте допроса. Вместе с тем лицу, ведущему расследование, необходимо проявлять высокую степень осторожности, принимая во внимание вероятность преднамеренной манипуляции мимикой.

Кроме того, стоит учитывать взаимосвязь жестовой экспрессии с вербальным выражением и контекстом общения в целом. В контексте конфликтных ситуаций невербальная коммуникация может служить ценным инструментом для выявления скрытых мотивов, о которых допрашиваемый может и не говорить [8, с. 588]. Важно понимать, что непроизвольные реакции требуют дополнительного обоснования фактами, игнорирование невербальных средств в ходе следственных действий стало бы серьезной ошибкой.

Необходимо учитывать, что достоверность признаков, указывающих на искренние чувства, снижается в следующем порядке: сначала идет пространственное положение, затем поза, далее голосовые сигналы, мимика, а в самом конце – вербальные высказывания. Замаскировать свои истинные чувства перед субъектом расследования проще с помощью речи и мимики, в то время как сделать это с помощью невербальных способов общения значительно сложнее.

Заключение

В результате становится очевидно, что невербальные средства коммуникации играют весомую роль в психологическом воздействии на лицо, подозреваемое или обвиняемое в совершении уголовно-наказуемого деяния, могут в значительной мере повысить убедительность слов, произнесенных субъектом расследования. Следует отметить, что такие невербальные сигналы, которые говорят о положительном отношении лица, ведущего расследование, к допрашиваемому участнику уголовного процесса, способствуют более благоприятному развитию межличностных отношений. Выразительная демонстрация уважения и доверия к допрашиваемым подозреваемым или обвиняемым через невербальные средства может оказать сильное позитивное влияние на поведение последних, особенно в ситуации, когда они показывают явное сопротивление к воздействию, оказываемому следователем. Другими словами, грамотное и целесообразное применение невербальных средств общения в конфликтных ситуациях может существенно повысить эффективность работы субъекта расследования, открывая перед ним новые возможности для получения требуемых результатов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Васильев А. Н., Карнеева Л. М. Тактика допроса при расследовании преступлений. М.: Юридическая литература, 1970. 208 с.

2. Зорин Г. А. Проблемы применения специальных логико-психологических методов при подготовке и проведении следственных действий: дис. … докт. юрид. наук. М., 1991. 480 с.

3. Морозов В. П. Невербальная коммуникация в системе речевого общения. Психофизиологические и психоакустические основы. М.: Институт психологии РАН, 1998. 72 с.

4. Яджин, Н. В. Психологическое обеспечение расследования преступлений. Тюмень: Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России, 2021. 72 с.

5. Психологическое сопровождение расследования уголовных дел: современные возможности и практика: практическое пособие / Е. Г. Дозорцева, Ю. А. Михайлова, Ю. Ю. Красикова, Т. И. Савельева. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургская академия Следственного Комитета Российской Федерации, 2022. 108 с.

6. Асмолов А. Г., Фейгенберг Е. И. Некоторые аспекты невербальной коммуникации: за порогом рациональности // Психологический журнал. 1989. Т. 10. № 6. С. 58–65.

7. Аргайл М. Телесная коммуникация (2-е изд.). London: Routledge, 1988. 384 с.

8. Предварительное следствие / Е. Н. Арестова, В. В. Артемова, В. И. Батюк и др. Москва: ЮНИТИ-ДАНА, 2017. 575 с.

9. Мурзина Е. Б. И. А. Сикорский. Психологические взгляды на решение основных проблем отечественной психологии // Человек и общество в противоречиях и согласии: сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции. Нижний Новгород: «Издательский салон» ИП Гладкова О. В., 2020. С. 181–193.

10. Реан А. А., Кудашев А. Р., Баранов А. А. Психология адаптации личности. Анализ. Теория. Практика. М.: Московский педагогический государственный университет, 2022. 524 с.

11. Зарецкая Е. Н. Деловое общение. Издание второе, переработанное и дополненное. М.: Общество с ограниченной ответственностью «Проспект», 2025. 664 с.

12. Долгачева О. И., Потапова Н. Н. Некоторые вопросы психологии проведения допроса // Вестник Воронежского института ФСИН России. 2018. № 2. С. 124–127.

13. Пахомов С. Н. Психология допроса потерпевших // Юридическая психология. 2008. № 1. С. 10–15.

14. Цебекова Г. В., Аштаева С. С., Нактанов К. К. Психология допроса // Право и государство: теория и практика. 2023. № 7 (223). С. 344–347.

15. Габелия Л. Г., Церцвадзе М. Г. К вопросу о знаковой функции невербальных средств общения // Вестник магистратуры. 2014. № 2 (29). С. 66–69.

16. Социальная психология / В. В. Козлов, С. А. Трифонова, Т. М. Панкратова, Л. А. Николаева. 1-е изд.. М.: Издательство Юрайт, 2023. 501 с.

17. Сухов А. Н. Средства криминогенного общения: традиционный и современный аспект // Человеческий капитал. 2020. № 2 (134). С. 82–89.

18. Логинова Е. В. Психологические средства оптимизации невербального общения личности: дис. … канд. псих. наук. Новосибирск, 2003. 156 с.

19. Хангереева А. Б. Невербальные средства общения // Актуальные проблемы теории языка и современные технологии лингводидактики: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. Махачкала, 2023. С. 333–337.

REFERENCES

1. Vasiliev A. N., Karneeva L. M. Interrogation tactics in crime investigation. Moscow: Legal Literature, 1970. 208 p. (In Russ.)

2. Zorin G. A. Problems of applying special logical and psychological methods in preparing and conducting investigative actions: diss. ... Doctor of Law. Moscow, 1991. 480 p. (In Russ.)

3. Morozov V. P. Non-verbal communication in the speech communication system. Psychophysiological and psychoacoustic foundations. Moscow: Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, 1998. 72 p. (In Russ.)

4. Yadzhin, N. V. Psychological support for crime investigation. Tyumen: Tyumen Institute for Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2021. 72 p. (In Russ.)

5. Psychological support of criminal investigation: modern possibilities and practice: a practical guide / E. G. Dozortseva, Yu. A. Mikhailova, Yu. Yu. Krasikova, T. I. Savelyeva. St. Petersburg: St. Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, 2022. 108 p. (In Russ.)

6. Asmolov A. G., Feigenberg E. I. Some aspects of non-verbal communication: beyond the threshold of rationality // Psychological journal. 1989. Vol. 10. No. 6. P. 58–65. (In Russ.)

7. Argyle M. Body communication (2nd ed.). London: Routledge, 1988. 384 p. (In Russ.)

8. Preliminary investigation / E. N. Arestova, V. V. Artemova, V. I. Batyuk, et al. Moscow: UNITY-DANA, 2017. 575 p. (In Russ.)

9. Murzina E. B. I. A. Sikorsky. Psychological views on the solution of the main problems of domestic psychology // Man and society in contradictions and agreement: a collection of scientific papers based on the materials of the International scientific and practical conference. Nizhny Novgorod: "Publishing salon" IP Gladkova O. V., 2020. P. 181–193. (In Russ.)

10. Rean A. A., Kudashev A. R., Baranov A. A. Psychology of personality adaptation. Analysis. Theory. Practice. Moscow: Moscow State Pedagogical University, 2022. 524 p. (In Russ.)

11. Zaretskaya E. N. Business communication. Second edition, revised and supplemented. Moscow: Limited Liability Company "Prospect", 2025. 664 p. (In Russ.)

12. Dolgacheva O. I., Potapova N. N. Some issues of the psychology of interrogation // Bulletin of Voronezh Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. 2018. No. 2. P. 124–127. (In Russ.)

13. Pakhomov S. N. Psychology of interrogation of victims // Legal Psychology. 2008. No. 1. P. 10–15. (In Russ.)

14. Tsebekova G. V., Ashtaeva S. S., Naktanov K. K. Psychology of interrogation // Law and state: theory and practice. 2023. No. 7 (223). P. 344–347. (In Russ.)

15. Gabelia L. G., Tsertsvadze M. G. On the sign function of non-verbal means of communication // Bulletin of the Magistracy. 2014. No. 2 (29). P. 66–69. (In Russ.)

16. Social Psychology / V. V. Kozlov, S. A. Trifonova, T. M. Pankratova, L. A. Nikolaeva. 1st ed. Moscow: Yurait Publishing House, 2023. 501 p. (In Russ.)

17. Sukhov A. N. Means of criminogenic communication: traditional and modern aspect // Human capital. 2020. No. 2 (134). P. 82–89. (In Russ.)

18. Loginova E. V. Psychological means of optimizing non-verbal communication of an individual: dis. … Candidate of Psychology. Novosibirsk, 2003. 156 p. (In Russ.)

19. Khangereeva A. B. Non-verbal means of communication // Actual problems of language theory and modern technologies of linguodidactics: collection of materials of the All-Russian scientific and practical conference. Makhachkala, 2023. P. 333–337. (In Russ.)

Информация об авторах:

С. Ю. Бирюков, кандидат юридических наук, доцент;

А. В. Трубчанинов, без ученой степени.

Information about the authors:

S. Yu. Biryukov, Candidate of Law, Associate Professor;

A. V. Trubchaninov, no academic degree.

Статья поступила в редакцию 19.05.2025; одобрена после рецензирования 12.08.2025; принята к публикации 17.11.2025.

The article was submitted 19.05.2025; approved after reviewing 12.08.2025; accepted for publication 17.11.2025.

Научная статья
УДК 343.1

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ИНСТИТУТА ПРИОСТАНОВЛЕНИЯ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

Аделина Теймурхановна Гаджиалиева
Уфимский юридический институт МВД России
Уфа, Россия, gadjalieva_823@mail.ru

Аннотация. Автор анализирует теоретические аспекты института приостановления предварительного расследования, выявляет пробелы и противоречия в его нормативной регламентации, а также предлагает пути совершенствования законодательства. Особое внимание уделяется вопросам терминологической унификации, расширению оснований для приостановления, обеспечению защиты прав участников процесса и внедрению цифровых технологий в уголовное судопроизводство. На основе комплексного исследования сформулированы конкретные рекомендации по модернизации института приостановления, направленные на достижение баланса между эффективностью расследования и соблюдением принципов справедливого правосудия.

Ключевые слова: приостановление предварительного расследования, уголовный процесс, процессуальные сроки, основания приостановления, защита участников процесса, международная правовая помощь, искусственный интеллект, реформирование УПК РФ, разумные сроки судопроизводства, иммунитет в уголовном судопроизводстве.

Для цитирования: Гаджиалиева А. Т. Проблемы и перспективы совершенствования института приостановления предварительного расследования // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2025. № 4 (110). С. 96–108.

Original article

PROBLEMS AND PROSPECTS FOR IMPROVING THE INSTITUTION OF SUSPENSION OF PRELIMINARY INVESTIGATION

Adelina T. Gadzhialieva
Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia
Ufa, Russia, gadjalieva_823@mail.ru

Abstract. The author analyzes the theoretical aspects of the institute of suspension of preliminary investigation, identifies gaps and contradictions in its normative regulation, as well as suggests ways to improve the legislation. Special attention is paid to issues of terminological unification, expansion of grounds for suspension, ensuring the protection of the rights of participants in the proceedings and the introduction of digital technologies into criminal proceedings. Based on a comprehensive study, specific recommendations have been formulated for the modernization of the institute of suspension, aimed at achieving a balance between the effectiveness of the investigation and compliance with the principles of fair justice.

Keywords: suspension of preliminary investigation, criminal proceedings, procedural deadlines, grounds for suspension, protection of participants in the proceedings, international legal assistance, artificial intelligence, reforming of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, reasonable time limits for legal proceedings, immunity in criminal proceedings.

For citation: Gadzhialieva A. T. Problems and prospects for improving the institution of suspension of preliminary investigation // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. No. 4 (110). P. 96–108. (In Russ.)

© Гаджалиева А. Т., 2025

Введение

Проблемы правового регулирования могут иметь серьезные последствия для экономики, общества и государства в целом. Поэтому важно постоянно совершенствовать законодательство и правовую практику, чтобы обеспечить эффективность и справедливость функционирования институтов уголовного судопроизводства. Особую значимость вопросы правового регулирования приобретают в сфере уголовного судопроизводства, где от качества законодательных решений напрямую зависят гарантии прав участников процесса, эффективность расследования и в конечном итоге реализация принципов справедливости и законности. Институт приостановления предварительного расследования, будучи важным процессуальным институтом, призванным обеспечивать баланс между необходимостью раскрытия преступлений и соблюдением прав личности, не является исключением. Однако пробелы, противоречия и недостаточная детализация норм, регламентирующих данный институт, нередко приводят к его неоднозначному применению на практике. Это, в свою очередь, влечет за собой нарушение прав как потерпевших, так и обвиняемых, подрывает доверие к системе уголовного правосудия и снижает эффективность борьбы с преступностью.

Исследование проблем правового регулирования института приостановления предварительного расследования и разработка предложений по его совершенствованию представляются актуальными задачами, имеющими как теоретическое, так и практическое значение для развития уголовно-процессуального права.

Методы

В рамках проведенного исследования был применен комплексный методологический подход, основанный на сочетании общенаучных и специальных методов познания, включая логические методы (анализ, синтез, индукция, дедукция), позволившие выявить закономерности развития института приостановления предварительного расследования; историко-правовой метод, способствующий определению эволюции нормативного регулирования данного процессуального института; сравнительно-правовой метод, использованный для сопоставления отечественных и зарубежных правовых моделей приостановления расследования; формально-юридический метод, направленный на толкование норм уголовно-процессуального законодательства; системно-структурный метод, обеспечивающий рассмотрение института в контексте системы уголовного судопроизводства; а также статистический и социологический методы, применявшиеся для анализа правоприменительной практики и оценки эффективности соответствующих процессуальных механизмов. Подобная методологическая база позволила осуществить всестороннее и системное исследование института приостановления предварительного расследования с учетом его нормативно-правовых, организационных и процессуальных аспектов, что создало основу для разработки научно обоснованных рекомендаций по его совершенствованию.

Результаты

Автором в ходе проведенного комплексного исследования института приостановления предварительного расследования и выявления ряда пробелов законодательства, а также неидеальности реализации данного института правоприменителями были разработаны перспективные направления совершенствования законодательства, которые, в свою очередь, имеют достаточный уровень теоретической и практической значимости в рамках рассматриваемого института.

Разработано авторское определение приостановления предварительного расследования, под которым понимается факультативный этап уголовного судопроизводства, регламентированный совокупностью уголовно-процессуальных норм, характеризующийся рядом специфических признаков, заключающийся в строгой нормативной определенности, исключающей право усмотрения лица, проводящего расследование, имеющий неопределенное временное ограничение и направленный на устранение возникших препятствий расследования.

Установлено, что приостановление предварительного расследования, будучи процессуальным инструментом, направленным на преодоление временных сложностей в ходе расследования, тем не менее не должно становиться фактором, способствующим необоснованному затягиванию уголовного судопроизводства. Как показал анализ, соблюдение разумных сроков расследования выступает одним из ключевых условий обеспечения справедливости, эффективности и надежности правовой системы в целом. Нарушение сроков не только подрывает доверие граждан к правоохранительным и судебным органам, но и создает предпосылки для нарушения прав участников уголовного процесса, что противоречит принципам правового государства.

В этой связи особую значимость приобретает комплексный подход к регулированию института приостановления предварительного расследования, предполагающий не только четкую регламентацию оснований и процедуры его применения, но и разработку эффективных механизмов контроля над сроками расследования.

Не менее важным аспектом является предусмотренная законодателем система компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок, которая служит дополнительной гарантией защиты прав участников процесса[1]. Однако, как показало исследование, эффективность данной системы во многом зависит от четкости регулирования процедуры приостановления расследования, исключающей возможность ее злоупотребления. При этом анализ правоприменительной практики свидетельствует о том, что указанный временной критерий не всегда учитывает специфику приостановленного производства, когда формально сроки расследования не истекают, однако фактически уголовное судопроизводство остается заблокированным на неопределенный период. Это создает правовую коллизию, поскольку пострадавшие от затягивания процесса лица лишаются возможности получить компенсацию в период приостановления, несмотря на очевидное нарушение их права на своевременное правосудие. В связи с этим представляется необходимым внести соответствующие коррективы в законодательное регулирование, предусмотрев специальные механизмы исчисления сроков применительно к периоду приостановления расследования, что позволит обеспечить более эффективную защиту прав участников уголовного процесса и реализацию принципа разумности сроков судопроизводства в полном объеме.

Проблема «несоответствия современным реалиям» действующих сроков предварительного расследования неоднократно поднималась в научной литературе [1; 2; 3], указывая на необходимость пересмотра и адаптации процессуальных норм к современным реалиям. В частности, В. С. Латыпов, Р. М. Исаева отмечают, что «сроки предварительного расследования были регламентированы еще Уголовно-процессуальным кодексом РСФСР 1922 года. В частности, ст. 107 устанавливала, что производство дознания «не может продолжаться более месяца», а ст. 119 предписывала завершить предварительное следствие «в течение 2 месяцев». Если ранее установленные сроки расследования соответствовали реалиям уголовно-процессуальных отношений своего времени и не вызывали сомнений в своей обоснованности, то в современных условиях расследование тяжких и особо тяжких преступлений зачастую тре-

[1] О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок : федеральный закон от 30 апреля 2010 г. № 68-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2010. № 18. Ст. 2144; О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» : федеральный закон от 30 апреля 2010 г. № 69-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2010. № 18. Ст. 2145.

бует продления установленных сроков. Общественные отношения трансформировались, усложнились составы преступлений и методы их совершения» [4]. Действительно, современные научно-технические достижения, способствующие, помимо прочего, совершению дистанционных преступлений, предоставили криминальному миру новые возможности для осуществления противоправной деятельности. Для правоохранительных же государственных органов это обусловлено сложностью расследуемых деяний и необходимостью проведения более детального и всестороннего исследования обстоятельств дела. Усложнение криминальных методик, появление новых форм преступной деятельности, необходимость проведения сложных экспертных исследований и международного взаимодействия при расследовании транснациональных преступлений объективно требуют пересмотра подходов к регламентации сроков предварительного расследования [5, с. 9]. При этом ключевой задачей законодателя должно стать достижение баланса между предоставлением следственным органам достаточного времени для всестороннего и объективного исследования обстоятельств дела и соблюдением принципа разумности сроков как важнейшей гарантии защиты прав участников процесса, а также поддержанием эффективности уголовного преследования. В этой связи представляется необходимым научно обоснованный пересмотр и дифференциация процессуальных сроков с учетом категории и сложности преступления, необходимости проведения специфических следственных действий, современных тенденций преступной деятельности и международных стандартов в области уголовного правосудия, что позволит адаптировать институт предварительного расследования к современным вызовам при сохранении его основного назначения – обеспечения справедливого и эффективного правосудия.

Результаты проведенного исследования позволяют сделать вывод о необходимости законодательного закрепления методически обоснованной возможности принятия решения о приостановлении предварительного расследования до истечения установленных сроков по всем основаниям, предусмотренным частью 1 статьи 208 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ). Анализ действующей правовой регламентации показывает, что существующая обеспечительная мера в виде обязательного выполнения всех возможных следственных действий до приостановления создает достаточные правовые основания для принятия обоснованного процессуального решения без необходимости ожидания окончания процессуальных сроков [6]. При этом исследование выявило существенное несоответствие между устаревшими нормативными сроками расследования, унаследованными еще от УПК РСФСР 1922 года[1], и современными реалиями уголовного судопроизводства, характеризующимися усложнением криминальных методик и появлением новых форм преступной деятельности. В этом контексте предлагаемое методическое обоснование досрочного приостановления расследования позволяет достичь важных процессуальных целей: сохранить баланс между соблюдением процессуальных сроков и качеством расследования, обеспечить реализацию принципа разумности сроков судопроизводства, а также оптимизировать деятельность следственных органов при наличии объективных препятствий. Полученные данные убедительно свидетельствуют, что такой подход соответствует современным требованиям уголовного процесса и позволяет адаптировать институт приостановления к актуальным условиям правоприменительной практики, не нарушая при этом гарантии защиты прав участников уголовного судопроизводства и сохраняя основные принципы справедливого правосудия.

[1] Об Уголовно-процессуальном кодексе (вместе с «Уголовно-процессуальным кодексом РСФСР»): постановление ВЦИК от 25 мая 1922 г. // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства РСФСР. 1922. № 20–21. Ст. 230.

Проведенное исследование позволило осуществить комплексный историко-правовой анализ становления и развития института приостановления предварительного расследования в российском уголовном процессе, в результате чего была разработана авторская периодизация данного процессуального института, выявлены ключевые закономерности его эволюции и определены перспективные направления совершенствования. На основании системного анализа нормативных правовых актов и научных источников выделены четыре основных исторических периода развития института: 1) период зарождения (вторая половина XIX – первая половина XX века), характеризующийся первоначальным формированием правовых основ приостановления предварительного следствия; 2) период развития (первая половина – середина XX века), отличающийся существенной детализацией нормативного регулирования; 3) период процессуальной инертности (середина XX – начало XXI века), характеризующийся относительной стагнацией в развитии института; 4) период возрождения (начало XXI века – настоящее время), связанный с активной модернизацией института в условиях реформирования уголовно-процессуального законодательства. В ходе исследования выявлены важные закономерности развития института, включая последовательное расширение процессуальных прав участников судопроизводства, зависимость эволюции института от политического режима, а также постепенное усложнение нормативного регулирования. Современные тенденции развития института проявляются в увеличении количества законодательно закрепленных оснований для приостановления и необходимости комплексной оптимизации по трем направлениям: совершенствование законодательного регулирования, внедрение цифровых технологий и модернизация процедуры принятия решений.

По результатам проведенного исследования обоснованно сделан вывод о нетождественности понятий «приостановление предварительного расследования» и «приостановление уголовного дела». Проведенный сравнительно-правовой анализ процессуальных норм и правоприменительной практики позволил выявить существенные различия между указанными правовыми категориями. Во-первых, приостановление предварительного расследования представляет собой временную остановку именно следственных действий, тогда как приостановление уголовного дела затрагивает все процессуальные действия в целом. Во-вторых, основания для приостановления регламентируются разными статьями УПК РФ (ст. 208 и 238 соответственно), что подчеркивает их различную правовую природу. В-третьих, процессуальные последствия данных решений существенно отличаются – приостановление расследования сохраняет возможность возобновления следственных действий при изменении обстоятельств, в то время как приостановление дела фактически означает прекращение любой процессуальной деятельности по нему [7, с. 111]. Установленные различия имеют важное теоретическое и практическое значение, поскольку их неучет может привести к нарушениям процессуальных прав участников уголовного судопроизводства и искажению самой сущности данных правовых институтов. Полученные результаты исследования свидетельствуют о необходимости четкого разграничения указанных понятий как в нормотворческой деятельности, так и в правоприменительной практике.

Проведенный анализ норм уголовно-процессуального законодательства выявил существенную терминологическую неточность в регулировании института приостановления предварительного расследования. Содержащееся в статьях 208–211 УПК РФ указание исключительно на «следователя» не учитывает, что данные положения в равной степени применяются как к предварительному следствию, так и к дознанию, являющимся равнозначными формами предварительного расследования. При этом действующее законодательство наделяет полномочиями по возбуждению уголовных дел и принятию их к своему производству

широкий круг субъектов, включая следователей, руководителей следственных органов (в том числе структурных подразделений), органы дознания и дознавателей. В этой связи представляется целесообразным внесение изменений в соответствующие нормы УПК РФ путем замены узкого термина «следователь» на более точную и всеобъемлющую формулировку «лицо, осуществляющее предварительное расследование». Следует отметить, что рассматриваемая терминологическая проблема носит системный характер и проявляется не только в главе 28, но и в других разделах УПК РФ, регламентирующих общие положения производства предварительного расследования. Устранение указанного терминологического несоответствия будет способствовать гармонизации процессуального языка, повышению точности правового регулирования и совершенствованию правоприменительной практики, обеспечивая единообразное понимание и применение норм всеми участниками уголовного судопроизводства.

Кроме того, отдельные авторы выдвигают предложения по изменению названия главы 28 УПК РФ. Так, В. С. Латыпов отмечает, что нелогичным является использование словосочетания «предварительное следствие» [8, с. 101]. Несмотря на логичность приведенной позиции, отдельные авторы указывают, что общность применения правил, установленных в главе 28 УПК РФ, очевидна и не требует дополнительных обоснований [9]. Изложенная позиция обладает несомненной рациональной составляющей, однако требует более системного нормативного воплощения с учетом принципов уголовно-процессуального регулирования. Принимая во внимание, что российское законодательство предусматривает две равнозначные формы предварительного расследования – предварительное следствие и дознание, при этом институт приостановления в равной степени применим к обеим формам, возникает объективная необходимость терминологической унификации. В данном контексте представляется юридически обоснованной замена в названии главы 28 УПК РФ узкого термина «предварительное следствие» на более точное и всеобъемлющее понятие «предварительное расследование». Такая корректировка позволит: во-первых, привести название главы в соответствие с системной архитектоникой УПК РФ; во-вторых, устранить существующую терминологическую асимметрию; в-третьих, обеспечить единообразное толкование и применение процессуальных норм; в-четвертых, адекватно отразить современную следственно-дознавательную практику.

Положения пункта 4 части 1 статьи 208 УПК РФ, регламентирующие приостановление предварительного расследования в связи с временным заболеванием подозреваемого или обвиняемого, требуют детального доктринального осмысления. Законодатель специально акцентирует временный характер заболевания как обязательное условие, поскольку стойкие психические расстройства или неизлечимые болезни, исключающие возможность отбывания наказания, предполагают принципиально иные процессуальные решения в рамках уголовного судопроизводства. Ключевым процессуальным требованием выступает наличие медицинского заключения, при этом форма его получения (будь то заключение врачебного консилиума или лечащего врача) не имеет определяющего значения, поскольку сущностным критерием является установление такой степени заболевания, которая объективно исключает возможность участия лица в процессуальных действиях. В данном контексте хроническое заболевание в стадии обострения может служить основанием для приостановления при соблюдении совокупности условий: временного характера обострения, возможности достижения стойкой ремиссии в результате лечения и перспективы значительного улучшения состояния.

Особую дискуссионность вызывает вопрос о тяжелых хронических заболеваниях (СПИД, ВИЧ, туберкулез), по которому в современной доктрине (Н. А. Якубович, Э. Ф. Закирова) сформировалась устойчивая позиция, отрицающая возможность приостановления по хроническим заболеваниям

в стадии ремиссии и допускающая его лишь в период обострения, причем способность лица совершить преступление при сохранении вменяемости рассматривается как индикатор возможности участия в процессе [10, с, 141; 11, с. 81]. Такой подход представляется методологически обоснованным, поскольку обеспечивает необходимый баланс между принципами гуманизма и неотвратимости уголовной ответственности, исключает потенциальные злоупотребления процессуальными нормами и способствует поддержанию эффективности уголовного судопроизводства в целом.

Законодательство Российской Федерации не содержит перечня заболеваний, наличие которых у подозреваемых или обвиняемых препятствует их участию в уголовном деле. В свою очередь, постановлением Правительства Российской Федерации от 14 января 2011 г. № 3[1] утвержден перечень тяжелых заболеваний, препятствующих содержанию под стражей подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений.

Целесообразнее для устранения проблем, которые могут возникнуть при применении п. 4 ч. 1 ст. 208 УПК РФ, было бы утвердить отдельный перечень заболеваний, наличие которых у подозреваемого или обвиняемого препятствует его участию в уголовном деле на основании перечня заболеваний, представляющих опасность для окружающих[2]. При этом из указанного перечня должен быть исключен ВИЧ.

Проведенное исследование позволяет аргументированно обосновать необходимость пересмотра существующего процессуального запрета на производство следственных действий после приостановления предварительного расследования, что обусловлено потребностями современной следственной практики. В качестве научно обоснованного предложения выступает законодательное закрепление возможности проведения отдельных видов судебных экспертиз (регламентированных главой 27 УПК РФ), производство которых характеризуется значительной временной протяженностью и имеет существенное значение для последующего возобновления предварительного расследования, в частности компьютерно-технических, бухгалтерских, строительно-технических, пожарно-технических экспертиз, а также амбулаторных судебно-психиатрических экспертиз, средняя продолжительность производства которых традиционно превышает двухмесячный срок. Критерием отнесения следственных действий к категории длящихся, допустимых к производству в период приостановления, выступает совокупность следующих признаков: процессуальной природы действия, регламентированного положениями раздела VIII УПК РФ; факультативности непосредственного участия лица, назначившего производство действия, а также продолжительного временного интервала осуществления, исчисляемого периодами от нескольких дней до месяцев. Подобная модернизация процессуального регулирования позволит существенно оптимизировать сроки предварительного расследования без ущерба для гарантий прав участников уголовного судопроизводства, обеспечивая при этом реализацию принципа всесторонности и полноты исследования обстоятельств уголовного дела, что особенно актуально в условиях усложнения современных криминальных проявлений и возрастания роли специальных познаний в процессе доказывания.

Проведенное исследование позволяет аргументированно обосновать необходи-

[1] О медицинском освидетельствовании подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений (вместе с «Правилами медицинского освидетельствования подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений»): постановление Правительства Российской Федерации от 14 января 2011 г. № 3 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 4. Ст. 608.

[2] Об утверждении перечня социально значимых заболеваний и перечня заболеваний, представляющих опасность для окружающих: постановление Правительства Российской Федерации от 1 декабря 2004 г. № 715 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2004. № 49. Ст. 4916.

мость качественного расширения перечня оснований для приостановления предварительного расследования путем включения новых процессуальных оснований. В частности, предлагается введение такого основания, как действие непреодолимой силы, временно препятствующей дальнейшему производству по уголовному делу. Анализ природы непреодолимой силы [12; 13; 14], несмотря на существующую в доктрине двойственность подходов к ее определению, свидетельствует о возможности и целесообразности ее использования в качестве юридического факта, объективно препятствующего расследованию. Введение данного основания позволит избежать нарушений процессуальных сроков, обеспечить защиту прав потерпевших и в конечном итоге достичь целей правосудия, включая восстановление социальной справедливости и привлечение виновных к ответственности.

На основе комплексного анализа существенных характеристик данного основания и выявления ключевых факторов, формирующих понятие «непреодолимая сила», сформулировано авторское определение, под которым следует понимать факт вооруженного конфликта, аварии, катастрофы природного, техногенного, эпидемиологического характера и другие чрезвычайные ситуации, препятствующие реализации прав и законных интересов граждан, в том числе на доступ к правосудию и обеспечению их безопасности в процессе участия в уголовном судопроизводстве.

Выявлена существенная правовая неопределенность при рассмотрении вопроса о возможности инициирования процедуры снятия неприкосновенности с лица, подлежащего привлечению к уголовной ответственности, поскольку ни одно из оснований приостановления предварительного расследования, предусмотренных статьей 208 УПК РФ, прямо не включает необходимость решения вопроса о процессуальном иммунитете. Сравнительно-правовое исследование законодательства стран СНГ (Республики Молдова[1], Республики Таджикистан[2], Киргизской Республики[3], Азербайджанской Республики[4]) демонстрирует альтернативный подход, при котором оно рассматривается как самостоятельное основание для приостановления производства.

УПК РФ не содержит детальной регламентации порядка лишения иммунитета специальных субъектов (ч. 1 ст. 447 УПК РФ) и механизма получения разрешения на следственные действия, что создает значительные сложности при возбуждении и расследовании уголовных дел в их отношении. В этой связи представляется необходимым закрепить в УПК РФ четкий порядок лишения процессуального иммунитета, установить возможность решения вопроса о снятии неприкосновенности в период приостановления предварительного расследования, а также включить в ст. 208 УПК РФ самостоятельное основание для приостановления производства – необходимость решения вопроса о лишении иммунитета. Такое законодательное регулирование устранит существующую правовую неопределенность, позволит четко обозначить процессуальные действия следователя при при-

[1] Уголовно-процессуальный кодекс Республики Молдова от 14 марта 2003 г. № 122-XV (с изменениями и дополнениями по состоянию на 12.04.2024) // Юрист. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30397729 (дата обращения: 11.07.2025).

[2] Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан от 3 декабря 2009 г. (с изменениями и дополнениями по состоянию на 03.01.2024) // Юрист. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30594304 (дата обращения: 11.07.2025).

[3] Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики от 28 октября 2021 г. № 129 (с изменениями и дополнениями по состоянию на 01.07.2025) // Юрист. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=36639004 (дата обращения: 11.07.2025)

[4] Уголовно-процессуальный кодекс Азербайджанской Республики от 14 июля 2000 г. № 907-IQ // Юрист. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30420280 (дата обращения: 11.07.2025).

остановленном производстве и обеспечит баланс между принципом равенства перед законом и гарантиями независимости лиц с «иммунитетом».

Ожидание ответа на запрос о правовой международной помощи и экстрадиции лица, подлежащего привлечению к уголовной ответственности, представляет собой длительную процедуру, временные рамки которой зачастую совпадают со сроком предварительного расследования, что создает существенные сложности в соблюдении процессуальных сроков, установленных УПК РФ, и негативно отражается на эффективности уголовного преследования. В этой связи представляется логичным и обоснованным дополнение части 1 статьи 208 УПК РФ новым самостоятельным основанием для приостановления предварительного расследования, связанным с ожиданием ответа на запрос о международной правовой помощи или экстрадиции. Анализ зарубежного законодательства и практики приостановления предварительного расследования подтверждает целесообразность подобной меры как действенного инструмента оптимизации сроков следствия, позволяющего устранить формальные препятствия, связанные с необходимостью соблюдения процессуальных сроков, создать правовые условия для эффективного международного сотрудничества и избежать искусственного продления сроков расследования в условиях ожидания ответа от иностранных компетентных органов. При этом особое значение приобретает обеспечение процессуальных гарантий, поскольку приостановление производства по указанному основанию не должно нарушать права и законные интересы участников уголовного процесса, создавать предпосылки для злоупотребления процессуальными правами или использоваться как способ необоснованного затягивания следственных действий. Предлагаемое законодательное решение позволит гармонизировать процедуру международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства с национальными процессуальными нормами, обеспечив разумный баланс между необходимостью соблюдения сроков расследования и объективными возможностями получения международной правовой помощи, что в конечном итоге будет способствовать повышению эффективности уголовного судопроизводства в условиях развития международных правовых отношений.

Необходимость создания надлежащей правовой основы для обеспечения безопасности участников уголовного процесса при приостановленном производстве по уголовному делу обусловлена требованием гарантировать реализацию их права на безопасное участие в уголовно-процессуальных отношениях. Принятие решения о приостановлении уголовного дела на неопределенный срок не должно создавать угрозу жизни, здоровью или имуществу потерпевших, свидетелей и иных участников процесса, а также их близких родственников, родственников или близких лиц. В настоящее время Федеральный закон от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства»[1] не содержит четких правовых механизмов применения мер государственной защиты в период приостановления предварительного расследования, что создает существенный пробел в системе обеспечения безопасности участников процесса. Данная законодательная лакуна требует незамедлительного устранения путем внесения соответствующих изменений в указанный нормативный акт. Такое законодательное регулирование позволит обеспечить непрерывность защиты прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства независимо от процессуального статуса уголовного дела и создаст необходимые правовые гарантии безопасности в период приостановления предварительного расследования.

[1] О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства: федеральный закон от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ // Российская газета. 2004. № 182.

Проведенное исследование обосновывает перспективность поэтапного внедрения искусственного интеллекта в уголовное судопроизводство для оптимизации принятия решений о приостановлении предварительного расследования (см., например, [15; 16; 17; 18] и др.). Реализация данной концепции требует последовательного решения трех ключевых задач, образующих логическую цепочку внедрения инновационных технологий. Первоочередной задачей выступает нормативно-правовое регулирование использования ИИ-систем в уголовном процессе, что предполагает законодательное закрепление порядка взаимодействия должностных лиц с интеллектуальными системами, определение правового статуса результатов ИИ-анализа и разработку гарантий соблюдения процессуальных прав участников судопроизводства. Второй этап связан с четким разграничением ответственности между искусственным интеллектом как вспомогательным аналитическим инструментом и должностным лицом как конечным субъектом процессуального решения, что требует разработки механизмов обжалования решений, принятых с применением ИИ-технологий. Третий принципиально важный аспект касается установления строгих нормативных требований к обучающим данным ИИ-систем, включающих критерии релевантности и достоверности информации, принципы формирования обучающих выборок, механизмы обеспечения объективности алгоритмов и процедуры регулярного аудита баз данных. Комплексная реализация указанных мер позволит создать сбалансированную систему использования искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве, где передовые технологии будут выступать эффективным инструментом поддержки принятия решений при сохранении приоритета профессионального суждения следователей и судей, а также гарантий защиты прав всех участников уголовного процесса. Такой подход открывает новые перспективы для повышения качества и объективности процессуальных решений при строгом соблюдении принципов законности и справедливости правосудия.

Заключение

Исходя из проведенного исследования и аргументов, подведем следующие итоги.

Теоретико-правовые аспекты исследования позволили разработать авторское определение приостановления предварительного расследования как факультативного этапа уголовного судопроизводства, характеризующегося строгой нормативной регламентацией и временной неопределенностью, обусловленной объективными препятствиями. Важным выводом является установление нетождественности понятий «приостановление предварительного расследования» и «приостановление уголовного дела», что требует терминологической унификации в УПК РФ, в частности замены термина «предварительное следствие» на «предварительное расследование» в главе 28.

Анализ правового регулирования выявил существенные пробелы в регламентации процессуальных действий при приостановленном производстве. В частности, отсутствуют механизмы защиты участников процесса, основания для приостановления в случаях ожидания международной правовой помощи, а также четкая процедура снятия иммунитета специальных субъектов (ст. 447 УПК РФ). В этой связи обоснована необходимость дополнения ст. 208 УПК РФ новыми основаниями, такими как действие непреодолимой силы, ожидание экстрадиции и решение вопроса о неприкосновенности.

Среди практических предложений выделяются следующие: в отношении заболеваний предлагается разработать перечень временных патологий для п. 4 ч. 1 ст. 208 УПК РФ, исключив хронические заболевания (ВИЧ, туберкулез). В процессуальной сфере целесообразно разрешить проведение длящихся экспертиз (компьютерных, бухгалтерских) в период приостановления. Кроме того, важным направлением является дифференциация сроков расследования с учетом категорий преступлений и современных криминальных тенденций.

Перспективным направлением совершенствования института приостановления представляется внедрение ИИ-технологий

при принятии соответствующих решений, что требует поэтапной реализации: нормативного регулирования, разграничения ответственности и стандартизации обучающих данных. Также важна гармонизация с международными стандартами, включая учет практики стран СНГ (Молдова, Таджикистан) и имплементацию норм о компенсациях за нарушение разумных сроков (ст. 3 Федерального закона «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» от 30 апреля 2010 г. № 68-ФЗ).

Системные рекомендации включают устранение терминологических противоречий (например, замену термина «следователь» на «лицо, осуществляющее расследование»). В УПК РФ необходимо закрепить механизм исчисления сроков при приостановлении, гарантии безопасности участников процесса, а также критерии «разумности» сроков для случаев, связанных с хроническими заболеваниями.

Таким образом, совершенствование института приостановления предварительного расследования требует комплексного подхода, сочетающего оптимизацию процессуальных сроков, расширение оснований и усиление гарантий прав участников процесса. Предложенные изменения позволят обеспечить баланс между эффективностью расследования и принципами справедливого правосудия.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Мордвинов А. В. Процессуальные сроки: особенности установления и исчисления при производстве предварительного расследования: дис. … канд. юрид. наук. Ижевск, 2021. 252 с.

2. Черкасова А. М. Спорные вопросы при исчислении сроков предварительного расследования // Человек и общество в противоречиях и согласии: сборник научных трудов по материалам Международной научно-теоретической конференции. Нижний Новгород, 2022. С. 363–366.

3. Нуриев И. Н. К вопросу о необходимости дифференциации сроков предварительного следствия в зависимости от категории совершенного преступления // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2022. № 1 (58). С. 10–17.

4. Исаева Р. М., Латыпов В. С. Процессуальные сроки в уголовном процессе России // Современные проблемы уголовного процесса: пути решения: сборник материалов 2-й Международной конференции. Уфа: Уфимский ЮИ МВД России, 2021. С. 142–148.

5. Зацепина М. Н. Разумный срок судопроизводства в уголовном процессе России: понятие, содержание, правовые средства реализации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. 30 с.

6. Кунов И. М. Правовая природа деятельности следователя по приостановленному уголовному делу // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2017. № 8-9. С. 199–203.

7. Лисицына А. В. Современные научные подходы к пониманию деятельности уполномоченных государственных органов и должностных лиц до возобновления приостановленного предварительного расследования // Уголовное судопроизводство: современное состояние и стратегия развития: сборник научных трудов XIII Всероссийской научно-практической конференции. М.: Московский университет МВД России им. В. Я. Кикотя, 2024. С. 109–111.

8. Латыпов В. С. Институт приостановления предварительного расследования: вопросы теории и нормативного регулирования // LexRussica (Русский закон). 2022. Т. 75. № 10 (191). С. 95–104.

9. Гриненко А. В. Приостановление предварительного расследовании: законодательные и правоприменительные проблемы // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2018. № 1. С. 139–148.

10. Якубович Н. А. Приостановление и возобновление предварительного следствия в аспекте УПК РФ 2001 г. // Уголовное право. 2002. № 2. С. 79–82.

11. Закирова Э. Ф. Приостановление предварительного следствия в случае, когда подозреваемый или обвиняемый скрылся от следствия либо место его нахождения не установлено по иным причинам: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ижевск, 2004. 29 с.

12. Груздев В. В. понятие непреодолимой силы // Вестник арбитражной практики. 2024. № 1 (110). С. 39–47.

13. Смирнова М. Г. Классификация обстоятельств непреодолимой силы в цивилистической науке периода цифрового общества // Журнал российского права. 2024. Т. 28. № 2. С. 152–163.

14. Сибилев И. А. К вопросу об определении сущности явлений «случай» и «непреодолимая сила» в механизме гражданско-правовой ответственности за нарушение договорных обязательств // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2024. Т. 10 (76). № 1. С. 394–401.

15. Использование искусственного интеллекта при выявлении, раскрытии, расследовании преступлений и рассмотрении уголовных дел в суде / Д. В. Бахтеев, Е. А. Буглаева, А. И. Зазулин и др. М.: Издательство «Юрлитинформ», 2022. 216 с.

16. Малина М. А. Использование искусственного интеллекта при отправлении правосудия по уголовным делам: проблемы и перспективы // Государство и право. 2022. № 1. С. 91–97.

17. Рябцева Е. В. Проблема использования искусственного интеллекта в уголовном правосудии // Всероссийский криминологический журнал. 2023. Т. 17. № 1. С. 73–80.

18. Родикова В. А. Искусственный интеллект vs судейское усмотрение: доверять нельзя проверять. Перспективы и риски автоматизации судебной практики // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2023. № 10. С. 114–131.

REFERENCES

1. Mordvinov A. V. Procedural terms: features of establishment and calculation during preliminary investigation: diss. ... Cand. of Law. Izhevsk, 2021. 252 p. (In Russ.)

2. Cherkasova A. M. Controversial issues in calculating the terms of preliminary investigation // Man and society in contradictions and consent: collection of scientific papers based on the materials of the International scientific and theoretical conference. Nizhny Novgorod, 2022. P. 363–366. (In Russ.)

3. Nuriev I. N. On the issue of the need to differentiate the terms of preliminary investigation depending on the category of the crime committed // Bulletin of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. No. 1 (58). P. 10–17. (In Russ.)

4. Isaeva R. M., Latypov V. S. Procedural deadlines in criminal proceedings in Russia // Modern problems of criminal proceedings: solutions: collection of materials of the 2nd International Conference. Ufa: Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2021. P. 142–148. (In Russ.)

5. Zatsepina M. N. Reasonable time limit for legal proceedings in criminal proceedings in Russia: concept, content, legal means of implementation: author's abstract. diss. ... Cand. of Law. Sciences. Moscow, 2016. 30 p. (In Russ.)

6. Kunov I. M. Legal nature of the investigator's activities in a suspended criminal case // Humanitarian, socio-economic and social sciences. 2017. No. 8-9. P. 199–203. (In Russ.)

7. Lisitsyna A. V. Modern scientific approaches to understanding the activities of authorized state bodies and officials before the resumption of a suspended preliminary investigation // Criminal proceedings: current state and development strategy: collection of scientific papers of the XIII All-Russian scientific and practical conference. Moscow: Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot, 2024. P. 109–111. (In Russ.)

8. Latypov V. S. Institute of suspension of preliminary investigation: issues of theory and normative regulation // LexRussica (Russian law). 2022. Vol. 75. No. 10 (191). P. 95–104. (In Russ.)

9. Grinenko A. V. Suspension of preliminary investigation: legislative and law enforcement problems // Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Jurisprudence. 2018. No. 1. P. 139–148. (In Russ.)

10. Yakubovich N. A. Suspension and resumption of preliminary investigation in the aspect of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation of 2001 // Criminal Law. 2002. No. 2. P. 79–82. (In Russ.)

11. Zakirova E. F. Suspension of preliminary investigation in cases where the suspect or accused has hidden from the investigation or his whereabouts is not established for other reasons: author's abstract. diss. ... Cand. of Law. Izhevsk, 2004. 29 p. (In Russ.)

12. Gruzdev V. V. Concept of force majeure // Bulletin of arbitration practice. 2024. No. 1 (110). P. 39–47. (In Russ.)

13. Smirnova M. G. Classification of force majeure circumstances in civilistic science of the digital society period // Journal of Russian Law. 2024. Vol. 28. No. 2. P. 152–163. (In Russ.)

14. Sibilev I. A. On the issue of determining the essence of the phenomena of “case” and “force majeure” in the mechanism of civil liability for breach of contractual obligations // Scientific notes of the Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky. Legal sciences. 2024. Vol. 10 (76). No. 1. P. 394–401. (In Russ.)

15. Use of Artificial Intelligence in Detecting, Solving, Investigating of Crimes and Consideration of Criminal Cases in Court / D. V. Bakhteyev, E. A. Buglaeva, A. I. Zazulin et al. Moscow: Yurlitinform Publishing House, 2022. 216 p. (In Russ.)

16. Malina M. A. Use of Artificial Intelligence in the Administration of Justice in Criminal Cases: Problems and Prospects // State and Law. 2022. No. 1. P. 91–97. (In Russ.)

17. Ryabtseva E. V. The Problem of Using Artificial Intelligence in Criminal Justice // All-Russian Criminological Journal. 2023. Vol. 17. No. 1. P. 73–80. (In Russ.)

18. Rodikova V. A. Artificial Intelligence vs. Judicial Discretion: cannot be trusted verify. Prospects and risks of automation of judicial practice // Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation. 2023. No. 10. P. 114–131. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 14.07.2025; одобрена после рецензирования 18.07.2025; принята к публикации 17.11.2025.

The article was submitted 14.07.2025; approved after reviewing 18.07.2025; accepted for publication 17.11.2025.

Научная статья
УДК 343.85:343.346.53(470)

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ АКТАМ НЕЗАКОННОГО ВМЕШАТЕЛЬСТВА В ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОБЪЕКТОВ ТРАНСПОРТНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ

Руслан Анатольевич Мангасаров[1], Антон Олегович Бурцев[2]
[1, 2] Академия управления МВД России, Москва, Россия
[1] Mangasarov-pro@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрено современное состояние противодействия актам незаконного вмешательства в деятельность железнодорожного транспорта, связанного с повреждением или уничтожением устройств сигнализации, централизации и блокировки, а также представлены основные пути его совершенствования.

Ключевые слова: противодействие преступлениям, специальная военная операция, повреждение и уничтожение устройств сигнализации, централизации и блокировки, объекты транспортной инфраструктуры, органы внутренних дел.

Для цитирования: Мангасаров Р. А., Бурцев А. О. Противодействие актам незаконного вмешательства в деятельность объектов транспортной инфраструктуры // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2025. № 4 (110). С. 109–113.

Original article

COUNTERING ACTS OF ILLEGAL INTERFERENCE IN THE ACTIVITIES OF TRANSPORT INFRASTRUCTURE FACILITIES

Ruslan A. Mangasarov[1], Anton O. Burtsev[2]
[1, 2] Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia
[1] Mangasarov-pro@mail.ru

Abstract. The article examines the current state of countering acts of illegal interference in the activities of railway transport related to the damage or destruction of signaling, centralization, and blocking devices, and the main ways of improving it are presented.

Keywords: countering crimes, special military operation, damage and destruction of signaling, centralization, and blocking devices, transport infrastructure facilities, internal affairs bodies.

For citation: Mangasarov R. A., Burtsev A. O. Countering acts of illegal intereference in the activities of transport infrastructure facilities // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. No. 4 (110). P. 109–113. (In Russ.)

Введение

Изменения во всех сферах Российской Федерации, в том числе связанных с проведением специальной военной операцией на Украине, обуславливают поиск новых эффективных подходов в осмыслении процессов, явлений и факторов, оказывающих влияние на криминогенную обстановку на объектах транспортной инфраструктуры России.

Повышение комплексной безопасности и устойчивости транспортной системы является базовой задачей Транспортной стратегии Российской Федерации на период до

© Мангасаров Р. А., Бурцев А. О., 2025

2030 года, прогнозом до 2035 года[1]. Важным условием достижения указанных целей является обеспечение стабилизации оперативной ситуации на объектах железнодорожного, водного и воздушного транспорта в результате эффективной деятельности по профилактике противоправных деяний.

По нашему мнению, в настоящее время основная задача исследователей состоит в изучении сущности не только противодействия преступным посягательствам на объекты транспортной инфраструктуры, но и профилактической деятельности, выделении из ее практической стороны первостепенных проблемных вопросов и выработке посредством криминалистического инструментария наиболее эффективных рекомендаций по их решению. При этом необходимо не только обосновать теоретические предложения, но и сделать их как можно более практико-ориентированными.

Методы исследования

В ходе исследования применялись следующие методы: анализ, описание, сравнение, синтез, контент-анализ документов, а также анкетирование. В статье были использованы данные опроса, проведенного среди специалистов в области обеспечения транспортной безопасности, а также методы статистического анализа данных.

В рамках исследования проведен анализ научно-практической литературы по вопросам транспортной безопасности и противодействия повреждению и уничтожению устройств сигнализации, централизации и блокировки на объектах железнодорожного транспорта. Данный анализ показал недостаточную научную разработанность проблем противодействия рассматриваемым преступлениям, что еще раз подтверждает актуальность изучаемой тематики и обуславливает необходимость проведения последующих научных исследований.

В рамках изучения проблем противодействия противоправным деяниям, связанным с повреждением и уничтожением устройств сигнализации, централизации и блокировки, авторы провели анкетирование сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации на транспорте по проблемам обеспечения транспортной безопасности Российской Федерации и по различным аспектам противодействия противоправным деяниям, связанным с повреждением и уничтожением устройств сигнализации, централизации и блокировки на объектах железнодорожного транспорта[2].

Транспортная безопасность России в современных условиях, по мнению опрошенных, определяется: «эффективностью деятельности подразделений МВД на транспорте» – 28,3 %; «способностью государства решать внутренние проблемы, ликвидировать чрезвычайные ситуации» – 25,3 %; «эффективностью деятельности правоохранительных органов» – 19,3 %; «состоянием криминальной ситуации в стране» – 18 %; «экономическим потенциалом государства» – 9,1 %.

Необходимо также отметить, что, по мнению респондентов, «уровень обеспечения транспортной безопасности в России в настоящий момент» находится на среднем уровне – 46,2 % (скорее высокий уровень – 25,2 %; высокий – 16,5 %; скорее низкий – 9,7 %; низкий – 2,4 %).

Обсуждение и результаты

В современный период в Российской Федерации наблюдается тенденция к снижению общего уровня преступности. Однако на этом фоне отмечается рост количества диверсионных актов, квалифицируемых по ст. 281 УК РФ, совершаемых на объектах

[1] О внесении изменений в государственную программу Российской Федерации «Развитие транспортной системы» и признании утратившим силу отдельного положения постановления Правительства Российской Федерации от 24 декабря 2021 г. № 2442: постановление Правительства Российской Федерации от 7 сентября 2022 г. № 1579. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] В опросе принимали участие более 1700 сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации на транспорте.

железнодорожного транспорта. Характерной особенностью данных противоправных деяний является их организованность, поскольку они часто осуществляются группами с участием несовершеннолетних лиц [1].

Как показывают исследования, экономические кризисы и нестабильная политическая ситуация традиционно оказывают негативное влияние не только на общую криминогенную обстановку, но и на отдельные виды преступности, включая подростковую.

В контексте обеспечения безопасности транспортной инфраструктуры можно выделить несколько ключевых источников потенциальных угроз:

1. Противоправные действия, совершаемые:

– гражданами (включая правонарушителей, преступников и террористов);

– должностными лицами (сотрудниками транспортной сферы, надзорных и правоохранительных органов), а также представителями конкурирующих организаций, оказывающих транспортные услуги;

– сотрудниками спецслужб.

2. Техногенные аварии и природные катастрофы, такие как технические сбои, пожары, наводнения, землетрясения и иные чрезвычайные ситуации, которые могут создавать условия для совершения преступлений или административных правонарушений в процессе ликвидации их последствий.

3. Утрата, повреждение или несанкционированное распространение информации, имеющей критическое значение для транспортной безопасности, в том числе вследствие технических сбоев, вызванных внешними помехами.

4. Нарушение регламентов и норм безопасности, включая ненадлежащее исполнение должностных обязанностей, несоблюдение установленных правил и процедур, что может привести к снижению уровня защиты транспортной системы.

5. Конфликты в трудовых коллективах, связанных с обеспечением транспортной безопасности, способные провоцировать сбои в работе инфраструктуры и создавать условия для противоправной деятельности.

В условиях проведения специальной военной операции на Украине на безопасность транспортной инфраструктуры оказывают влияние следующие военно-детерминированные факторы:

– значительная географическая удаленность ключевых транспортных объектов;

– приоритетность задач по переброске воинских подразделений, вооружения, боеприпасов и материально-технических ресурсов на большие расстояния;

– необходимость формирования эффективной системы военной логистики, адаптированной к современным вызовам в сфере транспортной безопасности;

– потребность в оперативном восстановлении поврежденных элементов транспортной сети;

– обеспечение бесперебойных перевозок в условиях активного противодействия со стороны противника [2].

Таким образом, комплексное противодействие угрозам транспортной безопасности требует учета как криминогенных, так и оперативно-стратегических факторов, особенно в условиях современных геополитических вызовов.

К новым направлениям обеспечения транспортной безопасности стоит отнести использование беспилотных летательных аппаратов (далее – БПЛА). Использование БПЛА способствует повышению эффективности служебной деятельности подразделений транспортной полиции за счет преодоления ряда организационных и оперативных ограничений. Одной из ключевых проблем, решаемых с помощью данной технологии, является низкая мобильность нарядов, обусловленная значительной протяженностью обслуживаемых участков транспортной инфраструктуры.

БПЛА предоставляют возможность:

– осуществлять мониторинг состояния транспортных магистралей в режиме реального времени;

– выявлять факты незаконного вмешательства в работу транспортного комплекса

на ранних стадиях, что способствует их своевременному предупреждению;

– оперативно оценивать криминогенную обстановку на контролируемой территории;

– обнаруживать и предотвращать чрезвычайные ситуации на объектах транспортной инфраструктуры;

– проводить преследование лиц, совершивших противоправные деяния, с использованием средств воздушного наблюдения [3].

Таким образом, внедрение беспилотных технологий в деятельность транспортной полиции позволяет существенно повысить оперативность реагирования на угрозы безопасности, а также оптимизировать ресурсное обеспечение патрульно-постовой службы. Кроме того, стоит отметить, что современный этап технологического развития характеризуется возрастающим использованием беспилотных систем, что создает новые вызовы для обеспечения безопасности стратегически важных объектов, включая транспортную инфраструктуру [4].

Анализ существующей правовой базы выявляет существенные пробелы в регулировании вопросов защиты транспортного комплекса от потенциальных угроз, связанных с применением беспилотных технологий. В этой связи, по нашему мнению, в целях совершенствования механизмов противодействия актам незаконного вмешательства представляется целесообразным:

1) наделить сотрудников подразделений транспортной безопасности полномочиями по пресечению работы беспилотных средств в случае выявления угрозы безопасности транспортных объектов;

2) ввести законодательный запрет на использование физическими лицами беспилотных аппаратов в зонах транспортной инфраструктуры [5];

3) инициировать внесение соответствующих изменений в нормативные правовые акты, регламентирующие вопросы транспортной безопасности.

Реализация указанных мер позволит создать эффективный правовой механизм противодействия новым видам угроз, возникающим в связи с развитием беспилотных технологий.

Заключение

Результаты проведенного исследования свидетельствуют о неоспоримой стратегической значимости транспортной безопасности для развития всех сфер жизнедеятельности общества и государства. При этом важным направлением обеспечения транспортной безопасности является противодействие преступным посягательствам, связанным с повреждением устройств сигнализации, централизации и блокировки на объектах железнодорожного транспорта. Данное научное направление является приоритетным для Российской Федерации в условиях проведения специальной военной операции на Украине.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Милованова М. М. Особенности установления обстоятельств, подлежащих доказыванию в процессе расследования диверсий на железнодорожных объектах, совершенных несовершеннолетними // Правовое государство: теория и практика. 2024. № 2 (76). С. 60–67.

2. Борисов А. В. К вопросу о некоторых факторах, обусловливающих угрозы транспортной безопасности России // Закон и право. 2024. № 2. С. 227–230.

3. Смирнов В. М., Ковалева Д. А. Использование беспилотных летательных аппаратов для обеспечения безопасности на объектах транспорта // Криминологический журнал. 2024. № 1. С. 251–254.

4. Зайкова С. Н., Виноградский Д. Д. Беспилотные транспортные средства (аппараты) как угроза транспортной безопасности // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2024. № 1 (156). С. 89–95.

5. Глазырин С. И. Преступления диверсионной направленности: новый подход в области обеспечения экономической безопасности и обороноспособности Российской Федерации на современном этапе // Правопорядок: история, теория, практика. 2024. № 1 (40). С. 167–171.

REFERENCES

1. Milovanova M. M. Features of Establishing the Circumstances to Be Proven in the Process of Investigating Sabotage at Railway Facilities Committed by Minors // Legal State: Theory and Practice. 2024. No. 2 (76). P. 60–67.

2. Borisov A. V. On Some Factors Contributing to the Threats to Russia's Transport Security // Law and Legislation. 2024. No. 2. P. 227–230.

3. Smirnov V. M., Kovaleva D. A. The Use of Unmanned Aerial Vehicles for Ensuring Security at Transport Facilities // Criminological Journal. 2024. No. 1. P. 251–254.

4. Zaikova S. N., Vinogradsky D. D. Unmanned vehicles (apparatuses) as a threat to transport security // Bulletin of Saratov State Law Academy. 2024. No. 1 (156). P. 89–95.

5. Glazyrin S. I. Crimes of a sabotage nature: a new approach to ensuring the economic security and defense capabilities of the Russian Federation at the present stage // Law and Order: history, theory and practice. 2024. No. 1 (40). P. 167–171.

Информация об авторах:

Р. А. Мангасаров, кандидат юридических наук;

А. О. Бурцев, кандидат психологических наук.

Information about the authors:

R. A. Mangasarov, Candidate of Law;

A. O. Burtsev, Candidate of Psychology.

Статья поступила в редакцию 02.07.2025; одобрена после рецензирования 02.09.2025; принята к публикации 17.11.2025.

The article was submitted 02.07.2025; approved after reviewing 02.09.2025; accepted for publication 17.11.2025.

Научная статья
УДК 343.140.01

СУЩНОСТНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНА ДОЗНАНИЯ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ НЕОТЛОЖНЫХ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

Диана Руслановна Москвина
Краснодарский университет МВД России, Краснодар, Россия, 128rafedraypp@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается сущность института неотложных следственных действий в уголовном судопроизводстве. Анализируются нормы уголовно-процессуального права, регламентирующие порядок их производства. Автор выявляет причины дисфункции института неотложных следственных действий, устанавливает в законодательстве наличие подмены понятий «неотложные следственные действия» и «следственные действия, не терпящие отлагательства», дает их авторские определения и вносит предложения по сокращению сроков производства неотложных следственных действий.

Ключевые слова: неотложные следственные действия, орган дознания, руководитель следственного органа, следователь, уголовное дело, подследственность, преступления.

Для цитирования: Москвина Д. Р. Сущностное значение деятельности органа дознания при производстве неотложных следственных действий // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2025. № 4 (110). С. 114–121.

Original article

ESSENTIAL SIGNIFICANCE OF THE INVESTIGATIVE BODY'S ACTIVITIES IN CARRYING OUT URGENT INVESTIGATIVE ACTIONS

Diana R. Moskvina
Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Krasnodar, Russia, rafedraypp@mail.ru

Abstract. The article examines the essence of the institute of urgent investigative actions in criminal proceedings. The norms of criminal procedural law regulating the procedure for their production are analyzed. The author identifies the causes of dysfunction of the institute of urgent investigative actions, establishes in the legislation the existence of substitutions of the concepts of "urgent investigative actions" and "investigative actions that cannot be delayed", gives their author's definitions and makes proposals to reduce the time frame for the production of urgent investigative actions.

Keywords: urgent investigative actions, inquiry body, head of the investigative body, investigator, criminal case, jurisdiction, crimes.

For citation: Moskvina D. R. Essential significance of the investigative body's activities in carrying out urgent investigative actions // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. № 4 (110). P. 114–121. (In Russ.)

Введение

Уголовно-процессуальный институт неотложных следственных действий нельзя отнести к новым правовым явлениям, так как он существует уже не одно десятилетие. С момента правовой регламентации в

© Москвина Д. Р., 2025

уголовно-процессуальном законодательстве он зарекомендовал себя достаточно востребованным и в отдельных случаях необходимым, поскольку позволяет органу дознания самостоятельно выявившему факт преступления, при отсутствии следователя, произвести ряд следственных действий с целью сбора и фиксации доказательств. Однако последовательная трансформация отдельных норм законодательства в совокупности со сформировавшейся правоприменительной практикой оказали на него непосредственное влияние и привели данный уголовно-процессуальный институт к серьезным проблемам функционирования.

Следует отметить, что в теории уголовно-процессуального права среди ученых нет единого мнения относительно понимания неотложных следственных действий как явления в системе уголовного судопроизводства [1, с. 179]. Одни ученые производство неотложных следственных действий связывают с формой расследования, представляя ее разновидностью дознания [2, с. 148; 3, с. 36; 4, с. 10.] либо специфической формой расследования [5, с. 20], другие – с самостоятельным направлением уголовно-процессуальной деятельности [6, с. 37; 7, с. 17], третьи – с первоначальным этапом расследования, осуществляемым в процессуальной форме [8, с. 19; 9. с. 5, 39], четвертые – с элементом предварительного следствия [10, с. 7; 11, с. 15].

Методы

В процессе исследования проведен анализ нормативных правовых актов, использованы методы анализа и синтеза, дедукции, индукции, опроса и анкетирования.

Результаты

Мы не относим неотложные следственные действия к производству дознания, поскольку современный Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ) не признает их таковыми, в отличие от ранее действующей ст. 119 УПК РСФСР, регламентировавшей эту деятельность в качестве вида дознания по преступлениям, по которым предварительное следствие обязательно. Считаем производство неотложных следственных действий самостоятельным направлением уголовно-процессуальной деятельности, реализуемым в рамках взаимодействия органов следствия и дознания.

При рассмотрении неотложных следственных действий с позиции характеризующих признаков нам близка позиция ученых, отождествляющих их с первоначальным этапом расследования и элементом предварительного следствия. Первоначальный этап предварительного расследования всегда начинается с момента возбуждения уголовного дела, что характерно и для неотложных следственных действий.

Вместе с этим считаем неотложные следственные действия частью предварительного расследования, поскольку они производятся по единым правилам, установленным УПК РФ, т. к. отличий по субъекту правоприменения не содержат, и период их производства включен в срок следствия.

Неотложные следственные действия являются частным исключением из общих правил производства предварительного следствия, которое позволяет органу дознания на время использовать полномочия следователя для того, чтобы возбудить уголовное дело и начать расследование. Конечно, это не означает, что орган дознания может возбудить любое уголовное дело и приступить к его расследованию посредством производства неотложных следственных действий. Основанием их применения является исключительность ситуации, обусловленная, с одной стороны, невозможностью участия в уголовном процессе следователя, а с другой – необходимостью пресечения преступления, задержания подозреваемого или угрозой утраты следов.

Возбудив уголовное дело в условиях неотложности, орган дознания самостоятельно определяет тактику и алгоритм следственных действий, руководствуясь решением задач, которые на этом этапе носят усеченный характер, поскольку цель их сводится не к полноценному процессу собирания доказательств, а ограничивается объемом дока-

зательственной базы, подвергнутой риску утраты в случае промедления. По сути, при производстве неотложных следственных действий орган дознания в целях оказания помощи в расследовании преступления временно (на срок не превышающий 10 суток) берет на себя функцию следователя. Образно эту деятельность можно сравнить с организацией оказания скорой медицинской помощи, когда в составе бригады к месту вызова прибывает дежурный врач, специализация которого позволяет установить диагноз, определить неотложность начала лечебного процесса и направить к узкому специалисту непосредственно для лечения. Сравнивая деятельность органа дознания по производству неотложных следственных действий с оказанием первой медицинской помощи, отметим, что в одном и другом случае должностное лицо имеет ведомственную принадлежность, находится при исполнении обязанностей, самостоятельно оценивает ситуацию и принимает решение о начале процесса соответствующей деятельности, круг задач сводится только к действиям, промедление в выполнении которых может повлечь ухудшение ситуации, а последующую деятельность, нацеленную на итоговый результат, осуществляет иное лицо, обладающее специализированной компетенцией.

Значение института неотложных следственных действий сложно переоценить. В научной литературе, несмотря на критику его правовой регламентации, мы не встретили мнений о его нецелесообразности в уголовном судопроизводстве. И хотя большая часть фундаментальных научных исследований, посвященных неотложным следственным действиям, приходится на период действия уголовно-процессуального законодательства РСФСР, современные научные труды по уголовному процессу, касающиеся организации взаимодействия органов следствия и дознания, раскрытия и расследования преступлений, производства следственных действий, прямо или косвенно затрагивают вопросы начала процессуальной деятельности в условиях неотложности.

Вместе с этим удивляет тот факт, что исследователи, акцентируя внимание на значимости института неотложных следственных действий, не упоминают о том, что он практически не функционирует. Проблему дисфункции рассматриваемого института мы связываем с принятием УПК РФ, вступившего в силу с 1 января 2002 года, в нормах первоначальной редакции которого была закреплена обязанность органа дознания согласовывать решения о возбуждении уголовного дела с прокурором. Тотальная невозможность производства неотложных следственных действий в указанный период заставила законодателя позже внести поправки в УПК РФ, однако запрет самостоятельного возбуждения уголовного дела органом дознания успел оказать влияние на формирование практики их применения.

Анализ правоприменительной практики показал, что современному институту неотложных следственных действий свойственен следующий алгоритм: сотрудник органа дознания осуществляет фактическое задержание и доставление лица по подозрению в совершении преступления в орган дознания, где вопрос о возбуждении уголовного дела и составлении протокола задержания решает следователь. Не вдаваясь в анализ подобных ситуаций, отметим, что деятельность в представленном алгоритме не соответствует правовой регламентации неотложных следственных действий.

В целях исследования мы обратились к следственной статистике за последние три года (2021–2024 гг.) и обнаружили, что среди возбужденных уголовных дел по линии следствия МВД и СК России не зарегистрировано принятие процессуальных решений о возбуждении уголовных дел сотрудниками органа дознания. Указанное обстоятельство свидетельствует об отсутствии практики использования института неотложных следственных действий в формате его правовой регламентации. Для уточнения информации мы проанкетировали 107 сотрудников органов следствия и дознания ОВД из 17 регионов России. Результаты показали, что практически все участники считают,

что по месту их службы в территориальных городских и районных ОВД неотложные следственные действия активно применяются при расследовании уголовных дел. При этом детальный анализ конкретных ситуаций, представляемых в качестве неотложных следственных действий, указал, что почти все респонденты неверно понимают их суть и отождествляют с производством следственных действий, не терпящих отлагательства.

Выявленную проблему мы связываем с несовершенством законодательной регламентации неотложных следственных действий: противоречивым определением понятия, субъекта, оснований и условий производства. Все это дает возможность сторонам уголовного судопроизводства по своему усмотрению толковать отдельные положения закона и создает неблагоприятные условия практики их применения.

Причина подмены понятий, на наш взгляд, заключается в противоречии уголовно-процессуальных формулировок. Так, п. 19 ст. 5 УПК РФ указывает, что «неотложные следственные действия – действия, осуществляемые органом дознания после возбуждения уголовного дела, по которому производство предварительного следствия обязательно, в целях обнаружения и фиксации следов преступления, а также доказательств, требующих незамедлительного закрепления, изъятия и исследования». Как видно из содержания указанной нормы, субъектом, полномочным производить неотложные следственные действия, является только орган дознания. В статье 157 УПК РФ, регламентирующей порядок производства неотложных следственных действий, законодатель в ч. 2 перечисляет органы, правомочные их осуществлять, подтверждая, что таковыми являются только органы дознания. Однако в ч. 5 ст. 152 УПК РФ, регламентирующей место производства предварительного расследования, законодатель предписывает: «Следователь, дознаватель, установив, что уголовное дело ему не подследственно, производит неотложные следственные действия, после чего следователь передает уголовное дело руководителю следственного органа, а дознаватель – прокурору для направления по подследственности». Таким образом, в качестве субъекта, правомочного осуществлять неотложные следственные действия, помимо органа дознания, называется следователь и дознаватель, что противоречит вышеуказанным нормам закона.

В этой связи следует обратить внимание на то, что схожие формулировки не означают идентичность их сути. Неотложные следственные действия – это уголовно-процессуальная категория, определяющая субъекта и условия производства следственных действий, а следственные действия, не терпящие отлагательства, – понятие, определяющее исключение из общих правил производства следственных действий.

Случаи, не терпящие отлагательства в УПК РФ, упоминаются пять раз, указывая в каждом случае на возможность оперативного выполнения процессуальных действий за счет изменения правил их производства. Так, законодатель допускает возможность в случаях, не терпящих отлагательства, осуществить привод участников уголовного судопроизводства в ночное время суток (ч. 5 ст. 113), произвести следственные действия в ночное время (ч. 3 ст. 164), без судебного решения выполнить следственные действия, на производство которых по общим правилам предварительного расследования оно требуется (ч. 5 ст. 165), сократить объем процессуальной деятельности в связи с обеспечением безопасности потерпевшего (ч. 9 ст. 166), провести освидетельствование до возбуждения уголовного дела (ч. 1 ст. 179).

Таким образом, законодатель определил круг следственных действий, при выполнении которых возможны отступления от общеустановленных правил. Если же говорить о неотложных следственных действиях, то для них законодатель не предусматривает никаких исключений, кроме того, что разрешает их самостоятельно проводить органу дознания после возбуждения уголовного дела по не подследственным ему преступлениям в течение 10 суток.

Заметим, что следственные действия, не терпящие отлагательства, могут проводиться как в ходе неотложных следственных действий, так и на протяжении всего досудебного производства. Правомочным субъектом их выполнения является лицо, в производстве которого находится уголовное дело, т. е. им может быть следователь, дознаватель или орган дознания (самостоятельно либо по поручению).

УПК РФ отказался от перечня неотложных следственных действий, разрешенных к производству, в отличие от УПК РСФСР, где они были перечислены. Многие ученые критикуют современный УПК РФ за это и сходятся во мнении, что это нарушает принцип единообразия судебной практики [12, с. 178], и даже связывают со злоупотреблениями служебных полномочий и нарушением прав участников процесса [13, с. 321]. Однако анализ правоприменительной практики и научных источников того периода свидетельствует о том, что именно перечень неотложных следственных действий, указанный в УПК РСФСР, чаще всего подвергался критике, истолковывался следователями в качестве обязательного объема выполненной работы органом дознания до передачи уголовного дела в следственное подразделение, что вызывало много споров. Так, Л. М. Карнеева критиковала перечень неотложных следственных действий за то, что он не учитывал все возможные ситуации [14, с. 78]. На формализм и ограниченность неотложных следственных действий в условиях динамично расследования указывал А. Р. Ратинов [15, с. 145].

Законодатель учел критику ученых уголовно-процессуального права того периода и при разработке УПК РФ абсолютно верно, на наш взгляд, отказался от формального списка неотложных следственных действий в пользу фактической необходимости конкретных ситуаций, что подразумевает предоставление органу дознания самостоятельно определять объем проводимых следственных действий.

В этой связи представляется актуальным вопрос о возможности производства не только следственных действий, но и принятия процессуальных решений. Как показывает практика, неотложность начала уголовного судопроизводства чаще всего связана с пресечением преступления и задержанием подозреваемого «по горячим следам». Как известно, задержание лица по подозрению в совершении преступления предусмотрено ст. 91 УПК РФ, и оно является мерой процессуального принуждения, а не следственным действием. Указанная законодательная норма предоставляет право органу дознания, следователю и дознавателю задержать лицо по подозрению в совершении преступления.

Деятельность, связанная с фактическим задержанием, является частью процедуры процессуальной меры принуждения, а потому, на наш взгляд, должна завершаться составлением процессуального документа (протокола задержания) тем же лицом. Если сотрудник органа дознания, установив факт преступления, на месте происшествия производит захват лица, подозреваемого в преступном деянии, то после доставления его в правоохранительный орган, согласно ч. 1 ст. 92 УПК РФ, в срок не более 3 часов, он обязан составить протокол задержания. В свою очередь, ч. 3 ст. 92 УПК РФ подтверждает это, поскольку обязывает о произведенном задержании в течение 12 часов письменно сообщить прокурору, при этом среди субъектов исполнения законодательной нормы снова указывает орган дознания, дознавателя и следователя. Это дает основание полагать, что законодатель в условиях неотложности не ограничивает орган дознания только производством следственных действий. Однако в ст. 96 УПК РФ, регламентирующей порядок уведомления о задержании подозреваемого исполнителями, законодатель указывает только следователя и дознавателя.

Представляется, что решение о задержании подозреваемого – это единственное процессуальное действие (кроме возбуждения уголовного дела), которое законодатель позволяет принять органу дознания при производстве следственных действий, после выполнения которого уголовное дело

подлежит передаче руководителю следственного отдела для организации его дальнейшего расследования. Это следует из содержания ст. 94 УПК РФ, предписывающей право освободить подозреваемого либо избрать в отношении него меру пресечения только следователю и дознавателю (ст. 97 УПК РФ).

Актуальным остается вопрос о временном промежутке производства неотложных следственных действий. Следует учитывать, что они входят в срок предварительного следствия и составляют более 15 % от установленного 2-месячного периода расследования. При этом задачи неотложных следственных действий, как правило, реализуются в течение первых суток, затем возникает потребность в производстве уже следственных действий, не терпящих отлагательства, задачи которых несколько иные, и представляется рациональным решать их под руководством следователя. В этой связи считаем верным ограничить срок производства неотложных следственных действий для передачи уголовного дела руководителю следственного органа периодом, не превышающим 24 часа.

Этот период мы считаем достаточным для самостоятельного производства органом дознания неотложных следственных действий и передачи уголовного дела руководителю следственного органа для организации полноценного расследования. По окончании предлагаемого срока производства неотложных следственных действий орган дознания может продолжить выполнение следственных действий, не терпящих отлагательства, под руководством следователя на основании поручения.

Предлагая сократить в 10 раз срок производства неотложных следственных действий, мы предвидим шквал критики и вопрос оппонентов о том, как поступать в ситуациях, если потребность применения данного уголовно-процессуального института возникла в отдаленном месте и прибытие в орган дознания в течение 24 часов для передачи уголовного дела руководителю следственного органа не возможно.

Считаем, что современные технические возможности правоохранительных органов и сотрудников органа дознания позволяют при производстве неотложных следственных действий в отдаленных регионах использовать технические каналы связи для передачи уголовного дела руководителю следственного органа для организации дальнейшего процесса расследования.

Приемлемым считаем аналогичный способ передачи уголовных дел по подследственности, возбужденных в условиях неотложности должностными лицами, указанными в ч. 3 ст. 40 УПК РФ (капитанами морских и речных судов, находящимися в дальнем плавании, руководителями геолого-разведочных партий и зимовок, начальниками российских антарктических станций и сезонных полевых баз, главами дипломатических представительств и консульских учреждений Российской Федерации).

Заключение

Подводя итог, отметим, что неотложные следственные действия – это элемент уголовно-процессуальной деятельности, осуществляемый органом дознания по преступлениям компетенции следственных органов, характеризующийся предоставлением временных полномочий на возбуждение уголовного дела, задержание подозреваемого и производство следственных действий в целях обнаружения и фиксации следов преступления, а также доказательств, требующих незамедлительного закрепления, изъятия и исследования, при условии отсутствия реальной возможности участия в этом следователя.

Производство неотложных следственных действий может включать следственные действия, не терпящие отлагательства, поскольку и те, и другие направлены на оперативное получение доказательственной информации. От того, насколько качественно и оперативно они проведены, зависит общая успешность всего предварительного расследования.

Представляется неверным отождествлять производство неотложных следственных действий с выполнением следственных

действий, не терпящих отлагательства. Считаем, что в ч. 5 ст. 152 УПК РФ законодатель допустил подмену понятия, использовав фразу «неотложные следственные действия» вместо «следственные действия, не терпящие отлагательства», в связи с этим предлагаем на законодательном уровне устранить эту ошибку путем внесения изменений в соответствующую норму закона.

В целях оптимизации института неотложных следственных действий предлагаем внести изменения в ч. 3 ст. 157 УПК РФ, указав, что «после производства неотложных следственных действий и не позднее 24 часов с момента возбуждения уголовного дела орган дознания направляет уголовное дело руководителю следственного органа …».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Шпагина Ю. В. Уголовно-процессуальная деятельность полиции как органа дознания: теоретико-правовые основы и правоприменительная практика: дис. …канд. юрид. наук. М., 2020. 275 с.

2. Александрова О. П. Институт неотложных следственных действий в уголовном судопроизводстве России // Вестник Псковского государственного университета. Серия: экономика, право и управление. 2016. № 3. С. 141–149.

3. Даньшина Л. И. Возбуждение уголовного дела и предварительное расследование в уголовном процессе России: учебное пособие / под ред. Л. И. Даньшиной. М., 2003. 206 с.

4. Скударева Н. И. Современные особенности правовой регламентации дознания в органах внутренних дел: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2006. 26 с.

5. Кузембаева М. М. Функциональная характеристика деятельности дознавателя и органа дознания в уголовном процессе России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2006. 22 с.

6. Есина А. С., Арестова Е. Н. Дознание в органах внутренних дел: учебное пособие. М., 2003. 192 с.

7. Цукрук М. В. Процессуальная деятельность органов дознания в российском уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2004. 24 с.

8. Бочинин С. А. Следственные действия как способы собирания доказательств в досудебном производстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. 27 с.

9. Власова Н. А. Проблемы совершенствования форм досудебного производства в уголовном процессе: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2001. 52 с.

10. Погорелова Е. Н. Особенности процессуальной деятельности дознавателя и органов дознания в уголовном процессе России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2008. 22 с.

11. Шабетя И. В. Сущность, назначение и порядок производства неотложных следственных действий по УПК РФ: автореф. … дис. канд. юрид. наук. Челябинск, 2004. 25 с.

12. Лазарева В. А. Доказывание в уголовном процессе. М.: Юрайт, 2021. 263 с.

13. Рыжаков А. П. Уголовный процесс: учебник для вузов. М., 2023. 336 с.

14. Карнеева Л. М. Тактика допроса при расследовании преступлений. М.: Юридическая литература, 1970. 208 с.

15. Ратинов А. Р. Судебная психология для следователей. М.: Юридическая литература, 1967. 290 с.

REFERENCES

1. Shpagina Yu. V. Criminal procedural activities of the police as an inquiry body: theoretical and legal foundations and law enforcement practice: dis. ... Cand. of Law. Moscow, 2020. 275 p. (In Russ.)

2. Aleksandrova O. P. Institute of urgent investigative actions in criminal proceedings in Russia // Bulletin of Pskov State University. Series: Economics, Law and Management. 2016. No. 3. P. 141–149. (In Russ.)

3. Danshina L. I. Initiation of a criminal case and preliminary investigation in criminal proceedings in Russia: a textbook / edited by L. I. Danshina. Moscow, 2003. 206 p. (In Russ.)

4. Skudareva N. I. Modern features of legal regulation of inquiry in internal affairs bodies: author's abstract. dis. ... Cand. of Law. M., 2006. 26 p. (In Russ.)

5. Kuzembaeva M. M. Functional characteristics of the activities of the investigator and the inquiry body in criminal proceedings in Russia: author's abstract. diss. ... Cand. of Law. Omsk, 2006. 22 p. (In Russ.)

6. Esina A. S., Arestova E. N. Inquiry in internal affairs bodies: a textbook. M., 2003. 192 p. (In Russ.)

7. Tsukruk M. V. Procedural activities of inquiry bodies in Russian criminal proceedings: author's abstract. diss. ... Cand. of Law. Irkutsk, 2004. 24 p. (In Russ.)

8. Bochinin S. A. Investigative actions as methods of collecting evidence in pre-trial proceedings: author's abstract. diss. ... Cand. of Law. M., 2014. 27 p. (In Russ.)

9. Vlasova N. A. Problems of improving the forms of pre-trial proceedings in criminal proceedings: author's abstract. dis. ... Doctor of Law. M., 2001. 52 p. (In Russ.)

10. Pogorelova E. N. Features of the procedural activities of the investigator and inquiry bodies in the criminal proceedings of Russia: author's abstract. dis. ... Cand. of Law. Krasnoyarsk, 2008. 22 p. (In Russ.)

11. Shabetya I. V. The nature, purpose and procedure for carrying out urgent investigative actions under the Criminal Procedure Code of the Russian Federation: author's abstract. … dis. Cand. of Law. Chelyabinsk, 2004. 25 p. (In Russ.)

12. Lazareva V. A. Proof in criminal proceedings. M.: Yurait, 2021. 263 p.

13. Ryzhakov A. P. Criminal Procedure: textbook for Universities. Moscow, 2023. 336 p. (In Russ.)

14. Karneeva L. M. Interrogation Tactics in Crime Investigation. Moscow: Legal Literature, 1970. 208 p. (In Russ.)

15. Ratinov A. R. Forensic Psychology for Investigators. Moscow: Legal Literature, 1967. 290 p. (In Russ.)

Информация об авторе:
Д. Р. Москвина, адъюнкт.

Information about the author:
D. R. Moskvina, adjunct.

Статья поступила в редакцию 20.06.2025; одобрена после рецензирования 24.08.2025; принята к публикации 17.11.2025.

The article was submitted 20.06.2025; approved after reviewing 24.08.2025; accepted for publication 17.11.2025.

Научная статья
УДК 343.985.7:343.721:004.77(470)

ВЗАИМОСВЯЗИ СТРУКТУРНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ МОШЕННИЧЕСТВА, СОВЕРШАЕМОГО С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНТЕРНЕТ-СЕРВИСОВ РАЗМЕЩЕНИЯ ОБЪЯВЛЕНИЙ

Сергей Сергеевич Паутов
Воронежский институт МВД России, Воронеж, Россия
pautov-mvd@mail.ru

Аннотация. В статье исследуются взаимосвязи между структурными элементами криминалистической характеристики дистанционного мошенничества, совершаемого с использованием интернет-сервисов размещения объявлений. Автором выделены шесть ключевых элементов, отражающих механизм совершения преступления в условиях кибернетического пространства. Обоснована концепция взаимосвязей и взаимозависимостей рассмотренных элементов как основы для формирования целостной структурно-информационной модели преступления. Подчеркивается практическая значимость выявления устойчивых закономерностей межэлементных связей криминалистической характеристики для повышения эффективности расследования рассматриваемой категории преступлений в условиях цифровой трансформации преступности.

Ключевые слова*:* криминалистическая характеристика преступлений, дистанционное мошенничество, интернет-сервисы размещения объявлений, структурные элементы, взаимосвязи, кибернетическое пространство, виртуальные следы, методика расследования.

Для цитирования: Паутов С. С. Взаимосвязи структурных элементов криминалистической характеристики мошенничества, совершаемого с использованием интернет-сервисов размещения объявлений // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2025. № 4 (110). С. 122–135.

Original article

INTERRELATIONS OF STRUCTURAL ELEMENTS OF FORENSIC CHARACTERISTICS OF FRAUD COMMITTED USING INTERNET ADVERTISEMENT SERVICES

Sergey S. Pautov
Voronezh Institute of the Ministry of the Interior of Russia
Voronezh, Russia, pautov-mvd@mail.ru

Abstract. The article examines the relationships between the structural elements of the forensic characteristics of remote fraud committed using Internet advertisement services. The author identifies six key elements that reflect the mechanism of committing a crime in cyberspace. The concept of interrelations and interdependencies of the considered elements as a basis for forming a holistic structural and information model of the crime is substantiated. The practical importance of identifying stable patterns of inter-element relationships of the forensic characteristics is emphasized to improve the effectiveness of investigating the category of crimes in question in the context of the digital transformation of crime.

Keywords: forensic characteristics of crimes, remote fraud, Internet advertisement services, structural elements, interrelations, cybernetic space, virtual traces, investigation methodology.

For citation: Pautov S. S. Interrelations of structural elements of forensic characteristics of fraud committed using Internet advertisement services // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. No. № 4 (110). P. 122–135. (In Russ.)

© Паутов С. С., 2025

Введение

В последние годы онлайн-платформы становятся доминирующим каналом взаимодействия между продавцами и покупателями: ежедневно миллионы пользователей совершают сделки через маркетплейсы (Wildberries, OZON, Яндекс. Маркет, Amazon), торговые площадки (Авито, Юла, Циан), социальные сети (ВКонтакте, Одноклассники, Instagram[1]), мессенджеры (Telegram, WhatsApp[2], Viber[3]) и другие интернет-сервисы размещения объявлений (далее – ИРО). Наряду с ростом числа пользователей наблюдается устойчивое увеличение преступлений, совершаемых с использованием подобных платформ под предлогом купли-продажи товаров и услуг. Актуальность их изучения обусловлена не только динамичным ростом числа таких преступлений, но и усложнением их структуры, схем и способов реализации. Деятельность преступников в виртуальной среде опирается на манипулятивные поведенческие модели, правовые пробелы и технические уязвимости, что требует применения комплексного криминалистического анализа. В этих условиях особую научную и практическую значимость приобретает исследование взаимосвязей между структурными элементами криминалистической характеристики мошенничеств, совершаемых с использованием ИРО.

Методика расследования конкретного вида преступлений представляет собой систематизированный комплекс криминалистических рекомендаций, основанных на обобщении эмпирических данных и анализе следственной практики, в которых особое место занимают взаимосвязи между структурными элементами криминалистической характеристики преступления. Данный подход способствует оперативному извлечению релевантной информации о совершенном преступлении, формированию обоснованных следственных версий и их целенаправленной проверке. Это особенно важно на первоначальном этапе расследования, когда наблюдается дефицит фактических данных и доказательственной информации. Учет закономерных взаимосвязей между элементами преступного события позволяет минимизировать временные затраты на установление обстоятельств преступления, повышая эффективность расследования.

Криминалистическая характеристика преступления представляет собой не только структурированную систему криминалистически значимой информации, но и динамическую категорию, подверженную изменениям под влиянием социально-экономических факторов, технологического прогресса и трансформации криминогенной обстановки. Изменения в общественных отношениях, развитие информационно-коммуникационных технологий (далее – ИКТ) и появление новых способов совершения преступлений требуют постоянного обновления криминалистической характеристики, а также совершенствования методики расследования.

Методы

Методологическую основу исследования взаимосвязей структурных элементов криминалистической характеристики мошенничества, совершаемого с использованием ИРО, составил диалектический метод, позволяющий всесторонне проанализировать выявление внутренних связей и закономерностей. В ходе работы применялись также формально-логический метод, системный подход, методы описания, обобщения и интерпретации, позволившие ос-

[1] Instagram принадлежит корпорации Meta. Meta (в прошлом Facebook) признана в России экстремистской организацией и запрещена на территории России.

[2] WhatsApp принадлежит корпорации Meta. Meta (в прошлом Facebook) признана в России экстремистской организацией и запрещена на территории России.

[3] Viber Media S.a.r.l (разработчик мессенджера Viber) включен в Реестр организаторов распространения информации в сети Интернет 21 января 2005 г. 13 декабря 2024 г. заблокирован Роскомнадзором в связи с нарушением российского законодательства.

мыслить и систематизировать фактический материал, после чего сформулировать практико-ориентированные выводы. Эмпирическую основу исследования составили материалы уголовных дел и приговоров, а также результаты опроса сотрудников следственных подразделений органов внутренних дел Российской Федерации.

Результаты

Считаем обоснованным утверждать, что структура криминалистической характеристики мошенничества, совершаемого с использованием ИРО, состоит из следующих ключевых элементов [1]:

1) способы и средства совершения преступления (включая стадии подготовки, совершения и сокрытия преступных действий);

2) личность и мотивация преступника (криминалистический портрет преступника, его мотивация, профессиональные навыки, степень организованности преступной деятельности);

3) среда совершения преступления (компоненты кибернетического пространства, которые формируют условия для инициирования, реализации и сокрытия преступных действий);

4) личность потерпевшего (социально-демографические характеристики жертв, их типичное поведение и факторы, способствующие виктимизации);

5) предмет преступного посягательства (объекты, на которые направлено преступное деяние, преимущественно безналичные денежные средства);

6) следы и механизм следообразования (виртуальные, материальные и идеальные следы преступной деятельности, способы их выявления и фиксации в процессе расследования).

Таким образом, криминалистическая характеристика мошенничества, совершаемого с использованием ИРО, представляет собой системную модель, включающую шесть взаимосвязанных структурных элементов, каждый из которых обладает самостоятельной информативной и доказательственной ценностью, где изменения в одном из элементов неизбежно оказывают влияние на другие. Такая взаимозависимость обусловливает необходимость изучения взаимосвязей между составляющими криминалистической характеристики с целью выявления устойчивых закономерностей. Анализ данных связей позволяет обоснованно прогнозировать возможные направления расследования, оптимизировать процесс установления обстоятельств совершения преступления и формировать наиболее эффективные тактические решения на различных этапах расследования.

Однако следует учитывать, что выявление зависимости между переменными не всегда свидетельствует о наличии между ними прямой причинно-следственной связи. В криминалистической практике это особенно важно, так как ошибочная интерпретация взаимосвязей может привести к ложным выводам при построении следственных версий и принятии процессуальных решений. В связи с этим при анализе взаимосвязей в криминалистической характеристике преступлений необходимо учитывать их природу, степень значимости и возможные факторы искажения.

А. А. Бессонов в рамках анализа видовой (подвидовой) криминалистической характеристики преступлений предлагает классификацию закономерных связей между ее элементами, различая два их вида: «корреляционные (однозначные), когда присутствие одного элемента позволяет совершенно определенно судить о существовании и другого, а изменение характеристики первого влечет изменение характеристик второго»; «вероятностно-статистические, при которых установление одного элемента позволяет с большей или меньшей степенью вероятности предполагать наличие другого элемента» [2, с. 12].

Сходную по направлению классификацию предлагает О. Я. Баев, разграничивая взаимосвязи между элементами криминалистической характеристики на однозначные и статистические. При этом в работе О. Я. Баева акцент делается на практической применимости этих категорий в след-

ственной деятельности. Так, он указывает, что установление однозначных взаимосвязей, как правило, не вызывает затруднений, поскольку они носят очевидный характер и позволяют формулировать конкретные выводы уже на первоначальном этапе расследования. В качестве примера он приводит ситуацию, когда убийство сопряжено с изнасилованием – в этом случае с высокой степенью определенности можно утверждать, что преступником или одним из преступников является мужчина, что сужает круг лиц и позволяет оперативно направить поисковые мероприятия. В то же время большинство межэлементных связей, по его мнению, носят статистический характер и выявляются на основе обобщения данных, полученных в ходе анализа расследованных уголовных дел [3, с. 231].

Развивая подходы указанных ученых и опираясь на результаты анализа судебно-следственной практики, представляется целесообразным выделить два типа взаимосвязей между элементами криминалистической характеристики преступлений:

1) детерминированные (однозначные) – когда наличие одного элемента с необходимостью влечет существование другого. Например, обнаружение в браузере жертвы URL-адреса фальшивого сайта, на котором был осуществлен ввод данных банковской карты, однозначно указывает на использование мошеннической схемы с применением фишинга как конкретного способа совершения преступления;

2) вероятностно-статистические – когда установление одного элемента лишь с определенной степенью вероятности свидетельствует о наличии другого. Так, выбор более технически сложного способа совершения мошенничества с высокой вероятностью указывает на наличие у преступника специальных знаний и навыков в сфере ИКТ. Однако такая связь не является однозначной – отдельные лица могут использовать готовые инструменты без глубокого понимания их технического устройства.

Исследование отдельных аспектов криминалистической характеристики преступлений, в том числе в контексте установления устойчивых взаимозависимостей между ее структурными элементами, получило развитие в работах таких авторов, как Р. С. Белкин [4], Н. Г. Шурухнов [5], В. Ю. Толстолуцкий [6], А. Н. Калюжный [7], А. Ф. Халиуллина [8], М. А. Неймарк [9], Ж. В. Вассалатий [10] и др.

Указанные ученые активно использовали категорию «корреляционные связи», заимствованную из статистического аппарата, для объяснения закономерных зависимостей между элементами криминалистической характеристики. Безусловно, применение статистических понятий в криминалистическом исследовании допустимо, но требует осторожности в силу специфики самого объекта анализа. Криминалистическая характеристика преступлений формируется преимущественно на основе качественного анализа следственной и судебной практики, особенностей исследуемого преступления, механизма следообразования и поведенческих характеристик субъектов. При этом далеко не всегда объемы доступных данных и их однородность соответствуют требованиям статистической репрезентативности, необходимым для строгого применения математических методов корреляционного анализа. Кроме того, криминалистические взаимосвязи отражают не столько количественные зависимости, сколько структурно-функциональные, содержательные и логические отношения между элементами.

В связи с этим, по нашему мнению, более методологически обоснованным и практико-ориентированным является использование в криминалистике термина «взаимосвязи между элементами». В контексте настоящего исследования он не подменяет понятие «корреляционная связь», а представляет собой расширенную методологическую категорию, охватывающую как вероятностно-статистические зависимости, требующие применения математического аппарата при анализе данных уголовных дел, так и содержательные, логические и структурно-функциональные отношения, выявляемые на основе анализа криминали-

стических закономерностей. Такое расширительное толкование термина обеспечивает более полное и гибкое описание сложной системы взаимодействий между элементами криминалистической характеристики, не ограничиваясь методами анализа минимально допустимого количества расследованных уголовных дел. Под взаимосвязью в данном контексте понимается устойчивая зависимость между характеристиками, подтверждаемая как эмпирически (на основе материалов уголовных дел), так и концептуально (путем логического анализа механизма преступного события).

Данный подход особенно актуален при исследовании мошенничеств, совершаемых с использованием ИРО, поскольку специфика кибернетического пространства, многоуровневая структура взаимодействия, а также характер следов требуют акцентирования внимания именно на взаимосвязи структурных элементов преступления, а не только на статистически количественной их корреляции. При этом необходимо учитывать, что закономерные связи в структуре криминалистической характеристики преступлений, как правило, возникают не только между отдельными ее элементами, но и между их совокупностями. Такие взаимосвязи представляют собой сложные зависимости, при которых изменение или выявление одного блока элементов может оказывать влияние на формирование и интерпретацию другого. Это особенно важно при построении методики расследования преступлений, поскольку позволяет учитывать не только линейные связи между отдельными характеристиками, но и их системное взаимодействие в рамках общей структуры преступного деяния. Взаимное влияние и взаимодействие между выделенными нами шестью ключевыми структурными элементами криминалистической характеристики приводят к формированию сквозной следовой картины, в которой каждый элемент содержит в себе информацию, позволяющую идентифицировать признаки и свойства других. Это обстоятельство открывает возможности для восстановления целостной картины преступного события даже при наличии фрагментарной исходной информации, а также обеспечивает построение обоснованных следственных версий и выявление скрытых связей между элементами.

Анализ практики расследования, изучение уголовных дел о мошенничествах, совершаемых с использованием ИРО, а также результаты опроса сотрудников следственных подразделений органов внутренних дел Российской Федерации позволяют выделить и систематизировать взаимосвязи между структурными элементами криминалистической характеристики, оказывающие практическое влияние на формирование следственных версий и выбор направлений расследования:

1. Личность потерпевшего.

На первоначальном этапе расследования, когда объем информации о фактических обстоятельствах совершенного деяния минимален, личность потерпевшего приобретает исключительно важное значение как отправная точка формирования следственной версии. Именно потерпевший, обращаясь в правоохранительные органы с соответствующим заявлением, инициирует возбуждение уголовного дела и тем самым запускает весь процесс уголовного преследования. В подавляющем большинстве случаев потерпевший выступает одним из основных источников информации, на основании которой возможно формировать первоначальную картину преступления. Он предоставляет сведения, характеризующие: обстоятельства взаимодействия с предполагаемым преступником; характер и динамику коммуникации (включая скриншоты переписки, аудиофайлы, детализации соединений, банковские выписки и т. п.); возможные мотивы противоправных действий; личностные особенности субъекта преступления, выявляемые через поведение в ходе обмана.

Кроме того, наступившие преступные последствия (как материального, так и психологического характера) позволяют выявить виктимологические признаки жертвы, а также опосредованно установить уровень осведомленности и целевой установки преступника.

Как справедливо отмечает Е. Е. Центров, потерпевший «предстает не только как отражающий объект, несущий на себе следы преступного воздействия, но и как объект отражаемый, вносящий определенные изменения в окружающую обстановку и образующий своими действиями определенную доказательственную информацию» [11, с. 23].

Г. И. Уразаева в своем исследовании определяет виктимность как реализованную преступным событием предрасположенность стать жертвой преступления в определенных ситуациях или неспособность избежать посягательства, если бы его можно было предотвратить [12, с. 245].

В рамках системного подхода к построению криминалистической характеристики личность потерпевшего вступает в устойчивые взаимосвязи с остальными структурными элементами. Наиболее выраженная взаимосвязь наблюдается с личностью преступника: именно восприятие преступником поведенческих и психологических черт жертвы во многом определяет не только факт совершения преступления, но и его мотивацию, способ реализации умысла и выбор объекта посягательства. Потерпевший, обладая определенными личностными и поведенческими характеристиками, фактически способствует достижению преступного результата, направленного на незаконное обогащение злоумышленника. К числу таких характеристик можно отнести: повышенную доверчивость, честность, добросовестность, открытость, стремление к быстрой материальной выгоде, недостаточную осведомленность о законодательных аспектах сделок в сети Интернет, а также ограниченные знания о современных методах киберпреступности. Кроме того, важным фактором является игнорирование мер кибербезопасности, что повышает риск совершения мошенничества.

По мнению А. А. Бессонова, взаимосвязь между преступником и потерпевшим определяется не только индивидуальными характеристиками жертвы, но и личностными особенностями самого преступника, формирующими образ виктимности жертвы. Именно восприятие преступником уязвимости потерпевшего во многом предопределяет выбор объекта преступного посягательства и способ совершения противоправного деяния [13, с. 111].

Не менее значима взаимосвязь со способами и средствами совершения преступления: преступник подбирает тип коммуникации, инструменты убеждения или обмана исходя из предполагаемой реакции потерпевшего. Кроме того, личность потерпевшего тесно связана со средой совершения преступления: платформа взаимодействия (сайт объявлений, мессенджер, фишинговый сайт и т. д.) зачастую выбирается именно с учетом социальной, профессиональной или виртуальной активности жертвы.

В свою очередь, следы и механизм следообразования формируются в значительной степени благодаря действиям самого потерпевшего – передаче информации, выполнению инструкций, фиксации переписки и т. д., что делает его действия важнейшим источником доказательственной информации. Наконец, предмет преступного посягательства определяется как юридически, так и фактически именно потерпевшим, его имущественным положением, готовностью к переводу средств и восприятием ценности предложенной «услуги» или «товара».

2. Предмет преступного посягательства.

Под предметом преступного посягательства понимаются материальные или нематериальные объекты, на которые направлено противоправное деяние преступника. В случаях совершения дистанционного мошенничества с использованием ИРО потерпевший лишается принадлежащего ему материального блага – денежных средств, перечисленных им в счет оплаты за товары (оказание услуги), то есть происходит уменьшение его имущества.

Предмет преступного посягательства как элемент криминалистической характеристики вступает во взаимосвязи со всеми остальными структурными компонентами.

Наиболее значимая и прямая связь прослеживается со способами и средствами

совершения преступления: форма хищения (например, переводы на подставные счета, применение фишинговых ресурсов, использование платежных сервисов или криптовалютных кошельков) определяется в том числе исходя из характера объекта преступного воздействия – будь то наличные, безналичные или электронные денежные средства. Способ хищения адаптируется под особенности движения и обращения конкретной формы денежных активов.

Также существенной является взаимосвязь с личностью преступника, поскольку уровень его подготовленности, технических навыков, знание финансовых инструментов и цифровых технологий обусловливают выбор предмета посягательства и способ его получения. Например, совершение хищения в криптовалюте требует иного уровня квалификации, чем обман с использованием традиционного банковского перевода.

Необходимо учитывать и связь со средой совершения преступления, так как выбранная платформы ИРО должна поддерживать обращение с нужным видом средств и обеспечивать преступнику удобные каналы получения контроля над ними и взаимодействия с жертвой.

Следы и механизм следообразования также обусловлены формой предмета преступного посягательства. Так, при безналичном хищении возникают виртуальные следы: IP-логирование, движения средств по счетам, электронные письма и квитанции. При использовании виртуальных или цифровых денежных средств добавляются признаки обращения через блокчейн, централизованные платформы или онлайн-транзакции.

Наконец, личность потерпевшего взаимосвязана с предметом посягательства в части оценки его финансовой уязвимости, информированности, предрасположенности к участию в сомнительных сделках. Предмет посягательства зачастую выбирается преступником с учетом представлений о наличии у потерпевшего соответствующих ресурсов и готовности ими распоряжаться без должной осмотрительности.

3. Следы и механизм следообразования.

Следы преступления представляют собой отражения элементов преступной деятельности в объективной действительности, формирующие основу доказательственного процесса. В широком смысле слова следы – это любые изменения, связанные с событием преступления, отражающие его сущность и специфику. Единый источник происхождения обусловливает информационное единство следов: каждый след несет часть, а совокупность следов – всю информацию о преступлении и лицах, его совершивших [14, с. 49].

В случае мошенничеств с использованием ИРО следы могут быть: виртуальными (IP-адреса, лог-файлы операций, записи о переводах средств в системах дистанционного банковского обслуживания, метаданные файлов, истории посещенных сайтов, загрузки и удаления файлов и т. п.), материальными (устройства, носители информации, SIM-карты, банковские выписки и т. п.) и идеальными (показания потерпевшего, свидетелей, преступника и т. п.).

Механизм следообразования в данной категории дел напрямую зависит от конкретной преступной схемы, используемых технических средств и среды совершения преступления. Он представляет собой логически обусловленный процесс возникновения следов как результата взаимодействия субъекта преступления с виртуальной и физической средой, а также с потерпевшим. Ретроспективный анализ следов позволяет установить последовательность действий, выявить умысел преступника и установить его личность.

Следы и механизм следообразования входят в тесную взаимосвязь с каждым из остальных пяти элементов криминалистической характеристики, что обуславливает их высокую доказательственную значимость. В первую очередь наблюдается устойчивая связь со способами и средствами совершения преступления: каждая техническая операция, используемая преступником, оставляет свой уникальный след. Именно анализ следов позволяет иденти-

фицировать примененные приемы и цифровые инструменты.

Значимая взаимосвязь прослеживается и со средой совершения преступления, поскольку она определяет каналы взаимодействия (ИРО, мессенджеры, социальные сети и платформы), через которые возникает следовая информация. Конкретная платформа оказывает влияние как на формат следов, так и на их объем и доступность.

С личностью преступника следы связаны через поведенческие паттерны, цифровой почерк, языковые особенности в переписке, а также особенности используемых ИКТ. Анализ этих признаков может привести к формированию профиля субъекта. Следы содержат информацию и о личности потерпевшего, в частности об особенностях его поведения, уровне цифровой грамотности, порядке действий в ситуации обмана. Эти данные позволяют установить, как именно преступник воздействовал на жертву.

Наконец, предмет преступного посягательства оказывает прямое влияние на характер и структуру следовой информации, поскольку именно форма и способ хранения имущества обуславливают специфику его хищения, а следовательно, и типы следов, возникающих в процессе преступного воздействия. Так, например, при хищении безналичных денежных средств наиболее характерными следами являются банковские выписки, сведения о платежных поручениях, детализация операций в системе дистанционного банковского обслуживания, а также подтверждающие документы, направленные через электронные каналы связи (SMS, email, push-уведомления).

4. Личность и мотивация преступника.

В подавляющем большинстве случаев на первоначальном этапе расследования преступник остается неизвестным. Его установление возможно, в том числе путем установления связи между известными элементами преступления. Характерные особенности личностных свойств преступников, совершающих мошенничество с использованием ИРО, предполагают наличие профессиональных навыков в сфере ИКТ, способность к манипуляции, знание психологии жертв, владение методами социальной инженерии. При этом важно учитывать мотивацию, умысел, степень осознания противоправности своих действий и готовность к их реализации.

Одним из ключевых психологических качеств, присущих лицам, совершающим мошеннические действия, является высокая степень коммуникабельности. Данное свойство обусловлено необходимостью устанавливать доверительные отношения с потенциальной жертвой, убеждать ее в достоверности предоставляемой информации и тем самым вводить в заблуждение с целью завладения материальными средствами. Н. Ю. Лебедев подчеркивает, что «огромное значение имеет умение установить психологический контакт с потенциальной жертвой» [15, с. 89].

Кроме того, как отмечает И. А. Макаренко: «Личность рассматривается как устойчивая криминалистически значимая совокупность психофизиологических свойств и качеств, мотивационных установок, эмоциональной и рациональной сфер человеческого сознания, отразившихся в следах преступления в процессе подготовки, совершения и сокрытия следов преступления, а также его постпреступного поведения» [16, с. 12].

Взаимосвязь личности преступника с другими структурными элементами криминалистической характеристики носит устойчивый и многоуровневый характер, придавая данному элементу не только диагностическую, но и прогностическую значимость в рамках следственной деятельности.

Прежде всего, прослеживается тесная зависимость между личностью преступника и способом совершения преступления: уровень его технической грамотности, коммуникативные навыки, склонность к манипулятивному поведению непосредственно предопределяют выбор конкретной мошеннической схемы. Чем выше уровень подготовки субъекта, тем более сложные, многоходовые и замаскированные способы он способен применять.

Немаловажна и связь со средой совершения преступления: преступник, исходя из личного опыта, предпочтений и уровня компетентности в сфере ИКТ, выбирает определенные платформы и каналы взаимодействия. Его привычки в использовании конкретных сервисов могут быть опознаны по следам, что служит важной отправной точкой при построении версий.

Следы и механизм следообразования отражают личностные особенности субъекта преступления – почерк общения, характер виртуальных следов, используемые устройства и методы сокрытия. Поведенческие паттерны, характерные для конкретного типа личности, формируют узнаваемую следовую картину.

Связь с предметом преступного посягательства выражается в целенаправленном выборе объекта хищения, адекватного материальным и стратегическим целям субъекта.

Наконец, существует прямая зависимость между личностью преступника и личностью потерпевшего: преступник интуитивно или на основе опыта отбирает жертву исходя из ее уязвимости, уровня цифровой грамотности, эмоциональной реактивности. Эти характеристики жертвы дополняют поведенческую модель самого преступника и могут быть интерпретированы следователем при формировании психологического портрета.

5. Способы и средства совершения преступления.

Способ совершения мошенничества с использованием ИРО, будучи одним из центральных элементов криминалистической характеристики, играет ключевую роль в формировании версии, выборе средств и методов расследования. Он отражает не только поведенческую стратегию субъекта преступления, но и обусловливается множеством факторов: от личности виновного до особенностей кибернетического пространства. В этой связи Р. С. Белкин справедливо указывает, что «...способ совершения и сокрытия преступления, точнее – знание о нем, определяют путь познания истины по делу, т. е. метод раскрытия и расследования» [17, с. 805].

В условиях кибернетического пространства способы мошенничества приобретают особую сложность, трансформируясь в схемы социальной инженерии, манипулятивные модели поведения и технические комбинации, направленные на сокрытие личности преступника и автоматизацию противоправной деятельности. Типичными являются схемы фальсификации объявлений, использования подставных аккаунтов, кражи реквизитов, создания фишинговых сайтов, использования криптовалютных транзакций, а также применения программных средств для клонирования легитимных онлайн-сервисов оплаты.

На стадии подготовки преступления преступник создает легенду, отбирает цели, анализирует поведенческие особенности потенциальных жертв. В момент реализации используются тактики давления, эмоционального манипулирования, имитации срочности и доверия. После завершения преступления применяются действия, направленные на сокрытие следов – удаление виртуальных следов, обналичивание через подставных лиц, запутывание транзакций и инсценировки.

Безусловно, способы совершения преступления тесно связаны с остальными элементами криминалистической характеристики, образуя основу комплексного подхода к раскрытию и расследованию.

Личность преступника (наиболее тесная связь): уровень цифровой грамотности, опыт в сфере ИКТ, коммуникативные способности и криминальный опыт субъекта определяют выбор конкретного способа реализации преступного умысла. Способ – это выражение индивидуальных навыков и стратегий поведения преступника.

Среда совершения преступления: выбор способа обусловлен функциональными возможностями ИРО, мессенджеров и других платформ, в которых преступник чувствует себя уверенно. Некоторые способы мошенничества возможны исключительно в рамках определенных технологических сред (например, фишинг невозможен без цифровой подделки интерфейса оригинальной интернет-платформы).

Следы и механизм следообразования: каждый способ генерирует характерную следовую картину – виртуальную, материальную и идеальную. Анализ следов позволяет ретроспективно восстановить способ совершения преступления.

Личность потерпевшего: личностные особенности жертвы влияют на выбор способа. Преступник адаптирует методы обмана под уязвимости конкретного типа потерпевших (например, объявления о продаже автомобилей могут быть нацелены на мужчин, ищущих срочную покупку, в то время как «розыгрыши» – на женщин).

Предмет преступного посягательства (наименее прямая, но значимая связь): способ всегда взаимосвязан с типом посягаемого актива. Хищение безналичных средств требует получения доступа к банковским данным, а хищение криптовалюты – знания в сфере блокчейна и использования специальных платформ.

6. Среда совершения преступления.

В условиях цифровизации преступной деятельности традиционное понимание обстановки совершения преступления, сводящееся к категории времени и места, утрачивает свою методологическую состоятельность. Для преступлений, совершаемых с использованием ИКТ, более точным и обоснованным представляется использование категории «среда совершения преступления», под которой следует понимать совокупность пространственно-функциональных и коммуникационных условий, обусловленных спецификой кибернетического пространства [2, с. 154].

Одной из ключевых особенностей дистанционного мошенничества с использованием ИРО является отсутствие пространственно-временной синхронности между преступником и потерпевшим: они могут находиться в разных регионах или даже странах, действовать в асинхронном режиме, с использованием заранее автоматизированных сервисов и программных решений. Таким образом, преступление осуществляется не в конкретном географическом месте, а в виртуальной среде, где взаимодействие субъектов происходит опосредованно, через технологические каналы – мессенджеры, платформы объявлений и онлайн-платежные системы.

С учетом разъяснений, содержащихся в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. № 48 (ред. от 15 декабря 2022 г.) «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате», местом совершения мошенничества признается «... место совершения лицом действий, связанных с обманом или злоупотреблением доверием и направленных на незаконное изъятие денежных средств». При этом «если предметом преступления являются денежные средства в безналичной форме <…>, то такое преступление следует считать оконченным с момента изъятия денежных средств с банковского счета их владельца, в результате которого владельцу был причинен ущерб».[1]

Однако в случае хищения безналичных денежных средств момент окончания преступления и его «место» носят условно-технический характер и напрямую зависят от архитектуры используемой киберсреды, что еще раз подтверждает необходимость переосмысления классической категории «обстановка» в пользу понятия «среда совершения преступления».

Среда совершения преступления как структурный элемент криминалистической характеристики тесно взаимосвязана с иными элементами, образуя с ними устойчивую функционально-логическую систему. Эти связи носят как прямой, так и опосредованный характер, при этом их значимость варьируется в зависимости от контекста расследуемого преступления.

Наиболее значимая связь наблюдается между средой и способом реализации пре-

[1] О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. № 48 (ред. от 15.12.2022). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ступного умысла. Конфигурация среды (уровень цифровой защищенности платформ, возможность использования VPN, протоколы шифрования, архитектура веб-ресурсов и др.) во многом предопределяет выбор схем и технических средств, используемых преступником. Чем сложнее и технологичнее среда, тем более изощренными становятся способы мошенничества.

Кроме того, среда детерминирует характер, объем и локализацию виртуальных следов. Распределенность среды затрудняет их сбор, а трансграничный характер требует иных методик фиксации и анализа. Связь среды и следов – одна из важнейших в части выстраивания тактики доказывания.

Уровень подготовки субъекта преступления, его компетентность в сфере ИКТ, мотивационная направленность и способность адаптации к технической среде прямо соотносятся с ее особенностями. Чем более сложна среда, тем выше требования к интеллектуальным, коммуникативным и техническим ресурсам преступника. В связи с этим особенности среды позволяют частично составить личностный и профессиональный портрет субъекта преступления.

Среда предопределяет не только способ, но и форму представления предмета преступного посягательства. От свойств среды зависит способ обращения с посягаемыми объектами, а значит, и метод их получения и сокрытия.

Характеристики среды взаимодействуют с индивидуальными чертами жертвы. Преступник подбирает способ воздействия в зависимости от предполагаемой уязвимости жертвы, обусловленной ее восприятием условий цифрового взаимодействия.

Таким образом, в итоге с учетом высокой степени взаимосвязей и взаимозависимостей между рассмотренными структурными элементами криминалистической характеристики мошенничеств, совершаемых с использованием ИРО, целесообразно представить их в виде наглядной структурной схемы, отражающей содержательные связи и направления логического анализа (см. рис. 1).

В ее основе – шесть ключевых элементов, каждый из которых отражает одну из сторон механизма преступной деятельности в кибернетическом пространстве. Связи между элементами представлены в виде двунаправленных стрелок, символизирующих не только многомерность и взаимозависимость, но и возможность как прямого, так и обратного логического анализа, что особенно важно в условиях дефицита исходной информации и необходимости построения следственных версий.

Представленная схема выполняет не только структурирующую, но и эвристическую функцию. Она позволяет следователю, располагающему информацией об одном или нескольких элементах криминалистической характеристики, системно реконструировать неизвестные элементы, формируя логически обоснованную и целостную картину преступления. Во многих случаях установленные взаимосвязи являются однозначными, что позволяет не просто выдвигать вероятностные предположения, но и формулировать обоснованные следственные версии, а также определять приоритетные направления расследования. Однако даже в условиях вероятно-статистических зависимостей между элементами типичные сочетания признаков и их повторяемость обеспечивают высокий уровень логической устойчивости анализа, способствуя уточнению версий, выбору направлений поиска доказательств и своевременной корректировке следственной тактики. Таким образом, использование представленной структурно-информационной модели взаимосвязей оправдано как на стадии построения первоначальной картины преступления, так и при корректировке дальнейшего направления расследования по мере получения новых данных.

Заключение

В заключение можно сделать вывод о том, что криминалистическая характеристика мошенничества, совершаемого с использованием ИРО, представляет собой структурно-информационную модель, в которой каждый из шести элементов обладает самостоятельной доказательственной и

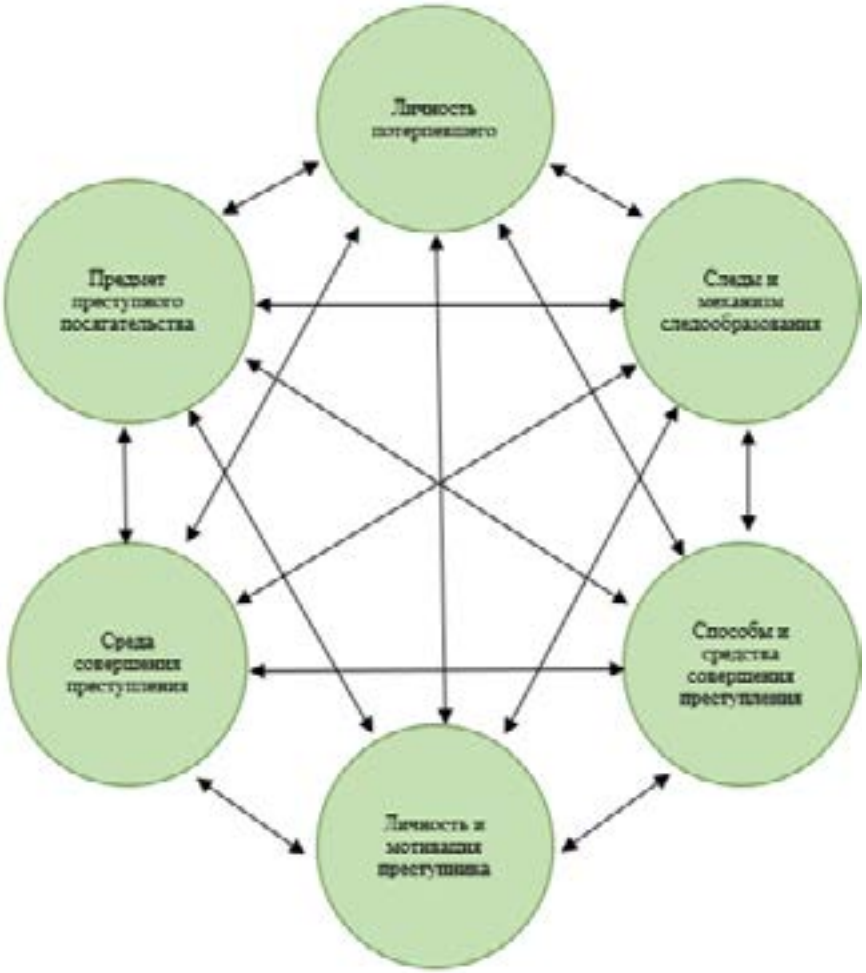

Рис. 1. Схема взаимосвязей структурных элементов криминалистической характеристики мошенничества, совершаемого с использованием ИРО

аналитической значимостью, позволяющей идентифицировать признаки и свойства ряда других. Установленные в ходе исследования устойчивые взаимосвязи между элементами позволяют реконструировать целостную картину преступного события даже при наличии фрагментарной исходной информации, а также обеспечивают выявление скрытых связей между ними. Такой системный подход способствует не только оптимизации тактики расследования, но и минимизации следственных ошибок, ускорению процесса доказывания и повышению раскрываемости преступлений, совершаемых в условиях цифровой трансформации преступности. Представленные в исследовании положения могут быть положены в основу разработки частной криминалистической методики расследования данной категории преступлений.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Паутов С. С. Структура криминалистической характеристики мошенничества, совершаемого с использованием интернет-сервисов размещения объявлений // Алтайский юридический вестник. 2025. № 2 (50). С. 148–157.

2. Бессонов А. А. Частная теория криминалистической характеристики преступлений: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Москва, 2017. 45 с.

3. Баев О. Я. Основы криминалистики: курс лекций. Москва: Экзамен, 2001. 288 с.

4. Белкин Р. С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики. М.: НОРМА, 2001. 240 с.

5. Шурухнов Н. Г. Понятие корреляций, их место в криминалистике и роль в построении методик расследования преступлений // Экономика. Право. Общество. 2024. Т. 9. № 3 (39). С. 9–13.

6. Толстолуцкий В. Ю. Значение количественной стороны корреляционных связей в криминалистической характеристике преступлений // Вестник Волжской государственной академии водного транспорта. 2014. № 41. С. 32–38.

7. Калюжный А. Н. Использование корреляционных зависимостей между личностными свойствами преступников и потерпевших в установлении обстоятельств совершения посягательств, направленных на свободу личности // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 12 (109). С. 107–113.

8. Халиуллина А. Ф. Корреляционные связи между элементами криминалистической характеристики насильственных действий сексуального характера, совершенных в отношении несовершеннолетних // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. 2023. № 4-2. С. 78–80.

9. Неймарк М. А. Корреляционные связи в структурных элементах криминалистической характеристики хищений денежных средств в сфере банковского кредитования // Правовая система общества: преемственность и модернизация: материалы Всероссийской научно-практической конференции. Барнаул: Алтайский государственный университет, 2013. С. 209–211.

10. Вассалатий Ж. В. Корреляционные связи между элементами криминалистической характеристики преступлений и их использование при раскрытии и расследовании преступлений террористического характера // Труды Оренбургского института (филиала) Московской государственной юридической академии. 2012. № 15. С. 80–82.

11. Центров Е. Е. Виктимологические аспекты криминалистики // Криминалистическая виктимология (вопросы теории и практики): сборник научных трудов. Иркутск: Иркутский государственный университет, 1980. С. 33–44.

12. Уразаева Г. И. Психология виктимной личности. Казань: КЮИ МВД России, 2014. 284 с.

13. Бессонов А. А. Основы криминалистического учения об исследовании и использовании криминалистической характеристики преступлений: монография. М.: Юрлитинформ, 2016. 184 с.

14. Криминалистика: в 3 т. / гл. ред. Р. С. Белкин и др.; Академия МВД России. М.: Академия МВД России, 1995. Т. 1: История, общая и частные теории / Т. В. Аверьянова, Р. С. Белкин, И. А. Возгрин и др.; под ред. Р. С. Белкина. 279 с.

15. Лебедев Н. Ю. Некоторые из признаков, характеризующих личность мошенника // Актуальные проблемы уголовного судопроизводства: материалы III Всероссийской научно-практической конференции. М.: Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2023. С. 88–92.

16. Макаренко И. А. Криминалистическое учение о личности несовершеннолетнего обвиняемого: дис. … докт. юрид. наук. Саратов, 2006. 25 с.

17. Белкин Р. С. Курс криминалистики: учебное пособие. М.: ЮНИТИ-ДАНА; Закон и право, 2001. 867 с.

REFERENCES

1. Pautov S. S. The structure of the forensic characteristics of fraud committed using online classifieds services // Altai Legal Bulletin. 2025. No. 2 (50). P. 148–157. (In Russ.)

2. Bessonov A. A. Private theory of forensic characteristics of crimes: author’s abstract. diss. ... Doctor of Law. Moscow, 2017. 45 p. (In Russ.)

3. Baev O. Ya. Fundamentals of forensic science: lecture course. Moscow: Exam, 2001. 288 p. (In Russ.)

4. Belkin R. S. Forensic science: problems of today. Topical issues of Russian forensic science. Moscow: NORMA, 2001. 240 p. (In Russ.)

5. Shurukhnov N. G. The concept of correlations, their place in forensic science and the role in building crime investigation methods // Economy. Law. Society. 2024. Vol. 9. No. 3 (39). P. 9–13. (In Russ.)

6. Tolstolutsky V. Yu. The importance of the quantitative side of correlation links in the forensic characteristics of crimes // Bulletin of the Volga State Academy of Water Transport. 2014. No. 41. P. 32–38. (In Russ.)

7. Kalyuzhny A. N. The use of correlation dependencies between the personal properties of criminals and victims in establishing the circumstances of attacks aimed at personal freedom // Actual problems of Russian law. 2019. No. 12 (109). P. 107–113. (In Russ.)

8. Khaliullina A. F. Correlation links between the elements of the forensic characteristics of violent sexual acts committed against minors // Modern science: current problems of theory and practice. Series: Economics and law. 2023. No. 4-2. P. 78–80. (In Russ.)

9. Neimark M. A. Correlation links in the structural elements of the forensic characteristics of theft of funds in the field of bank lending // Legal system of society: continuity and modernization: materials of the All-Russian scientific and practical conference. Barnaul: Altai State University, 2013. P. 209–211. (In Russ.)

10. Vassalatiy Zh. V. Correlation links between the elements of the forensic characteristics of crimes and their use in the disclosure and investigation of terrorist crimes // Works of the Orenburg Institute (branch) of the Moscow State Law Academy. 2012. No. 15. P. 80–82. (In Russ.)

11. Tsentro E. E. Victimological aspects of forensic science // Forensic victimology (theoretical and practical issues): collection of scientific papers. Irkutsk: Irkutsk State University, 1980. P. 33–44. (In Russ.)

12. Urazaeva G. I. Psychology of the victim personality. Kazan: KUI MVD of Russia, 2014. 284 p. (In Russ.)

13. Bessonov A. A. Fundamentals of forensic science on the study and use of forensic characteristics of crimes: monograph. Moscow: Yurlitinform, 2016. 184 p. (In Russ.)

14. Forensic science: in 3 volumes / ed.-in-chief R. S. Belkin et al.; Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. M.: Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 1995. V. 1: History, general and specific theories / T. V. Averianova, R. S. Belkin, I. A. Vozgrin et al.; edited by R. S. Belkin. 279 p. (In Russ.)

15. Lebedev N. Yu. Some of the features characterizing the personality of a fraudster // Actual problems of criminal proceedings: materials of the III All-Russian scientific and practical conference. Moscow: Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, 2023. P. 88–92. (In Russ.)

16. Makarenko I. A. Forensic doctrine on the personality of a minor accused: dis. … Doctor of Law. Saratov, 2006. 25 p. (In Russ.)

17. Belkin R. S. Forensic science course: textbook. M.: UNITY-DANA; Law and Law, 2001. 867 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 06.06.2025; одобрена после рецензирования 30.06.2025; принята к публикации 17.11.2025.

The article was submitted 06.06.2025; approved after reviewing 30.06.2025; accepted for publication 17.11.2025.

Научная статья
УДК [343.85:343.34]:373.09(470)

ВОПРОСЫ ПРОФИЛАКТИКИ ТЕРРОРИЗМА В УЧРЕЖДЕНИЯХ ОБЩЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Игорь Сергеевич Сазонов[1], Ирек Анасович Биккинин[2]
[1] Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, Уфа, Россия
[2] Уфимский юридический институт МВД России, Уфа, Россия
[1] vasilyvasilewscky@yandex.ru, [2] bikkinin@mail.ru
[2] ORCID: 0000-0003-2734-4973

Аннотация. Данное исследование составляет характеристику организации деятельности учреждения среднего образования по профилактике терроризма. Комплексная, последовательная реализация предложенных мероприятий с учащимися 9 классов учреждений общего образования превращает профилактику терроризма в школе из разрозненного набора акций в устойчивую образовательную систему. Определены цели и задачи, методы и формы, используемые в повседневной практике профилактической работы. Приведена разработка учебно-методических материалов по теме профилактики терроризма сучащимися 9 классов.

Ключевые слова: профилактика терроризма, эффективность, правовая грамотность, учреждения общего образования, методическая разработка.

Для цитирования: Сазонов И. С., Биккинин И. А. Вопросы профилактики терроризма в учреждениях общего образования // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2025. № 4 (110). С. 136–146.

Original article

ISSUES OF TERRORISM PREVENTION IN GENERAL EDUCATION INSTITUTIONS

Igor S. Sazonov[1], Irek A. Bikkinin[2]
[1] Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla, Ufa, Russia
[2] Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ufa, Russia
[1] vasilyvasilewscky@yandex.ru, [2] bikkinin@mail.ru
[2] ORCID: 0000-0003-2734-4973

Abstract. This study provides a description of the organization of secondary education institutions' activities aimed at preventing terrorism. The comprehensive and consistent implementation of the proposed measures with 9th grade students in general education institutions transforms the prevention of terrorism in schools from a fragmented set of activities into a sustainable educational system. The study defines the goals and objectives, methods, and forms used in the daily practice of preventive work. It presents the development of educational and methodological materials on the topic of preventing terrorism among 9th grade students.

Keywords: terrorism prevention, effectiveness, legal literacy, general education institutions, methodological development.

For citation: Sazonov I. S., Bikkinin I. A. Issues of terrorism prevention in general education institutions // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.2025. No. 4 (110). P. 136–146. (In Russ.)

© Сазонов И. С., Биккинин И. А., 2025

Введение

Осознание террористических угроз, их последствий и методов противодействия становится важнейшим аспектом формирования социальной устойчивости [1, с. 15]. Молодежь, будучи активной частью общества, должна обладать знаниями и навыками, которые позволят ей не только распознавать угрозы, но и активно способствовать их предотвращению. Формирование антитеррористической культуры связано с воспитанием у граждан толерантности, правового сознания, уважения к культурным, религиозным и национальным различиям [2, с. 25]. Эти качества позволяют создать в обществе атмосферу взаимопонимания, что является мощным барьером на пути распространения идеологии терроризма. Однако достижение этой цели невозможно без эффективной системы образования, направленной на развитие у граждан понимания правовых основ борьбы с терроризмом, ответственности за свои действия и уважения к правам и свободам других людей [3, с. 207]. Школы и вузы могут выступать не только источником знаний, но и платформой для формирования у молодежи устойчивых ценностных ориентаций и навыков критического мышления [4, с. 209]. Одним из важнейших принципов противодействия терроризму в Российской Федерации является приоритет мер предупреждения терроризма [5, с. 22]. Реализация мероприятий по противодействию терроризму возложена на органы власти всех уровней в пределах предоставленных полномочий. Роль образовательных организаций в общегосударственной антитеррористической системе Российской Федерации определяется их статусом и целевым предназначением – образовательной деятельностью и имеющимися возможностями и полномочиями. Важно, чтобы образовательные программы не просто передавали информацию, но и воспитывали активную гражданскую позицию, способствующую осознанию каждым гражданином своей роли в укреплении национальной безопасности [6, с. 45].

Методы

Методологическую основу работы составили общенаучный диалектический метод познания и вытекающие из него частнонаучные методы. В частности, использованы системно-структурный, формально-юридический, ретроспективный и сравнительно-правовой. Объектом профилактической работы выступили учащиеся 9 классов муниципального учреждения образования г. Уфы.

Результаты

Целью проведенной нами работы стало формирование и развитие у девятиклассников антитеррористического мировоззрения, основанного на правовых знаниях, уважительном отношении к различным культурам и конфессиям, понимании недопустимости насилия и готовности к активной гражданской позиции по противодействию экстремизму и терроризму, а также на осознании необходимости государственных мер антитеррористической направленности и умения адекватно реагировать на потенциальные угрозы безопасности.

Цели определили задачи профилактической работы:

1. Расширить правовую грамотность обучающихся, ознакомив их с основными положениями законодательства Российской Федерации в сфере борьбы с терроризмом и экстремизмом, а также с нормами международного права, закрепляющими общие подходы к противодействию террористической деятельности.

2. Обеспечить понимание подростками масштабности и многоаспектности террористической угрозы, раскрыть ее социально-политические, психологические, экономические и нравственные последствия, формируя стойкую установку на полное неприятие террористических методов.

3. Воспитывать толерантность и уважение к многонациональному составу российского общества, развивать способность к диалогу и межкультурному взаимодействию, предупреждая любые проявления вражды или дискриминации, провоцирующие рост экстремистских настроений.

4. Сформировать у девятиклассников навыки безопасного поведения при обнаружении подозрительных предметов, при воз-

можной угрозе взрыва или захвата заложников, в местах массового скопления людей, а также научить их алгоритмам обращения в экстренные службы.

5. Развивать критическое мышление и навыки информационной безопасности.

6. Способствовать воспитанию гражданской зрелости и патриотизма, укрепляя у учащихся уверенность в том, что каждый человек может вносить вклад в укрепление безопасности общества, проявляя правовую сознательность, социальную ответственность и непримиримость к любым формам экстремизма.

7. Поддерживать у ребят эмоционально-ценностное восприятие проблемы терроризма, помогая им осознать, что уважение к человеческой жизни, к правам и свободам граждан является непреложной нормой и важнейшим условием стабильного развития государства [7, с. 59].

В современных условиях от того, какие методы и формы взаимодействия педагог использует в повседневной практике, во многом зависит эффективность формирования у школьников основ антитеррористического мировоззрения [8, с. 25]. В случае с девятиклассниками чрезвычайно важно предложить разнообразные, динамичные и вовлекающие формы работы, которые позволят подросткам не только получить знания, но и самостоятельно осмыслить угрозу терроризма, критически оценить поступающую информацию, развить навыки безопасного поведения, а также сформировать толерантное отношение к представителям других культур и религий.

Основным условием успешного формирования антитеррористической культуры у учеников 9 класса является личностно ориентированный подход, который учитывает особенности психологии подросткового возраста: стремление к самостоятельности, желание обсуждать социальные и политические явления, готовность к экспериментам и поиску новых форм самореализации. При этом следует соединять элементы теоретической подготовки и практические упражнения, чтобы подростки научились применять на практике полученные знания. Учитель может интегрировать материал о терроризме в уже существующую образовательную программу по обществознанию и основам безопасности жизнедеятельности (далее – ОБЖ), расширив теоретические блоки, дополнив их анализом реальных кейсов и изучением нормативных правовых актов. Не менее важно привлекать к работе специалистов из правоохранительных органов, психологов, сотрудников антитеррористических подразделений и других экспертов, чтобы школьники получали максимально полное представление о реальных механизмах борьбы с терроризмом и профилактики экстремизма [9, с. 56].

Методы работы с учениками должны быть нацелены как на передачу фактического материала, так и на формирование ценностных установок. С этой точки зрения очень эффективным оказывается сочетание традиционных и интерактивных форм обучения. Традиционными можно назвать уроки-лекции, объяснения нового материала, работу с текстом учебника и конспекты, когда педагог систематически раскрывает правовые аспекты, понятия и ключевые термины (терроризм, экстремизм, ответственность за терроризм). Интерактивность же достигается за счет дискуссий, ролевых игр, кейсов, электронных тестирований, дебатов и групповых проектов, позволяющих подросткам включиться в обсуждение проблематики, учиться выражать собственное мнение, анализировать ситуации и совместно искать ответы на сложные вопросы.

Одним из наиболее результативных способов вовлечь девятиклассников в тему безопасности и антитеррористической подготовки являются различные формы проектной деятельности, поскольку подростки в этом возрасте с энтузиазмом относятся к совместным проектам, где можно проявить инициативу и творческие способности. В ходе таких проектов учащиеся могут, например, изучать мировую статистику террористических актов, анализировать исторические примеры и причины радикализации отдельных групп, готовить информационные буклеты или памятки по действиям в

чрезвычайных ситуациях, разрабатывать мини-фильмы или презентации по темам толерантности и уважения к другому человеку. Проектная деятельность дает детям возможность взаимодействовать друг с другом и с внешними источниками информации, учит их критическому мышлению и ответственности за коллективный результат [10, с. 4].

Важную роль в развитии антитеррористического мировоззрения должны играть встречи с практиками, так как именно такие встречи зачастую производят на подростков яркое впечатление и позволяют увидеть, что теория, о которой они узнали на уроках, воплощается в реальных структурах и конкретных людях, борющихся с террором. Возможность задать специалистам вопросы напрямую способствует формированию более осознанного отношения к проблеме терроризма и дает ребятам ощущение причастности к общему делу национальной безопасности. Учитель может организовать подобные встречи в формате бесед, круглых столов, открытых уроков, что добавит урокам актуальности и практической направленности.

Методы моделирования и ролевых игр позволяют школьникам глубже проникнуться ситуациями, связанными с антитеррористической деятельностью. Например, можно провести учебное занятие, в рамках которого часть учеников «играют» роль прессы, другие – роль представителей правоохранительных органов или простых граждан, столкнувшихся с угрозой взрыва, а третьи – роль аналитиков, пытающихся понять истоки экстремизма. Подобный подход помогает увидеть проблему с разных сторон и стимулирует ребят к тому, чтобы искать мирные пути решения конфликтов, осознавать роль каждого человека в предотвращении насилия. Более того, отражение таких ситуаций в игровой обстановке снижет психологическую напряженность при обсуждении непростых тем, связанных с насилием, страхом и ущербом, который наносит террор [11, с. 20].

Включение в учебные планы и образовательные материалы тем, направленных на воспитание традиционных для российской культуры ценностей, а также ведение работы по повышению профессионального уровня педагогических работников, разработке и внедрению новых образовательных стандартов и педагогических методик, направленных на противодействие терроризму, укрепляют системность в работе учителя. Известно, что в подростковом возрасте могут возникнуть социально-психологические факторы риска (тяга к «героике», поиску быстрых решений, эмоциональная неустойчивость), поэтому логично, что педагог, в том числе классный руководитель, использует более широкий арсенал методов воспитательной работы. Элементы тренингов, мини-лекций по психологии конфликта, групповых обсуждений фильмов и новостей, посвященных проблеме экстремизма, способны помочь ученикам выработать иммунитет к пропаганде насилия.

Наиболее востребованными формами внеклассной деятельности, отражающими тематику антитеррористического просвещения, выступают проект «Мы против террора», традиционные классные часы, посвященные вопросам толерантности, межнационального согласия и бдительности. Классный руководитель может разработать собственную серию таких мероприятий, ориентируясь на интересы учеников. В ходе работы над рисунками или эссе ребята формируют личную эмоциональную оценку терроризма, учатся выражать свое миролюбивое отношение к окружающим. Проектные и исследовательские работы дают возможность глубже копнуть проблему: проанализировать судебную практику по делам о терроризме, рассмотреть исторический аспект терроризма, изучить общественное мнение. Такой подход формирует у подростков умение осмысленно пользоваться источниками, проверять факты, делать аргументированные выводы.

Одним из ключевых методов, формирующих практические навыки безопасного поведения, являются тренировочные занятия и учебные эвакуации, когда ребята отрабатывают конкретные алгоритмы действий:

что делать при обнаружении подозрительного предмета в школе, как координировать свои действия при угрозе террористического акта, как правильно взаимодействовать с администрацией и правоохранительными органами, как сохранять спокойствие в экстренной ситуации и помогать одноклассникам. Подобные учения, если они грамотно организованы и проведены в доступной для подростков форме, создают прочную психологическую основу для ответственной и четкой реакции, а также дают ребятам уверенность, что они способны помочь себе и окружающим в случае реальной угрозы.

Таким образом, образовательные программы формируют у молодежи систему ценностей, основанную на уважении к культурным и религиозным различиям, толерантности и законопослушании, что является ключевым элементом антитеррористической культуры [12, с. 339]. Преподаватели могут применять методы дискуссии и критического анализа: обсуждать информационные поводы (например, новости о предотвращении террористического акта), предлагать старшеклассникам сформулировать собственное отношение к проблеме и проанализировать, какие меры могли бы быть предприняты со стороны общества и государства. Анализ разнополярных точек зрения учит подростков видеть сложность ситуации, избегать стереотипов и понимать, что терроризм нередко питается невежеством, ксенофобией, социальной несправедливостью, а также отсутствием диалога между различными группами [13, с. 25].

Поддержать у ребят интерес к обсуждаемой проблематике помогают дебаты, где одна группа выступает «за» те или иные спорные утверждения (например, по поводу радикальных способов борьбы с несправедливостью), а другая – «против». При условии корректного ведения дискуссии и уважения к участникам она дает отличный тренировочный опыт публичной защиты собственных взглядов, умения приводить факты и аргументы, находить контраргументы. Важным является и обмен ролями в конце – возможность увидеть позицию «другой стороны» позволяет подросткам глубже осознать, почему насилие не может быть справедливым или оправданным средством достижения целей.

Особое место среди методов, позволяющих вовлечь учащихся в профилактику экстремизма и терроризма, занимают игровые формы, тренинги, решение кейсов и проблемных задач, а также взаимодействие с молодежными общественными объединениями, в которых культивируются позитивные способы самореализации. При правильной педагогической поддержке девятиклассники могут понять, что их энергия и активность могут направляться на созидательную работу в социальной, научной, культурной сферах, а не на деструктивные и радикальные действия. Итогом этой работы будет возникновение у ребят внутренней убежденности в ценности мирных методов преобразования общества и непризнании силы как способа навязывания собственных убеждений.

При разработке и выборе форм работы следует также помнить о важности систематической обратной связи. Учитель, беседуя с учащимися, задает вопросы об их отношении к теме антитеррористической безопасности, просит проанализировать те или иные ситуации, фиксирует, насколько они усвоили алгоритмы действий и базовые юридические положения. Эта обратная связь необходима для корректировки методов и форм обучения: если кто-то из ребят высказывает неадекватные или пугающие суждения, педагог получает возможность вовремя провести индивидуальную или групповую коррекционную работу, обсудить в доверительной обстановке причины таких взглядов и привести контраргументы, опираясь на гуманистические и правовые нормы [14, с. 85].

Одним из хорошо зарекомендовавших себя способов обучения подростков бдительности и рациональному поведению в интернет-пространстве становятся практикумы по цифровой гигиене, где учитель вместе с ребятами разбирает типичные схемы вербовки в радикальные сообщества, распространения фейковых новостей, завуалированной пропаганды и т. д. Подростки

учатся отличать достоверные источники информации от сомнительных, понимать, почему неправильная оценка информационного посыла может привести к опасным последствиям. Совместный анализ контента, выявление экстремистских признаков, умение находить объективные данные по реальным событиям – все это вносит весомый вклад в профилактику идеологии насилия среди молодежи.

Проведение классных часов, бесед, конкурсных программ, выставок, конференций в рамках внеурочной деятельности усиливает восприятие школьниками темы антитерроризма, поскольку информирование уже выходит за рамки одного предмета. Если вся школа поддерживает единую атмосферу, направленную на осознание подростками ценности человеческой жизни, терпимости, диалога между культурами и строгое неприятие терроризма, то ученик, погружаясь в эту среду, более последовательно формирует в себе внутреннюю непримиримость к насилию. В таком формате особенно полезно привлекать родителей: круглые столы «Семья против террора», тематические собрания или общешкольные тематические мероприятия могут помочь и взрослым осознать свою роль в раннем выявлении негативных тенденций и необходимости обсуждать с ребенком сложные вопросы, связанные с экстремизмом [15, с. 27].

Методическая поддержка учителей, систематизация учебных материалов, обеспечение разнообразия форм занятий – все это необходимые условия для достижения результата. Педагог, имея на руках подробные методические рекомендации, примеры сценариев уроков и классных часов, перечень информационных ресурсов, может более успешно организовать работу с детьми. К примеру, использование видеоматериалов и раздаточных пособий, подготовленных Национальным антитеррористическим комитетом или региональными антитеррористическими комиссиями, дает возможность наполнить занятия актуальным материалом, отражающим специфику борьбы с терроризмом и экстремизмом в разных регионах России. Для 9 класса особенно важно почувствовать конкретику этой борьбы, понять, как государство обеспечивает безопасность своих граждан и что каждый подросток может сделать, чтобы поддержать соответствующую политику или хотя бы не способствовать распространению идеологии насилия.

Во время проведения мероприятий важно уделять должное внимание психологическому аспекту: тема терроризма и экстремизма может вызывать у учеников сильные эмоции – страх, гнев или ощущение безысходности. Чтобы не оставить подростков наедине с этими чувствами, учитель может применять прием группового обсуждения после сложных тем, дав возможность ребятам поделиться своими переживаниями и вопросами. В такой обстановке педагог корректирует крайние мнения, показывает возможности решения проблем ненасильственным путем, а также напоминает, что государство и общество располагают правовыми, организационными и моральными ресурсами для защиты от терроризма. Именно так у школьников укрепляется уверенность и ощущение защищенности, столь важное при формировании зрелой гражданской позиции.

Разработка учебно-методических материалов по теме профилактики терроризма в образовательной среде для учащихся девятых классов требует комплексного, системного и последовательного подхода, направленного на формирование у обучающихся устойчивой антитеррористической личностной позиции, правового сознания, толерантности и навыков безопасного поведения при возникновении террористических угроз. В условиях современных реалий, когда террористические организации активно используют различные каналы для влияния на молодежь, ключевая роль в формировании защитных механизмов у учащихся отводится учителю основ безопасности жизнедеятельности. Он не только передает необходимые знания и умения в области безопасности, но и способствует формированию системы ценностей, основанной на уважении к чело-

веку, его культуре и национальной принадлежности, неприятии идеологии насилия и экстремизма.

Разработка учебно-методических материалов строится на основе анализа требований федерального государственного образовательного стандарта, а также с учетом федеральных законов Российской Федерации, таких как «О противодействии терроризму», «О профилактике экстремистской деятельности», а также Концепции противодействия терроризму в Российской Федерации. Важным является соблюдение принципов научности, доступности, возрастной адекватности материала, а также личностноориентированного подхода к каждому обучающемуся.

Учебно-методические материалы по теме «Профилактика терроризма» для учащихся 9 класса включают в себя лекционный материал, практические занятия, тренинговые задания, дискуссионные формы работы, а также диагностические инструменты для контроля усвоения материала и оценки уровня сформированности антитеррористической позиции.

Основные задачи разработанных материалов заключаются в следующем: формирование у учащихся четкого понимания сущности терроризма как социального явления; ознакомление с основными формами проявления терроризма и методами его профилактики; воспитание толерантного отношения к представителям других национальностей, религий и культур; развитие критического мышления, устойчивости к манипуляциям и пропаганде экстремистских организаций; формирование практических навыков безопасного поведения в условиях угрозы террористического акта.

Учебные занятия строятся по модульной системе, каждый модуль направлен на достижение определенной цели. Первый модуль посвящен теоретическим основам: понятие терроризма, его цели, задачи, основные формы проявления и последствия. Особое внимание уделяется рассмотрению терроризма как преступления против безопасности общества и государства.

В рамках второго модуля проводится анализ правовой основы противодействия терроризму и борьбе с ним.

Третий модуль направлен на развитие практических навыков. Особое место в данном модуле занимает тренинг по развитию навыков самоконтроля в стрессовой ситуации, так как правильное поведение при угрозе террористического акта напрямую связано с психологической подготовленностью человека.

Четвертый модуль посвящен вопросам формирования антитеррористической личностной позиции. Здесь применяются интерактивные формы работы: дискуссии, дебаты, работа в группах, анализ кейс-ситуаций. Разработка эссе на темы «Толерантность как путь к миру», «Почему я против терроризма» позволяет каждому обучающемуся выразить свою личную позицию.

Для контроля уровня сформированности у учащихся знаний по теме, а также их личностной позиции в учебно-методических материалах предусмотрены диагностические методики: анкетирование, тестирование, ситуативные задания. На основе их анализа учитель ОБЖ может скорректировать содержание и формы дальнейшей работы.

Одним из ключевых компонентов учебно-методических материалов является интеграция межпредметных связей. На уроках истории учащимся предоставляются сведения о возникновении и эволюции терроризма в мировой истории. На уроках обществознания рассматриваются вопросы правового регулирования борьбы с терроризмом, прав человека и механизмы их защиты. Уроки географии позволяют учащимся познакомиться с политической картой мира и выявить регионы, наиболее подверженные террористическим угрозам. Уроки литературы, духовно-нравственной культуры народов России позволяют на эмоциональном уровне донести до обучающихся ценности мира, взаимопонимания и уважения.

Немаловажным аспектом является использование внеурочного времени для углубленного изучения темы профилактики терроризма. Для этого в рамках разработан-

Таблица 1. Тематический план занятий по профилактике терроризма для 9 класса

№ п/п	Тема занятия	Форма работы	Ожидаемый результат
1	Понятие терроризма: цели, методы, последствия	Лекция-беседа	Формирование представления о терроризме
2	Правовые основы противодействия терроризма	Практикум с элементами тестирования	Знание правовых аспектов борьбы с терроризмом
3	Как вести себя при угрозе теракта	Ролевая игра	Овладение практическими навыками
4	Причины вовлечения молодежи в террористические организации	Дискуссия	Развитие критического мышления
5	Толерантность как основа профилактики терроризма	Круглый стол	Формирование толерантного сознания
6	Профилактика идеологии насилия в Интернете	Проектная работа	Осознание угроз информационного воздействия
7	Итоговое анкетирование	Анкетирование и рефлексия	Оценка уровня сформированности антитеррористической позиции

ных материалов предусмотрено проведение классных часов, родительских собраний, тематических встреч с представителями правоохранительных органов, конкурсных мероприятий. Также предлагается организация круглых столов на тему «Терроризм – угроза XXI века», творческих конкурсов плакатов, эссе, социальных проектов на тему антитеррористической безопасности.

Отдельное внимание уделяется разработке раздаточного материала для учащихся. Раздаточные материалы включают памятки, буклеты, схемы действий при различных типах угроз, выдержки из законодательных актов, таблицы различий между понятиями «экстремизм» и «терроризм», примеры реальных случаев террористических актов и их последствий.

Для родителей также разрабатывается отдельный методический блок, включающий в себя рекомендации по выявлению признаков вовлечения детей в экстремистскую деятельность, советы по формированию у ребенка устойчивого неприятия идеологии насилия, способы профилактики интернет-рисков.

Заключение

Таким образом, наша разработка деятельности по профилактике терроризма для девятиклассников образовательного учреждения в г. Уфе представляет собой комплексную систему, объединяющую урочную и внеурочную деятельность, направленную на формирование у учащихся знаний, умений и личностных установок, способствующих эффективной профилактике терроризма. Дальнейшая реализация данной системы в образовательном процессе позволит не только повысить уровень информированности обучающихся о существующих угрозах, но и вооружить их необходимыми навыками для безопасного поведения, воспитания чувства гражданской ответственности и активной жизненной позиции, основанной на идеалах мира, добра и уважения к человеку. Система методов и форм работы с девятиклассниками по теме антитеррористической безопасности включает в себя как классические, так и инновационные педагогические технологии: от объяснительно-иллюстративных уроков, где дается базовая информация о правовом регулировании и сущности терроризма, до интерактивных тренингов, кейсов, проектных и исследовательских работ, дискуссий, дебатов, конференций, выставок и встреч с экспертами. Именно разнообразие форм помогает учесть индивидуальные осо-

Таблица 2. Пример содержания памятки для учащихся

Ситауция	Действия учащегося
Обнаружение подозрительного предмета	Не прикасаться, сообщить взрослым или в правоохранительные органы, отойти на безопасное расстояние
Угроза взрыва в здании	Следовать указаниям взрослых, сохранять спокойствие, организованно покинуть здание
Захват заложников	Не сопротивляться, запоминать приметы террористов, соблюдать инструкции силовых структур

бенности обучающихся, дает им возможность проявлять инициативу и критическое мышление, а самое главное, воспитывает у них стойкое неприятие терроризма как социального явления, подводит к пониманию, что защита жизни и свободы каждого человека – это общая задача всего общества, где роль подростков не сводится к пассивному наблюдению. Напротив, получая систему представлений о правовых основах антитеррористической политики и практических навыков, девятиклассники могут уже сегодня вносить вклад в безопасность своей школы.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Дикаев С. У. Терроризм: феномен, обусловленность и меры противодействия: уголовно-правовое и криминологическое исследование: дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2004. 345 с.

2. Борьба с терроризмом: новые вызовы и угрозы: монография / под общ. ред. В. В. Меркурьева; Университет прокуратуры Российской Федерации. М.: Проспект, 2023. 680 с.

3. Тарасова А. И., Хабибова Л. Д. Методики предотвращения террористических угроз в образовательных учреждениях в России // XVII Акмуллинские чтения: материалы Международной научно-практической конференции. Том 1. Уфа: Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, 2022. С. 207–208.

4. Олокина П. А., Биккинин И. А. Некоторые меры предупреждения правонарушений в учреждениях общего образования // Этнопедагогика как ресурс воспитания и становления личности через приобщение к традиционной родной культуре (XIX Акмуллинские чтения): материалы Международной научно-практической конференции. Уфа: Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, 2024. С. 208–209.

5. Трушкова Т. М. Правовые основы противодействия терроризму в образовательных организациях // Вестник Прикамского социального института. 2021. № 1 (88). С. 22–26.

6. Абисова К. С. Детерминация и предупреждение террористической деятельности: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2023. 259 с.

7. Трухачёва Н. В. Ответственность за публичные призывы к осуществлению террористической деятельности: административно-правовой аспект // Вопросы российского права. 2021. № 8 (152). С. 58–65.

8. Taylor I., Walton P., Young J. The New Criminology: For a Social Theory of Deviance. London: Routledge, 2013. 400 p.

9. Соловьёв В. И. Профилактика терроризма: правовые и организационные аспекты // Вопросы права. 2020. № 10. С. 56–60.

10. Снеговой А. В. Организационно-правовые аспекты взаимодействия министерств внутренних дел государств – участников СНГ в антитеррористической деятельности: автореферат дис. … канд. юрид. наук. М., 2005. 25 с.

11. Мальков С. М., Шеслер А. В. Актуальные направления противодействия наркопреступности и наркомании в России // Особенности современной наркоситуации и основные направления противодействия наркопреступности. Сибирский юридический институт ФСКН России, 2012. С. 20–35.

12. Диваева И. Р., Салихова И. Р. Преступность несовершеннолетних на современном этапе развития российского общества // Сборник научных трудов по итогам научно-представительских мероприятий, проводимых в Уфимском юридическом институте МВД России в 2024 году. Уфа: Уфимский юридический институт МВД России, 2024. С. 336–339.

13. Коваленко Н. А. Антитеррористическая деятельность муниципальных органов власти в городских поселениях: социологический анализ: дис. … канд. социол. наук. М., 2022. 190 с.

14. Лукина И. В. Антитеррористическая безопасность: проблемы законодательного обеспечения в России // Юридическая мысль. 2021. № 6. С. 85–88.

15. Чрезвычайное законодательство и борьба с терроризмом: сборник научных статей. Москва: Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2003. 146 с.

REFERENCES

1. Dikaev S. U. Terrorism: Phenomenon, Determination, and Countermeasures: A Criminal-Law and Criminological Study: Doctor of Law Dissertation. St. Petersburg, 2004. 345 p. (In Russ.)

2. The Fight Against Terrorism: New Challenges and Threats: monograph / edited by V. V. Merkuriev; University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation. Moscow: Prospect, 2023. 680 p. (In Russ.)

3. Tarasova A. I., Khabibova L. D. Methods for Preventing Terrorist Threats in Educational Institutions in Russia // XVII Akmulla Readings: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference. Volume 1. Ufa: Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla, 2022. P. 207–208. (In Russ.)

4. Olokina P. A., Bikkinin I. A. Some measures to prevent offenses in general education institutions // Ethnopedagogy as a resource for education and personality development through familiarization with traditional native culture (the 19th Akmulla Readings): proceedings of the International Scientific and Practical Conference. Ufa: Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla, 2024. P. 208–209. (In Russ).

5. Trushkova T. M. Legal basis for countering terrorism in educational organizations // Bulletin of the Kama Social Institute. 2021. No. 1 (88). P. 22–26. (In Russ.)

6. Abisova K. S. Determination and prevention of terrorist activity: diss. ... Cand. of Law. Krasnodar, 2023. 259 p. (In Russ.)

7. Trukhacheva N. V. Liability for Public Calls to Commit Terrorist Activities: The Administrative-Legal Aspect // Issues of Russian law. 2021. No. 8 (152). P. 58–65. (In Russ.)

8. Taylor I., Walton P., Young J. The New Criminology: For a Social Theory of Deviance. London: Routledge, 2013. 400 p.

9. Soloviev V. I. Terrorism Prevention: Legal and Organizational Aspects // Voprosy Prava. 2020. No. 10. P. 56–60. (In Russ.)

10. Snegovoy A. V. Organizational and Legal Aspects of Interaction between the Ministries of Internal Affairs of the CIS Member States in Anti-Terrorist Activities: abstract of diss. ... Cand. of Law. Moscow, 2005. 25 p. (In Russ.)

11. Malkov S. M., Shesler A. V. Current Directions for Combating Drug-Related Crime and Drug Addiction in Russia // Features of the Current Drug Situation and the Main Directions for Combating Drug-Related Crime. Siberian Law Institute of the Federal Drug Control Service of Russia, 2012. P. 20–35. (In Russ.)

12. Divaeva I. R., Salikhova I. R. Juvenile Delinquency at the Current Stage of Development of Russian Society // Collection of Scientific Papers Based on the Results of Scientific and Presentational Events Held at the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia in 2024. Ufa: Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2024. P. 336–339. (In Russ.)

13. Kovalenko N. A. Anti-terrorist Activities of Municipal Authorities in Urban Settlements: Sociological Analysis: diss. … Cand. of Sociology. Moscow, 2022. 190 p. (In Russ.)

14. Lukina I. V. Anti-terrorist security: problems of legislative support in Russia // Legal Thought. 2021. No. 6. P. 85–88. (In Russ.)

15. Emergency legislation and the fight against terrorism: a collection of scientific articles. Moscow: Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2003. 146 p. (In Russ.)

Информация об авторах:
И. С. Сазонов, без ученой степени;
И. А. Биккинин, доктор юридических наук, профессор.

Information about the authors:
I. S. Sazonov, no academic degree;
I. A. Bikkinin, Doctor of Law, Professor.

Статья поступила в редакцию 30.07.2025; одобрена после рецензирования 30.09.2025; принята к публикации 17.11.2025.

The article was submitted 30.07.2025; approved after reviewing 30.09.2025; accepted for publication 17.11.2025.

Научная статья
УДК 81'276.6:351.74.078

КОНЦЕПТЫ, СВЯЗАННЫЕ С ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ СОТРУДНИКОВ ПОЛИЦИИ: РЕКОНСТРУКЦИЯ АССОЦИАТИВНЫХ ПОЛЕЙ В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ НОСИТЕЛЕЙ ПОРТУГАЛЬСКОГО, ФРАНЦУЗСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ

Юлия Ивановна Алферова
Омская академия МВД России, Омск, Россия, yuliya_alferova@mail.ru

Аннотация. Исследования языкового сознания людей определенной профессии основаны на построении конструктов ассоциативных полей концептов, имеющих отношение к их профессиональной деятельности. Для выявления общих (для одной профессиональной группы) и специфических характеристик ассоциативных полей одних и тех же концептов целесообразно использовать психолингвистические методики, в том числе ассоциативный эксперимент. Актуальна задача установления универсальных (наднациональных) компонентов, активизирующихся в языковом сознании представителей одной профессии – носителей разных языков. В данной статье представлены модели концептов на основе ассоциативных полей, реконструированных по результатам свободного ассоциативного эксперимента с представителями профессии полицейского – носителями французского, португальского и русского языков. В качестве слов-стимулов выступили следующие термины и термино-ориентированные языковые знаки: «закон», «полицейский» , «наказание».

Ключевые слова: термины, термино-ориентированные языковые знаки, концепт, профессиональное языковое сознание, ассоциативный эксперимент, ассоциативное поле.

Для цитирования: Алферова Ю.И. Концепты, связанные с профессиональной деятельностью сотрудников полиции: реконструкция ассоциативных полей в языковом сознании носителей португальского, французского и русского языков // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2025. № 4 (110). С. 147–154.

Original article

CONCEPTS RELATED TO THE POLICE OFFICERS' PROFESSIONAL ACTIVITIES: RECONSTRUCTION OF ASSOCIATIVE FIELDS IN THE LINGUISTIC CONSCIOUSNESS OF PORTUGUESE, FRENCH AND RUSSIAN SPEAKERS

Yuliya I. Alferova
Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Omsk, Russia
yuliya_alferova@mail.ru

Abstract. Studies of the linguistic consciousness of people of a certain profession are based on the construction of associative fields of concepts related to their professional activity. To identify common (for one professional group) and specific characteristics of associative fields of the same concepts, it is advisable to use psycholinguistic techniques, including an associative experiment. The task of establishing universal (supranational) components that are activated in the linguistic consciousness of representatives of one profession – speakers of different languages – is relevant. This article presents models of concepts on the basis of associative fields reconstructed according to the results of free associative experiment with representatives of the police profession – native speakers of French, Portuguese and Russian. The following terms and term-related linguistic signs were used as stimulus words: law, policeman, punishment.

© Алферова Ю. И., 2025

Keywords: terms, term-related linguistic signs, concept, professional linguistic consciousness, associative experiment, associative field.

For citation: Alferova Yu. I. Concepts related to the police officers' professional activities: reconstruction of associative fields in the linguistic consciousness of Portuguese, French and Russian speakers // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025 No. 4 (110). P. 147–154. (In Russ.)

Введение

Актуальность данного исследования обусловлена современными тенденциями в развитии лингвистики, психолингвистической науки, проявляющимися в попытках выявить общие и отличительные признаки концептов в профессиональном языковом сознании сотрудников полиции – носителей разных языков.

Исследование носит сопоставительный характер: в качестве материала используются результаты ассоциативных экспериментов, проведенных с носителями португальского, французского и русского языков; лексический материал отражает особенности именно профессиональной деятельности полицейского; все респонденты являются сотрудниками органов правопорядка. Впервые реконструируются ассоциативные поля концептов, относящихся к профессиональной деятельности сотрудника полиции, на предмет их актуализации в языковом сознании носителей португальского, французского и русского языков.

Целью исследования является изучение фрагментов профессионального языкового сознания сотрудников правоохранительных органов – носителей португальского, французского и русского языков.

Для достижения цели были определены следующие задачи:

– сопоставить результаты ассоциативных экспериментов, проведенных на португальском, французском языках среди иностранных слушателей вузов МВД России – представителей полицейской профессии, и экспериментов, проведенных с носителями русского языка;

– сопоставить результаты ассоциативных экспериментов, проведенных на русском языке с обучающимися второго курса и действующими сотрудниками полиции со стажем от 1,5 до 19 лет;

– установить общие и специфические компоненты каждого из реконструированных ассоциативных полей концептов, репрезентированных лексическими единицами португальского, французского и русского языков.

Материал включает результаты свободного ассоциативного эксперимента, проведенного с представителями профессии полицейского – носителями португальского, французского и русского языков.

Изучение фрагментов профессионального языкового сознания полицейских основано на реконструкции ассоциативных полей концептов, относящихся к их профессиональной деятельности. Впервые концепты, относящиеся к профессиональной деятельности сотрудника полиции, рассматриваются на основе португальского, французского и русского языков.

Теоретическую базу исследования составляют работы в области когнитивной лингвистики, психолингвистики, посвященные вопросам языкового сознания [1; 2], особенностям функционирования профессионального языкового сознания [3; 4; 5; 6; 7].

Связь деятельности и профессионального сознания подчеркивается во многих исследованиях: «формирование профессионального языкового сознания происходит в процессе профессиональной деятельности и профессиональном общении путем усвоения специального языка и операций профессиональной деятельности» [4, с. 6]; «профессиональное сознание выступает, прежде всего, как деятельностно организованное сознание» [3, с. 55]. Ведущим фактором формирования профессионального сознания называется «деятельность субъектов труда, организованная в речевом общении, так как только в общении и взаимодействии с другими возможна трансляция и усвоение профессиональных знаний» [5, с. 136].

Профессиональное языковое сознание рассматривается в рамках изучения языковой личности: «функционирование профессионального языкового сознания осуществляется в речевой деятельности языковой профессиональной личности» [4, с. 6]. Важным при толковании языкового сознания является понимание того, что языковое сознание «отражает не любой и всякий опыт, а только связанный именно с наиболее общими (существенными) характеристиками деятельности, которую осуществляют члены определенной группы и которая эмоционально-личностно переживается ими» [8, с. 72]. Таким образом, результаты психолингвистических экспериментов можно «объяснять через их связи с опытом людей как членов определенных групп» [8, с. 69], в нашем случае как лиц, принадлежащих одной профессии.

Исследование «ассоциативных связей, возникающих в рамках профессионального дискурса» [9, с. 1140], приближает нас к пониманию структуры профессиональной языковой личности. Сознание профессионала «овнешняется» при помощи языка, который «аккумулирует особенности профессиональной деятельности и тем самым структурирует профессиональную языковую картину мира» [10, с. 15].

Под профессиональным языковым сознанием мы понимаем часть языкового сознания индивида, связанную с интерпретацией феноменов профессиональной сферы, означенных с помощью языковых средств, в субъективной семантике которых отражен опыт, приобретенный в профессиональной деятельности.

Методы

В качестве методов исследования использовались свободный (ненаправленный) ассоциативный эксперимент, сопоставительный метод для выявления степени сходства и различия полученных результатов, количественный метод.

Для изучения профессионального языкового сознания в его динамике и соотнесении с реальной действительностью и современностью в качестве источников привлекаются результаты различных психолингвистических экспериментов, в данном исследовании мы опираемся на результаты свободного ассоциативного эксперимента.

Изучение взаимодействия концептов, относящихся к профессиональной деятельности индивида, на основе ассоциативного эксперимента целесообразно, поскольку «процессы ассоциирования протекают как процессы конструирования смыслов» [11, с. 28].

Новизна исследования определяется тем, что предпринята попытка исследовать несколько концептов, относящихся к правоохранительной деятельности, сопоставить модели вербализуемых частей концептов, представленные средствами нескольких языков.

Практическая значимость исследования состоит в возможности использования его материалов в практике составления статей идеографического словаря (на русском языке, в том числе с целью ознакомления с ними иностранных слушателей, изучающих русский язык как иностранный) номинантов концептов, относящихся к сфере правоохранительной деятельности. Результаты данного исследования могут быть включены в дальнейшую работу по выявлению определенных стабильных смысловых структур в составе профессионального языкового сознания, при сопоставлении с результатами ассоциативных экспериментов по этим же концептам в рамках трендовых исследований с носителями разных языков. Материалы ассоциативных экспериментов, полученные на французском, португальском языках, могут быть включены как элемент методологической базы для подготовки профессорско-преподавательского состава к преподаванию курса дисциплин для иностранных слушателей в образовательных организациях МВД России.

Результаты

Моделирование ассоциативных полей осуществлялось на основе данных, полученных в ходе ассоциативных экспериментов, проведенных в разные периоды с респондентами, чья будущая профессиональная деятельность связана с охраной правопорядка,

следствием, уголовным розыском – носителями португальского, французского и русского языков. Эксперименты 2019–2023 гг. проводились с обучающимися Омской академии МВД России (возраст 17–23 года) в письменной форме. Эксперименты с участием иностранных слушателей проводились в период с 2024 по 2025 г.; с действующими сотрудниками правоохранительных органов – носителями русского языка в период с 2023 по 2025 г.

Что касается анализа ассоциаций, данных на французском и португальском языках, то после использования переводных словарей с целью уточнения информации, максимального исключения недопонимания автор обращался непосредственно к носителям этих языков, при этом языками-посредниками в этом случае были русский и английский.

Анализ результатов ассоциативных экспериментов позволил реконструировать фрагменты профессионального языкового сознания полицейского, связанные с концептами, вербальными репрезентантами которых выступают лексемы французского, португальского и русского языков (loi / lei / закон; policier / agente da polícia / полицейский; punition / punição / наказание).

Анализ структуры ассоциативных полей концептов loi / lei / закон.

Выявленные в профессиональном языковом сознании носителя французского языка компоненты, связанные с целью применения закона (регулировать отношения в обществе, чтобы жить вместе хорошо) и объектом, ради кого этот закон применяется (общество людей, жизнь в обществе), оказались не актуальны для сознания представителя профессии полицейского – носителя русского языка, в языковом сознании носителя португальского языка данные компоненты выражены следующими ассоциациями: правила сосуществования – normas de convivencia; обязанности и обязательства граждан – deveres e obligacoes do cidadas.

Распределение ассоциаций на русском языке на примере сотрудников с большим опытом и курсантов выглядит следующим образом: правило, право и пр. – 32 % действующих сотрудников, 32,3 % курсантов; власть, правительство – 24 % действующих сотрудников, 6,5 % курсантыов; конкретизация (конституция, статья, уголовный кодекс и т. д.) проявилась в 16 % ассоциаций у действующих сотрудников и в 33,9 % – у курсантов второго курса.

Изучение фрагмента языкового сознания, связанного с концептом закон, позволило установить, что для носителей французского и португальского языков актуализируется преимущественно значение закона как правила общественного поведения, являющегося общепринятым, обязательным, а не нормативного акта, постановления высшего органа государственной власти, принятого в установленном порядке и имеющего юридическую силу.

Анализ структуры ассоциативных полей концептов policier / agente da polícia / полицейский.

В языковом сознании сотрудников полиции – носителей французского языка (представителей Камеруна и Бурунди) в первую очередь актуализируется деятельностный аспект, семантически выраженный глагольными формами и существительными (безопасность, защита/защищать, расследование, обеспечивать общественный порядок и пр.), который составил 84,6 % всех реакций.

Аналогичным образом выглядит ядро ассоциативного поля agente da polícia в сознании носителей португальского языка (представителей Анголы) – например, такие реакции, как manter a ordem e tranquilidade da população – восстановить порядок и спокойствие среди населения, составили 53,3 % от общего количества ассоциаций.

Для профессионального сознания сотрудника полиции – носителя русского языка актуальны компоненты, относящиеся к объекту деятельности полицейского (обеспечивает реализацию чего: закона, порядка, правопорядка и т. д. – такие ассоциации оставили 21,7 % от всех реакций, данных действующими сотрудниками с продолжительным опытом и 23 % ассоциаций, данных курсантами

второго курса), а также элементы дефиниции и обобщения («сотрудник полиции»). «Полиция» как система особых государственных органов предназначена для обеспечения безопасности личности, общества и государства, защиты жизни, здоровья, прав и свобод граждан, для противодействия преступности, охраны общественного порядка.

В сознании действующих сотрудников полиции (со стажем службы от 1,5 до 19 лет) – носителей русского языка качества полицейского являются актуальными и их вербализация составила 13 % ассоциаций (вежливый, честь, справедливость, доблесть и пр.); в 9,2 % – актуально для курсантов 2 курса (2024–2025) (справедливость, уверенность, строгий, строгость, гордость и т.д.); для действующих сотрудников полиции – носителей французского языка – данный компонент не реализуется; для действующих сотрудников полиции – носителей португальского языка представлен в 6,6 % реакций.

Необходимо отметить, что, в отличие от курсантов второго курса, для сотрудников с более продолжительным стажем в полиции смысловое содержание анализируемого концепта пересекается с деятельностным аспектом (помощь, спасение и пр., что составляет 17,4 % от общего числа ассоциаций), что указывает на сходство фрагментов сознания, связанных с концептом «полицейский» у носителей всех указанных языков, имеющих более продолжительный опыт полицейской службы. Но при этом действия полицейского для носителей французского и португальского языков относятся к ядру анализируемого ассоциативного поля в сознании сотрудников полиции – носителей французского и португальского языков (84,6 % и 53,3 % соответственно).

Анализ структуры ассоциативных полей концептов punition / punição / наказание.

Для носителей португальского и русского языков актуализируется общее ядро данного концепта, представленное гипонимами: на русском языке – действующие сотрудники полиции (21 %), курсанты второго курса (38,5 %); на португальском языке – 21,4 %. В сознании носителя французского языка ядро данного концепта вербализуется синонимическим рядом (37,9 %) (châtiment – кара, возмездие) и лексическим единицами, номинирующими цели наказания (24,1 %) – rehabilitation, reeducation, réadaptation (перевоспитание), correction (исправление). Гипонимические отношения выразились в 13,8 % ассоциаций.

Как для носителей французского, так и для носителей португальского языка важное значение имеет раскаяние того, кого наказывают (состояние осознания своей вины, сожаление о совершенном поступке, проступке, ошибочном действии: arrependimento (португальский язык), penitence (французский язык).

В целом, что касается состояния наказываемого, то эмоциональный компонент составил 14,3 % в структуре ассоциативного поля «наказание» носителей португальского языка (dor – боль, sofrimento – страдания, medo – страх); в сознании носителей русского языка (курсантов второго курса) этот компонент актуализован в 6 % ассоциаций (боль, тягота, тревога и др.) и в 4,3 % – у действующих сотрудников с продолжительным стажем в правоохранительных органах (грусть, боль).

Что касается динамики, то и для профессионального языкового сознания носителя русского языка – сотрудника правоохранительных органов, и в языковом сознании обывателя данное ядро является стабильным на протяжении двух десятилетий [12, с. 153].

К отличительным чертам в ситуации с концептом «наказание» отнесем следующее: сотрудники правоохранительных органов – носители французского языка актуализируют цель наказания.

Заключение

Таким образом, автором было проведено исследование специфики языкового сознания носителей португальского, французского и русского языков определенной профессиональной группы и особенностей ее отражения в применяемых типах ассоциативных реакций. Изученные фрагменты профессионального языкового сознания

включают в себя определенные компоненты, которые оказались общими для носителей французского, португальского и русского языков – представителей одной профессиональной группы.

По всем концептам тем или иным образом актуализируется предметно-понятийный компонент. Ярко выраженный деятельностный аспект подтверждает тезис о том, что профессиональное языковое сознание формируется под влиянием профессиональной деятельности носителя языка.

Что касается стратегий ассоциирования, необходимо подчеркнуть, что для иностранных слушателей – носителей французского и португальского языков – доминирующей является стратегия составления дефиниций. Как отмечают исследователи, «толкование лексического значения слова говорящим – это способ отражения психологической структуры значения (представления о значении слова в сознании носителя языка) и того практического и коммуникативного опыта, который окружал употребление данного слова говорящим и всем языковым коллективом» [13, с. 24].

Изучение фрагментов языкового сознания с помощью ассоциативных экспериментов остается актуальным в связи с пониманием речевой организации человека как «динамической функциональной системы» [14, с. 34]: во-первых, их результаты (полученные от респондентов ассоциации) можно рассматривать как текст, продукт речевой деятельности, поскольку «единство стимула и реакции рассматривается как речевое действие» [15, с. 106]; во-вторых, ассоциативный эксперимент раскрывает вербальное содержание, стоящее за концептом, относящимся к профессиональной деятельности респондента, и приоткрывает для исследователя когнитивные механизмы памяти, задействованные как при извлечении информации, так и при установлении связей между различными концептами в сознании индивида.

В качестве перспектив дальнейшего исследования заявленной проблематики можно назвать расширение списка языков, носители которых выступали бы в роли респондентов при проведении ассоциативного эксперимента, с целью определения общего и различного в стратегиях ассоциирования, применяемых носителями разных языков, но принадлежащих одной профессиональной сфере; а также расширение списка слов-стимулов, в том числе для установления того, насколько выявленные стратегии ассоциирования присущи носителю именно в связи с терминами, или они характерны при реакции на любые слова-стимулы, в список слов-стимулов целесообразно включить и общеупотребительную лексику (работа в данном направлении уже ведется).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Залевская А. А., Медведева И. Л. Психолингвистические проблемы учебного двуязычия. Тверь, 2002. 194 с.

2. Бутакова Л. О., Гуц Е. Н., Орлова Н. В. Проект «региональное языковое сознание: возрастной аспект» // Вопросы психолингвистики. 2018. № 2 (36). С. 146–167.

3. Антонова И. С. О соотношении понятий «языковое сознание» и «профессиональное языковое сознание» // Социосфера. 2010. № 4. С. 52–57.

4. Мыскин С. В. Профессиональное языковое сознание и особенности его функционирования: дис. … докт. филол. наук. М., 2016. 670 с.

5. Мыскин С. В. Профессиональное сознание: языковое и неязыковое // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 12 (30). Ч. II. С. 135–140.

6. Харченко Е. В. Языковое сознание профессионала как предмет психолингвистики // Языковое сознание и образ мира: сб. статей / отв. ред. Н. В. Уфимцева. М.: ИЯ РАН, 2000. 320 с.

7. Шаманова М. В., Виноградова М. В. Особенности восприятия лексем семантической группы «Внутренние органы человека» обыденным и профессиональным языковым сознанием (на материале лексемы сердце) // Социальные и гуманитарные знания. 2020. Том 6. № 2. С. 186–195.

8. Яковлев А. А. К анализу содержания понятия «языковое сознание» // Вестник ТвГУ. Серия «Филология». 2020. № 4 (67). С. 69–73.

9. Алферова Ю. И., Смердина Е. Ю., Малахова М. Н. Актуализация профессионального лексикона учебного билингва на разных этапах изучения английской терминологии правоприменительной деятельности // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Том 15. Выпуск 4. С. 1139–1147.

10. Масыч Т. Л. Профессиональная языковая картина мира сотрудников правоохранительных органов: на материале русского языка: автореф. дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 2010. 21 с.

11. Курганова Н. И. Ассоциативный эксперимент как метод исследования значения живого слова // Вопросы психолингвистики. 2019. № 3 (41). С. 24–37.

12. Алферова Ю. И. Профессионально маркированные компоненты языкового сознания, репрезентированные единицами родного и изучаемого языков: дис. … канд. филол. наук. Барнаул, 2005. 219 с.

13. Овчинникова И. Г. Ассоциации и высказывание. Структура и семантика: учебное пособие по спецкурсу. Пермь: ПГУ, 1994. 124 с.

14. Залевская А. А. Слово. Текст. Избранные труды. М.: Гнозис, 2005. 543 с.

15. Пищальникова В. А. Ассоциативный эксперимент и психолингвистическое исследование личностной идентичности // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. № 2 (844). С. 105–117.

REFERENCES

1. Zalevskaya A. A., Medvedeva I. L. Psycholinguistic problems of educational bilingualism. Tver, 2002. 194 p. (In Russ.)

2. Butakova L. O., Guts E. N., Orlova N. V. Project “Regional linguistic consciousness: age aspect” // Questions of psycholinguistics. 2018. No. 2 (36). P. 146–167. (In Russ.)

3. Antonova I. S. On the relationship between the concepts of “linguistic consciousness” and “professional linguistic consciousness” // Sociosphere. 2010. No. 4. P. 52–57. (In Russ.)

4. Myskin S. V. Professional linguistic consciousness and features of its functioning: dis. ... Doctor of Philology. Moscow, 2016. 670 p. (In Russ.)

5. Myskin S. V. Professional consciousness: linguistic and non-linguistic // Philological sciences. Theoretical and Practical Issues. 2013. No. 12 (30). Part II. P. 135–140. (In Russ.)

6. Kharchenko E. V. Linguistic consciousness of a professional as a subject of psycholinguistics // Linguistic consciousness and image of the world: collection of articles / ed. N. V. Ufimtseva. Moscow: Institute of Languages of the Russian Academy of Sciences, 2000. 320 p. (In Russ.)

7. Shamanova M. V., Vinogradova M. V. Features of perception of lexemes of the semantic group “Human internal organs” by everyday and professional linguistic consciousness (based on the lexeme heart) // Social and humanitarian knowledge. 2020. Vol. 6. No. 2. P. 186–195. (In Russ.)

8. Yakovlev A. A. On the analysis of the content of the concept of “linguistic consciousness” // Bulletin of TvSU. Series “Philology”. 2020. No. 4 (67). P. 69–73. (In Russ.)

9. Alferova Yu. I., Smerdina E. Yu., Malakhova M. N. Updating the professional vocabulary of a bilingual student at different stages of studying English terminology of law enforcement activities // Philological sciences. Theory and practice issues. 2022. Volume 15. Issue 4. P. 1139–1147. (In Russ.)

10. Masych T. L. Professional linguistic picture of the world of law enforcement officers: based on the Russian language: author’s abstract. dis. ... Candidate of Philology. Volgograd, 2010. 21 p. (In Russ.)

11. Kurganova N. I. Associative experiment as a method for studying the meaning of a living word // Questions of psycholinguistics. 2019. No. 3 (41). P. 24–37. (In Russ.)

12. Alferova Yu. I. Professionally marked components of linguistic consciousness represented by units of the native and studied languages: dis. … Candidate of Philology. Barnaul, 2005. 219 p. (In Russ.)

13. Ovchinnikova I. G. Associations and utterance. Structure and semantics: a tutorial on a special course. Perm: PSU, 1994. 124 p. (In Russ.)

14. Zalevskaya A. A. Word. Text. Selected works. Moscow: Gnosis, 2005. 543 p. (In Russ.)

15. Pishchalnikova V. A. Associative experiment and psycholinguistic study of personal identity // Bulletin of Moscow State Linguistic University. Humanities. 2021. No. 2 (844). P. 105–117. (In Russ.)

Информация об авторе:
Ю. И. Алферова, кандидат филологических наук, доцент.

Information about the author:
Yu. I. Alferova, Candidate of Philology, Assistant Professor.

Статья поступила в редакцию 06.06.2025; одобрена после рецензирования 27.08.2025; принята к публикации 17.11.2025.

The article was submitted 06.06.2025; approved after reviewing 27.08.2025; accepted for publication 17.11.2025.

Научная статья
УДК 378.141.4:811.111'243(517.3)

КОНТЕКСТНО-ОРИЕНТИРОВАННЫЙ АНАЛИЗ УЧЕБНЫХ ПРОГРАММ ПО АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ ДЛЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЦЕЛЕЙ

Доржсэмбэ Долгоржав[1], Елена Александровна Петрова[2]
[1] Университет внутренних дел Монголии, Улан-Батор, Монголия
[2] Уфимский юридический институт МВД России, Уфа, Россия
[1] eleina.froloff@yandex.ru, [2] mrsdoogii@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена контекстно-ориентированной оценке учебных программ по английскому языку для специальных целей (ESP) для подготовки сотрудников правоохранительных органов. В частности, анализируется учебник, используемый для занятий ESP у курсантов полицейской школы Университета внутренних дел Монголии. Подчеркивается, что содержание учебников должно основываться на компетентностном подходе. Контекстно-ориентированный анализ учебников показал их соответствие международным и национальным образовательным программам и адекватность для удовлетворения потребностей курсантов. Приводятся статистические данные анкетирования, свидетельствующие о необходимости формирования у обучающихся глобальных компетенций. В заключение предлагаются рекомендации по улучшению учебной программы, в том числе включение в нее более актуального контента, а также внедрение интерактивных методов для развития гибких навыков.

Ключевые слова: учебная программа, содержание, учебник, оценка, полицейский английский для специальных целей, международный национальный документ, глобальная компетенция, гибкий навык, анкетирование.

Для цитирования: Долгоржав Д., Петрова Е. А. Контекстно-ориентированный анализ учебных программ по английскому языку для специальных целей // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2025. № 4 (110). С. 155–165.

Original article

CONTEXT-ORIENTED ANALYSIS OF ENGLISH FOR SPECIFIC PURPOSES CURRICULUMS

D. Dolgorjav[1], Elena A. Petrova[2]
[1] Institute of Foreign Languages, Mongolian Internal Affairs University, Ulaanbaatar, Mongolia
[2] Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ufa, Russia
[1] mrsdoogii@gmail.com, [2] eleina.froloff@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the context-oriented evaluation of the English for Specific Purposes (ESP) curriculum for law enforcement training. In particular, the textbook used for ESP classes for cadets of the Police School of the University of Home Affairs of Mongolia is analyzed. It is emphasized that the content of textbooks should be based on a competency-based approach. The context-oriented analysis of the textbooks showed their compliance with international and national educational programs and adequacy to meet the needs of cadets. Statistical data from the survey are provided, indicating the need to develop students' global competencies. In conclusion, recommendations are offered for improving the curriculum, including the inclusion of more relevant content in it, as well as the introduction of interactive methods for the development of soft skills.

Keywords: curriculum, content, textbook, assessment, police English for Specific Purposes, international national document, global competence, soft skill, questionnaire.

© Долгоржав Д., Петрова Е. А., 2025

For citation: Dolgorjav D., Petrova E. A. Context-oriented analysis of English for specific purposes curriculums // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. No. 4 (110). P. 155–165. (In Russ.)

Введение

Образовательные программы определяют содержание образования, которое должно содействовать взаимопониманию и сотрудничеству между людьми и народами независимо от расовой, национальной, этнической, религиозной и социальной принадлежности, а также учитывать разнообразие мировоззренческих подходов, способствовать реализации права обучающихся на свободный выбор мнений и убеждений, обеспечивать развитие способностей каждого человека, формирование и развитие его личности в соответствии с принятыми в семье и обществе духовно-нравственными и социокультурными ценностями. Содержание образования и профессионального обучения должно учитывать получение квалификации[1].

Curriculum (/kəˈrɪkjʊləm/; мн. ч.: *curriculums* или *curricula* /kəˈrɪkjʊlə/) (образовательная программа, Сургалтын хөтөлбөр – монгольский язык) происходит от латинского слова *currere*. *Curriculum* обозначает четко определенный и предписанный курс обучения, которым студенты должны овладеть, чтобы достичь определенного уровня образования[2].

Термин *curriculum* используется в английской литературе с XVI века и стал общепризнанным в образовании к концу XX века. Куррикулум буквально означает программу для развития какого-либо опыта или навыка, с помощью которой его уровень становится выше. В русском языке это слово употребляется редко. Термин часто относится конкретно к запланированной последовательности обучения или к представлению об опыте студента с точки зрения учебных целей педагога или школы. К элементам куррикулума относят учебные планы, программы, учебники, методологические гиды и т. д. [1]. Изложенные размышления позволяют сделать вывод о том, что в образовании *curriculum* – это совокупность студенческого опыта, который накапливается в процессе получения образования.

Разработка учебной программы для профессионального образования играет решающую роль и основана на модульном принципе содержания и построения и компетентностном подходе к подготовке будущих специалистов, который заключается «в формировании и развитии у студентов набора ключевых компетенций, которые определяют их успешную адаптацию в обществе» [2, с. 92].

Мы согласны с мнением, что «использование в проектировании профессиональных образовательных программ модульной технологии и ориентация их на освоение компетенций, как цели и результата обучения, обеспечат понимаемость и прозрачность содержания профессиональной подготовки для всех участников образовательного процесса. Студенты будут отчетливо представлять, чему они научатся и что смогут предложить работодателям, которые, в свою очередь, смогут активно участвовать в развитии образовательных программ» [3, с. 4].

Учебная программа может включать запланированное взаимодействие обучающихся с учебным содержанием, материалами, ресурсами и процессами для оценки достижения образовательных целей. По мнению Ц. Дордже, с методической точки зрения учебные программы условно можно разделить на несколько категорий: эксплицитные, имплицитные и внеаудиторные [4].

[1] Статья 12 Федерального закона «Об образовании Российской Федерации» от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»

[2] Richard Plate. The Evolution of Curriculum Development in the Context of Increasing Social and Environmental Complexity Creative Education. Vol. 3. No. 8. December 21, 2012 // Scientific Research. URL: https://www.scirp.org/reference/referencespapers?referenceid=654572 (дата обращения: 14.04.2025).

Для совершенствования учебной программы считается очень важным, прежде всего, оценить учебники и их содержание, которые принимаются в расчет при составлении учебной программы, поскольку они являются основными ее компонентами.

Для оценки того, насколько эффективно учебная программа решает вопросы развития профессиональных коммуникативных навыков, установок, ценностей и компетенций, было проведено анкетирование обучающихся и преподавателей института иностранных языков Университета внутренних дел Монголии. Результаты выявили, во-первых, пробелы в интеграции в программу таких современных тем, как киберпреступность, искусственный интеллект, кража интеллектуальной собственности, и, во-вторых, необходимость уделять больше внимания глобальным целям образования, т. е. подготовке квалифицированных кадров, повышению качества образования, развитию инновационного потенциала и т. д.

Контекст учебника, который, как правило, содержит тексты, характерные для учебной и научной деятельности обучающихся; тексты, отражающие типовые ситуации в профессиональной деятельности; задания, направленные на развитие деятельностно-ориентированных речевых умений в устной и письменной продуктивной и рецептивной деятельности, формирует основу учебной программы. Следовательно, возникает потребность в оценке содержания учебника. Таким образом, цель исследования заключается в том, чтобы изучить контекст учебника «Английский язык для специальных целей», а также выяснить, целесообразно ли перерабатывать и актуализировать учебную программу, предназначенную для изучения так называемого полицейского английского языка.

Методы исследования

В качестве методологической базы исследования использовались следующие методы:

– теоретические методы: изучение и анализ лингвистических источников и методической литературы по проблемам исследования;

– эмпирические методы: наблюдение и анализ;

– диагностические методы (тестирование, опрос, анкетирование).

Следует отметить, что для сбора реальных данных приняли участие 30 обучающихся и 5 преподавателей.

Результаты

Учебная программа – это созданный в рамках системы обучения документ, определяющий содержание и количество знаний, умений и навыков, предназначенных к обязательному усвоению по той или иной учебной дисциплине, распределение их по темам, разделам и периодам обучения. Она включает в себя описание тем, которые будут изучаться, методов преподавания, оценки знаний, а также рекомендаций по используемым учебным материалам и ресурсам. Иными словами, учебная программа – это документ, в котором излагаются ценности, привычки, практические навыки, стратегии обучения и информация, которые студенты должны получить в определенной предметной области, а также процесс внедрения этих стратегий на практике и оценки их эффективности[1].

По мнению Ш. Ичинхорлоо, «учебная программа – это набор учебных материалов, который включает в себя руководство по ее реализации, библиотеку тестов, краткое изложение упражнений / правил, библиотеку демонстраций, библиотеку раздаточных материалов и электронные материалы курса» [5].

Очень краткое определение учебной программы как «учебного плана» было дано в 1962 году американским ученым Хильдой Табой. Так, она считает, что «учебная программа – это документ, в котором описывается, какой контент будут изучать студенты, каких результатов они достигнут, методика

[1] Организация Объединенных Наций // United Nations. URL: https://sdgs.un.org/goals/goal4 (дата обращения: 10.04.2025).

преподавания учителя и как создать благоприятную учебную среду» [6].

Если обобщить все представленные трактовки учебной программы, можно сделать вывод о том, что учебная программа – это единый документ, определяющий образовательные цели, задачи, результаты обучения, содержание курса, методику обучения и преподавания, методику оценки, учебно-методические материалы, направленные на реализацию определенного уровня образовательной программы.

К характеристикам учебной программы относятся следующие:

– соответствие результатам обучения и общим требованиям программы;

– сочетание теории и практики;

– нацеленность на развитие профессиональных и личных навыков студента;

– полное включение методик обучения, результатов обучения и форм оценки обучения;

– постоянное совершенствование программы путем отражения предложений и рекомендаций заинтересованных сторон;

– обеспечение преемственности между курсами.

К компонентам учебной программы относят цели и задачи; результаты обучения; план учебной программы; матрицу занятий и результаты обучения; методы обучения; оценку совершенствования учебной программы.

Изменения основы учебной программы, т. е. цели и содержание обучения, как правило, предполагают изменения во многих других аспектах (плана) обучения. Более наглядным «способом визуализации взаимосвязи между различными аспектами является так называемая учебная паутина» [7].

Логическое обоснование служит центральным звеном, соединяющим все остальные компоненты учебной программы. В идеале они также связаны друг с другом, обеспечивая согласованность и последовательность. Метафора «паутина» подчеркивает уязвимую природу учебной программы, поскольку, хотя паутина относительно и гибка, она наверняка порвется, если за определенные нити тянуть сильнее или чаще, чем за другие. Так, паутина иллюстрирует известное выражение: каждая цепь также прочна, как и ее самое слабое звено. Отсюда неудивительно, что устойчивые инновации в учебной программе часто чрезвычайно трудно реализовать [8].

Разработка или инновация учебной программы могут начинаться с любого компонента. Традиционно основное внимание уделялось содержанию учебной программы. При этом учебники долгое время были важным компонентом учебной программы, и иногда их возводили, по нашему мнению, на пьедестал.

Для подготовки проекта учебной программы зарубежные исследователи Патрисия Томас и Дэвид Керн разработали следующие шесть этапов:

1. Провести оценку потребностей и написать обоснование.

2. Определить и расставить приоритеты в содержании.

3. Указать цели и задачи.

4. Выбрать стратегию обучения / образования.

5. Внедрить учебную программу.

6. Оценить и внедрить в учебный процесс разработанные занятия, уроки [9].

Итак, поскольку цель эффективной разработки учебной программы состоит в том, чтобы соответствовать потребностям и текущим запросам поликультурного общества и всех социальных и этнических групп данного общества, процесс разработки учебной программы и образовательной реформы постоянно пересматривается, обновляется и изменяется [10]. Данный постулат подкрепляется тем, что разработка учебной программы направлена на совершенствование и инновацию образования. Однако данный процесс может затянуться, особенно когда речь идет о структурировании общей учебной программы, а сам процесс проектирования, внедрения и оценки целесообразности той или иной учебной программы для достижения конкретных результатов на практике может быть цикличным.

Рисунок. Основные виды деятельности при разработке учебной программы

Изучение методической литературы показывает, что существует много моделей для разработки учебной программы. Тем не менее возможно в этих моделях выделить пять основных видов деятельности, как показано на рисунке.

Разработка учебной программы часто начинается с анализа существующей обстановки и формулировки целей для предполагаемого изменения или инновации. В циклическом процессе анализ, проектирование, разработка, внедрение и оценка происходят интерактивно. Важные виды деятельности на этом этапе включают анализ проблемы, анализ контекста, анализ потребностей и анализ базы знаний. На основе этих видов деятельности составляются первые принципы проектирования. Требования к проектированию тщательно разрабатываются, тестируются и дорабатываются до релевантного и пригодного к использованию продукта.

Как видно из рисунка, центральное положение в модели занимает оценка. Действительно, оценочные мероприятия проливают свет на желания и возможности пользователей в их практическом контексте и раскрывают наилучший способ настройки продукта на практическую обстановку. Когда продукт имеет достаточную релевантность, последовательность и практическую пригодность, можно исследовать влияние продукта. В то время как основной акцент делается на выработке предложений по улучшению продукта на более поздних этапах, этот акцент смещается в сторону оценки эффективности [11].

Следующий этап нашего исследования заключается в анализе результатов анкетирования обучающихся по вопросам оценки содержания учебника для так называемого полицейского английского языка для специальных целей. В анкетировании приняли участие 30 курсантов, которые изучают полицейский английский для специальных целей в полицейской школе, и 5 преподавателей, которые преподают полицейский английский для специальных целей. Им были даны разъяснения о специфике образования и о понятии глобальных компетенций. Напомним, что глобальная компетенция, как мы указывали в своих предыдущих работах, – это «продуктивный навык для получения глубоких знаний и понимания международных проблем во взаимозависимом глобальном сообществе, способность ценить и учиться у людей разного языкового и культурного происхождения, сотрудничать сними, знать иностранные языки и вести деятельность» [12, с. 158–159].

В учебнике для специальных целей на английском языке содержатся некоторые разделы, касающиеся, например, международных и национальных программ полицейского права, суть которых, как отметили большинство анкетируемых, не знают. Заметим, что речь не идет о разделах, связанных с изучением тем о преступлениях, поскольку разделы уголовного права изучаются курсантами на занятиях по специальным дисциплинам, и они владеют соответствующей информацией. Следовательно, на наш взгляд, в учебную программу необходимо включить надлежащие учебные модули.

За основу анкетирования были взяты международные и национальные документы (*International and national documents*), а именно:

Документ 1 (D1), предусматривающий к 2030 году обеспечить приобретение всеми обучающимися знаний и навыков, необходимых для содействия стабильному развитию, в том числе посредством образования в интересах устойчивого образа жизни, прав человека, гендерного равенства, пропаганды культуры мира и ненасилия, глобального гражданства и признания культурного разнообразия и вклада культуры в устойчивое развитие страны, 2025 г.

Документ 2 (D2) – Долгосрочная политика развития Монголии до 2050 г.

Документ 3 (D3) – приказ № А/174 Министерства образования и науки Монголии от 28 апреля 2014 г. Общие требования к программам бакалавриата.

Документ 4 (D4) – Правила обучения по программам бакалавриата.

В каждом документе содержатся вопросы по проблемам образования. Анкетирование состояло из трех частей. Первая часть, содержащая 2 вопроса, касается информации об анализе учебника и учебной программы. Вторая часть, в которой содержалось 12 вопросов, связана с оценкой учебника «Полиция», опубликованного в издательстве Express в Liberty House, Business Park, Newbury Джоном Тейлором и Дженни Дули на английском языке в 2011 году и используемого для изучения английского языка для специальных целей в Монгольском университете внутренних дел. Данный учебник нацелен на улучшение профессиональных навыков общения сотрудников, работающих в полицейской сфере. Третья часть, которая содержит 10 вопросов (15–25), является основной частью оценки структуры содержания, связанной с обучением английскому языку для специальных целей. Например, 15 вопрос: «Какой из следующих международных и монгольских документов и программ по образованию и обучению иностранным языкам соблюдается в учебнике?».

Вопросы D1 и D2 получили 100 % ответов «нет». Вопросы D3 и D4 получили 100 % ответов «да». Более того, на 16–20 вопросы все ответили «нет».

Для 21 вопроса «В какой степени каждый из следующих вопросов обсуждается или упоминается в учебнике?» была разработана таблица «Информационное содержание (знания, факты, проблемы)», где были указаны так называемые профессиональные коды, т. е. стандартизированные идентификаторы, присваиваемые каждой профессиональной деятельности в рамках официальных классификаторов. Всего заявлено 19 профессиональных кодов (см. таблицу).

По сути, представленная таблица включает в себя все вопросы, рассматриваемые в рамках учебной дисциплины «Уголовное право и криминология». Вопросы кодов P2, P6, P9 и P18 включены в содержание учебника «Английский язык для специальных целей», другие коды не были упомянуты в учебнике.

Отношения (взгляды, мнения, точка зрения и ценности) были описаны в вопросе 22 «Есть ли в учебнике какие-либо действия, задания или вопросы для обучающихся, направленные на поощрение и развитие следующих отношений и ценностей?» (см. график 1).

В представленном графике отражены всего 5 позиций, поскольку, как показывает статистика опрошенных, изученный материал освоен только в среднем 50 % обучающихся. Вместе с тем по данной программе обучались не только курсанты, но и стаже-

Таблица – Информационное содержание (знания, факты, проблемы)

Issues (вопрос)	**Situation (ситуация)**				
Professional content (профессиональный контент)	**Code** (код)	**Didn't** mention (не указано)	**A few mentioned** (in the paragraph or some part) (косвенно указано)	**At the eginning of the unit or many parts** (в начале юниты или в некот. разделах)	**In the more part of the unit** (в больш. разделов юниты)
Crimes against right to life (преступления против жизни)	P1	0	1	2	3
Crimes against health immunity (преступления против иммунитета)	P2	0	1	2	3
Crimes against personal liberty and immunity (преступления против свободы и иммунитета)	P3	0	1	2	3
Crimes against the sexual freedom and inviolability of the person (преступления против половой свободы и неприкосновенности личности)	P4	0	1	2	3
Crimes against personal, political rights and freedoms (преступления против личных, политических прав и свобод)	P5	0	1	2	3
Crimes against the right of ownership (преступления против права собственности)	P6	0	1	2	3
Crimes against natioanal security (преступления против национальной безопасности)	P7	0	1	2	3
Economic crimes (экономические преступления)	P8	0	1	2	3
Crime agianst public security and interest (преступление против общественной безопасности и интересов)	P9	0	1	2	3
Corruption crimes (коррупционные преступления)	P10	0	1	2	3
Environmental crimes (экологические преступления)	P11	0	1	2	3
Crimes against criminal procedure (преступления против уголовного процесса)	P12	0	1	2	3
Crimes against civil service interest (преступления против интересов государственной службы)	P13	0	1	2	3
Crimes against military service (преступления против военной службы)	P14	0	1	2	3
Crimes against security of electronic information (преступления против безопасности электронной информации)	P15	0	1	2	3
Crimes agianst children (преступления против детей)	P16	0	1	2	3
Crimes against cultural heritage (преступления против культурного наследия)	P17	0	1	2	3
Crimes against the rules of safety of traffic and use of motor vehicles (преступления против правил безопасности движения и эксплуатации автотранспортных средств)	P18	0	1	2	3
Crimes against security of the mankind and peace (преступления против безопасности человечества и мира)	P19	0	1	2	3

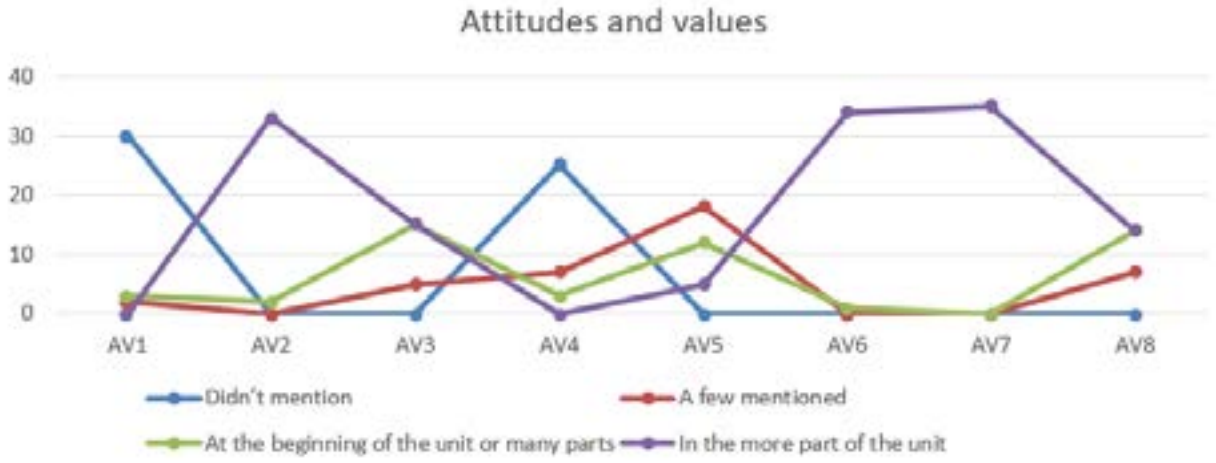

График 1. Attitudes and values (установки и ценности)

ры полиции, которым были предложены не все темы, а такие как, например, «Помощь друзьям», «Оказание помощи бедным», «Предотвращение нарушения прав человека», «Предотвращение загрязнения окружающей среды» и «Любовь к Родине. Следовательно, на наш взгляд, необходимо включить в учебную программу изучение других тем профессионально-ориентированной направленности для более эффективной организации образовательного процесса.

Участие обучающихся было отражено в вопросе 23 «Предусматривает ли учебник возможность вовлечения обучающихся в деятельность и мероприятия, реализуемые при исполнении ими своих обязанностей в следующих областях?» (см. график 2).

Способности и компетенции обучающихся были предусмотрены в вопросе 24 «Содержит ли учебник упражнения, действия, задания или вопросы для учащихся, направленные на поддержку и развитие следующих навыков и компетенций?» (см. график 3).

В ответах на последний вопрос анкетируемые поделились своими идеями по поводу содержания занятий: «Что бы вы хотели сделать, чтобы улучшить содержание учебной программы ESP в будущем?» (см. график 4).

Проанализировав результаты опроса, мы пришли к выводу о том, что важно рас-

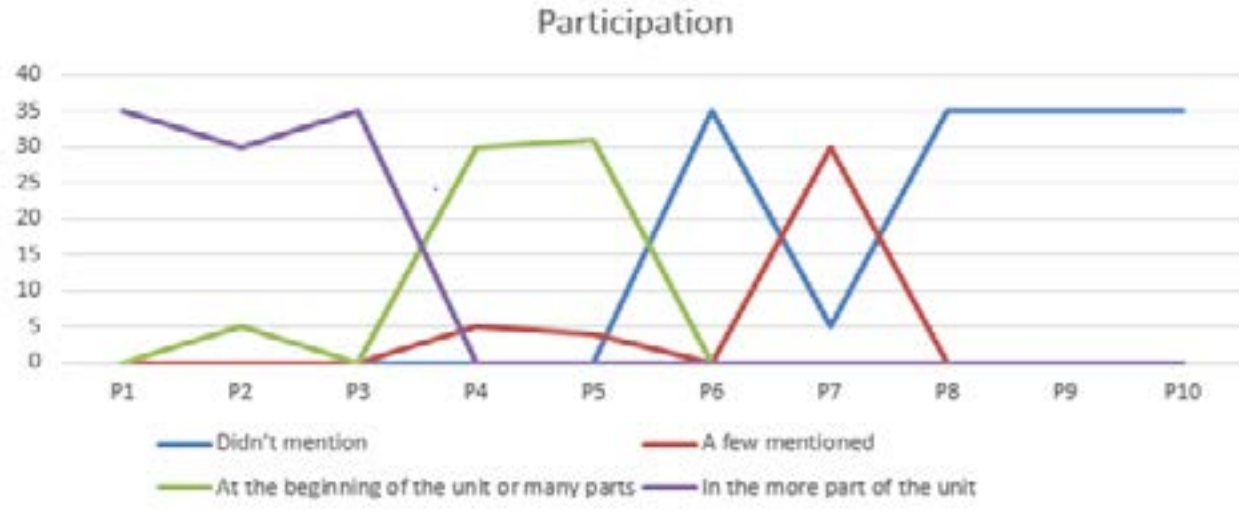

График 2. Participation (участие)

График 3. Ability and competence (способности и компетентность)

ширить содержание учебной программы, особенно вопросами освещения современных видов преступлений, возникших из-за новых технологий и искусственного интеллекта.

Заключение

С точки зрения структуры и содержания учебная программа в охватывает практически все темы, но необходимо учитывать роль студентов, особенно в отношении глобальных целей. Оценка учебника для студентов «Полиция» выявляет как сильные, так и слабые стороны текущей учебной программы ESP. Хотя учебник соответствует определенным национальным и международным образовательным стандартам, многие анкетируемые не знали об этих стандартах, что указывает на необходимость более четкой коммуникации относительно этих программ. Содержание учебников следует дополнить разделами о нанопреступлениях, связанных с технологиями и искусственным интеллектом, чтобы соответствовать меняющимся потребностям курсантов полиции. В перспективе для совершенствования профессиональной компетенции курсантов предлагаем включить в учебную программу больше материалов по киберпреступности, краже интеллектуальной собственности, кибермошенничестве и т. д.; чаще обновлять учебную программу в соответствии с технологическими изменениями и использовать интерактивные методы обучения. Внесение этих изменений сделает учебную програм-

График 4. Improvement (улучшение)

му более актуальной и полезной для обучения сотрудников требованиям современных правоохранительных органов. И, наконец, использование интерактивных методов должно быть основано на развитии гибких навыков **(***soft skills***),** т. е. универсальных навыков, не связанных с определенной профессией или специальностью. К ключевым гибким навыкам относят коммуникацию, критическое мышление, креативность, эмоциональный интеллект и тайм-менеджмент.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Долгая О. И. Конструирование образовательной реальности: куррикулярные реформы в странах постсоветского пространства // Школьные технологии. 2018. № 3. С. 14–27.

2. Бухарова Г. Д., Старикова Л. Д. Компетентность и компетенции – фундаментальные понятия компетентностного подхода // Понятийный аппарат педагогики и образования: сборник научных трудов / отв. ред. Е. В. Ткаченко, М. А. Галагузова. Вып. 7. Екатеринбург, 2012. С. 87–96.

3. Петухова Т. П., Караваева Е. В., Глотова М. И. Научно-методические основы модульного построения образовательных программ: препринт. Оренбург: ОГУ, 2013. 119 с.

4. Дордже Ц. Дидактика. Улан-Батор, 2008. 56 с.

5. Ичинхорлоо Ш. Теория обучения и ее приложения. Улан-Батор, 2013. 24 с.

6. Таба Х. Разработка учебных программ: Теория и практика. Нью-Йорк: Харкорт Брейс и мир, 1962.

7. Берг Е. В. Цифровые учебные материалы; классификация и значение для учебной программы // Образовательная программа и тенденциии. 2003. 237–254.

8. Университет внутренних дел. Порядок оценки работы преподавателя в пакетном режиме Порядок университета внутренних дел. Улан-Батор, 2024. 112 с.

9. Керн П. Т. Разработка учебных программ для медицинского образования; шестиэтапный подход. Балтимор: Издательство Университета Хопкинса, 2022. 392 с.

10. Johnson J. Principles of effective change: Curriculum revision that works // The Journal of Research for Educational Leaders. 2001. Volume 1. Number 1. P. 5–18.

11. Аккер А. Т. Формы учебной программы. Энсхеде: Университет Нидерландов, 2009.

12. Долгоржав Д., Петрова Е. А. Обучение профессиональному английскому языку в контексте глобального образования // Вестник Уфимского ЮИ МВД России. 2024. № 1 (103). С. 157–169.

REFERENCES

1. Dolgaya O. I. Construction of educational reality: curricular reforms in the post-Soviet countries // School technologies. 2018. No. 3. P. 14–27. (In Russ.)

2. Bukharova G. D., Starikova L. D. Competence and competencies – fundamental concepts of the competence-based approach // Conceptual apparatus of pedagogy and education: collection of scientific papers / ed. E. V. Tkachenko, M. A. Galaguzova. Issue 7. Ekaterinburg, 2012. P. 87–96. (In Russ.)

3. Petukhova T. P., Karavaeva E. V., Glotova M. I. Scientific and methodological foundations of modular construction of educational programs: preprint. Orenburg: OSU, 2013. 119 p. (In Russ.)

4. Dorje Ts. Didactics. Ulaanbaatar. 2008. 56 p. (In Russ.)

5. Ichinkhorloo Sh. Learning Theory and Its Applications. Ulaanbaatar, 2013. 24 p. (In Russ.)

6. Taba H. Curriculum Development: Theory and Practice. New York: Harcourt Brace and World, 1962. (In Russ.)

7. Berg E. V. Digital Instructional Materials; Classification and Significance for the Curriculum // Educational Program and Trends. 2003. P. 237–254. (In Russ.)

8. University of Internal Affairs. Procedure for Evaluating the Work of a Teacher in Batch Mode. Procedure of the University of Internal Affairs. Ulaanbaatar, 2024. 112 p. (In Russ.)

9. Kern P. T. Curriculum Development for Medical Education; A Six-Step Approach. Baltimore: Hopkins University Press, 2022. 392 p. (In Russ.)

10. Johnson J. Principles of effective change: Curriculum revision that works // The Journal of Research for Educational Leaders. 2001. Volume 1. Number 1. P. 5–18. (In Eng.)

11. Akker A. T. Forms of the curriculum. Enschede: University of the Netherlands, 2009. (In Russ.)

12. Dolgorzhav D., Petrova E. A. Teaching professional English in the context of global education // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. No. 1 (103). P. 157–169. (In Russ.)

Информация об авторах:

Д. Долгоржав, докторант;

Е. А. Петрова, доктор филологических наук, доцент.

Information about the authors:

D. Dolgorzhav, doctoral student;

E. A. Petrova, Doctor of Philology, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 06.06.2025; одобрена после рецензирования 23.06.2025; принята к публикации 17.11.2025.

The article was submitted 06.06.2025; approved after reviewing 23.06.2025; accepted for publication 17.11.2025.

Научная статья
УДК 372.881.1

МИКРООБУЧЕНИЕ КАК СОВРЕМЕННЫЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

Татьяна Анатольевна Гольцова[1], Екатерина Александровна Проценко[2]
[1, 2] Воронежский институт МВД России, Воронеж, Россия
[1] tgolzowa@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-2805-2668
[2] procatherine@mail.ru, ORCID: 0000-0001-6131-5055

Аннотация. В статье рассматриваются возможности применения микрообучения при изучении иностранного языка сотрудниками полиции. Под микрообучением авторы понимают подход, при котором большой объем информации разбивается на более мелкие и увлекательные фрагменты, что позволяет взрослым и занятым людям изучать их в любом месте в удобное время. В статье анализируются наиболее существенные преимущества и некоторые недостатки рассматриваемого подхода. Исходя из собственного опыта, авторы приводят примеры использования различных методов и средств изучения иностранного языка, которые могут быть интегрированы в рамках микрообучения. Подчеркивается необходимость соблюдения базовых принципов лингводидактики при использовании инновационных методов и подходов. Делается вывод о том, что при правильной организации и соответствующей методической подготовке микрообучение позволяет оптимизировать процесс изучения иностранного языка сотрудниками полиции.

Ключевые слова: микрообучение, иностранный язык, сотрудники полиции инфографика, геймификация, сторителлинг, мобильные приложения.

Для цитирования: Гольцова Т. А., Проценко Е. А. Микрообучение как современный подход к изучению иностранного языка // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2025. № 4 (110). С. 166–174.

Original article

MICROLEARNING AS A MODERN APPROACH TO LEARNING A FOREIGN LANGUAGE

Tatyana A. Goltsova [1], Ekaterina A. Protsenko [2]
[1, 2] Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Voronezh, Russia
[1] tgolzowa@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-2805-2668
[2] procatherine@mail.ru, ORCID: 0000-0001-6131-5055

Abstract. The article discusses the possibilities of applying microlearning when police officers study a foreign language. By microlearning the authors mean an approach that breaks down large amounts of information into smaller and more engaging pieces, allowing adults and busy individuals to learn at their own pace and convenience. The article analyzes the key advantages and some disadvantages of this approach. Based on their own teaching experience, the authors provide examples of using various methods and tools for teaching foreign languages that can be integrated within the microlearning approach. The article emphasizes the need to comply with the basic principles of language education when implementing innovative methods and approaches. It is concluded that, with appropriate methodological support and proper organization, microlearning can enhance the process of learning a foreign language by police officers.

Keywords: microlearning, foreign languages, independent work, infographics, gamification, storytelling, mobile applications.

© Гольцова Т. А., Проценко Е. А., 2025

For citation: Goltsova T. A., Protsenko E. A. Microlearning as a modern approach to learning a foreign language // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. No. 4 (110). P. 166–174 (In Russ.)

Введение

XXI век вошел в нашу жизнь как эпоха инноваций и преобразований, вызванных разными причинами: развитием инновационных технологий и цифровизацией, созданием единой образовательной информационной среды, ограничениями, связанными с пандемией COVID-19, разработкой национальной системы образования и так далее. Мы становимся свидетелями того, как традиционное обучение с регулярным посещением лекций и семинаров, доступом к фундаментальным знаниям через изучение специальной литературы и глубокое погружение в библиотечные фонды уходит в прошлое. В современном быстро меняющемся мире более уместными и востребованными становятся краткие обучающие фрагменты в нужный момент. Более того, в условиях непрерывного образования обучение зачастую проходит самостоятельно и уже в процессе работы.

Исходя из реалий современного мира, появляются и достаточно активно развиваются инновационные подходы и методы[1] [1], которые могут применяться и при изучении иностранных языков. В частности, в условиях нехватки времени и постоянной спешки такой электронный формат, как микрообучение, позволяет придерживаться необходимого темпа и подстраиваться под индивидуальные потребности. Проблема занятости и дефицита времени особенно актуальна для сотрудников полиции в силу особого режима работы. Однако микроуроки легко вписываются в любой рабочий график, сводя к минимуму отвлекающие факторы и позволяя обучающимся самим выбирать, как, когда и где учиться.

В работах отечественных [2; 3; 4] и рубежных исследователей[2] [5] предлагаются различные определения термина, главным образом путем дословного перевода его составляющих – «микро» (маленький) и «обучение» (английский: learning). Словарь-справочник по корпоративному обучению сберуниверситета предлагает определение этому понятию как методу, при котором контент подается небольшими частями, каждая из которых имеет одну конкретную цель, а ее выполнение занимает совсем немного времени[3].

Мы понимаем под микрообучением такой подход, при котором большой объем знаний разбивается на более мелкие и увлекательные фрагменты, которые обучающиеся могут изучать в любом месте в удобное время. Он разработан для аудитории, которая предпочитает короткие, концентрированные блоки информации более длительным традиционным формам обучения. Благодаря модульной структуре и простоте интеграции в повседневную жизнь обеспечивается более легкое и устойчивое усвоение информации.

На наш взгляд, микрообучение наиболее оправдано для взрослых и занятых людей, которые вынуждены постоянно учиться, в том числе и на рабочем месте, используя различные источники информации и профессионально ориентированные материалы. В условиях активной миграции и необходимости поддержания международного сотрудничества умение вести профессиональную коммуникацию на иностранном языке является одним из важных факторов обеспечения эффективности правоохранительной дея-

[1] Microlearning: What is it and how is it changing higher education? // Seattle Times. August 23, 2019. URL: https://www.seattletimes.com/sponsored/microlearning-what-is-it-and-how-is-it-changing-higher-education/ (дата обращения: 21.04.2025).

[2] Staff C. Was ist Microlearning? Definition, Anwendungsfälle und mehr. Juni 13, 2025. URL: https://www.coursera.org/de-DE/articles/microlearning (дата обращения: 20.04.2025).

[3] Микрообучение / Словарь справочник по корпоративному обучению. URL: https://sberuniversity.ru/edutech-club/lab/glossary/924/ (дата обращения: 26.05.2025).

тельности [6]. Однако изучение иностранного языка – довольно трудоемкая задача, особенно для взрослого человека. И проблема в данном случае лежит главным образом в длительном, скучном, сложно воспринимаемом способе получения новых знаний, который в конечном счете приводит к быстрому забыванию изученного. В этой связи поиск новых подходов к повышению эффективности изучения иностранного языка сотрудниками полиции представляется весьма актуальным.

Цель данной статьи – рассмотреть возможности использования микрообучения при изучении иностранного языка путем анализа достоинств и недостатков данного подхода в ходе его апробации.

Методы

В ходе исследования был проведен анализ теоретической литературы, статей отечественных и зарубежных авторов по теме микрообучения, изучен опыт его практического применения, апробированы разные технологии и методы изучения иностранного языка, которые могут применяться в рамках данного подхода. Авторами использовались общенаучные методы, проводились беседы с преподавателями и слушателями с целью обмена опытом и оценки результатов работы.

Представленный авторами педагогический опыт реализации микрообучения может быть использован в различных образовательных организациях высшего образования в ходе обучения иностранному языку.

Результаты

Развитие электронного обучения идет в ногу с развитием технологий, параллельно меняется и целевая аудитория. Потребители, особенно подростки, массово переключаются на короткий видеоконтент и текстовые чаты. Люди, нуждающиеся в информации, сегодня все чаще прибегают к поиску короткого ответа на волнующий их вопрос [7]. Этим и объясняется феномен микрообучения – он незаменим в условиях, когда у целевой аудитории острый дефицит времени, а учиться необходимо. Одна единица микроконтента должна фокусироваться на формировании и развитии лишь одного навыка, а в дальнейшем может использоваться как напоминание или повторение. Наиболее наглядно можно проследить разницу между различными формами подачи и восприятия информации при сравнительном анализе.

Макрообучение является противоположностью микрообучению. Этот термин описывает не что иное, как классическую форму усвоения знаний, известную нам, например, со школы или вуза в виде лекций, семинаров, практических занятий. Макрообучение – это процесс изучения сложных вопросов в течение длительного периода, чтобы получить глубокое понимание предметной области. Макрообучение требует, соответственно, больших усилий и с трудом может быть интегрировано в повседневную жизнь. Эта форма обучения требует планирования, регулярности и временных затрат.

Микрообучение, с другой стороны, включает в себя изучение небольших фрагментов информации за короткий промежуток времени. Они должны быть достаточно короткими, чтобы можно было завершить единицу без перерыва. Содержание в основном носит практико-ориентированный характер. Цель состоит в том, чтобы решить конкретную проблему. Вместо того чтобы тратить часы на специализированную литературу, можно получить информацию в сжатом виде. Мы считаем, что микрообучение нельзя рассматривать как замену традиционному подходу, наоборот, оно является отличным дополнением к классическим формам обучения.

В результате изучения научных работ по теме [8; 9; 10; 11; 12], мнений коллег, использующих микромодули в обучении иностранному языку, а также собственного практического опыта [13] можно назвать следующие наиболее важные преимущества микрообучения:

– краткость: содержание микромодуля отличается краткостью и лаконичностью, так как направлено на передачу информации за короткий промежуток времени;

– доступность: используемые при микрообучении материалы легко доступны,

что позволяет обучающимся использовать их на различных устройствах (компьютерах, планшетах, смартфонах);

– целенаправленность: каждый модуль направлен на формирование и развитие лишь одного навыка, что облегчает усвоение и запоминание информации;

– вовлеченность: в микрообучении часто используются мультимедийные элементы, такие как видео, интерактивные задания, инфографика, для повышения мотивации и охвата различных форматов обучения;

– гибкость: микрообучение может быть интегрировано в различные учебные среды, такие как традиционное образование, непрерывное профессиональное образование и личностное развитие;

– адаптивность: микрообучение может использоваться как самостоятельный контент или сочетаться с другими подходами, что позволяет адаптировать его к различным стратегиям обучения.

Тем не менее данный подход, который отличается краткостью, целенаправленностью и гибкостью, обладает рядом недостатков:

– не каждая тема может быть адаптирована под микрообучение. Данный подход хорошо подходит для изучения основ и повторения изученного ранее материала, но его может быть недостаточно для обучения новым или сложным концепциям. Для прохождения этих курсов могут потребоваться больше времени и формальная структура учебного контента;

– микрообучение не подходит для решения сложных задач и достижения долгосрочных целей;

– поскольку микрообучение основывается на использовании цифровых платформ, снижается доля непосредственного взаимодействия обучающегося и преподавателя[1];

– модули микрообучения требуют для их создания много времени и ресурсов, поэтому их эффективность напрямую зависит от продуманности и степени подготовленности со стороны преподавателя;

– микроконтент сложно масштабировать с целью индивидуализации обучения, что, в свою очередь, приводит к большим временным затратам на создание множества модулей.

Последние два года авторами статьи уделяется большое внимание переработке учебного материала, используемого на кафедре русского и иностранных языков Воронежского института МВД России, с целью его адаптации под модульное обучение. Результаты работы нашли свое отражение в учебно-методических материалах для проведения практических занятий и организации самостоятельной работы слушателей факультета заочного обучения. За это время были модифицированы педагогические инструменты, обновлен фонд тренировочных заданий, а также скорректирована база измерительных средств. В результате работы над тем или иным курсом удалось получить набор компактных модулей электронного обучения, имеющих те же дидактические компоненты, что и традиционный подход: введение – объяснение материала – его закрепление – контроль. Таким образом, в образовательный процесс удалось интегрировать различные форматы обучения.

Для введения нового учебного материала и повторения изученного на предыдущих этапах образования (школа, колледж и так далее) хорошо зарекомендовал себя видеоформат, так как в условиях микрообучения видеосюжет становится ценным источником информации. Видеоуроки представляют собой небольшой по объему видеоконтент, посвященный определенной теме или конкретному навыку. Предлагаемые при микрообучении видеосюжеты характеризуются краткостью, визуальной привлекательностью, что делает их идеальными для привлечения внимания обучающихся и эффективной передачи информации. В связи с тем, что микрообучение рассматривается как упрощенная форма, следует использовать только короткие видео. Эксперты в об-

[1] Hey A. Die Vor- und Nachteile von Microlearning: Eine Kurzanleitung. July 25, 2024. URL: https://www.coursebox.ai/de/blog/vor--und-nachteile-von-microlearning (дата обращения: 15.05.2025).

ласти электронного обучения говорят, что оптимальная продолжительность видео для микрообучения должна составлять от 1 до 5 минут, потому что так у обучающихся будет достаточно времени, чтобы сосредоточиться на теме. В ходе работы авторами использовался видеоконтент как для повторения общебытовых, так и профессионально ориентированных тем. Например, в рамках микротем «Crime scene investigation» или «Describing suspects» предлагается короткий видеоролик на английском языке о процедуре опознания преступника, а при изучении работы правоохранительных органов зарубежных стран – интервью британского полицейского.

Как показала практика, для выравнивания стартовых возможностей наиболее применимы обучающие видеоуроки (например, диалоги по темам «Personal Identification», «Traffic accident», «Street check»), так как они отличаются доступностью изложения материала, а для формирования и развития профессиональной иноязычной компетенции интересны новостные видеосюжеты (например, «Crime News» или «Breaking news», «Policing operations», «Interpol new programs»), короткие научно-популярные фильмы («100 years of International Police cooperation», «Connecting Police», «Special constables»), записи камер наблюдения («Crime scene»). При использовании того или иного источника необходимо определить, насколько он соответствует теме урока, конкретным целям и задачам, которые будут решаться в ходе работы, следует учитывать этап занятия, продолжительность фрагмента. С точки зрения методической целесообразности содержание используемого видеоматериала должно соответствовать уровню языковой подготовки обучающихся. При соблюдении этих требований успешное использование видео гарантировано практически на всех этапах изучения иностранного языка. Методически грамотная работа преподавателя способна превратить интерес обучающихся к просмотру видеофрагмента в целенаправленную учебную деятельность.

На первом этапе работы над темой видеоконтенту не уступает в продуктивности инфографика, которая идеально подходит для микрообучения, поскольку позволяет быстро и лаконично донести сложные идеи и концепции. Слайды, схемы, таблицы преподносят материал небольшими порциями в сжатом виде, который проще запомнить, так как используются визуально привлекательные элементы дизайна и лаконичный язык для передачи информации в понятной форме. Эти характеристики делают инфографику идеальным инструментом для использования в модулях микрообучения, при этом она может выступать как в качестве самостоятельного элемента обучения, так и дополнять другой контент. Введение новой лексики, повторение грамматического материала и многое другое может быть визуализировано с целью предоставления в сжатом виде информации, которую легко усвоить и запомнить. В частности, при изучении тем «Types of crimes» или «Crime and punishment» сравнительный анализ преступлений по тяжести и видам наказаний с использованием инфографики позволяет снять дополнительные трудности и представить профессионально значимую информацию в понятном и доступном для усвоения виде. Эффективность применения того или иного источника информации напрямую зависит от его правильного и методически продуманного преподавателем использования. Поэтому при включении в модуль изображений, схем и других графических элементов авторы старались сделать их содержательными и краткими одновременно, использовали привлекательный дизайн, добавляли интерактивные элементы.

Мобильные обучающие приложения предлагают контент для микрообучения непосредственно на смартфонах или планшетах обучающихся, предоставляя доступ к учебным материалам независимо от времени и места. Преимущества этих цифровых платформ в том, что они включают в себя короткие увлекательные уроки. При этом пользователю предлагаются тексты, мультимедиа, изображения (фотографии и

иллюстрации), интерактивные игры, тесты и опросы в лаконичном формате, который делает обучение быстрым, увлекательным и доступным. Поэтому мы считаем использование мобильных приложений допустимым на всех этапах микромодуля. На онлайн-занятиях хорошо зарекомендовало себя бесплатное приложение Flashcards+ – конструктор карточек для запоминания, который помогает обучающимся быстрее усваивать информацию. В частности, термины лексико-семантического поля «преступление» традиционно представляют трудности для изучающих английский язык в виду асимметрии значений в русском и английском языках [14]. Этот простой способ позволяет выучить терминологию на уровне межъязыковых эквивалентов без использования бумажных носителей. Задача преподавателя – верно отобрать учебный материал, который можно адаптировать под приложение.

Наиболее эффективно, на наш взгляд, применение мобильных приложений для коррекции произносительных и развития аудитивных навыков. Существует целый ряд приложений, разработанных авторитетными зарубежными источниками (например, British Council. Macmillan Education и т. д.) для изучения иностранного языка. Кроме того, различные подкасты, включающие аудио-, видео-, а также новостные материалы, могут привлекаться на этапе отработки или закрепления изучаемого материала. Кроме того, на сегодняшний день обучающиеся активно используют различные словари и встроенные переводчики при работе с иноязычными профессионально ориентированными источниками.

Геймификация, которая подразумевает использование элементов игрового дизайна для вовлечения обучающихся или повышения их мотивации, еще десятилетие назад стала рассматриваться как многообещающий подход к изучению иностранных языков. Сочетание микрообучения и геймификации создает мощный инструмент для повышения интереса к обучению. Для закрепления общебытовых тем авторами использовались уже готовые игры, разработанные другими преподавателями иностранных языков и находящиеся в свободном доступе на специализированных сайтах (learningapps.org, wordwall.net). При изучении материала профессиональной направленности были самостоятельно подготовлены интерактивные учебные материалы на этих же онлайн-платформах, а также различного рода электронные игры («Police force of the United Kingdom», «Identify the crime», «Legal Professions») для работы оффлайн.

Опыт использования игрового формата в практике изучения иностранных языков показал, что активное обучение с помощью геймификации способствует лучшему запоминанию, поскольку побуждает обучающихся к активному участию, а не к пассивному восприятию информации. Правильно подготовленные игры персонализируют процесс обучения, адаптируют контент к индивидуальным способностям и потребностям. Кроме того, мгновенные результаты дают возможность и обучающимся, и преподавателю сразу увидеть, что получилось правильно, а что нуждается в доработке или закреплении. Такой персонализированный подход обеспечивает постоянную вовлеченность обучающихся, что приводит к долгосрочному запоминанию информации и улучшению результатов.

Сторителлинг также может использоваться для того, чтобы вызвать интерес обучающихся к содержанию обучения, а процесс сделать более увлекательным. Применение коротких историй в микрообучении довольно сложно, поскольку, на наш взгляд, этот прием во всех своих формах больше подходит для очного обучения [15]. Тем не менее возможно адаптировать некую долю учебного контента под микромодули. Так, при изучении разных типов преступлений с помощью сторителлинга были подготовлены короткие тексты о совершенных преступлениях, которые позволили обучающимся погрузиться в профессионально ориентированный материал, несмотря на его небольшой объем:

Burglars recently broke into our house while we were sleeping upstairs! They stole

my iPhone, some money, jewels and a lot of valuable things. I heard a noise, so I woke up my dad, who called the police. Unfortunately, by the time the police arrived, the burglars had gone.

I was shopping at the mall when suddenly something landed on my shoulder. Immediately a so-called passer-by appeared to wipe it off. Five minutes later, when I reached for my wallet to buy something, I realized it had been stolen. When I reported the crime to the police, they told me it was a professional pickpocket. They use any means to distract their victims!

Следует отметить, что приведенные микротексты могут использоваться не только для закрепления профессиональной терминологии (burglar / thief, steal / break into / rob), но и для активизация грамматических навыков использования времен (Past Simple / Past Continuous, Present Perfect / Past Perfect).

Использование микрообучения и сторителлинга дает значительные преимущества при обучении навыкам устной и письменной речи. Такой подход улучшает результаты обучения за счет структурирования и подачи материала в повествовательной форме, что позволяет обучающимся лучше усваивать информацию и повышает ее запоминаемость [16].

На завершающем этапе работы над микромодулем не обойтись без оценочных материалов. Микрообучение с помощью тестов и опросов позволяет быстро и целенаправленно оценивать знания и степень усвоения той или иной темы. Контроль может быть организован в форме тестов или анкетирования, что позволят обучающимся оценить свой уровень владения изученным материалом и получить немедленную обратную связь. На наш взгляд, наиболее эффективными в работе показали себя тесты и различные контролирующие интерактивные задания. В данном случае автоматическая персонализированная обратная связь помогает выявить слабые стороны, особенно если в результате выводятся ошибки и предоставляется возможность их исправить. При этом, с одной стороны, обучающиеся оперативно анализируют и исправляют ошибки, а с другой стороны, преподаватель экономит время на проверке работ. Тесты и задания в таком случае – это не просто оценки, они выполняют роль инструментов для развития определенных умений.

Заключение

Микрообучение можно отнести к перспективным направлениям в образовании взрослых, так как оно позволяет адаптировать учебный процесс к особенностям их образа жизни, профессиональных интересов и индивидуальных потребностей. Микрообучение – это больше, чем просто разбиение учебного контента на кусочки. Если рассматривать микрообучение как подход, то спектр его возможных применений выходит за рамки коротких видеофрагментов и охватывает самые разные мультимодальные форматы и формы взаимодействия. Опыт работы с сотрудниками полиции показал, что микрообучение приносит хорошие результаты, когда встроено в общую лингводидактическую концепцию, то есть становится не изолированной формой, а стратегией, инструментом и частью целостного образовательного процесса.

Главное преимущество микрообучения мы видим в том, что в рамках данного подхода можно интегрировать в учебный процесс разнообразные дидактические материалы, инновационные методы и технические средства обучения. При этом соблюдаются базовые принципы лингводидактики, такие как постепенное нарастание сложности – «один навык – один модуль»; принцип интерактивности обучения путем активного вовлечения обучающихся; принцип гибкости и адаптивности учебного процесса, его «настройка» под конкретного обучающегося, включая порядок и темп усвоения учебного материала; принцип персонализации обучения, то есть возможность выстраивания индивидуальной образовательной траектории. При таком понимании основной отличительной особенностью микрообучения является ограниченный содержательный и временной формат, который представляется наиболее удобным и целесообразным для взрослых и занятых людей.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Аренова А., Жунусбекова А. Инновационные подходы в образовании: роль микро- и нанообучения как механизм достижения гибкости в начальной школе // Білім – Образование. 2024. № 111 (4). С. 70–89. DOI: 10.59941/2960-0642-2024-4-69-88.

2. Блинов В. И., Сергеев И. С., Родичев Н. Ф. Микрообучение – из бизнеса в образование: перспективное направление развития дидактики // Образование и наука. 2022. Том 24. № 9. С. 43–68. DOI: 10.17853/1994-5639-2022-9-43-68.

3. Карпенко М. П., Басов В. А., Широкова М. Е. Когнитивные подходы к построению микрообучения // Инновации в образовании. 2021. № 8. С. 37–42.

4. Постовалов П. М., Селезнев С. А. Использование технологии микрообучения для повышения эффективности учебного процесса // Инновационные технологии в педагогике высшей школы: сборник статей XI международной межвузовской научно-методической конференции. Санкт-Петербург, Петергоф, 2025. С. 206–214.

5. Monib W. K., Qazi A., Apong R. A. Microlearning beyond boundaries: A systematic review and a novel framework for improving learning outcomes // Heliyon. 2025. Vol. 11. Issue 2. P. 1–29. DOI: 10.1016/j.heliyon.2024.e41413.

6. Кравчук Л. С. Деловая коммуникация сотрудников полиции как фактор обеспечения эффективности правоохранительной деятельности // Профессионально ориентированная языковая подготовка: теория и практика: сборник материалов всероссийской научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 2025. С. 134–140.

7. Крамаренко Н. С., Крюков Е. В. Микрообучение в непрерывном образовании педагога в мире VUCA // Вестник Московского государственного областного университета. 2021. № 4. С. 156–166.

8. Борщенко Г. М., Рубцова А. В. Концептуальные основы применения микрообучения в иноязычном образовании // Концепт. 2024. № 10. С. 156–169. DOI: 10.24412/2304-120X-2024-11161.

9. Диденко Э. Н. Микрообучение как технология преподавания иностранного языка в неязыковом вузе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 16. № 2. С. 640–644.

10. Ионов А. Ю., Ким Ю. Х.-С., Чугаева К. М., Капушева И. Ш. Микрообучение в контексте изучения иностранных языков // Современное педагогическое образование. 2025. № 4. С. 196–198.

11. Barus I., Bontisesari. Exploring the Potentials of Microlearning in English Language Teaching in Higher Education // Asian Journal of Applied Education (AJAE). 2023. No. 2. P. 557–566.

12. Lin E., Yang C.-C., Huang B.-R. Going beyond language learning: a microlearning instructional design to promote EFL learners' collaboration competency // International journal of emerging technologies in learning. 2023. Vol. 18 (12). P. 224–251.

13. Гольцова Т. А., Проценко Е. А. Микрообучение в иноязычном образовании // Образование и общество. 2025. № 4 (153). С. 28–34.

14. Петрова Е. А. Анализ вербализации лексико-семантического поля «преступление» в художественном дискурсе // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2025. № 1 (107). С. 180–189.

15. Гольцова Т. А., Проценко Е. А. Применение сторителлинга в практике обучения иностранным языкам сотрудников полиции // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2023. № 1 (59). С. 142–147.

16. Hidayat A., Ifah Hanifah I., Rahmatunisa W., Andriyana A. The Effectiveness of Micro Learning Design on Storytelling Skills // Journal of Ecohumanism. 2024 Vol. 3. No. 8. P. 5613–5628. DOI: https://doi.org/10.62754/joe.v3i8.5150.

REFERENCES

1. Arenova A., Zhunusbekova A. Innovative approaches in education: the role of micro- and nano-learning as a mechanism for achieving flexibility in primary school // Bilim – Education. 2024. No. 111 (4). P. 70–89. DOI: 10.59941/2960-0642-2024-4-69-88. (In Russ.)

2. Blinov V. I., Sergeev I. S., Rodichev N. F. Microlearning – from business to education: a promising direction for the development of didactics // Education and Science. 2022. Vol. 24. No. 9. P. 43–68. DOI: 10.17853/1994-5639-2022-9-43–68. (In Russ.)

3. Karpenko M. P., Basov V. A., Shirokova M. E. Cognitive approaches to building microlearning // Innovations in education. 2021. No. 8. P. 37–42. (In Russ.)

4. Postovalov P. M., Seleznev S. A. Using microlearning technology to improve the efficiency of the educational process // Innovative technologies in higher education pedagogy: collected articles from the XI international interuniversity scientific and methodological conference. St. Petersburg, Peterhof, 2025. P. 206–214. (In Russ.)

5. Monib W. K., Qazi A., Apong R. A. Microlearning beyond boundaries: A systematic review and a novel framework for improving learning outcomes // Heliyon. 2025. Vol. 11. Issue 2. P. 1–29. DOI: 10.1016/j.heliyon.2024.e41413.

6. Kravchuk L. S. Business communication of police officers as a factor in ensuring the effectiveness of law enforcement activities // Professionally oriented language training: theory and practice: collection of materials from the All-Russian scientific and practical conference. St. Petersburg, 2025. P. 134–140. (In Russ.)

7. Kramarenko N. S., Kryukov E. V. Microlearning in continuous education of a teacher in the VUCA world // Bulletin of Moscow State Regional University. 2021. No. 4. P. 156–166. (In Russ.)

8. Borshchenko G. M., Rubtsova A. V. Conceptual foundations for the use of microlearning in foreign language education // Concept. 2024. No. 10. P. 156–169. DOI: 10.24412/2304-120X-2024-11161. (In Russ.)

9. Didenko E. N. Microlearning as a Technology of Teaching a Foreign Language in a Non-Linguistic University // Philological Sciences. Theoretical and Practical Issues. 2023. Vol. 16. No. 2. P. 640–644. (In Russ.)

10. Ionov A. Yu., Kim Yu. H.-S., Chugaeva K. M., Kapusheva I. Sh. Microlearning in the Context of Learning Foreign Languages // Modern Pedagogical Education. 2025. No. 4. P. 196–198. (In Russ.)

11. Barus I., Bontisesari. Exploring the Potentials of Microlearning in English Language Teaching in Higher Education // Asian Journal of Applied Education (AJAE). 2023. No. 2. P. 557–566.

12. Lin E., Yang C.-C., Huang B.-R. Going beyond language learning: a microlearning instructional design to promote EFL learners' collaboration competency // International journal of emerging technologies in learning. 2023. Vol. 18 (12). P. 224–251.

13. Goltsova T. A., Protsenko E. A. Microlearning in foreign language education // Education and Society. 2025. No. 4 (153). P. 28–34. (In Russ.)

14. Petrova E. A. Analysis of verbalization of the lexical-semantic field "crime" in artistic discourse // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. No. 1 (107). P. 180-189. (In Russ.)

15. Goltsova T. A., Protsenko E. A. Application of storytelling in the practice of teaching foreign languages to police officers // Bulletin of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No. 1 (59). P. 142–147. (In Russ.)

16. Hidayat A., Ifah Hanifah I., Rahmatunisa W., Andriyana A. The Effectiveness of Micro Learning Design on Storytelling Skills // Journal of Ecohumanism. 2024 Vol. 3. No. 8. P. 5613–5628. DOI: https://doi.org/10.62754/joe.v3i8.5150.

Информация об авторах:

Т. А. Гольцова, кандидат филологических наук, доцент;

Е. А. Проценко, кандидат филологических наук, доцент.

Information about the authors:

T. A. Goltsova, Candidate of Philology, Associate Professor;

E. A. Protsenko, Candidate of Philology, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 08.09.2025; одобрена после рецензирования 15.09.2025; принята к публикации 17.11.2025.

The article was submitted 08.09.2025; approved after reviewing 15.09.2025; accepted for publication 17.11.2025.

Научная статья
УДК 372.881.111.1

СПЕЦИФИКА ОБУЧЕНИЯ АДЪЮНКТОВ АРГУМЕНТАТИВНОМУ ВЫСКАЗЫВАНИЮ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Валентина Николаевна Шашкова
Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова, Орёл, Россия
valentina.shash@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются особенности обучения адъюнктов образовательных организаций МВД России искусству аргументативного высказывания на английском языке в научном дискурсе. Основной целью исследования является разработка дидактического шаблона для формирования и совершенствования умений аргументативного высказывания в научной сфере.

Последовательно представлена концепция текстоцентрического подхода, в которой текст выступает моделью для формирования коммуникативных навыков. Сквозь призму этого подхода показана важность формирования умений анализа и моделирования структурных и коммуникативных аспектов научных текстов. Рассматриваются типы аргументов (от реальности, от методологии, от теории, от авторитета) и контраргументов (за счет выявления противоречивых фактов, посредством указания на ограниченность исследования, посредством опровержения интерпретации результатов и за счет выдвижения конкурирующей гипотезы), регулярно используемые в научных исследованиях по юридической тематике. Разработаны и предложены образцы последовательной серии заданий, обучающих сначала анализу фрагментов научных текстов, идентификации типов аргументов и контраргументов, а затем последовательному синтезу аргументации и контраргументации с использованием оптимального коммуникативного каркаса для обоснования авторской научной позиции. Предложенный в статье дидактический шаблон разработан для улучшения качества подготовки адъюнктов к научной деятельности и совершенствования их исследовательской компетенции.

Ключевые слова: исследовательская компетенция, текстоцентрический подход, научный дискурс, аргументация, коммуникативная стратегия, коммуникативная тактика, коммуникативный каркас.

Для цитирования: Шашкова В. Н. Специфика обучения адъюнктов аргументативному высказыванию на английском языке // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2025. № 4 (110). С. 175–183.

Original article

SPECIFICITIES OF TEACHING ADJUNCTS ARGUMENTATIVE SPEECH IN ENGLISH

Valentina N. Shashkova
Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia named after V. V. Lukyanov
Orel, Russia, valentina.shash@mail.ru

Abstract. The article examines the features of teaching adjuncts of educational institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia the art of argumentative expression in scientific discourse in English. The main objective of the study is to develop a didactic template for the formation and improvement of argumentative expression skills in the scientific field.

The concept of a text-centric approach, in which a text acts as a model for the formation of communication skills, is consistently presented. Through the prism of this approach, the importance of developing the skills in analyzing and modeling structural and communicative aspects of scientific texts is shown. The types of arguments (based on reality, methodology, theory, and authority) and counterarguments (by identifying

© Шашкова В. Н., 2025

contradictory facts, by pointing out the limitations of the study, through refuting the interpretation of the results and due to putting forward a competing hypothesis) regularly used in legal research are considered. Samples of a sequential series of tasks have been developed and proposed, teaching first the analysis of fragments of scientific texts, identification of types of arguments and counterarguments, and then the sequential synthesis of argumentation and counterargumentation using an optimal communicative framework to substantiate the author's scientific position. The didactic template proposed in the article has been developed to improve the quality of training of graduate students for scientific activity and improve their research competence.

Keywords: research competence, text-centric approach, scientific discourse, argumentation, communicative strategy, communicative tactic, communication framework.

For citation: Shashkova V. N. Specificities of teaching adjuncts argumentative speech in English // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. No. 4 (110). P. 175–183. (In Russ.)

Введение

Обучение адъюнктов образовательных организаций МВД России аргументированному высказыванию на английском языке имеет стратегическое значение для интеграции научных кадров, специализирующихся в юриспруденции, в научное сообщество. Аргументированное высказывание предполагает не просто способность говорить на английском языке, но и умение логично, структурированно и убедительно излагать свою позицию, опираясь на факты, данные и теоретические основания. Для опубликования результатов научных исследований в научных изданиях, рекомендуемых Высшей аттестационной комиссией, адъюнктам необходимо уметь формулировать гипотезы и выводы, отстаивать свою точку зрения, критически анализировать чужие аргументы и парировать возражения как минимум в рамках аннотации к научной статье.

Кроме того, для повышения цитируемости и академической репутации, публикации должны соответствовать международным стандартам. Это предполагает развитие у адъюнктов умений формулировать убедительное обоснование научной новизны и практической значимости исследования, а также аргументацию результатов, полученных в ходе эмпирического изучения материала. Все перечисленные факторы определяют актуальность настоящего исследования.

Цель исследования – разработать дидактический шаблон для системы заданий, направленных на формирование и совершенствование умений аргументативного высказывания.

Мы полностью разделяем точку зрения О. В. Шуняковой о необходимости разработки параметров классификации юридических текстов «для ведения дальнейших исследований в области аналитической работы с профессиональным текстом, что будет способствовать более детальному пониманию сотрудником полиции информации профессионально-научного характера» [1, с. 178]. Поэтому в проведенном исследовании мы останавливаемся на научном обосновании необходимости развития у адъюнктов умения идентифицировать «коммуникативный каркас» [2, с. 165] текста и моделировать аргументацию с его использованием.

Объектом исследования является сам процесс формирования и совершенствования умений аргументативного высказывания на английском языке у адъюнктов образовательных организаций МВД России. Результаты исследования обогащают методологические подходы к обучению иностранному языку в адъюнктуре, дополняют существующие знания в области формирования и совершенствования научно-исследовательской компетенции адъюнктом. Этим определяется теоретическая значимость исследования. Практическая значимость исследования обусловлена возможностью внедрения разработанного шаблона заданий в практику работы с адъюнктами в рамках дисциплины «Иностранный язык» для подготовки обучающихся к проведению научных исследований.

Методы

Методологическую основу исследования составляют анализ научной и учеб-

но-дидактической литературы, типологизация учебных заданий, текстоцентрический подход к обучению речевой деятельности, а также моделирование аргументации в научном дискурсе.

Текстоцентрический подход – это лингводидактическая стратегия, в центре которой находится текст как основной объект обучения [3, с. 122]. В отличие от традиционных методик, акцентирующих внимание на отдельных языковых элементах (лексике, грамматике, фонетике, стилистике) или исключительно на решении коммуникативной задачи, данный подход направлен на формирование у обучающихся комплексных умений воспринимать и понимать научные тексты на иностранном языке, видеть их композиционную структуру и коммуникативную стратегию, чтобы далее самостоятельно создавать тексты с аналогичным «текстотипом» [4, с. 29]. Особую ценность этот подход приобретает в контексте формирования исследовательской компетенции, которую Н. Н. Серостанова и Е. И. Чопорова называют доминантной при подготовке адъюнктов в образовательных организациях МВД России [5, с. 364].

Текстоцентрический подход предполагает, что на первом этапе текст выступает образцом – адъюнкты анализируют его структуру, языковые особенности и коммуникативные функции, чтобы усвоить нормы и стратегии научной речи. На следующем этапе аналогичный текст становится стимулом. Он побуждает адъюнктов к собственной текстовой деятельности: переформулированию, аргументации, созданию оригинальных высказываний на основе полученной информации. Такая двойственная роль текста – как модели для производства собственного текста и как катализатора продуктивной речи – способствует глубокому освоению языка и развитию критического мышления.

Кроме того, текстоцентрический подход помогает обучающимся эффективно ориентироваться в информационных потоках, быстро выделять релевантные данные, критически осмысливать содержание и аргументированно выражать собственную позицию.

Теоретические основания исследования.

Аргументация понимается как вербально оформленный прием умозаключения, направленный на доказательство истинности определенного утверждения путем предъявления фактов, доводов, оснований и подтверждающих примеров. Она основывается на предоставлении весомых аргументов, призванных убедить аудиторию принять определенную идею, позицию или точку зрения. Основными элементами аргументации являются тезис (утверждение, подлежащее доказательству) и аргументы (основания, факты).

С. Г. Сорокина подчеркивает, что в научном дискурсе аргументация неразрывно связана с логикой представления результатов исследования и реализуется через последовательные этапы: анализ предметной области, формулирование темы, постановку цели и задач, обзор предшествующих работ, выявление теоретических пробелов, описание методологии и инструментария, интерпретацию полученных данных, а также обоснование научной и практической значимости проведенного исследования [6, с. 220]. На основе этой структуры автор предлагает собственную классификацию аргументов, характерных для научного дискурса:

– аргументы от реальности, основанные на фактах и закономерностях окружающего мира;

– аргументы от методологии, с помощью которой получено некоторое утверждение и которая заявляется как гарант надежности этого научного положения;

– аргументы от теории, в рамках которой проводится исследование и описываются его результаты;

– аргументы от авторитета, которые могут вводить мнение известного ученого или же могут апеллировать к безличной инстанции, выражая «всеобщее мнение» или позицию, принятую научным сообществом [6, с. 220–221].

Типы аргументов для подтверждения определенной позиции могут разниться или

коррелировать, усиливая основную коммуникативную установку исходного тезиса.

Научный дискурс априори предполагает многоголосие мнений. Основная функция включения контраргументации в научный текст – укрепление убедительности и достоверности собственной позиции автора за счет демонстрации ее критической обоснованности. Г. М. Костюшкина и Ч. Фан предлагают следующую общую схему контраргументации: отказ от признания исходного утверждения сопровождается введением контраргументов, подтверждающих неверность утверждения, затем следует полное доказательство ложности исходного утверждения [7, с. 25].

Анализ представительного массива научных текстов позволил выявить следующие типы контраргументов, которые находят регулярное выражение в рассматриваемом типе дискурса:

– контраргументация за счет выявления противоречивых фактов или за счет противопоставления новейших исследований устаревшим выводам;

– контраргументация посредством указания на ограниченность исследований;

– контраргументация посредством опровержения интерпретации результатов, в основе которой заложено признание фактов, но оспаривание их трактовки;

– контраргументация посредством предложения конкурирующей гипотезы, не отрицающей сам факт или конкретные данные, а смещающей акцент на иную причинно-следственную связь.

Приведенные типы аргументов и контраргументов использовались в качестве основных при разработке обучения использованию коммуникативных тактик для реализации аргументативной стратегии.

Введем существенное терминологическое разграничение понятий. Термин «коммуникативный каркас текста» можно сопоставить с понятием «метатекстовый каркас текста», введенным Анной Вежбицкой [8, с. 421]. Однако мы исходим из того, что коммуникативный каркас текста представляет собой последовательность коммуникативных актов, реализующих конкретные тактики в рамках текстовой деятельности. Метатекстовый каркас описывает структурные элементы текста, обеспечивающие его связность и логическую последовательность. Это взаимодополняющие понятия, при этом мы в первую очередь говорим об обучении адъюнктов коммуникативным тактикам в рамках аргументативной стратегии, поэтому термин «коммуникативный каркас» представляется оптимальным для использования в нашем исследовании.

Результаты

На первом этапе использования текстоцентрического подхода при разработке системы заданий необходимо было продумать задания на идентификацию типов аргументов. Сам тип задания в предлагаемом шаблоне сформулирован следующим образом: Determine what type of arguments are used in each case:

1) arguments based on reality;
2) arguments based on methodology;
3) arguments based on theory;
4) arguments based on authority.

Приведем примеры тезисов, предлагаемых в первом задании типового шаблона заданий, направленных на обучение аргументативному высказыванию в научном дискурсе.

Пример 1: Recent court rulings in the EU demonstrate a clear trend toward prioritizing digital privacy, as seen in CJEU's 2024 decision in Privacy International v. Secretary of State. This factual shift reflects evolving societal values embedded in judicial practice. – Недавние судебные решения в ЕС демонстрируют явную тенденцию к приоритетному решению вопросов цифровой конфиденциальности, как это видно из решения Суда Европейского союза от 2024 года по делу «Privacy International» против Государственного секретаря. Этот фактический сдвиг отражает эволюцию общественных ценностей, заложенных в судебной практике.

Пример содержит ссылку на судебные решения – recent court rulings и конкретное дело Суда Евросоюза 2024 года. В нем очевиден акцент на наблюдаемой тенденции:

clear trend, this factual shift. Цель – интерпретировать эмпирически фиксируемую реальность. В качестве дидактического элемента необходимо обратить внимание адъюнктов на то, что даже если автор дает интерпретацию какой-либо тенденции, основой такой аргументации выступают документально зафиксированные события или явления (в рассматриваемом примере – судебные решения). На этом и строится аргументация от реальности.

По справедливому замечанию Л. В. Ворониной, в юридических текстах типично актуализируется «фактологическая модель аргументации», обусловленная институциональными характеристиками дискурса [9, с. 144]. Именно этот тип аргументов используется в научных текстах наиболее часто. Источниками аргументов в таких случаях могут быть судебные прецеденты, статистика, архивные документы, интервью официальных лиц, отчеты, а также наблюдения.

Пример 2: The use of computational text analysis on 10,000 U.S. appellate decisions revealed latent patterns in statutory interpretation – a finding inaccessible through traditional analysis alone, and thus methodologically justified by the scale and objectivity of NLP tools. – Использование компьютерного анализа текста на материале 10000 решений апелляционных судов США выявило скрытые закономерности в толковании законов – вывод, который невозможно получить только с помощью традиционного анализа и который, таким образом, методологически оправдан масштабом и объективностью нейролингвистических инструментов обработки естественного языка.

Ключевыми маркерами аргумента от методологии, проиллюстрированного в примере, выступают отсылка к способу получения данных: computational text analysis, NLP tools, подчеркивание преимуществ метода: inaccessible through traditional analysis alone, the scale and objectivity. Вывод в этом примере обосновывается именно инструментом исследования. В качестве обучающего элемента при анализе примера рекомендуется упомянуть, что если автор убеждает, ссылаясь на то, как было получено знание, а не только на что было обнаружено, то это аргумент от методологии.

В следующем задании адъюнктам предлагаются научные тезисы на различные темы в области юриспруденции, каждый из которых должен стать основой для построения аргументированного высказывания. К каждому тезису дается рекомендация по выбору наиболее подходящего типа аргумента для подкрепления исходной идеи. Задание заключается в подготовке аргументации тезиса с опорой на научные исследования в соответствующих сферах.

Пример 3: Criminal law must comply with the principles of justice and equality before the law. – Уголовное право должно соответствовать принципам правосудия и равенства перед законом. Адъюнктам предлагается подобрать аргумент от реальности.

Пример 4: Law enforcement should not depend solely on the interpretation of legal norms by a judge. – Правоприменение не должно зависеть исключительно от трактовки правовых норм судьями. Этот тезис адъюнктам предлагается обосновать с использованием аргумента от методологии.

Пример 5: The justice system is obliged to ensure the protection of the rights and legitimate interests of citizens. – Система правосудия обязана обеспечивать защиту прав и законных интересов граждан. Основным типом аргумента, рекомендуемым к использованию для обоснования этого тезиса, является аргумент от теории.

Пример 6: Legislation constantly requires changes and additions in accordance with modern realities. – Законодательство постоянно нуждается в изменениях и дополнениях в соответствии с современными реалиями. Для аргументации адъюнктам предлагается отыскать мнение авторитетного специалиста.

Третье задание в предлагаемой серии – выявить 5 тезисов с опорой на тему проводимого научного исследования и подобрать к ним аргументы. Задание обеспечивает выход в продуктивное высказывание на иностранном языке. Его оптимально давать в

режиме самостоятельной работы. Для его выполнения можно разрешить использование онлайн-переводчиков и словарей.

Четвертое задание связано с идентификацией типа контраргумента или контраргументов. На этом этапе целесообразно привлекать элементы лингвистического анализа для выявления тех языковых средств, которые служат выражению контраргументации.

Пример 7: Исходная посылка: Several forensic studies claim that DNA profiling techniques are highly reliable methods for identifying perpetrators involved in major crimes.

Контраргументы: Although DNA profiling is generally regarded as a powerful tool, it is worth noting that some of these studies suffer from methodological limitations. Many rely exclusively on controlled laboratory experiments with idealized samples, neglecting real-world challenges such as contamination risks during field collection or storage errors. Moreover, statistical interpretations often lack robust validation in diverse population groups. Consequently, further research addressing practical application scenarios and broader demographic diversity is essential to fully assess the reliability of DNA-based identification methods.

В исходной посылке констатируется надежность ДНК-анализа как метода криминалистической экспертизы.

Первый контраргумент касается методологических ограничений: многие исследования основаны на лабораторных экспериментальных образцах, которые отличаются от реальных образцов, собранных на месте происшествия. Придаточное уступки, вводимое союзом although, является эффективным приемом вежливой, но эффективной критики. Глагольная фраза is generally regarded as a powerful tool в виду пассивной конструкции сразу вводит расхожее мнение, давая понять, что автор его не разделяет. При этом оценочное прилагательное powerful со значением утилитарной модальной оценки служит средством смягчения оппозиции тому мнению, которое распространено в научных кругах. Собственно сам контраргумент вводится посредством модусной рамки it is worth noting that <…>. Она выражает рекомендацию обратить внимание, не навязывая категоричного суждения, и позволяет ввести критику как важное, но не агрессивное замечание. Глагольная фраза to suffer from methodological limitations, стандартная для научной критики, указывает не на ложность результатов, а на ограниченность способа их получения. Частично стертая метафора в глаголе to suffer from усиливает серьезность недостатков.

Второй контраргумент затрагивает практические сложности, такие как реальные риски загрязнения образцов и ошибок хранения доказательств, что снижает ценность контролируемой в условиях лаборатории статистики. Наречие меры и степени exclusively функционирует как усилитель, указывающий на однобокость выборки методов. Controlled laboratory experiments и idealized samples – термины, подчеркивающие искусственность условий, не соответствующих реальной практике. Форма причастия neglecting передает отрицательную утилитарную оценку, указывая на недостаток внимания к важным аспектам. Конкретные риски, такие как contamination (загрязнение образцов), storage errors (неправильное хранение доказательств), перечислены, что придает критике практическую значимость и наглядность. Прагматическая функция этого контраргумента заключается в том, чтобы показать, что перечисленные риски снижают валидность исследований, исходивших из опровергаемой посылки.

Третий контраргумент, указывающий на недостаточную исследованность проблемы, касается недостатка демографической валидности: статистические интерпретации зачастую не в полной мере проверены на популяциях с разными генетическими характеристиками. Основными языковыми средствами, служащими выражению этого контраргумента, являются комплексные номинативные единицы: lack robust validation – глагольная фраза, подчеркивающая недостаточность подтверждения; diverse population groups – именная фраза, служащая указа-

нием на демографическую ограниченность данных. Прагматическая функция третьего контраргумента заключается в том, чтобы поставить под сомнение применимость выводов за пределами узкой выборки, что особенно важно в правовых контекстах.

Общий вывод эксплицирует необходимость дополнительных исследований, учитывающих многообразие реальных ситуаций и этнических групп, чтобы оценить действительную надежность ДНК-тестирования. Вводное слово consequently выступает маркером логического следствия, завершающим цепочку критики. Именная фраза further research addressing <…> является номинацией призыва к расширению исследований, а модальный модификатор со значением телеологической оценки essential в составе сказуемого is essential придает призыву нормативную силу. Глагольная фраза to fully assess подчеркивает, что текущие данные недостаточны для окончательного вывода.

Пятое задание в системе требует подобрать контраргументы для приведенных тезисов. Например: Electronic evidence has the same legal force as traditional written documents. – Электронные доказательства обладают равнозначной юридической силой с традиционными письменными документами. Для исходного утверждения предлагается сформулировать контраргумент, основанный на констатации ограниченности существующих исследований.

На стадии работы с контраргументами адъюнктам предлагается к каждому из 5 тезисов, соответствующих тематическому направлению диссертационного исследования, предложить по 1–2 возможных контраргумента.

Следующая стадия работы – это анализ связного текста научной статьи и выбор того плана, который последовательно отражает коммуникативные тактики, использованные в целях аргументации. Планы целенаправленно делаются очень похожими. Для того, чтобы выбрать правильный вариант, адъюнкт должен выявить логическую структуру аргументации. Например, контраргумент в одном из планов может быть нацелен на отрицание самой идеи некоторой криминалистической процедуры, а в другом – на ограничения в методическом обеспечении этой процедуры. Работа с целым аргументативным текстом должна привести адъюнктов к выводу об общей структуре аргументации в ее самой широкой интерпретации: исходный тезис – аргумент(ы) – контраргумент – вывод. Так как выявление коммуникативного каркаса текста и возможных сценариев организации убеждения требует регулярной работы с текстами, в качестве частного случая целесообразно брать видоизмененные структуры. Например: тезис – первичный аргумент в защиту тезиса – контраргументы – критика контраргументов – эмпирическая или теоретическая поддержка, то есть дальнейшее подкрепление тезиса аргументами – заключение в виде утверждения субъектом речи собственного мнения.

Заключение

Аргументативное высказывание по теме исследования – это основа выступления адъюнкта на научно-представительских мероприятиях и публикаций в авторитетных изданиях. Неважно, какой язык использует адъюнкт, понимание структуры аргументации, моделирование и выстраивание коммуникативного каркаса своего высказывания – это неотъемлемые части научной работы. Поэтому завершающим этапом в предлагаемом шаблоне заданий является подготовка текста с аргументированием своей научной позиции.

Стратегические и тактические аспекты построения аргументативного высказывания формируют сложную, но упорядоченную систему рационального научного диалога. Стратегия определяет направление и цель полемики, а тактика – ее инструментарий. Аргументированные авторские утверждения в научном дискурсе выполняют ключевую риторическую функцию – позиционирование говорящего. Они позволяют не только заявить собственную точку зрения, но и стратегически выстроить отношение к чужому мнению: от полного согласия и частичного принятия до

конструктивного несогласия и обоснованного убеждения. Предлагаемый шаблон требует качественного наполнения, но опыт показывает, что он реализует свое основное назначение – помочь сформировать у адъюнкта умения уверенного, логичного и убедительного научного высказывания в устной и письменной формах.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Шунякова О. В. Классификация лингвострановедческих особенностей аналитической работы с профессиональным полицейским текстом // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2024. № 3 (105). С. 177–186.

2. Шашкова В. Н. Проблема классификации текстов юридического дискурса // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2025. № 2 (108). С. 161–167.

3. Шашкова В. Н. Интеллектуально-познавательные задачи как часть текстоцентрического подхода к обучению курсантов образовательных организаций МВД России английскому языку // Мир педагогики и психологии. 2025. № 6 (107). С. 121–130.

4. Баранов А. Г. Функционально-прагматическая концепция текста. Ростов-на-Дону, 1993. 181 с.

5. Серостанова Н. Н., Чопорова Е. И. Развитие исследовательской компетентности адъюнктов в рамках освоения академического курса английского языка // Проблемы модернизации современного высшего образования: лингвистические аспекты. Лингвометодические проблемы и тенденции преподавания иностранных языков в неязыковом вузе: материалы V Международной научно-методической конференции. Омск: Омский автобронетанковый инженерный институт, 2019. С. 363–366.

6. Сорокина С. Г. Виды аргументации в научных публикациях (на примере англоязычных статей) // Наука и культура России. 2013. Т. 2. С. 219–221.

7. Костюшкина Г. М., Фан Ч. Принципы анализа аргументативного отрицания // Общество. 2024. № 3-1 (34). С. 25–30.

8. Вежбицкая А. Метатекст в тексте // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 8. М.: Прогресс, 1978. С. 402–421.

9. Воронина Л. В. Когнитивные модели и механизмы русского юридического дискурса аргументативного типа // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2023. № 3 (101). С. 138–145.

REFERENCES

1. Shunyakova O. V. Classification of linguistic and cultural features of analytical work with professional police text // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. No. 3 (105). P. 177–186. (In Russ.)

2. Shashkova V. N. The problem of classification of texts of legal discourse // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. No. 2 (108). P. 161–167. (In Russ.)

3. Shashkova V. N. Intellectual and cognitive tasks as part of a text-centric approach to teaching cadets of educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia the English language // The World of Pedagogy and Psychology. 2025. No. 6 (107). P. 121–130. (In Russ.)

4. Baranov A. G. Functional-pragmatic concept of the text. Rostov-on-Don, 1993. 181 p. (In Russ.)

5. Serostanova N. N., Choporova E. I. Development of research competence of adjuncts in the framework of mastering the academic course of the English language // Problems of modernization of modern higher education: linguistic aspects. Lingvomethodological problems and trends in teaching foreign languages in a non-linguistic university: Proceedings of the V International Scientific and Methodological Conference. Omsk: Omsk Armored Engineering Institute, 2019. P. 363–366. (In Russ.)

6. Sorokina S. G. Types of argumentation in scientific publications (based on English-language articles) // Science and Culture of Russia. 2013. Vol. 2. P. 219–221. (In Russ.)

7. Kostyushkina G. M., Fan Ch. Principles of analysis of argumentative denial // Society. 2024. No. 3-1 (34). P. 25–30. (In Russ.)

8. Vezhbitskaya A. Metatext in the text // New in foreign linguistics. Issue 8. Moscow: Progress, 1978. P. 402–421. (In Russ.)

9. Voronina L. V. Cognitive models and mechanisms of Russian legal discourse of the argumentative type // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No. 3 (101). P. 138–145. (In Russ.)

Информация об авторе:
В. Н. Шашкова, кандидат филологических наук, доцент.

Information about the author:
V. N. Shashkova, Candidate of Philology, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 10.09.2025; одобрена после рецензирования 15.09.2025; принята к публикации 17.11.2025.

The article was submitted 10.09.2025; approved after reviewing 15.09.2025; accepted for publication 17.11.2025.

Научная статья
УДК 37.018.26

УКРЕПЛЕНИЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ В СЕМЬЕ – ОДНО ИЗ УСЛОВИЙ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ЗАПУЩЕННОСТИ УЧАЩИХСЯ

Сергей Андреевич Бажанов
Научно-исследовательский институт ФСИН России, Москва, Россия
sergey.bazhanov62@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-4623-5476

Аннотация. В предлагаемой статье рассматриваются некоторые вопросы коллективных взаимоотношений между детьми и их родителями с тем, чтобы определить наиболее существенные пути укрепления семейного коллектива в современных условиях. В статье использованы материалы проведенного социально-педагогического исследования. Применены методы наблюдения, анкетного опроса, изучение школьной документации.

Ключевые слова: безнадзорность, воспитательный процесс, совместная деятельность, семья, взаимоотношения.

Для цитирования: Бажанов С. А. Укрепление взаимоотношений в семье – одно из условий предупреждения педагогической запущенности учащихся // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2025. № 4 (110). С. 184–188.

Original article

STRENGTHENING FAMILY RELATIONSHIPS IS ONE OF THE CONDITIONS FOR PREVENTING PEDAGOGICAL NEGLECT OF STUDENTS

Sergey A. Bazhanov
Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia
sergey.bazhanov62@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-4623-5476

Abstract. The proposed article examines some issues of the collective relationship between children and their parents in order to identify the most significant ways to strengthen the family team in modern conditions. The article uses the materials of the socio-pedagogical research conducted. The methods of observation, questionnaire survey, and study of school documentation were applied.

Keywords: neglect, educational process, joint activities, family, relationships.

For citation: Bazhanov S. A. Strengthening family relationships is one of the conditions for preventing pedagogical neglect of students // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. No. 4 (110). P. 184–188. (In Russ.)

Введение

В педагогической науке проблеме внутрисемейных отношений уделяется большое внимание. Являясь фактором формирования личности, эти отношения характеризуют сущность воспитательного процесса, поскольку само семейное воспитание может рассматриваться как совокупность различных видов взаимоотношений между родителями и детьми. И когда мы говорим, что одна группа людей представляет собой сплоченный коллектив, а другая не является коллективом, то в первую очередь имеем в виду уровень развития взаимоотношений в этих группах.

© Бажанов С. А., 2025

Методы

В статье использованы материалы проведенного социально-педагогического исследования. Применены методы наблюдения, анкетного опроса, изучение школьной документации.

Результаты

Выдающийся педагог А. С. Макаренко в своих работах о семейном воспитании большое внимание уделял вопросу внутрисемейных отношений, в первую очередь отношениям коллективным. В дружной семье, по его словам, создаются наиболее благоприятные возможности для того, чтобы ребенок на каждом шагу, даже в игре, привыкал быть в коллективе. «Жизнь такой семьи предоставляет ребенку возможность упражняться в различных видах человеческих отношений» [1, с. 345]. И, наоборот, в семье, где нет дружбы, взаимопонимания, взаимной привязанности и требовательности друг к другу, где нет единства интересов, чаще всего родители лишены возможности эффективно воздействовать на поведение детей. В таких условиях приобретение нравственного опыта затрудняется [2]. «Если члены семьи люди отзывчивые, – писала Н. К. Крупская, – чуткие, если у них широкие общественные интересы, если труд соединяет семью в дружный союз, семья будет иметь хорошее влияние на ребенка» [3, с. 218].

Выдающиеся педагоги Н. К. Крупская, А. С. Макаренко, С. Т. Шацкий разработали основы теории семейного коллектива.

А. С. Макаренко писал, что каждый коллектив (и семейный в том числе) характеризуется прежде всего единством общественно полезных интересов. Общность же интересов при условии совместной деятельности, направленной на решение таких же общих для всех членов семьи задач, вызывает сопереживание, цементирующее коллектив [1]. Следовательно, семейный коллектив определяется в первую очередь таким основным признаком, как общность целей и интересов, возникающих в процессе общей деятельности, направленной на достижение этих целей.

Эти основные признаки могут рассматриваться как исходные в процессе формирования коллективных отношений. Особую роль среди них играет общность деятельности, в первую очередь трудовая. Результаты деятельности зависят от дисциплинированности, трудолюбия, честности, высокой взаимной требовательности, взаимного уважения, внимания к душевному состоянию и интересам каждого. Такое сочетание нравственных качеств наиболее полно характеризует уровень развития нравственных отношений между членами семьи. И наоборот, ни одно из этих качеств, взятое само по себе, изолированно, не может характеризовать внутрисемейные отношения.

Изучение семей педагогически запущенных подростков выявило отсутствие многих из указанных выше признаков. Рассмотрим наиболее характерную и очевидную причину правонарушений подростков – безнадзорность детей. Следует различать две ее стороны: внутреннюю и внешнюю. Обе эти стороны представляют собой части единого целого. Под внутренней стороной мы прежде всего имеем в виду душевную разобщенность между родителями и детьми. Внешней же стороной безнадзорности является бесконтрольность за поведением ребенка, безразличие со стороны родителей к образу его жизни. Чаще всего это внешнее проявление безнадзорности является выражением ее внутреннего содержания.

Возникающая отчужденность между взрослыми и детьми приводит чаще всего к тому, что ребенок, предоставленный самому себе, потеряв духовный контакт с родителями и контроль за поведением со стороны взрослых, нередко ищет сближения с другими людьми. Такими людьми часто становятся подобные ему безнадзорные сверстники. Создается своеобразная группа безнадзорных детей, объединенных общностью своей жизненной ситуации, общностью интересов и деятельности. Однако ничего общего с коллективом такое объединение не имеет, поскольку цели и интересы входящих в него детей не приобретают общественно полезной направленности.

Познакомившись с семьями подростков, состоящих на учете в инспекции по делам несовершеннолетних, мы выяснили, что все эти дети являются безнадзорными: у четвертой части этих подростков родители ведут аморальный образ жизни; у чуть меньшей части – родители неприязненно относятся друг к другу, часто ссорятся; в остальных же семьях по различным причинам дети фактически предоставлены самим себе.

Бродяжничество, воровство, нежелание учиться, хулиганство возникают чаще всего там, где отсутствуют дружеские коллективные семейные взаимоотношения, где нет надзора за детьми со стороны родителей [4; 5, с. 507–508]. Отсутствие в семьях прочных коллективных связей неизбежно ведет к потере родительского авторитета и утрате возможности положительно влиять на детей.

Мы изучили путем анкетного опроса, бесед, наблюдений и создания специальных ситуаций около 500 подростков, выясняя, с кем ребенок стремится провести свой досуг и кто его первый советчик в беде и в радости. Среди них были подростки с положительной нравственной направленностью и склонные к правонарушениям.

Из полученных данных видно, что большинство детей с положительной нравственной направленностью стремятся провести свой досуг с родителями. Родители являются у них первыми советчиками, особенно мать. В старшей возрастной группе в этом отношении усиливается роль отца. *У* детей с отрицательной нравственной направленностью родители пользуются меньшим авторитетом.

Совместно с органами МВД нами была проведена конференция для родителей, дети которых состоят на учете в инспекции по делам несовершеннолетних. Был задан вопрос: «С кем дружит ваш ребенок?». Больше половины опрошенных не дали конкретного ответа. Тех, кто смог назвать имена друзей своих детей, мы попросили охарактеризовать самых близких для их сына или дочери приятелей и подруг. Лишь некоторые смогли дать очень скупые сведения о семьях этих ребят, об их интересах, склонностях и т. п. Это говорит о том, что в духовный мир своего ребенка эти родители не вникают, не интересуются средой, которая повседневно, активно воздействует на него.

Таким образом, все рассмотренные нами факты подтверждают, что результаты воспитательной работы семьи непосредственно зависят от характера внутрисемейных отношений.

В «Книге для родителей» и лекциях о воспитании детей в семье А. С. Макаренко определил основные, на наш взгляд, пути формирования семейного коллектива. Непременным условием правильного воспитания детей в семье он считал целесообразно организованную деятельность членов семьи. Совместный труд для общей пользы, указывал он, обогащает детей положительным опытом нравственных отношений, придает семье характер трудового коллектива. На примере семьи Веткиных А. С. Макаренко убедительно доказывает, что в том случае, если семья воплотила в себе черты трудового коллектива, проблема семейного воспитания в целом решается весьма успешно [1]. К сожалению, в последнее время мы все чаще сталкиваемся со случаями, когда дети не принимают активного участия в домашнем труде. А ведь как важно правильно организовать трудовую деятельность детей в семье.

В большинстве обследованных семей дети фактически отстранены от систематического участия в домашней работе. Они выполняют лишь отдельные поручения.

Н. К. Крупская, первая заметившая это явление, указывала еще в 1933 г., что «мы постоянно забываем о тех громадных изменениях в быту, которые произошли. У нас постоянно говорят о родителях, а ведь надо посмотреть, что теперь семья представляет. Она ведь не то, что старая, мелкособственническая семья. Раньше ребята дома видели стряпню, шитье, какую-то организацию труда около этой стряпни, шитья и пр. Видели домашнюю работу, принимали в ней участие, а сейчас эта работа выносится в значительной мере за стены семьи. Сейчас семья уже не представляет собой трудового коллектива, труд проходит в большинстве случаев вне семьи» [6].

В современных условиях влияние технического прогресса на семью, в частности на характер семейного воспитания, стало еще больше ощутимо.

Значительные изменения в семейном воспитании привели к необходимости пересмотра методов воспитательного воздействия. Задача в данном случае состоит в том, чтобы определить оптимальные формы общения родителей и детей, наиболее способствующие их сближению. Поскольку взаимоотношения в семье зависят от характера совместной деятельности детей и взрослых, мы обратились к этой сфере семейной жизни. Нельзя не учитывать также и того обстоятельства, что в современных условиях существенно меняется характер общения между членами семьи, что общность физической деятельности все больше и больше уступает место общности интеллектуальной. Эти предпосылки позволили нам определить участие родителей в школьных занятиях детей как одно из ведущих средств в процессе формирования коллективных взаимоотношений между членами семьи.

Важнейшей формой совместной деятельности родителей и детей, объединяющей членов семейного коллектива, является проведение досуга. Именно этой форме предстоит стать одной из ведущих в воспитании детей. С точки зрения семейного воспитания если в современных условиях семья теряет черты трудового коллектива, то совместная деятельность в процессе отдыха создает компенсирующие этот ущерб возможности. Игры с детьми, семейные туристические походы, посещение кинотеатров, спектаклей, спортивных зрелищ и т. п. могут стать важным средством укрепления коллективных связей между членами семьи, объединения их духовных сил [7].

Важным видом досуга детей и родителей, особенно в последнее время, становится семейный туризм, который выступает как средство отдыха, физической закалки, умственного развития, морального воспитания, а в случае необходимости и исправления. В этом отношении туризм можно смело назвать спортом духовного единства. В равной мере это относится и к семейному туризму.

Коллекционирование, проведение домашних КВН, посещение театров, концертов, увлечение спортом, организация детских праздников – все это, безусловно, способствует укреплению дружбы в семье, семейного коллектива. Большую роль в укреплении коллективных связей между членами семьи могут играть школа и общественность.

Воздействие школы, например, может быть непосредственным и опосредованным. Непосредственное воздействие включает в себя разнообразную индивидуальную работу в школе и по месту жительства, работу по повышению педагогической культуры родителей.

Под опосредованным воздействием следует понимать воздействие педагогического коллектива школы на родителей учащихся через организации, на которых они работают, через различные общественные учреждения, через самих учащихся. Развитие у учащихся познавательных интересов и повышение их общего культурного уровня, развитие таких чувств, как коллективизм, принципиальность, трудолюбие, оказывают прямое воздействие на характер семейных взаимоотношений.

Работа педагогического коллектива школы в микрорайонах также содержит в себе возможности для воздействия на внутрисемейные отношения. Учитель может помочь родителям правильно организовать жизнь семьи, поручая им те или иные задания, выполнение которых будет способствовать укреплению семьи.

Заключение

Таким образом, семейный коллектив определяется прежде всего таким основным признаком, как общность целей и интересов, возникающих в процессе общей деятельности, направленной на достижение этих целей. Все рассмотренные нами факты подтверждают, что результаты воспитательной работы семьи непосредственно зависят от характера внутрисемейных отношений. Участие родителей в школьных занятиях детей является

одним из ведущих средств в процессе формирования коллективных взаимоотношений между членами семьи. Кроме того, важнейшей формой совместной деятельности родителей и детей, объединяющей членов семейного коллектива, является проведение досуга.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Макаренко А. С. Сочинения: в 4 т. Т. 4. М.: Правда, 1987. 574 с.

2. Tsahaeva A. A., Onzimba Legnungo Zh. B., Bratanovskiy S. N., Vilkova A. V., Kadyrov M. A. Formation of a tolerant worldview by reduction of destructive aggression // Ponte. 2018. Т. 74. № 1. С. 81–87.

3. Крупская Н. К. Семья и школа. Педагогические сочинения: в 10 т. Т. 1. М.: Издательство Академии педагогических наук, 1957.

4. Вилкова А. В. Гендерная концепция и методология формирования духовно-нравственных ценностей несовершеннолетних осужденных женского пола: дис. ... док-ра пед. наук. Великий Новгород, 2016. 444 с.

5. Крупская Н. К. Нашей смене – всестороннее развитие. Педагогические сочинения: в 10 т. Т. 5. М.: Издательство Академии педагогических наук, 1957.

6. Гузеев М. С., Кулакова С. В., Вилкова А. В. База данных тестовых заданий к авторскому курсу лекций «Роль и место современных СМИ и социальных медиа в развитии уголовно-исполнительной системы Российской Федерации. Свидетельство о регистрации базы данных RU 2022622073, 17.08.2022. Заявка № 2022621591 от 01.07.2022.

7. Вилкова А. В., Литвишков В. М. Дефицитарное образование как социально-педагогическая причина, отрицательно влияющая на развитие духовно-нравственных ценностей подростков, совершающих правонарушения // Образование и наука в России и за рубежом. 2018. № 7 (42). С. 32–36.

REFERENCES

1. Makarenko A. S. Works: in 4 volumes. Vol. 4. Moscow: Pravda, 1987. 574 p. (In Russ.)

2. Tsahaeva A. A., Onzimba Legnungo Zh. B., Bratanovskiy S. N., Vilkova A. V., Kadyrov M. A. Formation of a tolerant worldview by reduction of destructive aggression // Ponte. 2018. Vol. 74. No. 1. P. 81–87. (In Eng.)

3. Krupskaya N. K. Family and school. Pedagogical works: in 10 volumes. Vol. 1. Moscow: Publishing House of the Academy of Pedagogical Sciences, 1957. (In Russ.)

4. Vilkova A. V. Gender concept and methodology of formation of spiritual and moral values of juvenile female convicts: dis. ... Doctor of Pedagogy. Veliky Novgorod, 2016. 444 p. (In Russ.)

5. Krupskaya N. K. Our shift – comprehensive development. Pedagogical works: in 10 volumes. Vol. 5. Moscow: Publishing House of the Academy of Pedagogical Sciences, 1957. (In Russ.)

6. Guzeev M. S., Kulakova S. V., Vilkova A. V. Database of test assignments for the author's course of lectures "The role and place of modern media and social media in the development of the penal system of the Russian Federation. Certificate of database registration RU 2022622073, 08/17/2022. Application No. 2022621591 dated 07/01/2022. (In Russ.)

7. Vilkova A. V., Litvishkov V. M. Deficient education as a socio-pedagogical reason negatively affecting the development of spiritual and moral values of adolescents committing offenses // Education and Science in Russia and Abroad. 2018. No. 7 (42). P. 32–36. (In Russ.)

Информация об авторе:
С. А. Бажанов, кандидат юридических наук.

Information about the author:
S. A. Bazhanov, Candidate of Law.

Статья поступила в редакцию 17.02.2025; одобрена после рецензирования 03.03.2025; принята к публикации 17.11.2025.

The article was submitted 17.02.2025; approved after reviewing 03.03.2025; accepted for publication 17.11.2025.

Научная статья
УДК 378.14

ПОДГОТОВКА НАУЧНЫХ КАДРОВ ВЫСШЕЙ КВАЛИФИКАЦИИ ДЛЯ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ: ПРОБЛЕМЫ И СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ

Алевтина Владимировна Вилкова[1], Любовь Васильевна Ковтуненко[2], Янина Николаевна Полякова[3]
[1, 2. 3] Научно-исследовательский институт ФСИН России, Москва, Россия
[2] Воронежский государственный университет, Воронеж, Россия
[1] mavlad67@mail.ru, [2] kovtunenkolv@mail.ru, [3] ynpoleakova@yandex.ru
[1] ORCID: 0000-0001-8441-3440, [2] ORCID: 0000-0002-5113-1735,
[3] ORCID: 0000-0002-3852-3128

Аннотация. В статье речь идет о третьем уровне высшего образования – подготовке научно-педагогических кадров в адъюнктуре, в частности представителей уголовно-исполнительной системы. Представлены анализ практики существующей системы подготовки кадров высшей квалификации и предложения по ее совершенствованию, главной целью которой является поиск новых знаний, открытие новых проблем, фактов и истин. Методами исследования стали анализ научной литературы, наблюдение, беседа, анкетирование, интервьюирование, сравнение, обобщение и системно-структурный метод при анализе полученных материалов. Научная новизна заключается в рассмотрении предмета исследования под иным углом и предложении новых стратегий развития образовательной практики в аспирантуре (адъюнктуре) ведомственных организаций. Сделаны выводы о том, что динамика современной науки выдвигает новые требования к профессиональной подготовке молодых ученых, избирающих своим поприщем научную деятельность, а также о необходимости пересмотра традиционных подходов к обучению в системе профессионального образования в аспирантуре (адъюнктуре).

Ключевые слова: научная деятельность, аспирантура, адъюнктура, фундаментальные знания, диссертация, исследование, молодой ученый, профессиональная мобильность.

Для цитирования: Вилкова А. В., Ковтуненко Л. В., Полякова Я. Н. Подготовка научных кадров высшей квалификации для уголовно-исполнительной системы: проблемы и стратегии развития // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2025. № 4 (110). С. 189–195.

Original article_

TRAINING OF HIGHLY QUALIFIED SCIENTISTS FOR THE CRIMINAL-EXECUTIVE SYSTEM: PROBLEMS AND DEVELOPMENT STRATEGIES

Alevtina V. Vilkova[1], Lyubov V. Kovtunenko[2], Yanina N. Polyakova[3]
[1, 2, 3] Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia
[2] Voronezh State University, Voronezh, Russia
[1] mavlad67@mail.ru, [2] kovtunenkolv@mail.ru, [3] ynpoleakova@yandex.ru
[1] ORCID: 0000-0001-8441-3440, [2] ORCID: 0000-0002-5113-1735,
[3] ORCID: 0000-0002-3852-3128

Abstract. The article discusses the third level of higher education, namely the training of scientific and pedagogical personnel in postgraduate studies, including representatives of the penal system. The article provides an analysis of the existing system of higher education and offers suggestions for its improvement, with the main goal of finding new knowledge, discovering new problems, facts, and truths. The research methods

© Вилкова А. В., Ковтуненко Л. В., Полякова Я. Н., 2025

include the analysis of scientific literature, observation, discussion, questionnaires, interviews, comparison, generalization, and the system-structural method for analyzing the obtained materials. The scientific novelty lies in considering the subject of research from a different angle and proposing new strategies for developing educational practices in postgraduate studies (adjunct studies) in departmental organizations. The authors conclude that the dynamics of modern science pose new requirements for the professional training of young people who choose scientific activities as their field of study, as well as the need to revise the following: traditional approaches to teaching in the system of professional education in (adjunct).

***Keywords**:* scientific activity, adjunct, fundamental knowledge, dissertation, research, young scientist, professional mobility.

For citation: Vilkova A. V., Kovtunenko L. V., Polyakova Ya. N. Training of highly qualified scientists for the criminal-executive system: problems and development strategies // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. No. 4 (110). P. 189–195.

Введение

Молодые люди, приходящие сегодня в науку, выбирают один из сложнейших видов деятельности. Как показывает анализ современных исследований, научная деятельность, находясь в диалектической взаимосвязи с научным знанием, составляет сложную систему. Научное знание, являясь результатом научной деятельности, в то же время активно на нее влияет, вплетает в ее ткань и образует вместе с ней целое – науку [1].

В связи с возрастанием значения науки в жизни современного общества расширился диапазон исследований науки, усилился интерес к различным сторонам научного творчества, его продукту, самому процессу, личности ученого, среде, в которой формируется творческая личность. Науковеды и социологи отмечают, что молодежь, избирающая сферой своей деятельности науку, зачастую имеет весьма приблизительное представление об особенностях научного труда в наши дни, о тех трудностях, с которыми приходится сталкиваться в начале пути [2; 3].

Какими качествами должен обладать современный ученый? Неоднократно делались попытки перечислить «слагаемые таланта». Назывались такие качества, как «увлеченность, хорошая память, умение четко и логично формулировать свои мысли, ставить задачи, делать выводы, предположения, высокая интенсивность генерирования идей, творческая раскованность, умение критически оценивать результаты исследований, особенно своих, широкий научный кругозор, высокая культура» [4].

Все эти и многие другие свойства, разумеется, необходимы современному ученому в его сложном труде, который является творческим в главном своем содержании, но отнюдь не во всех элементах: «Творческий акт получения нового знания опирается на обширный массив остающихся в тени нетворческих операций, представляя собой нечто подобное надводной части айсберга, основная часть которого скрывается под водой. Открытие – вершина стремлений исследователя, однако достигнуть ее невозможно без труда на низших уровнях, и деятель науки – не только творец» [5].

Современная наука отличается определенными особенностями, такими как профессиональная мобильность, растущая роль коммуникаций в науке, информационные затруднения и т. д. Эти особенности выдвигают перед молодыми учеными специфические требования.

Методы

Методами исследования стали анализ научной литературы, наблюдение, беседа, анкетирование, интервьюирование, сравнение, обобщение и системно-структурный метод при анализе полученных материалов.

Результаты

В исследовании личностных качеств молодого ученого, проведенном Т. С. Клещевой, студентам были предложены перечисленные в работе Г. Селье качества, характерные для молодого ученого. Анализ полученных данных показал, что «наиболее важными качествами являются: интеллект, оригинальность, способность к творческой работе и настойчивость». При дополнитель-

ном опросе выделены «самостоятельность, честность и целеустремленность» [6].

В исследовании начинающего ученого М. Ю. Кокориной «при выделении узких черт личности, которые отличают ученых от представителей других профессий, на большой выборке (2015 респондентов) получены следующие результаты: характерны более высокие уровни открытости, внутренней мотивации и твердости мышления; более низкие уровни напористости, добросовестности, эмоциональной стабильности, экстраверсии, оптимизма и дальновидного стиля» [7].

Главная цель научного творчества – поиск новых знаний, открытие новых проблем, фактов и истин. Существуют мнения о различии природы «открытия» и природы изобретения, то есть обнаружение того, что существует независимо от нас, и создание того, что до сих пор не существовало. Во всяком научном открытии есть, несомненно, и элемент случайности и неповторимости. Однако все исследователи науки единодушны во мнении, что любое открытие совершается в соответствии с объективным законом движения научного знания. Поэтому одно из непременных требований, предъявляемых современной наукой к тем, кто избирает себе научное поприще, – глубокие фундаментальные знания.

Еще в конце XX века в обращении академика Р. В. Хохлова к молодым ученым было сказано: «Фундаментальные знания – это знания не расчетчика, а теоретика, не клерка от науки, а мыслителя. Конкретным вещам можно выучить; их можно освоить, запомнить и пользоваться ими, как, скажем, пользуются справочником, номограммой или расчетной формулой. Фундаментальные знания можно тоже выучить и запомнить, но сначала их нужно глубоко понять, прочувствовать всем нутром, ввести в язык своего мышления. Возможно, это слегка преувеличено, но мне представляется, что, овладевая фундаментальными знаниями, специалист поднимается на высочайшую ступень понимания предмета, откуда уже открываются магистрали науки, ее самые оживленные перекрестки, открываются горизонты будущих открытий» [8, с. 78].

Социологические исследования контингента поступающих в адъюнктуру образовательных организаций ФСИН России (базой исследования выступил Воронежский институт ФСИН России) свидетельствуют о возрастающем уровне знаний молодежи, приходящей в науку. Однако совсем благополучной эту сторону подготовки научной молодежи считать преждевременно. Испытывают ли дефицит в фундаментальных знаниях будущие ученые? Вопрос, заданный обучающимся по различным специальностям третьего года обучения в адъюнктуре, «Какие стороны Вашей научной квалификации вызывают у Вас в настоящее время наибольшую неудовлетворенность?» определил на первое место по количеству ответивших неудовлетворенность «уровнем знаний общетеоретических дисциплин».

Можно предположить, что причины таких ответов различны: как разрастание потребности в более глубоких знаниях и требовательности к себе, так и недостаточность фундаментальных знаний в начале обучения. Это мнение подтверждается ответами на другой, в некотором роде контрольный вопрос-интервью: «В какой области работы над кандидатской диссертацией Вам была наиболее необходима помощь научного руководителя?». На первых двух местах ими были названы следующие сферы научной деятельности: решение теоретико-методологических проблем исследования (56 %); определение проблемы и задачи исследования (46 %).

Значимость фундаментальных знаний для адъюнктов возрастает с каждым годом в связи с тем, что в современной науке увеличивается роль именно фундаментальных исследований, открывающих объективные закономерности реального мира, формирующих гипотезы, концепции, теории [9]. «Именно прогресс фундаментальных знаний изменяет, казалось бы, установившиеся и незыблемые в науке точки зрения, открывает новые области в науке и технике, коренным образом меняет технологию, приводит

к появлению новых материалов и открывает возможность использования совершенно новых, часто неожиданных явлений в областях, совершенно не имевших никакого отношения к первоначальной области исследования» (академик А. П. Александров, 1976 г.).

Современная научная деятельность, протекающая в условиях высоких темпов развития науки, требует от начинающего исследователя умения и навыка быстрого овладения новыми знаниями, переориентации в научных исследованиях, способности к различным формам «профессиональной мобильности» в связи с частой сменой «лидирующих» направлений в науке. За период жизни ученого происходит такой быстрый процесс роста почти любой отрасли науки, возникает столько новых направлений в ней, что известная переквалификация становится неизбежной.

Величайший физик Ферми говорил, что ученый каждые десять лет должен менять специальность, так как со временем он исчерпывает себя. Наука наших дней делает неизбежной перемену в предмете, методах, целях научной деятельности ученых и целых научных коллективов.

Существуют различные формы профессиональной мобильности. Некоторые из них предполагают такое изменение в предмете, методе, целях научной деятельности ученого или научного коллектива, которое приводит к переквалификации. В отдельных случаях этапом переквалификации современных ученых бывает временное совмещение специальностей. Причины подобной профессиональной мобильности могут быть, как показал анализ, самыми разнообразными: изменение научных интересов, появление новых направлений в науке, наконец, не всегда наличие возможности устройства на работу по специальности.

Согласно данным исследования больше половины обследуемых, изменивших вузовскую специальность, начали заниматься проблематикой во вновь возникших направлениях различных отраслей науки [10].

В современной науке существуют и другие формы профессиональной мобильности, например «маятниковая» мобильность. Так названа необходимость для современного научного работника периодического «выхода» за пределы своей специальности, чередования видов деятельности, различающихся по предмету, методу, характеру. Это не переквалификация, так как ядро деятельности и профессиональный статус научного работника при этом сохраняются. Такая мобильность проявляется в различных формах – в использовании методов и информации смежных наук, одновременной разработке нескольких близких по направлению тем, наконец, в участии в нескольких темах, относящихся к разным отраслям науки. По данным проведенного нами исследования, самая популярная форма такой профессиональной мобильности – тематическая активность, то есть участие больше чем в одной теме.

Каково же мнение об этой специфической черте научной деятельности молодых научных работников? Корреляционный анализ зависимости удовлетворенности своей научной работой от «величины шага мобильности» (т. е. удаленности научной темы от полученной в вузе специализации) показал, что этот факт не вызывает у большинства опрошенных отрицательного отношения (85 %). Это принимается как естественное условие труда в современной науке.

В период обучения в адъюнктуре почти у половины из соискателей ученой степени тема их исследования изменилась полностью. Это не могло не отразиться на сроках работы над диссертацией. На вопрос «С какими результатами Вы предполагаете закончить учебу?» все, у кого тема была изменена, ответили, что, по их предположению, диссертация не будет защищена в срок (43 %).

Нельзя считать желательным изменение аспектов или целей диссертационной работы в процессе обучения. Однако, если рассматривать деятельность адъюнкта как школу научного творчества, научного труда будущего молодого ученого, то можно

предположить, что отсутствие жесткой стабильности темы диссертации – отголосок процессов смены тематики, характерной для труда в современной науке. Вероятно, начинающим ученым нужно готовить себя и к таким неожиданностям.

Одна из важнейших задач подготовки научно-педагогических кадров на современном этапе – подготовка специалистов, мобильных в научном и психологическом отношении. С каждым годом затраты времени каждого научного работника на сбор и обработку поступающей информации возрастают. Изучение этих затрат учеными разных отраслей науки убедило, что подавляющее большинство из них тратит четверть своего времени на информационную работу, а некоторая часть опрошенных – половину или более половины. В настоящее время в интересах улучшения организации труда ученых проводится изучение их потребности в информации, в частности предпочтительности ее видов и оценки эффективности различных информационных средств, в том числе искусственного интеллекта.

Эффективность восприятия информации зависит от целого комплекса факторов: как от качеств самого информационного материала, так и от субъективных данных человека, воспринимающего информацию; от способностей, личного опыта, эмоционального настроя, степени ознакомления с изучаемым материалом. Для тех, кто предполагает избрать науку, вероятно, важно уже в высшей школе приучать себя к работе с различными видами, потому что без этих навыков самостоятельное исследование даже в условиях такой организованной формы обучения, как адъюнктура, весьма затруднено. Это признают сами адъюнкты, отмечая, что наибольшие трудности они испытали при отборе и анализе научной литературы. Правда, эта затрудненность могла быть вызвана и другой чертой, тоже очень характерной для состояния современной научной жизни, – чрезвычайно расширившимися междисциплинарными связями в науке, резко возросшей потребностью ученого в знании иностранных языков, в том числе и для анализа научной литературы. Нет сомнения, что необходимость увеличения информационно-коммуникативных возможностей для современного ученого заостряет внимание на проблеме освоения языков, особенно для молодежи, стремящейся к научной работе.

Динамика современной науки выдвигает все новые и новые требования к профессиональной подготовке начинающих свой путь в науке, избравших своим поприщем научную деятельность: необходимость для ученых, работающих в самых различных областях науки, знания математики в связи с математизацией и кибернетизацией современной науки, владения знаниями широкого круга дисциплин, особенно в смежных областях и т. д. Можно возразить, что и во все времена ученому необходимо было обладать этими качествами. Отметим в этой связи, что главная тенденция развития современной науки – постоянное возрастание ее мобильности – будет с каждым годом все больше требовать от ученых названных профессиональных качеств. Показателями мобильности современной науки являются как мобильность научных кадров и увеличение роли комплексных исследований, так и другие явления – ускорение процессов дифференциации и интеграции в науке, усиление тенденции сокращения времени, которое требуется для перехода от теоретических и лабораторных исследований к их практической реализации. Показателем роста мобильности науки является также сокращение времени «отклика» теории на практический запрос и сокращение сроков жизни научных теорий вследствие увеличения скорости научных идей [11].

Стремительность движения науки, потребность в постоянном обогащении знаний и научного мастерства не оставляют теперь времени начинающему ученому для ликвидации возможных пробелов в теоретической и методологической подготовке, развитии навыков практической деятельности в науке [12; 13]. Это признается начинающими научными работниками, испытывающими комплекс трудностей.

Заключение

Проведенный анализ проблем в подготовке научных кадров высшей квалификации для уголовно-исполнительной системы позволяет выделить следующие стратегии развития в данном направлении: интеграцию научно-исследовательского компонента в образовательные программы подготовки с усилением теоретико-методологических основ и практико-ориентированных подходов; поиск и реализацию инновационных подходов, освоение форм, методов и технологий многогранной научной и личностной коммуникации, в частности проектного подхода, позволяющего начинающим ученым генерировать научные идеи; расширение института наставничества, научных школ, коллективного научного субъекта при междисциплинарных исследованиях, сетевое взаимодействие (нетворкинг), использование цифровых ресурсов и др.

Всем тем, кто в ближайшем будущем собирается прийти в науку, должно быть очевидно, что трудности, стоящие перед молодыми учеными сегодня, будут постоянно увеличиваться и готовиться к их преодолению нужно заранее.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ракитов А. И. Наука как функционирующая система // Проблемы методологии науки и научного творчества. Глава 3. Ленинград, 1977. 271 с.

2. Макотрова Г. В. Организация деятельности команды молодых исследователей: от идеи до реализации // Будущие лидеры науки: Новые модели подготовки кадров: материалы Международной научнопрактической школы-конференции для молодых ученых / отв. ред. Н. Л. Шеховская. Белгород: ООО «Эпицентр», 2022. С. 3–10.

3. Ситникова И. В. Профессиональное самоопределение студенчества: мотивационно-ценностный аспект // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2021. № 2 (58). С. 83–99.

4. Матушанский Г. У., Бушмина О. В. Становление и развитие системы послевузовской подготовки научно-педагогических кадров в России. Казань: КГЭУ, 2006. 223 с.

5. Вихорева О. А. К вопросу о теоретическом анализе феномена исследовательской деятельности школьников // Актуальные вопросы современной науки. 2009. № 8. С. 61–66.

6. Клещева Т. С. К вопросу о личностных качествах молодого ученого // Будущие лидеры науки: Новые модели подготовки кадров: материалы Международной научно-практической школы-конференции для молодых ученых / отв. ред. Н. Л. Шеховская. Белгород: ООО «Эпицентр», 2022. С. 127–131.

7. Кокорина М. Ю. Современный научный подход к характеристике личностных качеств молодого ученого // Будущие лидеры науки: Новые модели подготовки кадров: материалы Международной научно-практической школы-конференции для молодых ученых / отв. ред. Н. Л. Шеховская. Белгород: ООО «Эпицентр», 2022. С. 131–135.

8. Ракитов А. И. Философские проблемы науки // Философские проблемы науки: Системный подход. Москва: Мысль, 1977. 270 с.

9. Микулинский С. Р. Некоторые проблемы организации научной деятельности и ее изучения. Москва, 1967. 148 с.

10. Кугель С. А. Профессиональная мобильность в науке и тенденции ее изменения в условиях научно-технической революции // Вопросы философии. 1969. № 11. С. 109–114.

11. Сичивица О. М. Мобильность науки. Горький. 1975. 255 с.

12. Вилкова А. В., Гузеев М. С., Корышева С. Е. Психология и педагогика высшей школы: подготовка научных и научно-педагогических кадров в аспирантуре (адъюнктуре): учебное пособие. Краснодар: Новация, 2023. 121 с.

13. Вилкова А. В., Фадеева С. А., Полякова Я. Н. Развитие педагогических компетенций в системе дополнительного профессионального образования в процессе обучения сотрудников ФСИН России // Военно-правовые и гуманитарные науки Сибири. 2025. № 1 (23). С. 103–110.

14. Sergeeva M. G., Vilkova A. V., Litvishkov V. M., Kovtunenko L. V., Lukashenko D. V., Klimova E. M. Technology and innovation in the development of cognitive activity // International Journal of Innovative Technology and Exploring Engineering. 2019. Т. 8. № 12. С. 1050–1055.

REFERENCES

1. Rakitov A. I. Science as a Functioning System // Problems of the methodology of science and scientific creativity. Chapter 3. Leningrad, 1977. 271 p. (In Russ.)

2. Makotrova G. V. Organization of the activities of a team of young researchers: from idea to implementation // Future leaders of science: new models of personnel training: proceedings of the International scientific-practical school-conference for young scientists / ed. N. L. Shekhovskaya. Belgorod: Epicenter LLC, 2022. P. 3–10. (In Russ.)

3. Sitnikova I. V. Professional self-determination of students: the motivational and value aspect // News of higher educational institutions. Volga region. Social sciences. 2021. No. 2 (58). P. 83–99. (In Russ.)

4. Matushansky G. U., Bushmina O. V. Formation and development of the system of postgraduate training of scientific and pedagogical personnel in Russia. Kazan: KGEU, 2006. 223 p. (In Russ.)

5. Vikhoreva O. A. On the Theoretical analysis of the phenomenon of schoolchildren's research activities // current issues in modern science. 2009. No. 8. P. 61–66. (In Russ.)

6. Kleshcheva T. S. On the personal qualities of a young scientist // Future leaders of science: new models of personnel training: proceedings of the International scientific and practical school-conference for young scientists / ed. N. L. Shekhovskaya. Belgorod: OOO "Epicenter", 2022. P. 127–131. (In Russ.)

7. Kokorina M. Yu. A Modern scientific approach to characterizing the personal qualities of a young scientist // Future leaders of science: new models of personnel training: proceedings of the International scientific and practical school-conference for young scientists / ed. N. L. Shekhovskaya. Belgorod: OOO "Epicenter", 2022. P. 131–135. (In Russ.)

8. Rakitov A. I. Philosophical problems of science // Philosophical problems of science: a systems approach. Moscow: Mysl, 1977. 270 p. (In Russ.)

9. Mikulinsky S. R. Some problems of organizing scientific activity and its study. Moscow, 1967. 148 p. (In Russ.)

10. Kugel S. A. Professional mobility in science and trends of its change in the context of the scientific and technological revolution // Questions of philosophy. 1969. No. 11. P. 109–114. (In Russ.)

11. Sichivitsa O. M. Mobility of science. Gorky. 1975. 255 p. (In Russ.)

12. Vilkova A. V., Guzeev M. S., Korysheva S. E. Psychology and pedagogy of higher education: training of scientific and scientific-pedagogical personnel in postgraduate study: a tutorial. Krasnodar: Novation, 2023. 121 p. (In Russ.)

13. Vilkova A. V., Fadeeva S. A., Polyakova Ya. N. Development of pedagogical competencies in the system of continuing professional education in the process of training employees of the Federal Penitentiary Service of Russia // Military-Legal and Humanitarian Sciences of Siberia. 2025. No. 1 (23). P. 103–110. (In Russ.)

14. Sergeeva M. G., Vilkova A. V., Litvishkov V. M., Kovtunenko L. V., Lukashenko D. V., Klimova E. M. Technology and innovation in the development of cognitive activity // International journal of innovative technology and exploring engineering. 2019. Vol. 8. No. 12. P. 1050–1055. (In Russ.)

Информация об авторах:

А. В. Вилкова, доктор педагогических наук, профессор;

Л. В. Ковтуненко, доктор педагогических наук, профессор;

Я. Н. Полякова, кандидат психологических наук.

Information about the authors:

A. V. Vilkova, Doctor of Pedagogy, Professor;

L. V. Kovtunenko, Doctor of Pedagogy, Professor;

Ya. N. Polyakova, Candidate of Psychology.

Статья поступила в редакцию 30.07.2025; одобрена после рецензирования 10.09.2025; принята к публикации 17.11.2025.

The article was submitted 30.07.2025; approved after reviewing 10.09.2025; accepted for publication 17.11.2025.

Научная статья
УДК 376.58.015.31

ФОРМИРОВАНИЕ РЕФЕРЕНТНОГО ОТНОШЕНИЯ К КЛАССНОМУ КОЛЛЕКТИВУ У ПЕДАГОГИЧЕСКИ ЗАПУЩЕННЫХ ШКОЛЬНИКОВ

Павел Николаевич Казберов
Научно-исследовательский институт ФСИН России, Москва, Россия
mr.kazberov@mail.ru

Аннотация. В статье речь идет о процессе формирования отношения к коллективу как к референтной группе у педагогически запущенных школьников. Данные вопросы рассматриваются отечественными психологами и педагогами В. В. Шпалинским, Б. Т. Лихачевым, И. Е. Шварцем и другими. Гипотеза исследования предполагает, что комплексное воспитательное воздействие, учитывающее взаимовлияние осознаваемого и неосознаваемого в психике подростков способно преодолевать психологические «барьеры», способствовать установлению с трудными подростками контактного взаимодействия, пробуждать стремление к самоусовершенствованию и стимулировать процесс формирования у педагогически запущенных школьников референтного отношения к классному коллективу с помощью решения следующих задач: выявления у трудновоспитуемых подростков референтных групп, формирования у них отношения к классному коллективу как к референтной группе с подключением к методике нравственного воспитания психической саморегуляции как одного из видов педагогического внушения.

Ключевые слова: референтная группа, коллектив, общественная направленность, отрицательная установка, педагогическая запущенность, социально значимая деятельность.

Для цитирования: Казберов П. Н. Формирование референтного отношения к классному коллективу у педагогически запущенных школьников // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2025. № 4 (110). С. 196–202.

Original article

FORMATION OF REFERENCE ATTITUDE TO THE CLASS COLLECTIVE IN PEDAGOGICALLY NEGLECTED SCHOOLCHILDREN

Pavel N. Kazberov
Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia
Moscow, Russia, mr.kazberov@mail.ru

Abstract. The article deals with the process of forming an attitude to the group as a reference group in pedagogically neglected schoolchildren. These issues are considered by Russian psychologists and educators V. V. Shpalinsky, B. T. Likhachev, I. E. Schwartz and others. The research hypothesis suggests that a comprehensive educational impact that takes into account the mutual influence of the conscious and unconscious in the psyche of adolescents is able to overcome psychological “barriers”, facilitate the establishment of contact interaction with difficult adolescents, awaken the desire for self-improvement and stimulate the process of forming a reference attitude to the class group in pedagogically neglected schoolchildren by solving the following problems: identifying reference groups in difficult adolescents, forming their attitude to the class group as a reference group with the connection to the methodology of moral education of mental self-regulation as one of the types of pedagogical suggestion.

Keywords: reference group, collective, social orientation, negative attitude, pedagogical neglect, socially significant activity.

© Казберов П. Н., 2025

For citation: Kazberov P. N. Formation of reference attitude to the class collective in pedagogically neglected schoolchildren // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. No. 4 (110). P. 196–202. (In Russ.)

Введение

Поскольку коллектив – важнейшее условие развития личности, то ослабление социальных связей с ним неминуемо ведет к ее деградации. Данные исследований психологов свидетельствуют, что запущенные в воспитательном отношении дети, как правило, занимают в классном коллективе изолированное положение. Ценностные ориентации коллектива теряют для них личностную значимость, подростки ищут другую статусную группу для самоутверждения, нередко она оказывается асоциальной. В этой связи вопрос о поиске эффективных методов, способствующих возвращению «трудных», педагогически запущенных школьников в коллектив и закреплению их в нем, становится неоспоримо актуальным.

Прежде всего, следует остановиться на определении понятий, которыми мы будем оперировать в своей работе. Под референтной группой психологи понимают статусную группу, реальную или воображаемую, нормы, установки и ценностные ориентации которой оказывают существенное влияние на мотивы поведения ее членов. Наиболее близки к теме нашего исследования работы, раскрывающие влияние референтных групп на развитие личности школьников (В. В. Шпалинский и др.) [1; 2].

Предметом нашего исследования является процесс формирования отношения к коллективу как к референтной группе у педагогически запущенных школьников. Известно, что отношение становится референтным, если отражает высокую степень совпадений мнений, установок, оценок и взглядов индивида с группой по существенно значимым для группы вопросам. Референтное отношение – сложное психологическое образование. Воспитание его предполагает включение подростков в отношения взаимной ответственности в общении и деятельности, имеющей общественную ценность.

Формирование такого отношения к классному коллективу у педагогически запущенных школьников требует учета специфики их нередко искаженного нравственного сознания и своеобразных ценностных ориентаций. В этой связи мы, не претендуя на глубокое раскрытие вообще структуры референтного отношения школьников к своему классу, ограничиваем его содержание определенными параметрами, отражающими важные пути приобщения педагогически запущенных школьников к классному коллективу (характер общения с одноклассниками, реакция на осуждение коллектива, реакция на одобрение коллектива, предпочтение коллектива в ситуации выбора, наличие устойчивой ориентации на цели коллектива).

Полагая, что изменение отношения к классу как к референтной группе не может проявиться в ходе эксперимента у всех подростков сразу в одинаковой мере, что процесс приобщения трудновоспитуемых к коллективу сложен и противоречив, мы в экспериментальных целях условно выделили уровни референтного отношения – низкий, средний, высокий. За основу ранжирования взят характер проявления референтности. Низкий уровень характеризует индеферентное отношение к классу, когда ни коллектив в целом, ни отдельные его члены не являются для подростка эталоном в поведении, хотя формально он является членом этого коллектива. Средний уровень выражает отношение трудного школьника к коллективу как к группе, в которой есть отдельные значимые для него лица. Их позиция во многом определяет отношение трудновоспитуемого подростка к классу. Высокий уровень характеризует отношение подростка к классу в целом как к референтной группе.

Методы

Известно, что высокая степень совпадений оценок, мнений, взглядов, позиций личности с коллективом может создаваться

лишь в результате активной взаимной деятельности с членами коллектива, имеющей общественную значимость. В этой связи как ведущий в нашей работе был взят метод организации нравственного опыта в сочетании с приемами и средствами, способными блокировать у подростков отрицательные установки и актуализировать или создавать положительные. Среди них важное место занял такой способ воспитательного воздействия, как психическая саморегуляция – один из видов педагогического внушения, т. е. способ воздействия на личность в целях воспитания, который позволяет осуществлять управление взаимовлияющей связью осознаваемого и неосознаваемого в психике.

Результаты

Вопрос о возможности управления этой связью в процессе воспитания школьников на современном уровне педагогической науки достаточно освещен в психологической и педагогической литературе. Рассматривая его в разных направлениях, вариациях и аспектах, употребляя неодинаковые термины, характеризующие область неосознаваемого в психике человека (бессознательное, подсознательное, неосознаваемое и т. д.), авторы сходятся в одном: это важная сфера психики, существенно влияющая на поведение и деятельность человека, и не учитывать ее, значит, ослаблять силу воспитательного воздействия. Так, Б. Т. Лихачев пишет: «Рассматривая вопрос об объекте педагогического воздействия, мы не можем игнорировать и область бессознательного как сферу целенаправленного воспитательного влияния педагогов» [3].

Этой проблемой занимался И. Е. Шварц [4], исследуя ее в разных направлениях: дидактическом, психогигиеническом, воспитательном и т. д. Одно из направлений исследует возможность применения психической саморегуляции как вида педагогического внушения в работе с педагогически запущенными подростками [5].

Как уже указывалось, психическая саморегуляция – один из видов педагогического внушения. Сущность ее методики заключается в следующем. Под руководством педагога с помощью простейших формул самовнушения школьники погружаются в состояние физического покоя (мышечной релаксации). Это помогает отвлечься от окружающей действительности, сосредоточиться на себе, своих ощущениях, чувствах и образных представлениях.

Совершенно естественно, что в определенной мере в этом состоянии снижается уровень сознательности и критичности психики, за счет чего в данной ситуации увеличивается внушаемость, т. е. возрастает способность школьников в разной степени неосознанно реагировать на воздействия окружающей среды.

Как утверждают ученые-медики, исследующие эту проблему, такое состояние не только безвредно для организма, но и полезно. Ощущение приятного отдыха, связанного с мышечной релаксацией, раскованность эмоциональной сферы, раскрепощение положительных эмоций дают не только ощущение внутреннего комфорта (психогигиенический эффект), но и создают благоприятные условия для восприятия целенаправленного педагогического воздействия, которое выражено в форме косвенного или прямого внушения. Содержание его зависит от педагогической цели курса в целом и каждого занятия в отдельности [6; 7].

Выбор данного средства обусловлен, с одной стороны, его спецификой, проявляющейся в возможности учитывать взаимовлияющую связь осознаваемого и неосознаваемого в психике, в способности мобилизовать ее резервные возможности, с другой – психологическими особенностями трудновоспитуемых подростков, чья психика перегружена различного рода психологическими барьерами, для нравственного сознания которых характерно искажение многих моральных понятий, что затрудняет прямое воспитательное обращение к интеллекту.

Гипотеза исследования предполагает, что комплексное воспитательное воздействие, учитывающее взаимовлияние осознаваемого и неосознаваемого в психике подростков, способно преодолевать психологические

«барьеры», способствовать установлению с трудными подростками контактного взаимодействия, пробуждать стремление к самоусовершенствованию и стимулировать процесс формирования у педагогически запущенных школьников референтного отношения к классному коллективу.

В ходе экспериментальной работы предполагалось решение следующих задач: выявление у трудновоспитуемых подростков референтных групп [6], формирование у них отношения к классному коллективу как к референтной группе с подключением к методике нравственного воспитания психической саморегуляции как одного из видов педагогического внушения.

Объектом исследования стали младшие подростки в количестве 20 человек, отнесенные к категории педагогически запущенных первой степени [5] (экспериментальная группа). Изучение детей позволило составить характеристику группы. Приведем ее краткое содержание. Для них характерно нарушенное общение с ровесниками и взрослыми. Ребята раздражительны, мнительны, тревожны, чрезмерно обидчивы, эмоционально неустойчивы, подвержены частой смене настроения. С ними трудно установить контакт, они конфликтны в общении, иногда аффективны, неуверенность нередко уживается с бравадой. Учатся неровно, часто проявляют упрямство и негативизм. Участие в общественной жизни класса принимают либо эпизодически по настроению, либо не принимают совсем. Общественным мнением коллектива не дорожат. Ориентация на цели коллектива слабая и неустойчивая. Стремление и самоутверждение среди одноклассников нередко принимает уродливые формы. Все это отрицательно влияет на психологический климат класса: его постоянно лихорадит. Отношение к этим подросткам со стороны класса соответственно неприязненное. Однако следует отметить, что среди них нет неуспевающих, эпизодически они проявляют к делам коллектива некоторый интерес, их поведение не отмечено как асоциальное.

Данные нашего исследования подтвердили изолированное положение «трудных» подростков в коллективе. В качестве референтных в выборах чаще выступают воображаемые, чем реальные группы (киногерой, литературный герой, герой собственной фантазии). Следует отметить, что из реальных групп у этих подростков в выборе чаще других выступает семья, а в семье – мать.

Срезы на установление отношения подростков к коллективу свидетельствуют, что только у одного подростка зафиксирован средний уровень, у остальных – низкий, т. е. у подростков нет друзей в классе. Экспериментальная работа велась одновременно в нескольких направлениях: перестраивались отношения «трудных» подростков к коллективу и коллектива к ним, педагогов к трудновоспитуемым.

В ходе эксперимента можно условно отметить два периода. В первом – воспитательная работа шла без включения психической саморегуляции в систему методов воздействия. В основном проводились индивидуальные и фронтальные беседы, целью которых было установление контактных отношений с трудновоспитуемыми подростками. Ребят старались заинтересовать общей деятельностью коллектива, в процессе которой их включали в отношения взаимной ответственности. В беседах с классом отмечалась необходимость изменения отношения к трудным подросткам: доброжелательность, поддержание малейших успехов, отказ от публичных порицаний и т. д.

Наблюдения показали, что жизнь в классах заметно оживилась, появилось общение «трудных» подростков с членами своего коллектива. Однако они по-прежнему тяжело шли на личные контакты, держались в стороне, с интересом наблюдая за жизнью ровесников, но не включаясь в нее.

Второй период экспериментальной работы отличался от первого тем, что в систему средств воспитательного воздействия были введены занятия психической саморегуляции. Перед началом занятий прошла своеобразная психологическая подготовка к ним всех членов коллектива. Они прослуша-

ли беседы о значении психической гимнастики для человека, о роли ее в жизни таких людей, как спортсмены высокого класса и космонавты. Их обучили простейшим приемам расслабления и самовнушения. Занятия проводились сразу со всеми учащимися класса три раза в неделю по 15 минут перед началом первого урока и после последнего. Пять минут давалось на введение в состояние покоя и расслабленности, пять минут звучал текст-информация в воспитательных целях (косвенное внушение), две минуты шли формулы прямого внушения для закрепления полученной информации и две-три минуты – выход из состояния релаксации. Содержание вывода зависело от времени занятия: если оно проводилось перед уроком, то давалось направление на мобилизацию сил для работы, если после – проводилась тонизирующая зарядка.

Поскольку сеанс шел одновременно со всем классом, содержание его было рассчитано на актуализацию установок правильного отношения к коллективу у всех его членов. Для трудновоспитуемых эта информация предназначалась с целью создания новых установок. При косвенном внушении давался эмоционально окрашенный текст на музыкальном фоне, образно представлялись жизнь в коллективе, общие дела, цели и задачи, где тебе всегда рады, понимают, умеют прощать, ждут от тебя настоящего дела, хотят гордиться тобой и т. д.

Формулы прямого внушения были направлены на укрепление уверенности в своих силах и возможностях, на актуализацию установок стремления к самоутверждению в коллективе, а у трудновоспитуемых они должны были пробуждать желание к повышению статуса в коллективе сверстников. Например, «Я могу быть верным другом!», «На меня можно положиться!», «Мне можно верить!», «Я не подведу!» и т. д. Все это было рассчитано на создание определенного психологического настроя у всех вместе и у каждого в отдельности.

Одновременно в самой организации жизни класса создавались ситуации, ставящие ребят в положение необходимости сделать выбор, выражающий отношение к коллективу в целом и к отдельным его членам. Наблюдения показали, что самоутверждение подростков в коллективе проходило не всегда гладко. Ситуации выбора заставляли задуматься, многое переосмыслить и осознать. Многие подростки из числа тех, кто условно вошел в экспериментальную группу, постепенно через раздумья, а иногда и временные отступления вливались в классные коллективы. Так, в частности, у них уменьшилось число беспричинных конфликтов как с педагогом, так и с ровесниками. Трудновоспитуемые ребята меньше стали раздражаться, повысился их жизненный тонус. Педагоги отметили, что они стали более управляемы.

По результатам контрольных срезов у ребят экспериментальной группы повысился уровень положительного отношения к коллективу. В 27 случаях из 45 подростки отметили как эталон для себя друзей из класса (55 % среднего уровня референтного отношения к коллективу). Это свидетельствует о том, что больше половины ребят нашли в классе друзей, чье мнение для них является значимым. И хотя коллектив не стал для них доминирующей референтной группой, влияние его на подростков значительно повысилось. 20 % подростков из экспериментальной группы показали высокий уровень референтного отношения к коллективу. Это подтвердилось и наблюдениями. Так, было замечено, что подростки переживали разлад с основной группой класса, ценили ее поддержку, стремились оправдать ожидания. Однако часть педагогически запущенных подростков не проявила референтного отношения ни к коллективу класса, ни к отдельным его членам. Следует полагать, что по отношению к ним нужна дополнительная глубокая индивидуальная работа.

Отдаленные результаты наблюдений продемонстрировали, что в основном измененное отношение к коллективу оказалось устойчивым, потери составили 15 % от среднего уровня. Таким образом, анализ результатов эксперимента показал, что изме-

нение отношения к классу – один из реальных путей включения трудновоспитуемых подростков в коллектив.

Как свидетельствуют экспериментальные данные, возвращение трудновоспитуемым детям радости общения со сверстниками снимает целый ряд вопросов в организации их воспитания. Вливаясь в коллектив, они живут по его законам, воспитательное влияние коллектива способствует перестройке их отношений и ценностных ориентаций. Однако это весьма сложный процесс. Опытная работа показала, что включение трудновоспитуемых детей в общественно значимую деятельность и построение их отношений со сверстниками как взаимосвязанных и взаимоответственных – условия, необходимые для формирования референтного отношения к коллективу, но недостаточные. Даже при хорошей организации эти подростки с трудом налаживают отношения. Можно полагать, что нужна дополнительная работа по внутренней перестройке личности, позволяющая использовать все эти внешние, благоприятные условия для самореализации.

В ходе эксперимента было зафиксировано, что процесс перестройки отношения к коллективу класса у трудных подростков пошел быстрее и дал более наглядный педагогический эффект в ходе второго периода, когда был подключен курс занятий психической саморегуляцией, причем это отношение оказалось более устойчивым, чем то, что проявилось после первого периода.

В определенной степени мы можем полагать, что результатом этого явилось одновременное воздействие на психику школьника в целом. С одной стороны, сеансы психической саморегуляции, позволяющие учитывать сферу неосознаваемого и создающие установки, с другой – организация жизни, деятельности, отношений подростков, дающая возможность реально проверить свои побуждения, стремления, силы и возможности. Действенность метода состоит в его своеобразной игровой форме. Как показали наблюдения, уже сами по себе занятия психической саморегуляцией привлекают ребят своей новизной и необычностью. Подросткам импонирует, что психической гимнастикой занимаются известные спортсмены и космонавты. Это пробуждает интерес и желание проверить себя.

Следует отметить и такое свойство психической саморегуляции, как способность выступать в качестве средства психологической разгрузки, снимающей усталость, поднимающей настроение, пробуждающей активность. По результатам опыта важной педагогической характеристикой явилась ее способность создавать общий психологический настрой, своего рода психологическую готовность к общению в коллективе класса. Создание таких установок у ребят с нарушенным общением – это уже почти решение задачи. Все остальное будет зависеть от психологического настроя самого коллектива к трудным подросткам. Эту вторую половину задачи психическая саморегуляция тоже успешно решает.

Заключение

Занятия, рассчитанные на весь класс, создают общий психологический настрой. Класс готов к тому, чтобы всем вместе проявить себя в общей важной деятельности, – ее необходимо предоставить вовремя. Это обеспечивает своевременную реализацию созданных установок. Результаты контрольных срезов свидетельствуют, что созданные установки в обстоятельствах потребности в них и соответствующих условиях успешно реализуются, принося подросткам положительные переживания, способствуя тем самым включению этих отношений в опыт, где они закрепляются и становятся устойчивыми.

Таким образом, экспериментальная работа подтвердила педагогическую эффективность и целесообразность психической саморегуляции как средства, стимулирующего психическую деятельность педагогически запущенных школьников и способствующего формированию у них референтного отношения к классному коллективу.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Шпалинский В. В. Влияние референтной группы на развитие личности учащихся // Советская педагогика. 1975. № 4. С. 36–40.

2. Вилкова А. В. Воспитательная работа с несовершеннолетними в следственном изоляторе как средство обеспечения безопасности в учреждениях УИС // Пенитенциарная безопасность: национальные традиции и зарубежный опыт: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Самара, 2023 С. 42–44.

3. Лихачев Б. Т. Педагогика. М., 1995. 282 с.

4. Шварц И. Е. Внушение в педагогическом процессе. Пермь, 1971. 304 с.

5. Новоселова А. С. Педагогическое внушение как средство перевоспитания трудных подростков: дис. … *канд. пед. наук*. М., 1975. 160 с.

6. Малых Е. С., Павлов В. Л., Байчинская К. К., Рапопорт И. А. Методики измерения ценностей личности: сборник научных трудов НИИ общей педагогики АПН СССР. М., 1975.

7. Островская Л. В., Калинин Р. Е., Литвишков В. М. и др. Личностно ориентированные гелиометрические факторы, влияющие на устойчивое состояние здоровья человека // Формы и методы социальной работы в различных сферах жизнедеятельности: сборник материалов II Международной научно-практической конференции. М., 2013. С. 252–255.

REFERENCES

1. Shpalinsky V. V. Influence of the reference group on the development of the personality of students // Soviet pedagogy. 1975. No. 4. P. 36–40. (In Russ.)

2. Vilkova A. V. Educational work with minors in a pre-trial detention center as a means of ensuring security in penal institutions // Penitentiary security: national traditions and foreign experience: a collection of materials from the All-Russian scientific and practical conference with international participation. Samara, 2023. P. 42–44. (In Russ.)

3. Likhachev B. T. Pedagogy. Moscow, 1995. 282 p. (In Russ.)

4. Schwartz I. E. Suggestion in the pedagogical process. Perm, 1971. 304 p. (In Russ.)

5. Novoselova A. S. Pedagogical suggestion as a means of re-education of difficult teenagers: dis. ... Candidate of Pedagogy. Moscow, 1975. 160 p. (In Russ.)

6. Malykh E. S., Pavlov V. L., Baichinskaya K. K., Rapoport I. A. Methods of measuring personal values: a collection of scientific papers of the Research Institute of General Pedagogy of the USSR Academy of Pedagogical Sciences. Moscow, 1975. (In Russ.)

7. Ostrovskaya L. V., Kalinin R. E., Litvishkov V. M., et al. Personally oriented heliometric factors influencing the stable state of human health // Forms and methods of social work in various spheres of life: a collection of materials from the II International scientific and practical conference. Moscow, 2013. P. 252–255. (In Russ.)

Информация об авторе:

П. Н. Казберов, кандидат психологических наук.

Information about the author:

P. N. Kazberov, Candidate of Psychology.

Статья поступила в редакцию 27.02.2025; одобрена после рецензирования 17.03.2025; принята к публикации 17.11.2025.

The article was submitted 27.02.2025; approved after reviewing 17.03.2025; accepted for publication 17.11.2025.

Научная статья
УДК 37.01

ФОРМИРОВАНИЕ ЦИФРОВОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ В СИСТЕМЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Андрей Николаевич Субботин[1, 2]
[1] Управление по организации дознания МВД России
[2] Академия управления МВД России, Москва, Россия
subbotin_andrey_js@mail.ru, ORCID: 0009-0007-3601-258X

Аннотация. В работе приведен анализ понятий «компетенция», «компетентность», «цифровая компетентность», их разграничение. Произведено сравнение подходов отечественных и зарубежных исследователей к определению ряда этих терминов. Осуществлен обзор основных подходов к классификации компетенций применительно к деятельности сотрудников органов внутренних дел. Предложена точка зрения автора на толкование термина «цифровая компетентность». Дана характеристика требований к формированию компетенций юристов, отраженных в федеральных государственных образовательных стандартах высшего образования третьего поколения (ФГОС) по программам специалитета, бакалавриата и магистратуры. Сформулированы предложения по внесению дополнений в учебные дисциплины с учетом необходимости развития у юристов цифровой компетентности. Отмечена значимость повышения уровня цифровой компетентности сотрудников органов внутренних дел в контексте профессионального образования, в том числе в системе непрерывного образования.

Ключевые слова: компетенции, компетентность, цифровая компетентность, сотрудники органов внутренних дел, профессиональное образование, образовательные стандарты, непрерывное образование.

Для цитирования: Субботин А. Н. Формирование цифровой компетентности в системе профессионального образования сотрудников органов внутренних дел // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2025. № 4 (110). С. 203–212.

Original article

FORMATION OF DIGITAL COMPETENCE IN THE SYSTEM OF PROFESSIONAL EDUCATION FOR LAW ENFORCEMENT OFFICERS

Andrey N. Subbotin[1, 2]
[1] Department for the Organization of Investigation of the Ministry of Internal Affairs of Russia
[2] Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia
subbotin_andrey_js@mail.ru, ORCID: 0009-0007-3601-258X

Abstract. The paper provides an analysis of the concepts of “competence”, “competency”, “digital competence”, and their distinction. The approaches of domestic and foreign researchers to the definition of a number of these terms are compared. The main approaches to the classification of competencies in relation to the activities of employees of internal affairs bodies are reviewed. The author's point of view on the interpretation of the term “digital competence” is proposed. The characteristics of the requirements for the formation of lawyers' competencies reflected in the third-generation federal state educational standards of higher education (FSES) for specialist, bachelor's and master's programs are given. Proposals are formulated for making additions to academic disciplines taking into account the need to develop digital competence in

© Субботин А. Н., 2025

lawyers. The importance of increasing the level of digital competence of employees of internal affairs bodies in the context of professional education, including in the system of continuous education is noted.

Keywords: competencies, competency, digital competence, employees of internal affairs bodies, professional education, educational standards, continuing education.

For citation: Subbotin A. N. Formation of digital competence in the system of professional education for law enforcement officers // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. No. 4 (110). P. 203–212. (In Russ.)

Введение

Начавшееся в середине XX века преобразование аналоговых процессов в цифровые затронуло практически все сферы жизнедеятельности. Насколько быстро изменяется мир инноваций, настолько он становится требовательным к адаптированию, совершенствованию степеней защиты, новых технических знаний, осмыслению существующих и потенциальных угроз, способности личности, общества и государства противостоять им. В этих условиях задачи, формируемые в профессиональной деятельности сотрудников органов внутренних дел, постоянно усложняются. Для неподготовленных лиц они становятся неразрешаемыми.

Современный этап развития экономических и общественных отношений предъявляет новые, более серьезные требования не только к личности и ее качествам, но и к образовательной среде, главным образом, к профессиональному образованию, которое способствует формированию у полицейских, призванных обеспечивать эффективное противодействие преступности, необходимого набора компетенций и постоянное развитие уровня компетентности.

Согласно ведомственной статистике Министерства внутренних дел Российской Федерации, увеличение числа зарегистрированных противоправных деяний, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, происходит на протяжении последних четырех лет, а за 2024 год по сравнению с 2023 годом составило 13,2 % (форма «ИТТ» (280) ФКУ «ГИАЦ МВД России»), а ущерб от них – уже более 100 миллиардов рублей. При этом статистические показатели не отражают истинных размеров преступности.

Попытка рассмотрения проблемы подготовки сотрудников органов внутренних дел к решению задач профессиональной деятельности в системе непрерывного образования определила важность уточнения наиболее актуальных компетенций и компетентности с учетом вызовов и угроз информационно-цифровой трансформации жизни общества и государства.

Уточнение понятия «цифровая компетентность» потребовало необходимость обращения к содержательно-смысловому контексту его составляющих. Согласно словарным определениям [1, с. 159] компетентность – это знания в какой-нибудь области. Это существительное женского рода, образованное от прилагательного «компетентный», то есть «знающий, осведомленный в какой-либо области»[1]. Делаем вывод, что с точки зрения лексики компетенция является составной частью компетентности.

Ученые И. А. Зимняя, Д. И. Иванов, Т. Б. Михеева, А. В. Фирер, А. В. Хуторской в своих публикациях разграничили определения «компетенция» и «компетентность», однако в теории педагогики до сих пор нет единого мнения насчет того, как эти понятия связаны и, соответственно, чем они отличаются.

Академик РАО И. А. Зимняя подчеркивает деятельностную направленность компетенций по сравнению со знаниями, разграничивает их, больше склоняясь имен-

[1] Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка / сост. под ред. А. Н. Чудинова. 3-е изд., тщательно испр. и знач. доп. (более 5000 новых слов) преимущественно соц.-полит. терминами, вошедшими в жизнь в последние годы. URL: http://rus-yaz.niv.ru/doc/foreign-words-chudinov/fc/slovar-202-5.htm#zag-12850 (дата обращения: 21.04.2025).

но к этому варианту. Ученый формулирует следующие понятия: компетентность – это актуальное проявление компетенции, компетенция – задаваемое и подлежащее освоению содержание обучения, а компетентность – это то, что мы получаем в результате обучения [2, с. 16–31].

Похожую точку зрения высказывает А. В. Хуторской: «компетентность» – это «владение, обладание человеком соответствующей компетенцией, включающей его личностное отношение к ней и предмету деятельности», а «компетенция» – «совокупность взаимосвязанных качеств личности (знаний, умений, навыков, способов деятельности), задаваемых по отношению к определенному кругу предметов и процессов и необходимых, чтобы качественно продуктивно действовать по отношению к ним» [3, с. 1].

Отметим также определение, которое приводит З. А. Аксютина, «компетентность – это интегративная характеристика качеств человека (работника), ориентированных на решение реальных задач, определяемых его актуальной (или потенциальной, желаемой) должностью» [4, с. 53].

Методы

При изучении темы использовались теоретические методы: анализ педагогической литературы, сравнение, обобщение и систематизация. Материалом для исследования послужили научные публикации в российских и зарубежных научных журналах и диссертационных исследованиях, ведомственная статистика. Из эмпирических методов использованы результаты анкетирования.

Результаты исследований

Отечественная система профессиональной подготовки специалистов основывается на компетентностном подходе, предполагающем не усвоение отдельных друг от друга знаний и умений, а овладение ими в комплексе. При этом федеральные государственные образовательные стандарты высшего образования последнего поколения определяют три вида компетенций: универсальные, общепрофессиональные и профессиональные (более подробное сравнение ФГОС будет представлено далее).

Универсальные компетенции связаны с мировоззрением личности, ее ценностными установками и ориентирами, общепрофессиональные включают в себя знания, умения, навыки в области профессиональной деятельности, а профессиональные относятся к выполнению узкоспециализированных задач.

Профессор Н. В. Ходякова в качестве современной компетентностной модели подготовки сотрудника полиции определяет три составляющие: 1) личностные компетенции (Я-концепция и личностная картина мира); 2) профессиональные компетенции (hard skills); 3) социальные компетенции (soft skills) [6].

В структуре личностных компетенций ученый выделяет: мотивацию и целеполагание, избирательность и нравственную ответственность, ценностные и смысловые ориентации, рефлексию, креативность, самоорганизацию, самореализацию и саморазвитие. Дополняют перечень личностных компетенций универсальные компетенции, обозначенные в федеральном государственном образовательном стандарте подготовки специалистов с высшим образованием в области правоохранительной деятельности: критическое мышление, гражданская позиция, нетерпимость к противоправному поведению, патриотизм, психическая саморегуляция, адекватная самооценка и готовность к непрерывному образованию.

Профессиональные компетенции (hard skills) в соответствии с уже названным федеральным государственным образовательным стандартом включают: знание правовых понятий и принципов, методик раскрытия и расследования преступлений, знание и умение применять нормы права; способности к системному анализу, принятию обоснованных профессиональных решений, выявлению и силовому пресечению преступлений и правонарушений, их профилактике и предупреждению, использованию технико-криминалистических методов и тактики следственных действий, управлению проектами, обеспечению безопасности жизнедеятельности, оказанию первой

медицинской помощи, юридической оценке фактов, разработке нормативных правовых актов; умение составлять процессуальные и служебные документы.

Определенные стандартом социальные компетенции (soft skills) детерминируют способности к командной работе и лидерству, к применению современных коммуникативных технологий, к межкультурному и инклюзивному взаимодействию с людьми; умения применять методы, приемы и средства профессионального общения, предупреждать и конструктивно разрешать конфликтные профессиональные и служебные ситуации. [5, с. 190–191]

Подводя итог, отметим, что компетенция превращается в компетентность, когда наперед заданное требование усваивается обучающимся, соединяется с его личностными качествами и реализуется в практическом применении. Компетентность специалиста в какой-либо области, в свою очередь, позволяет развивать личность, достигать поставленных целей, повышать деловую квалификацию.

При этом в законодательстве, ведомственных нормативных правовых актах определения цифровой компетентности нет, программы формирования цифровой компетентности в прямой постановке, а также диагностические инструментарии для определения достигнутого уровня цифровой компетентности в настоящее время отсутствуют.

Впервые определение «цифровая компетентность» сформулировала один из руководителей Генеральной дирекции по образованию, молодежи, спорту и культуре Европейской комиссии Ануска Феррари, которая является экспертом в области цифрового образования, в частности в области цифровых навыков и политики для непрерывного обучения.

Это набор знаний, умений, отношений (включая способности, стратегии, ценности и осведомленность), которые необходимы для использования информационно-коммуникационных технологий и цифровых медиа с целью выполнения задач; решения проблем; общения; управления информацией; сотрудничества; создания и распространения содержания; и построения знания эффективно, результативно, соответственно, критически, творчески, самостоятельно, гибко, этически, рефлексивно для работы, отдыха, совместной деятельности, обучения, общения, удовлетворения потребительских потребностей и обеспечения возможностей для реализации прав. [6, с. 3–4] Понятие вмещает и цифровую грамотность, и цифровую культуру.

Финский ученый Кирсти Ала-Мутка, соавтор А. Феррари по ряду исследований, построила модель цифровой компетентности, которую составили: 1) инструментальные умения и знания (instrumental skills and knowledge); 2) продвинутые (углубленные) умения и знания (advanced skills and knowledge); 3) отношение (attitudes).

Под инструментальными умениями и знаниями она понимает усвоенный способ выполнения технических работ с цифровыми устройствами, а также безопасное использование медиа-сред. Продвинутые умения и знания предусматривают эффективное взаимодействие и коммуникацию, управление информацией, обучение в сети, участие в цифровой деятельности. Под отношениями предлагается считать понимание и принятие межкультурного взаимодействия, критическое отношение к качеству информации, открытость к творчеству и обучению с использованием цифровых инструментов, понимание и учет проблем интернет-безопасности, соблюдения этики цифровой среды [7, с. 47]. При этом следует признать, что К. Ала-Мутко, обобщая европейский опыт, под цифровыми знаниями и умениями указала элементы цифровой культуры («киберэтики»).

Отечественные ученые Г. У. Солдатова и Е. И. Рассказова осуществили переход от цифровой грамотности и культуры к цифровой компетентности, обобщив их вместе. Они выделяют четыре вида цифровой компетентности: 1) информационная и медиакомпетентность (знания, умения, мотивация и ответственность, связанные с поиском,

пониманием, организацией, архивированием цифровой информации, ее критическим осмыслением и созданием материалов с использованием цифровых ресурсов (текстовых, изобразительных, аудио и видео); 2) коммуникативная компетентность (знания, умения, мотивация и ответственность, необходимые для онлайн-коммуникации в различных формах); 3) техническая компетентность (знания, умения, мотивация и ответственность, позволяющие эффективно и безопасно использовать компьютер и соответствующее программное обеспечение для решения различных задач); 4) потребительская компетентность (знания, умения, мотивация и ответственность, позволяющие решать с помощью компьютера различные повседневные задачи, предполагающие удовлетворение различных потребностей) [8, с. 28].

На основании вышеизложенного понятие «цифровая компетентность» может быть охарактеризовано в качестве основанной на непрерывном процессе приобретения компетенций как системы знаний и умений, а также способности эффективно, ответственно и безопасно применять информационно-коммуникационные технологии в разных сферах жизнедеятельности для выполнения задач, решения проблем, коммуникации, работы с контентом, в техносфере.

Обсуждение

Таким образом, семантика понятия «цифровая компетентность» складывается из интегрированной знаниями, умениями, опытом, ценностями и отношениями способности личности на их адекватное использование. Родовое понятие здесь – «способность» личности. В толковом словаре под способностью понимается возможность или умение производить какие-либо действия, осуществлять какую-либо деятельность[1]. Объектом приложения цифровой компетентности выступают информационно-коммуникационные технологии в разных сферах жизнедеятельности.

Предпринимаемые исследователями попытки включения информационно-коммуникационных технологий в преподавание отдельных предметов, формулировки педагогических рисков цифровизации образования и их предупреждения (Г. В. Егорова, О. А. Милькевич, Г. Н. Скударева [9]; О. А. Милькевич [10; 11]; Н. В. Ходякова [12] и др.), с одной стороны, подчеркивают актуальность и значимость последовательного и обдуманного изменения содержания и методики обучения в системе профессионального образования, с другой стороны, отмечают важность подготовки специалистов различных сфер деятельности к решению задач в условиях цифровой трансформации и общества, профессиональной деятельности.

Как уже было отмечено, в современных условиях постиндустриального (информационного) общества проблема формирования и развития цифровой компетентности сотрудников органов внутренних дел имеет особенное и актуальное значение. Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» в числе основных принципов деятельности полиции содержит использование достижений науки и техники, современных технологий и информационных систем (статья 11)[2]. В последние годы автоматизированы значительные процессы оказания органами внутренних дел государственных услуг, оцифрованы реестры значимой информации, включая персональные данные. Внедрение единой системы информационно-аналитического обеспечения деятельности МВД России (ИСОД МВД России) затронуло практически все сферы деятельности сотрудников ведомства, оказывая серьезное влияние на ее эффективность.

[1] Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб., 1998. 1536 с. URL: https://gramota.ru/poisk?query=способность&mode=slovari&dicts[]=42 (дата обращения: 29.04.2025).

[2] О полиции : федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ // Информационно-правовой портал «Гарант». URL: https://ivo.garant.ru/#/document/12182530/paragraph/30828/doclist/7600/1/0/0/ (дата обращения: 05.04.2025).

При этом значительная часть сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации имеют юридическое образование. Например, согласно статистическим сведениям, формируемым ГУРЛС МВД России, на 1 января 2025 года юристами являются 95,7 % сотрудников подразделений дознания территориальных органов.

В соответствии с требованиями федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования Российской Федерации подготовка юристов осуществляется на основании стандартов «40.03.01 Юриспруденция» для бакалавриата[1], «40.05.02 Правоохранительная деятельность» (уровень специалитета)[2], «40.04.01 Юриспруденция» (квалификация (степень) «магистр»)[3], «40.04.01 Юриспруденция» (уровень подготовки кадров высшей квалификации)[4].

Анализ обозначенных стандартов на предмет наличия в них профессиональных компетенций в области информационной безопасности показал, что в стандартах для бакалавриата и магистратуры таковые содержатся в подпункте 3.3 (ОПК-8 и ОПК-7 соответственно) в качестве общепрофессиональных. При этом подпунктами 3.4 документов предусмотрено, что учебные организации самостоятельно определяют профессиональные компетенции на основе профессиональной деятельности выпускников.

В то же время в стандарте для специалитета способности работать с информационными ресурсами и технологиями, применять их включены в состав общекультурных (ОК-12), а стандарт подготовки кадров высшей квалификации не содержит компетенций, связанных с информационной безопасностью.

На наш взгляд, для профессиональной подготовки современного специалиста формирование цифровой компетентности важно в любом высшем учебном заведении, а в осуществляющем подготовку юристов – в большей степени. Никакие внешние экономические санкции не сравнятся по степени вреда стране с привлечением к государственному управлению и правоохранительной деятельности лиц с недостаточным уровнем профессиональной подготовки.

Как справедливо отмечают ученые (В. П. Сергеева, О. А. Милькевич), мы наблюдаем преобладание знаниевой парадигмы организации обучения по сравнению с компетентностной и деятельностной [13, с. 63]. Аналогичного мнения придерживается и научный сотрудник Института управления образования РАО М. С. Амелькина, отмечая, что на протяжении десятилетий по ряду причин уделялось основное внимание

---

[1] Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования по направлению подготовки 40.03.01 Юриспруденция (уровень бакалавриата), утвержденный приказом Минобрнауки России от 13 августа 2020 г. № 1011 // Официальный интернет-портал Национальной ассоциации развития образования и науки. URL: https://fgos.ru/fgos/fgos-40-03-01-yurisprudenciya-1011 (дата обращения: 07. 04.2025).

[2] Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования по специальности 40.05.02 Правоохранительная деятельность (уровень специалитета), утвержденный приказом Минобрнауки России от 16 ноября 2016 г. № 1424 // Официальный интернет-портал Национальной ассоциации развития образования и науки. URL: https://fgos.ru/fgos/fgos-40-05-02-pravoohranitelnaya-deyatelnost-uroven-specialiteta-1424/ (дата обращения: 07.04.2025).

[3] Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования – магистратура по направлению подготовки 40.04.01 Юриспруденция, утвержденный приказом Минобрнауки России от 25 ноября 2020 г. № 1451 // Официальный интернет-портал Национальной ассоциации развития образования и науки. URL: https://fgos.ru/fgos/fgos-40-04-01-yurisprudenciya-1451/ (дата обращения: 07.04.2025).

[4] Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования по направлению подготовки 40.06.01 Юриспруденция (уровень подготовки кадров высшей квалификации), утвержденный приказом Минобрнауки России от 25 ноября 2014 г. № 1538 // Официальный интернет-портал Национальной ассоциации развития образования и науки. URL: https://fgos.ru/fgos/fgos-40-06-01-yurisprudenciya-uroven-podgotovki-kadrov-vysshey-kvalifikacii-1538 (дата обращения: 07.12.2025.

передаче знаний, а не их применению на практике [14, с. 48].

Симптоматично, что и в области знаний ситуация складывается не лучшим образом. Так, по результатам анкетирования 1572 дознавателей территориальных органов МВД России, проведенного совместно с Московским университетом МВД России имени В. Я. Кикотя в рамках подготовки образовательной организацией методических рекомендаций по теме «Криминалистическое обеспечение расследования хищений, отнесенных к компетенции дознавателей, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий», только 138 из них (8,8 %) оценивают уровень своих знаний, умений и навыков, применяемых в расследовании преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, как высокий, а 913 – как средний, ниже среднего или низкий (58 %). При этом проходили соответствующее повышение квалификации за последние пять лет только 274 дознавателя (17,4 %).

Одной из важнейших задач, поставленных перед сотрудниками полиции в настоящий момент времени, остается необходимость формирования уважительного отношения граждан к правоохранительной системе, сохранения репутации ведомства, в том числе за счет достижения высокой общественной оценки квалификации его представителей.

Таким образом, наряду с юридическими знаниями, приобретение новых профессиональных знаний, умений и навыков – это одна из важнейших компетенций современного полицейского. Это обуславливает актуальность дополнительного изучения процесса подготовки кадров для органов внутренних дел, внесения в него коррективов и формирует перед отечественной образовательной системой запрос на наличие у выпускников комплекса компетенций, позволяющих непрерывно развиваться и эффективно функционировать в цифровой среде.

В настоящее время в системе МВД России отдельные образовательные программы по направлению информационной безопасности реализуют: Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, Краснодарский университет МВД России, Воронежский институт МВД России, Санкт-Петербургский университет МВД России, а также Всероссийский институт повышения квалификации МВД России[1].

Как мы видим, обучение специалистов сосредоточено в вузах, находящихся в ведении МВД России. Однако далеко не все действующие сотрудники полиции, принимая во внимание нынешние сложности, связанные с комплектованием, являются выпускниками обозначенных учебных заведений. Кроме того, следует учитывать, что спецификой современности является постоянное отставание различных видов компетентности человека от изменений окружающего мира.

Чтобы успевать за прогрессом, нужно постоянно обновлять свои знания, умения и навыки, приобретать опыт разрешения проблем, использовать непрерывный и опережающий характер образования. Реальность такова, что даже успешным выпускникам высших учебных заведений нередко приходится доучиваться и переучиваться на рабочем месте, чтобы эффективно выполнять свои профессиональные задачи.

Так, И. Ш. Галеев, разрабатывая проблематику непрерывного ведомственного правоохранительного образования в системе МВД России, отмечал, что сотрудник органов внутренних дел в процессе непрерывного повышения своей квалификации не просто адаптируется в своей профессии или в быстро изменяющихся условиях развития общества, а непрерывно и целенаправленно повышает уровень своего профессионализма, совершенствуя свою личность [15, с. 7–8].

[1] ГУРЛС МВД России: официальный сайт. URL: https://гурлс.мвд.рф/направления-деятельности/podgotovka-kadrov (дата обращения: 27.12.2024).

Необходимо отметить, что непрерывное образование не ограничивается получением высшего образования. В XXI веке процесс непрерывного обучения в системе образования постепенно движется к индивидуальной мотивации обучающегося (независимо от возраста, положения, социального статуса, профессиональной деятельности и др.) постоянно учиться.

Это представляется особенно актуальным с учетом того, что согласно положениям Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», предельный возраст пребывания на ней в зависимости от звания может варьироваться от 45 до 60 лет с последующем продлением до пяти лет (статья 88)[1]. Нельзя также не учитывать и результаты исследований, определивших, что наиболее высокие показатели в уровнях развития объема, переключения и избирательности внимания приходятся на 27–33 года, то есть в том возрасте, когда высшее образование получено [16, с. 90]

Следует признать, что на современном этапе непрерывное образование в недостаточной степени затрагивает сотрудников полиции среднего возраста и выше среднего, что в конечном итоге через функциональную неграмотность на фоне развития новых технологий обнажает проблемы и недостатки в формировании цифровой компетентности.

Заключение

Необходимость подготовки конкурентоспособных специалистов, в том числе и для правоохранительной системы, диктует корректировку содержания учебных дисциплин в системе профессионального образования. Наличие пассивных навыков (умение пользоваться электронным документооборотом; служебной почтой; базами данных и информационными ресурсами органов внутренних дел и других государственных органов; иных цифровых технологий) в текущих условиях уже недостаточно. При этом не обладающий нужными компетенциями, не защищенный в информационном плане полицейский не способен эффективно решать поставленные перед ним служебные задачи.

Уже отмеченные федеральные государственные образовательные стандарты высшего образования Российской Федерации содержат принципы организации образовательного процесса, среди которых – разделение программного блока учебно-методического комплекса дисциплины на две основные части: базовую и вариативную. Базовая часть содержит дисциплины, развивающие универсальные и общепрофессиональные компетенции, а вариативная формируется образовательной организацией самостоятельно по принципу специализации программ обучения, а также потребности по отдельным профессиональным функциям будущего специалиста.

Приведение компетенций как действующих, так и будущих сотрудников органов внутренних дел в соответствие с актуальными требованиями, формирование их цифровой компетентности представляются возможными посредством внесения изменений в содержание учебных дисциплин.

На уровне конкретных трудовых функций и специализированных трудовых действий надлежит отразить компетенции, связанные со специализацией по профессиональной деятельности. Кроме того, немаловажно отметить, что одним из условий приобретения необходимых компетенций является обучение сотрудников органов внутренних дел в системе непрерывного образования. Поэтому значимым элементом развития цифровой компетентности выступает дополнительное профессиональное образование (в форме повышения квалификации и профессиональной переподготовки), где также в режиме «не-

[1] О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федеральный закон от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ // Информационно-правовой портал «Гарант». URL: https://ivo.garant.ru/#/document/12192456/paragraph/1:2 (дата обращения: 16.042025).

прерывности и постоянности» должна осуществляться переработка учебных программ, методик, поиск новых решений в области углубления и расширения горизонтов компетенций сотрудников органов внутренних дел.

Подводя итог, отметим, что цифровая компетентность требует дальнейшего изучения ее компонентов, инструментария для их измерения, что и составляет перспективу дальнейших исследований.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов. Изд. 5-е, испр. и доп. Назрань: ООО «Пилигрим», 2010. 486 с.

2. Зимняя И. А. Компетенция и компетентность в контексте компетентностного подхода в образовании // Ученые записки национального общества прикладной лингвистики. 2013. № 4. С. 16–31.

3. Хуторской А. В. Ключевые компетенции как компонент личностно-ориентированной парадигмы образования // Народное образование. № 2/03. С. 58–64.

4. Аксютина З. А. Компетентностный подход в социально-педагогической деятельности // Вестник НГУ. Серия: Педагогика. 2010. Т. 12. Вып. 2. С. 53–62.

5. Ходякова Н. В. Личностно-ориентированные стратегии обучения сотрудников полиции // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2021. № 4. С. 189–194.

6. Ferrari A. Digital Competence in Practice: An Analysis of Frameworks // JRC Technical Reports. 2012. P. 93.

7. Ala-Mutka, K. Mapping Digital Competence: Towards a Conceptual Understanding // Computer Science, Education. Published 2011.

8. Солдатова Г. У., Рассказова Е. И. Психологические модели цифровой компетентности российских подростков и родителей // Национальный психологический журнал. 2014. № 2 (14). С. 27–35.

9. Егорова Г. В., Милькевич О. А., Скударева Г. Н. Опыт и проблемы применения информационных технологий в преподавании дисциплины «педагогика» в вузе // Педагогическое образование и цифровая революция: теоретические и практические аспекты: сборник материалов XI учебно-методической конференции. Орехово-Зуево: Государственный гуманитарно-технологический университет, 2018. С. 26–32.

10. Милькевич О. А. О возможных последствиях реализации дидактической концепции цифрового профессионального образования // Педагогика. 2021. Т. 85, № 7. С. 20–25.

11. Милькевич О. А. «Цифровизация образования» и подготовка педагогических кадров в вузе // Педагогика и психология: академический журнал. 2023. № 1 (1). С. 25–31.

12. Ходякова Н. В., Ходяков Д. А. Педагогические риски информатизации образования и их минимизация на основе ситуационно-средового подхода // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2023. № 3 (176). С. 124–129.

13. Сергеева В. П., Милькевич О. А. Воспитание у молодежи гражданской идентичности, духовности и патриотизма в образовательном процессе // Среднее профессиональное образование. 2020. № 11 (303). С. 63–66.

14. Амелькина М. С. Компетентностный подход: Новый виток развития отечественного образования // Управление образованием: Теория и практика. 2019. № 2 (34). С. 47–59.

15. Галеев И. Ш. Организационно-педагогические условия реализации личностно ориентированного подхода в непрерывном профессиональном образовании сотрудников органов внутренних дел (на примере ОВД Республики Татарстан): автореферат дис. ... канд. пед. наук. Казань, 2003. 24 с.

16. Мандель Б. Р. Андрагогика: история и современность, теория и практика. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2017. 412 с.

REFERENCES

1. Zherebilo T. V. Dictionary of linguistic terms. 5th ed., corr. and add. Nazran: OOO “Pilgrim”, 2010. 486 p. (In Russ.)

2. Zimnyaya I. A. Competence and competency in the context of the competence-based approach in

education // Scientific notes of the national society of applied linguistics. 2013. No. 4. P. 16–31. (In Russ.)

3. Khutorskoy A. V. Key competencies as a component of the personality-oriented paradigm of education // Public education. No. 2/03. P. 58–64. (In Russ.)

4. Aksyutina Z. A. Competence-based approach in social and pedagogical activity // Bulletin of NSU. Series: Pedagogy. 2010. Vol. 12. Issue. 2. P. 53–62. (In Russ.)

5. Khodyakova N. V. Personality-oriented strategies for training police officers // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. No. 4. P. 189–194. (In Russ.)

6. Ferrari A. Digital Competence in Practice: An Analysis of Frameworks // JRC Technical Reports. 2012. P. 93. (In Russ.)

7. Ala-Mutka, K. Mapping Digital Competence: Towards a Conceptual Understanding // Computer Science, Education. Published 2011. (In Eng.)

8. Soldatova G. U., Rasskazova E. I. Psychological models of digital competence of Russian teenagers and parents // National Psychological Journal. 2014. No. 2 (14). P. 27–35. (In Russ.)

9. Egorova G. V., Milkevich O. A., Skudareva G. N. Experience and problems of applying information technologies in teaching the discipline "pedagogy" in a university // Pedagogical education and the digital revolution: theoretical and practical aspects: collection of materials from the 11th educational and methodological conference. Orekhovo-Zuyevo: State Humanitarian and Technological University, 2018. P. 26–32. (In Russ.)

10. Milkevich O. A. On the possible consequences of the implementation of the didactic concept of digital professional education // Pedagogy. 2021. Vol. 85, No. 7. P. 20–25. (In Russ.)

11. Milkevich O. A. "Digitalization of education" and training of teaching staff at the university // Pedagogy and Psychology: academic journal. 2023. No. 1 (1). P. 25–31. (In Russ.)

12. Khodyakova N. V., Khodyakova D. A. Pedagogical risks of informatization of education and their minimization based on the situational-environmental approach // Bulletin of Volgograd State Pedagogical University. 2023. No. 3 (176). P. 124–129. (In Russ.)

13. Sergeeva V. P., Milkevich O. A. Education of young people's civic identity, spirituality and patriotism in the educational process // Secondary vocational education. 2020. No. 11 (303). P. 63–66. (In Russ.)

14. Amelkina M. S. Competence-based approach: A new round of development of domestic education // Education Management: Theory and Practice. 2019. No. 2 (34). P. 47–59. (In Russ.)

15. Galeev I. Sh. Organizational and pedagogical conditions for the implementation of a personality-oriented approach in continuous professional education of employees of internal affairs bodies (on the example of the Internal Affairs Directorate of the Republic of Tatarstan): abstract of dis. ... Cand. of Pedagogy. Kazan, 2003. 24 p. (In Russ.)

16. Mandel B. R. Andragogy: history and modernity, theory and practice. Moscow; Berlin: Direct-Media, 2017. 412 p. (In Russ.)

Информация об авторе:

А. Н. Субботин, адъюнкт.

Information about the author:

A. N. Subbotin, adjunct.

Статья поступила в редакцию 24.05.2025; одобрена после рецензирования 23.06.2025; принята к публикации 17.11.2025.

The article was submitted 24.05.2025; approved after reviewing 23.06.2025; accepted for publication 17.11.2025.

ПАМЯТКА АВТОРАМ ПУБЛИКАЦИЙ В ЖУРНАЛЕ «ВЕСТНИК УФИМСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА МВД РОССИИ»

К опубликованию принимаются рукописи научных статей, соответствующие тематике журнала, по своему содержанию отражающие результаты фундаментальных и прикладных научных исследований, посвященных актуальным проблемам развития юридических, педагогических и филологических наук, которые ранее не направлялись в другие издания и не публиковались по следующим научным специальностям и соответствующим отраслям науки:

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки).

5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки).

5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки (юридические науки).

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки).

5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования (педагогические науки).

5.8.7. Методология и технология профессионального образования (педагогические науки).

5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки).

5.9.6. Языки народов зарубежных стран (романо-германские языки) (филологические науки).

Статья оформляется в соответствии с ГОСТ Р 7.0.7-2021 «Национальный стандарт Российской Федерации. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Статьи в журналах и сборниках. Издательское оформление».

Требования к оформлению печатного текста

Тип статьи указывается отдельной строкой слева в ее начале.

Индекс Универсальной десятичной классификации (УДК) располагается следом на отдельной строке слева.

Название статьи приводится на русском и английском языках.

Сведения об авторе приводятся на русском и английском языках (имя, отчество, фамилия, наименование и адрес организации (учреждения), подразделения, где работает или учится автор (указать полностью, в том числе город и страну), адрес электронной почты (данные сведения будут опубликованы), открытый идентификатор исследователя и участника «ORCID» (при наличии), контактные телефоны). Если авторов более одного, один из них указывается как ответственный за переписку. Дополнительные сведения (ученая степень, ученое звание, должность) под заголовком «Информация об авторе» приводятся в конце статьи.

Аннотация (100–150 слов) и ключевые слова (6–10 слов или словосочетаний) приводятся на русском и английском языках.

Ссылка для цитирования на русском и английском языках включает фамилию, инициалы автора, название статьи, название журнала, планируемый год и номер выпуска.

Структура статьи должна состоять из разделов, которые обозначаются в тексте статьи соответствующими словами:

– Введение;

– Методы;

– Результаты;

– Обсуждение (при наличии);

– Заключение.

Пристатейный затекстовый библиографический список ссылок, содержащий не менее 15 научных источников и оформленный в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008 «Национальный стандарт Российской Федерации. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления», размещается в конце текста. В тексте указание на источник оформляется в квадратных скобках, где приводится номер источника из библиографического списка, после запятой – цитируемая страница. Нумерация источников приводится в порядке их цитирования. Дополнительно приводится перечень затекстовых библиографических ссылок на латинице (“References”). На все источники в библиографическом списке должны быть ссылки в тексте статьи. Нумерация записей в дополнительном перечне затекстовых библиографических ссылок должна совпадать с нумерацией записей в основном перечне затекстовых библиографических ссылок.

Не допускается включение в библиографический список анонимных источников и нормативных документов (постановлений, законов, инструкций и т. д.) в связи с тем, что они не могут быть про индексированы в базах данных цитирования. Не допускается использование в библиографическом списке труднодоступных, неопубликованных, малотиражных, а также локальных, популярных и образовательных источников: газет, неопубликованных отчетов, учебных пособий и учебников, справочников и словарей. Ссылки на вышеуказанные источники оформляются как постраничные сноски с соблюдением соответствующих правил оформления.

Материал статьи представляется в электронном варианте в текстовом редакторе Microsoft Word с использованием шрифта Times New Roman, размер шрифта – 14, межстрочный интервал – одинарный. Страницы рукописи должны иметь поля по 2,5 см каждое. Допускается деление основного текста статьи на тематические рубрики и подрубрики. Графики, рисунки, фотографии, другие нетекстовые элементы предоставляются отдельными файлами в формате TIFF, JPEG, разрешение – не менее 300 dpi. Надписи и подписи к иллюстративному материалу приводятся на языке текста статьи и повторяются на английском языке. Объем текста должен быть не менее 7 страниц.

Оригинальность текста должна составлять не менее 60 %.

На последнем листе автор (авторы) указывает: «Материал вычитан, цифры, факты, цитаты сверены с первоисточником; не содержит сведения, составляющие государственную и иную охраняемую законом тайну, информацию, предназначенную для служебного пользования; ранее не публиковался и в настоящее время не находится на рассмотрении на предмет публикации в других изданиях», подписывает, расшифровывает подпись, ставит дату. Соискатели ученой степени кандидата наук также указывают: «Текст согласован с научным руководителем». Далее – дата, фамилия и инициалы, должность, ученая степень, ученое звание, подпись научного руководителя.

Ответственность за точность цитат, фамилий и имен, цифровых данных, дат, нормативных правовых актов несет автор. Автор перед отправкой рукописи в редакцию журнала должен проверить общую орфографию, а также правильность написания соответствующих юридических терминов.

В случае несоблюдения настоящих требований по оформлению рукописи статьи редакция журнала оставляет за собой право не рассматривать ее.

К рассмотрению не принимаются рукописи, опубликованные в других изданиях. Если рукопись статьи одновременно направляется или была направлена в другое издание, либо была уже опубликована ранее, автор обязан сообщить об этом в редакцию.

Соискатели, адъюнкты, аспиранты предоставляют отзыв научного руководителя, заверенный печатью организации.

Предоставляя статью для публикации, автор выражает согласие на ее сокращение и редактирование, размещение в справочно-правовых системах, базах данных, на электронных ресурсах (в том числе в сети Интернет).

Рецензирование статей является закрытым (односторонним / двусторонним слепым).

Датой поступления статьи в редакцию считается день предоставления полного комплекта материалов. Если статья возвращается автору на доработку, то датой ее поступления считается день получения окончательного варианта текста статьи.

К направляемым в редакцию научным статьям обязательно прилагается заполненная и подписанная заявка на опубликование научной статьи.

Предоставление материала в редакцию

Материалы предоставляются в редакцию через официальный сайт журнала «Вестник Уфимского юридического института МВД России». Для подачи материала автору необходимо пройти регистрацию.

После регистрации в личном кабинете нажать на кнопку «Отправить рукопись». Выбрать «Создать» –> «Журнальная статья».

Ввести название статьи. Откроется окно создания статьи. Заполнить информацию в разделах «Метаданные» и «Авторы». Загрузить в разделе «Файлы» (нажать на кнопку «Загрузить»):

– статью в формате .docx;

– статью с подписями авторов на последнем листе в формате .pdf ;

– иллюстрации (рисунки, таблицы, графики, диаграммы и др.) в формате .jpg (при наличии);

– отзыв научного руководителя в формате .pdf (при наличии);

– заявку на опубликование научной статьи в формате .pdf.

Разделы «Текст», «Список литературы» и «Тематики» заполнять не нужно.

Нажать на кнопку «Отправить рукопись». Выбрать «Заявка на публикацию». В списке изданий выбрать «Вестник Уфимского юридического института МВД России», в списке рубрик выбрать актуальную рубрику из предложенного списка и нажать «Отправить заявку».

При поступлении статьи в редакцию она проходит первичную проверку на соответствие формальным требованиям.

При необходимости доработки статьи все изменения вносятся в текстовый документ. Первоначальный вариант статьи удаляется, а исправленный – загружается в раздел «Файлы» на странице заявки.

К направляемым в редакцию научным статьям обязательно прилагается заполненная и подписанная заявка по следующей форме:

Заявка
на опубликование научной статьи в научно-практическом журнале
«Вестник Уфимского юридического института МВД России»

Прошу Вас рассмотреть вопрос об опубликовании подготовленной мной статьи _____

_____

(название статьи)

в рубрике_____

Передаю на неограниченный срок учредителю журнала неисключительные права на использование научной статьи путем ее воспроизведения и размещения на официальном сайте Уфимского юридического института МВД России в сети Интернет и электронных научных библиотек.

Подтверждаю, что в направляемой научной статье не нарушаются авторские и смежные права, направляемый материал ранее опубликован не был, не направлялся и не будет направляться для опубликования в другие научные издания без уведомления об этом редакции журнала. При подготовке рукописи статьи к публикации не использовались сведения, составляющие государственную и иную охраняемую законом тайну, а также информация, предназначенная для служебного пользования.

Согласен на обработку и распространение своих персональных данных в соответствии с Федеральным законом от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных».

Ознакомлен и согласен с требованиями и условиями публикации в журнале, утвержденными редакцией.

О себе сообщаю следующую информацию:

ФИО (полностью): _____

Должность: _____

Место работы: _____

Ученая степень: _____

Ученое звание: _____

Адрес: _____

Телефон для связи:_____

E-mail: _____

Электронный вариант статьи на ____ страницах прилагается.

Дата, подпись, расшифровка подписи.

РЕДКОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА